

Серия: «ИСТОРИЯ»

Friedrich A. von HAYEK

THE FORTUNES OF LIBERALISM

Essays on Austrian Economics
and the Ideal of Freedom

Routledge
London and New York

Фридрих фон ХАЙЕК

СУДЬБЫ ЛИБЕРАЛИЗМА В XX ВЕКЕ

Перевод с английского

Москва 2009

УДК 330.831.8
ББК 65.02(4Авс)
Х15

Редакционный совет серии:
В. Завадников (председатель),
П. Горелов, Дж. Дорн, М. ван Кревельд, Д. Лал,
Б. Линдси, Я. Романчук, Т. Палмер, Х. Уэрта де Сото

Редколлегия: Ю. Кузнецов (редактор серии),
И. Комарова, А. Нагайцев, А. Якимчук

Перевод: Б. Пинскер
Редактор перевода: Т. Данилова
Научный редактор: А. Куряев.

Хайек Ф. фон

Х15 Судьбы либерализма в XX веке / Фридрих фон Хайек ; пер. с англ.
Б. Пинскера под ред. Т. Даниловой и А. Куряева. — М., Челябинск:
ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. 337 с. (Серия: «История»)

ISBN 978-5-91066-028-5 (ИРИСЭН)

ISBN 978-5-244-01113-5 (Мысль)

ISBN 978-5-91066-027-8 (Социум)

Сборник исторических эссе выдающегося австрийского экономиста, лауреата Нобелевской премии Фридриха Хайека и его воспоминания о своих учителях и коллегах — экономистах австрийской школы и европейских либералах первой половины XX века (К. Менгере, Й. Шумпетере, Ф. Визере, А. фон Мизесе, Б. де Жувенеле, Б. Леони и др.). Рассказывается о развитии либеральных идей в Германии в начале и середине XX века.

Все эссе связаны между собой темой места истории в социальном развитии и роли историков в выработке национального самосознания. В конечном итоге судьбы либерализма зависят от объективности историков и от «возможности истории, которая была бы написана не ради прислуживания особым интересам». Автор решает следующую интеллектуальную задачу: как совместить «верховенство истины» как критерий для всех историков с неопределенностью событий, которые приходится изучать экономистам? Ведь, по его мнению: «Экономист, являющийся только экономистом, не может быть хорошим экономистом».

Книга является ценным источником по истории европейского либерализма, европейской социальной и политической мысли, а также по истории европейского общества начала и середины XX в. Будет полезна историкам, политологам, экономистам и широкому кругу читателей, интересующихся новейшей историей Европы.

УДК 330.831.8
ББК 65.02(4Авс)

Authorized Translation from the English language edition published by Routledge, a member of Taylor & Francis Group

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 0-8179-4722-1 (англ.)
ISBN 978-5-91066-028-5 (ИРИСЭН)
ISBN 978-5-244-01113-5 (Мысль)
ISBN 978-5-91066-027-8 (Социум)

© АНО «Институт распространения информации по социальным и экономическим наукам», 2009

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	9
--------------------	---

Часть I

АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ПРОЛОГ. СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В 1920-е ГОДЫ: ВЗГЛЯД ИЗ ВЕНЫ	29
Приложение: <i>Джон Бейтс Кларк (1847–1938)</i>	50
Приложение: <i>Уэсли Клар Митчелл (1874–1948)</i>	52
ГЛАВА 1. АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА	55
Теория ценности до 1871 г.	55
Менгер и основание школы.	59
Вклад Бём-Баверка и Визера	63
Спор с исторической школой	64
Третье и четвертое поколения	66
Приложение: <i>В Британии и США</i>	68
Библиография: <i>Работы представителей австрийской школы</i>	73
ГЛАВА 2. КАРА МЕНГЕР (1840–1921)	79
Приложение: <i>Место «Оснований» Менгера в истории экономической мысли</i>	119
ГЛАВА 3. ФРИДРИХ ФОН ВИЗЕР (1851–1926)	135
ГЛАВА 4. ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС (1881–1973)	155
Людвиг фон Мизес: Очерк	155
В честь профессора Мизеса	159
«Социализм»	167
«Интервенционизм»	175
«Эпистемологические проблемы экономической теории»	179
«Nationalökonomie».	182
«Заметки и воспоминания».	186
ГЛАВА 5. ЙОЗЕФ ШУМПЕТЕР (1883–1950)	195
Методологический индивидуализм	195
«История экономического анализа»	196

Оглавление

ГЛАВА 6. ЭВАЛЬД ШАМС (1899–1955), РИХАРД ФОН ШТРИГЛЬ (1891–1942)	201
Эвальд Шамс.	201
Рихард фон Штригль	203
Приложение: <i>Теория заработной платы Штрилля</i>	205
ГЛАВА 7. ЭРНСТ МАХ(1838–1916) И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В ВЕНЕ	209
Кода <i>Воспоминания о моем кузене Людвиге Витгенштейне</i> (1889–1951)	212
Часть II СУДЬБЫ ЛИБЕРАЛИЗМА	
ПРОЛОГ. НОВОЕ ОТКРЫТИЕ СВОБОДЫ: ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ	221
Приложение: <i>Дань уважения Рёнке</i>	231
Приложение: <i>Теория капиталообразования Рёнке</i>	234
Приложение: <i>Холлоуэлл об упадке либерализма</i> <i>как идеологии</i>	236
ГЛАВА 8. ИСТОРИКИ И БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ	239
ГЛАВА 9. ВОЗРОЖДЕНИЕ: О ЛОРДЕ АКТОНЕ (1834–1902).	257
ГЛАВА 10. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ГЕРМАНСКАЯ НАЦИЯ?	261
ГЛАВА 11. ПЛАН БУДУЩЕГО ГЕРМАНИИ.	265
Приложение: <i>Будущее Австрии</i>	277
ГЛАВА 12. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА КОНФЕРЕНЦИИ В МОН-ПЕЛЕРЕН	283
ГЛАВА 13. ТРАГЕДИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ДЕ ЖУВЕНЕЛЬ О ВЛАСТИ	297
ГЛАВА 14. БРУНО ЛЕОНИ (1913–1967) и ЛЕОНАРД РИД (1898–1983)	303
Бруно Леони	303
Леонард Рид	309
СОДЕРЖАНИЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ	314
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	316
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	327

От издателя

«Идеи имеют значение» — гласит американская пословица. Трудно найти сферу, к которой она была бы более применима, чем к социально-политической истории человеческого общества. Как раз здесь то, как человек видит и понимает действительность, оказывает наиболее фундаментальное и долгосрочное влияние на ход и результат событий. Именно поэтому для понимания истории вообще так важно изучение истории идей.

Если говорить об основных течениях западной и мировой общественной мысли и политической жизни — либерализме, консерватизме и социализме, — то в нашей стране до недавнего времени они получали далеко не равную долю внимания. Еще с советского периода существует мощная традиция изучения истории европейского и мирового социализма как направления мысли и как политического течения. При этом серьезное изучение двух других направлений в последние годы по сути дела только начинается.

Представляемое вниманию читателя собрание работ Ф. Хайека представляет двоякую ценность для исследователя либерализма. С одной стороны, оно представляет собой серьезное исследование истории либерализма как идейного и политического направления, причем затрагивающего многие малоизвестные для русскоязычного читателя факты, события и интерпретации. С другой стороны, оно само может служить первичным историческим источником по данному вопросу, т.к. автор этих работ является ключевой фигурой в истории либерализма XX в. и его труды по сей день продолжают оказывать влияние на эволюцию идей.

Если не ограничиваться исследованием либерализма, то вошедшие в настоящее издание работы Хайека представляют большой интерес для изучения двух ключевых эпизодов в истории европейской мысли и политики — это интеллектуальная жизнь Вены на рубеже XIX—XX вв. и Европы, особенно Германии, после Второй мировой войны.

Для русскоязычного читателя эти две темы чрезвычайно актуальны. В первом случае речь идет о том, каким образом рождаются интеллектуальные центры мирового значения и каковы условия их возникновения. Вторая тема еще более значительна. Германия, пережившая величайший в истории

От издателя

крах государства, экономики и всех прочих общественных институтов в исторически кратчайшее время смогла возродиться и отстроиться на пепелище. Как это удалось? В получении ответа на этот вопрос поможет данная книга. Как бы то ни было, эти две темы еще долго будут оставаться в центре внимания историков.

Предлагаемая вашему вниманию книга будет полезна всем, кто интересуется историей современного мира, его политических и экономических идей и институтов.

Валентин ЗАВАДНИКОВ
Председатель Редакционного совета
Ноябрь 2008 г.

Введение

«Может ли капитализм выжить?» — задал вопрос в 1942 г. Йозеф Шумпетер. И ответил: «Нет, не думаю»¹. Но капитализм выжил: спустя полвека мы присутствуем при саморазрушении социализма, при одновременном крушении идеала централизованного планирования и экономической системы Восточной и Центральной Европы. Если из событий 1989 г. и можно извлечь урок, то лишь один: возрождение либерализма в этой части мира представляет собой главным образом, если не целиком, возрождение капитализма, т.е. признание того, что только рыночный порядок может обеспечить уровень благосостояния, требуемый современной цивилизацией. Это хоть и не полностью понято, но широко признано. Роберт Хейлбронер, безусловно, не являющийся другом капитализма, пишет, что новейшая история «заставляет нас переосмыслить значение социализма. В качестве полурелигиозного видения преобразованного человечества в XX в. он получил сокрушительные удары. В качестве проекта разумного планируемого общества он сокрушен полностью»².

Для Ф. А. Хайека это не стало особым сюрпризом. Будучи экономистом австрийской школы, Хайек всегда понимал рынок не совсем так, как его современники, в том числе иначе, чем многие защитники капитализма. На протяжении большей части нынешнего века «экономической проблемой» считалась задача *распределения ресурсов*, т.е. такого распределения производственных факторов, которое позволило бы удовлетворять конкурирующий и потенциально неограниченный спрос, — в принципе посторонний наблюдатель (либо центральный плановый орган) вполне способен вычислить решение этой задачи. Напротив, с точки зрения Хайека и австрийской

¹ Schumpeter J. A. *Capitalism, Socialism and Democracy*. New York: Harper & Brothers, 1942; 3rd edition, 1950. P. 61. [См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 439.]

² Heilbroner. *Reflections After Communism* // *New Yorker*. 1990. September 10. P. 91—100, esp. p. 98. Расширенный вариант статьи: *Analysis and Vision in Modern Economic Thought* // *Journal of Economic Literature*. Vol. 28. 1990. September. P. 1097—1114.

школы в целом, экономическая теория изучает процесс *координации, или согласования, планов*, поскольку «крайне сложный порядок» человеческого сотрудничества возникает из планов и решений изолированных индивидуумов, которые действуют в мире неявного и рассеянного знания. В задачи экономической науки входит объяснение закономерностей явлений, подобных ценам и производству, деньгам, процентным ставкам, колебаниям деловой активности и даже праву и языку, когда эти явления не являются частью чьего-то сознательного замысла. Только изучая социальный порядок с этой точки зрения мы можем узнать, почему рынки *работают* и почему усилия по созданию общества без рынка обречены на провал.

Хайек принадлежит к четвертому поколению австрийской экономической школы, к поколению диаспоры, которое разлетелось из Вены в Лондон и Чикаго, в Принстон и Кембридж, так что прилагательное «австрийская» имеет сейчас чисто историческое значение. Во время странствий по Англии и Соединенным Штатам Хайек сохранил большую часть наследства школы, основанной Карлом Менгером. С самого начала австрийская школа была известна весьма своеобразным пониманием экономического порядка, и определенная часть этого понимания (до известной степени) была включена в главное течение экономической мысли, а другие были отброшены и забыты. К первому можно отнести некогда революционную теорию ценности и обмена, выдвинутую Менгером в «*Основах политической экономии*», публикация которых в 1871 г. положила начало возникновению школы; к последним относится отрицание возможности экономического расчета при социализме, сформулированное старшим коллегой и наставником Хайека Людвигом фон Мизесом, теория, ставшая основой современного австрийского толкования рынка как *процесса обучения и открытия*, а не как равновесного состояния дел. Общепринятая неоклассическая экономическая теория считала, что Мизес давным-давно был опровергнут моделями «рыночного социализма» Ланге и Тэйлора, а потому и не могла ничего сказать о жизнеспособности централизованного планирования. Австрийская школа находилась в другом положении. Представления Хайека о том, чем *является* рынок и как работает рыночный процесс, привели его к выводу, что социализм представляет собой грубую ошибку — если хотите, «пагубную

самонадеянность». Именно на основе такого понимания он и строил свою защиту либерального порядка.

В таком духе и составлен настоящий том. В предлагаемых эссе Хайек пишет об австрийской экономической школе, где началась его интеллектуальная одиссея, и о судьбах либерализма, о социальной философии рыночного порядка, с которой были тесно связаны его собственные работы. Первая часть содержит эссе и лекции о главных фигурах австрийской школы: о Карле Менгере, об учителях Хайека Фридрихе фон Визере и Людвиге фон Мизесе, о Йозефе Шумпетере (одна из ведущих фигур в экономической мысли XX в.; получив образование в австрийской традиции, он не принадлежал к австрийской школе *per se*); о менее известных экономистах Эвальде Шамсе и Рихарде фон Штригле; о двух фигурах Венской интеллектуальной сцены, философах Эрнсте Махе и Людвиге Витгенштейне, двоюродном кузене Хайека. Во второй части собраны работы о новом открытии свободы в послевоенной Европе, с особенным выделением Германии и международного общества Мон-Пелерен, влиятельной либеральной организации, созданной Хайеком в 1947 г. В обеих частях затронута тема, пронизывающая все работы Хайека по социальному порядку: роль идей — и особенно экономической теории — в сохранении либерального общества.

В оставшейся части этого введения я очерчу карьеру Хайека и попытаюсь понять место его идей в исторической и теоретической перспективе. Прежде чем продолжить, нужно сделать одно терминологическое замечание. Хайек использует слово «либерализм» в его классическом, европейском значении, для обозначения социального порядка, основанного на свободных рынках, на правительстве, ограниченном властью законов, и на приоритете личной свободы. Как он объясняет в предисловии к первому (1956) массовому изданию его классической работы «Дорога к рабству»: «Я использую термин «либеральный» в его исходном значении, как он использовался в XIX в. и до сих пор используется в Британии. В современном американском употреблении он обозначает нечто совершенно противоположное. В результате маскировки левацких движений в этой стране, которой помогла тупость многих из тех, кто действительно верил в свободу, слово «либеральный» стало означать защиту почти всех видов государственного регулирования. Я до сих пор недоумеваю, почему в Соединенных Штатах истинные

сторонники свободы не только позволили левым присвоить этот почти незаменимый термин, но даже сами им в этом помогли, начав использовать его как позорное клеймо»³.

Мы подчинимся этой критике и будем использовать «либеральный» вместе с менее элегантными «классический либерализм» или «либертарианство», вошедшими в употребление в США.

Хайек поступил в Венский университет в возрасте 19 лет, сразу после окончания Первой мировой войны, когда этот университет был одним из трех лучших мест мира для изучения экономической теории (два других были Стокгольм и английский Кембридж). Хотя он записался на изучение права, его в первую очередь интересовали экономическая теория и психология; последняя из-за влияния махистской теории восприятия на Визера и его коллегу Отмара Шпана, а первая — в силу реформистского идеала фабианского социализма, столь типичного для поколения Хайека. Подобно многим другим экономистам — и тогда и потом, — Хайек выбрал этот предмет не ради него самого, но из желания улучшить мир, а в послевоенной Вене нищета ежедневно напоминала о необходимости этого. Подходящим решением казался социализм; но в 1922 г. Мизес, который не был штатным преподавателем университета, но при этом являлся центральной фигурой в сообществе экономистов-теоретиков, опубликовал свою работу «Die Gemeinwirtschaft», позднее переведенную как «Социализм». «Для нас, молодых людей, прочитавших эту книгу сразу после ее выхода в свет, — вспоминает Хайек, — мир изменился навсегда» (см. ниже, с. 163). Трактакт «Социализм», углубивший идеи пионерной статьи, опубликованной двумя годами раньше, доказывал, что экономический расчет возможен только при существовании рынка средств производства; без такого рынка нет возможности установить ценность этих средств, а значит, нельзя определить подходящий способ их использования в производстве. Хайек усвоил представления о превосходстве рыночного порядка от Мизеса, который непродолжительное время был его начальником во временном правительственном учреждении, на заседаниях его частного семинара, постоянным участником которого стал Хайек.

---

³ *Hayek F. A. The Road to Serfdom. London: Routledge & Kegan Paul; Chicago: University of Chicago Press, 1944; reprinted, 1976. P. ix.*

В своей предыдущей работе по теории денег и банковского дела Мизес успешно применил австрийский принцип предельной полезности к анализу ценности денег и, используя английскую денежную школу и идеи шведского экономиста Кнута Викасселя, в общих чертах разработал теорию колебаний промышленной активности. Используя эти результаты как отправную точку для собственных исследований промышленной активности, Хайек объяснил деловой цикл в терминах кредитной экспансии банков. Благодаря работе в этой области он получил приглашение читать лекции в Лондонской школе экономики и политических наук, а затем и приглашение занять должность профессора экономической теории и статистики им. Тука, принятое им в 1931 г. Здесь он попал в весьма вдохновляющую и увлеченную работой группу, к которой принадлежали Лайонел Роббинс (позднее лорд Роббинс), Арнольд Плант, Т. Е. Грегори, Денис Робертсон, Джон Хикс и молодой Абба Лернер. Хайек принес с собой незнакомые (для них) взгляды⁴, и постепенно австрийская теория делового цикла стала известна и была принята.

Но в следующие несколько лет удача отвернулась от австрийской школы. Во-первых, австрийская теория капитала, составная часть теории делового цикла, попала под атаку родившегося в Италии кембриджского экономиста Пьера Сраффы и американца Фрэнка Найта, а саму теорию цикла забыли в угаре энтузиазма, возникшего по поводу «Общей теории занятости, процента и денег» Джона Мейнарда Кейнса. Во-вторых, начиная с переезда в Лондон самого Хайека и до начала 1940-х годов австрийские экономисты один за другим покинули Вену, сначала по личным, а затем по политическим причинам, так что школа как таковая прекратила существование. В 1934 г. Мизес уехал из Вены сначала в Женеву, а затем в Нью-Йорк, где продолжал работать в изоляции; Хайек оставался в Лондонской школе экономики до 1950 г., а затем перебрался в Комитет по социальной мысли в Чикагском университете. Другие австрийские экономисты поколения

---

⁴ Хикс писал о первой (1931) англоязычной книге Хайека, что «„Цены и производство“ были написаны на английском, но это не была английская экономическая теория» (*Hicks J. The Hayek Story // Hicks J. Critical Essays in Monetary Theory. Oxford: Clarendon Press, 1967. P. 204*).

Хайека достигли признания в Соединенных Штатах — Готфрид Хаберлер в Гарварде, Фриц Махлуп и Оскар Моргенштерн в Принстоне, Пауль Розенштейн-Родан в Массачусетском технологическом институте, — но в их работах, казалось, не осталось и следов менгеровской традиции.

В Чикаго Хайек опять попал в ослепительную группу: экономический факультет, где тон задавали Найт, Джейкоб Вайнер, Милтон Фридмен, а позднее и Джордж Стиглер, был бы лучшим где угодно; Аарон Директор в школе права вскоре основал первую программу по экономической теории и праву; деятельное участие в преподавании принимали такие всемирно известные ученые, как Ханна Арендт и Бруно Беттельхейм. Но экономическая теория, в особенности *стиль рассуждений*, быстро изменялась: в 1949 г. появились «Основы экономического анализа» Пола Самуэльсона, утвердившие физику в качестве методологического образца для экономической теории; в 1953 г. эссе Фридмена о «позитивной экономической теории» установило новый стандарт для экономических методов. Ко всему прочему Хайек перестал работать в области экономической теории, сконцентрировавшись на психологии, философии и политической теории, и австрийская экономическая теория вошла в период продолжительного упадка. В этот период два молодых человека, работавших вместе с Мизесом в Нью-Йоркском университете, опубликовали важные работы в австрийской традиции: Мюррей Ротбард опубликовал в 1962 г. «Человек, экономика и государство» («Man, Economy and State»), а Израэл Кирцнер в 1973 г. — «Конкуренцию и предпринимательство» («Competition and Entrepreneurship»). Но большей частью австрийская традиция пребывала в забвении.

В 1974 г. случилось нечто поразительное: Хайек получил Нобелевскую премию по экономике. Благодаря престижу этой премии интерес к австрийской школе возродился; по случайному совпадению в том же году ряд изолированных ученых, продолжавших работать в традициях австрийской школы, собрались на достопамятную конференцию в Саут-Роялтоне, штат Вермонт⁵. Отсюда началось «австрийское возрождение» со

⁵ Материалы конференции были опубликованы: *The Foundations of Modern Austrian Economics*. Ed. Edwin Dolan. Kansas City: Sheed & Ward, 1976. Двумя годами позже появился следующий том: *New*

всевозрастающим потоком книг, журналов и даже университетских программ, специализирующихся на традиции Менгера. Остальные экономисты также начали постепенно обращать внимание на австрийскую экономическую школу. Современная австрийская школа начинает оказывать влияние в таких областях, как теория банковского дела, реклама и ее взаимосвязь со структурой рынка, новое истолкование дебатов об экономическом расчете при социализме⁶; более того, появившаяся примерно в последние 15 лет литература по экономической теории систем, работающих в условиях неполноты информации, и о теории стимулов может рассматриваться как результат работ Хайека о рассеянном знании и ценах как информационных сигналах — хотя об этом долге признательности часто забывают⁷.

Для интереса современных экономистов к Хайеку есть и другая причина. Сегодня анализ рынка как механизма, порождающего благосостояние, идет в форме дискуссии между двумя сторонами: защитниками свободных рынков являются экономисты «неоклассической» школы, исходящие из предположений о сверхрациональном поведении участников рынка,

---

Directions in Austrian Economics. Ed. Louis M. Spadaro. Kansas City: Sheed Andrews & Mcmeel, 1978.

- ⁶ Например: *White L. H.* Free Banking in Britain: Theory, Experience, and Debate, 1800—1845. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; *Selgin G. A.* The Theory of Free Banking: Money Supply Under Competitive Note Issue. Totowa, N. J.: Rowman & Littlefield, 1988; *Ekelund R. B., Jr., Saurman D. S.* Advertising and the Market Process. San Francisco: Pacific Institute for Public Policy Research, 1988; *Lavoie D.* Rivalry and Central Planning: The Socialist Calculation Debate Reconsidered. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- ⁷ См., напр., отрывки из словаря «New Palgrave», опубликованные под названием «Allocation, Information and Markets». London: Macmillan, 1989. Примечательно, что в расширяющихся макроэкономических публикациях о «провалах координации», начало которым положили теоретики Питер Дайамонд и Мартин Вейцман отсутствуют ссылки на Хайека, хотя они в своих работах явно обсуждают проблему координации (см.: *O' Driscoll G.* Economics as a Coordination Problem: The Contributions of Friedrich A. Hayek. Kansas City: Sheed Andrews & Mcmeel, 1977. Обзор этой литературы см.: *Cooper R., John A.* Coordinating Coordination Failures in Keynesian Models // Quarterly Journal of Economics. Vol. 103. August 1989. P. 441—463.

вооруженных «рациональными ожиданиями», и о мгновенной расчистке рынков, и скептиками, относящимися к той или иной разновидности «кейнсианства», которые рассматривают ожидания как более проблематичные и считают, что ценовое приспособление происходит медленно. В полную противоположность этому Хайек основывает защиту рынков не на рациональности людей, а на их неведении! «Все аргументы в пользу свободы, или большая часть таких аргументов, покоятся на факте нашего неведения, а не на факте нашего знания»⁸. В понимании Хайека рыночные агенты *следуют установленным правилам*, отвечают на ценовые сигналы в рамках системы, возникшей в результате эволюции, — в рамках стихийно возникшего, а не сознательно выбранного порядка; при этом их действия приносят системе в целом непредусмотренные выгоды, которые *невозможно было* разумно предвидеть. С точки зрения современного экономиста, для которого эволюция и стихийность почти совсем не важны, это звучит странно⁹.

Подход Хайека отличается от принятого у неоклассических экономистов и в другом отношении: он шире, он интегрирует

---

⁸ Из замечаний Хайека на конференции, организованной Конгрессом за свободу культуры, опубликованных как *Science and Freedom*. London: Martin Secker & Warburg, 1955. P. 53.

⁹ Истолкование экономического поведения как «рутинного» или механического, развитое Ричардом Нельсоном и Сиднеем Уинтером в их «Эволюционной теории экономических изменений» (*Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982 [рус. пер.: М.: Дело, 2002]), имеет некоторое отношение к идее Хайека о следовании правилам. Так же верно и то, что развиваемая современной теорией игр концепция равновесия частично отражает вышеупомянутую идею «координации планов» в смысле подыскания наборов взаимно согласующихся «стратегий», а также в том отношении, что теория повторяющихся игр позволяет многое понять в эволюции поведения, ориентированного на сотрудничество. Теория игр, однако, не объясняет, как осуществляется отбор правил сотрудничества; она показывает только, что стратегии, в основе которых устойчивое сотрудничество, могут быть наилучшими для всех способами поведения. См. об этом: *Axelrod R. The Evolution of Cooperation*. New York: Basic Books, 1984. Публикация на ту же тему с элементами австрийской традиции: *Benson B. L. The Enterprise of Law: Justice Without the State*. San Francisco: Pacific Institute for Public Policy Research, 1990.

экономическую теорию в широкую социальную философию, в нем намечены политические, правовые и моральные аспекты социального порядка. Неоклассики, напротив, чистые теоретики и не приобрели широкой поддержки. Леонард Реппинг, один из первых теоретиков «рациональных ожиданий», отмечает, что «многих молодых идеалистов привлекают концепции свободы и справедливости, а не эффективности и избытка. Помимо своего вклада в экономическую теорию, Фридрих и Хайек создали мощную систему защиты капитализма как системы, способствующей либеральной демократии и личной свободе. Это привлекло к их идеям многих людей, далеких от экономической теории. У неоклассиков нет такой повестки дня»¹⁰. И в самом деле, последователи австрийской традиции нередко обладают широкими интересами, и междисциплинарный характер этой традиции делает ее привлекательной.

Ясно, что возрождение австрийской традиции обязано Хайеку не меньше, чем кому бы то ни было другому. Но являются ли его работы действительно «австрийской экономической теорией» — частью отдельной, узнаваемой традиции — или их следует рассматривать как оригинальный, глубоко личный вклад?¹¹ Некоторые наблюдатели обвиняют Хайека в том, что его поздние работы, особенно когда он начал отходить от чисто технических аспектов экономической теории, демонстрируют большее влияние его друга сэра Карла Поппера, чем Менгера или Мизеса; один критик даже говорит о «Хайеке I» и «Хайеке II», а другой пишет о «трансформации Хайека»¹².

¹⁰ Цит. по рецензии на книгу Hoover K. D. *The New Classical Macroeconomics: A Skeptical Inquiry*. New York and Oxford: Basil Blackwell, 1988 // *Journal of Economic Literature*. Vol. 28. March 1990. p. 71—73, esp. p. 73.

¹¹ Хайек и другие рассматривали работы Визера как его личный вклад. Противоположную точку зрения см.: *Ekelund R. B., Jr. Wieser's Social Economics: A Link to Modern Austrian Theory?* // *Austrian Economics Newsletter*. Vol. 6. Fall 1986. P. 1—2, 4, 9—11.

¹² О «Хайеке I» и «Хайеке II» см.: *Hutchinson T. W. Austrians on Philosophy and Method (since Menger)* // *The Politics and Philosophy of Economics: Marxians, Keynesians, and Austrians*. New York and London: New York University Press, 1984. P. 203—232, esp. p. 210—219; о «трансформации» см.: *Caldwell B. J. Hayek's Transformation* // *History of Political Economy*. Vol. 20. No. 4. 1988. P. 513—541.

Хотя до известной степени это вопрос о ярлыках, здесь есть и некоторые существенные моменты. Один таков: полезно ли вообще различать школы? Сам Хайек двойственен в этом вопросе. В первой главе настоящего тома, написанной в 1968 г. для «Международной энциклопедии социальных наук», он следующим образом характеризует собственное поколение австрийской школы: «По стилю мышления и по направленности интересов четвертое поколение все еще отчетливо проявляет свою принадлежность к венской традиции, но этих людей уже нельзя рассматривать как отдельную школу в смысле принадлежности к определенной доктрине. Величайшим успехом школы является ситуация, когда она перестает существовать, потому что ее основные идеалы становятся частью общего доминирующего учения. На долю венской школы выпал именно такой успех» (с. 68)¹³.

Но похоже, что к середине 80-х годов он изменил мнение, и в своих текстах вполне определенно утверждал существование австрийской школы, работал, главным образом, в оппозиции к кейнсианской макроэкономике, которая сохраняется поныне¹⁴. Современные члены австрийской школы также не едины в этом вопросе: некоторые отчетливо сознают свою принадлежность к традиции, которую воспринимают как символ

¹³ Существенно, что те неоклассические теоретики, которые видят смысл в австрийских работах, также склонны утверждать, что они говорят то же, что и все остальные, но другим языком (имея в виду, что австрийцы обычно избегают использовать математизированный язык). Сам Мизес в следующем примечательном высказывании однажды заявил почти то же самое: «Обычно мы говорим об австрийской и англо-американских школах (следующих Уильяму Стенли Джевонсу) и Лозаннской школе (следующей Леону Вальрасу)... [но фактически] эти три школы различаются только способом выражения одних и тех же фундаментальных идей и их разделяют в большей степени терминология и способ изложения, чем существо доктрин» (*Mises L. Epistemological Problems of Economics. New York and London: New York University Press, 1981. p. 214* (впервые опубликовано в 1933 г.) [рус. пер.: *Мизес Л. фон. Эпистемологические проблемы экономической теории. Челябинск: Социум, 2009*]). Позднее Мизес отказался от такого понимания, так же как недавние исследователи «маржиналистской революции Менгера—Джевонса—Вальраса». См. в наст. изд. главы 1 и 2.

¹⁴ См.: глава 1, приложение.

чести, а другие избегают каких-либо классификаций, придерживаясь фразы, что «нет никакой австрийской экономической теории», есть только плохая и хорошая теория. Трудно сказать, в какой степени это вопрос глубоких убеждений, а в какой просто способ убедить остальных, что нужно относиться серьезно к австрийской традиции.

Характер отношений между Хайеком и Мизесом представляет особый интерес. Бесспорно, ни один экономист не оказал большего влияния на мышление Хайека, чем Мизес, — даже Визер, у которого Хайек обучался в университете, но который умер в 1927 г., когда Хайек был еще очень молод; и собственные слова Хайека делают это вполне ясным (глава 4). К тому же Мизес явно выделял Хайека как самого яркого в своем поколении: Маргит фон Мизес вспоминает о семинаре ее мужа в Нью-Йорке, что «Лу встречал каждого нового студента с надеждой, что из него получится второй Хайек»¹⁵. Однако, как напоминает Хайек, он с самого начала не был вполне последователем: «Хотя я получил [от Мизеса] решающий импульс в критический момент моего интеллектуального развития, а также пользовался постоянной поддержкой в течение десятилетия, возможно, я сумел так много получить от него как раз потому, что не был его студентом в университете, не был тем невинным юношей, который принимал бы его слова как откровение, но пришел к нему уже подготовленным экономистом, получившим подготовку в параллельной ветви австрийской экономической теории (в школе Визера), откуда я под его влиянием постепенно, но не до конца, ушел»¹⁶.

Есть две часто обсуждаемые области разногласий между Хайеком и Мизесом: дискуссия об экономическом расчете при социализме и «априорная» методология Мизеса. Вопрос о социализме заключается в следующем: действительно ли социалистическое хозяйство «невозможно», как заявил Мизес в 1920 г., или оно просто менее эффективно и

¹⁵ *Mises M.* My Years with Ludwig von Mises. 2nd enlarged edition. Cedar Falls, Iowa: Center for Futures Education, 1984. P. 133.

¹⁶ Из лекции в колледже Хиллсдейл (Хиллсдейл, штат Мичиган), 8 ноября 1977 г., опубликованной под названием *A Coping with Ignorance // Imprimis*. Vol. 7. No. 7. July 1978. P. 1—6 и переизданной в: *Champions of Freedom*. Hillsdale, Mich.: Hillsdale College Press, 1979.

трудно реализуемо. Хайек теперь утверждает, что «вопреки распространенному неверному представлению, главный тезис книги не в том, что социализм невозможен, а в том, что он не может обеспечить рациональное использование ресурсов» (с. 156 наст. изд.). Такое истолкование само по себе спорно. Хайек здесь выступает против стандартного взгляда на экономический расчет, как, например, у Шумпетера в книге «Капитализм, социализм и демократия» или у А. Бергсона в «Социалистической экономической теории»¹⁷. Согласно этому взгляду, исходное утверждение Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме было опровергнуто Оскаром Ланге, Аббой Лернером и Фредом Тейлором, а позднейшая модификация этого утверждения Хайеком и Роббинсом сводится к тому, что социалистическое хозяйство возможно в *теории*, но трудно реализуемо, потому что знание децентрализовано, а стимулы слабы. Ответ Хайека в процитированном выше тексте, что действительную позицию Мизеса поняли неверно, получил поддержку у ревизионистского историка дискуссии о возможности экономического расчета при социализме Дона Лавоя, который утверждает, что «центральные аргументы, усовершенствованные Хайеком и Роббинсом, представляют собой не отход от позиций Мизеса, но, скорее, ее прояснение, ориентированное на позднейшие версии централизованного планирования... Хотя комментарии Хайека и Роббинса о трудностях расчета [в позднейших версиях] вызвали неверное понимание их аргументов, в главном они остались вполне в рамках первоначальной логики Мизеса»¹⁸. Израэл Кирцнер сходным образом утверждает, что позиции Мизеса и Хайека следует рассматривать совместно, как раннюю попытку разработать в рамках австрийской традиции подход к рыночному процессу как к «предпринимательству и открытию»¹⁹.

¹⁷ *Schumpeter*. Op. cit. P. 172—186; *Bergson* in *Howard S. Ellis, ed. A Survey of Contemporary Economics*. Vol. 1. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1948.

¹⁸ *Lavoie*. Op. cit. P. 21.

¹⁹ *Kirzner I. M.* The Socialist Calculation Debate: Lessons for Austrians // *Review of Austrian Economics*. Vol. 2. 1988. P. 1—18. См. также недавнюю работу Джозефа Салерно, выступающего, напротив, за противоположное понимание — что первоначально сформулированная Мизесом проблема расчета отлична от проблемы процесса открытия, акцентируемого Лавоем и Кирцнером.

Во-вторых, существует утверждение Мизеса, что экономической теории (в отличие от истории) присущ чисто дедуктивный характер, что она является исключительно априорной наукой, не требующей эмпирического подтверждения своим выводам. Ясно, что Хайеку было нелегко принять эту позицию, и временами он пытался доказать, что позиция Мизеса на деле более умеренна, а порой он просто дистанцировался от своего наставника. Во вторичной литературе можно встретить обсуждение вопроса, представляла собой или нет опубликованная в 1937 г. плодотворная статья Хайека «Экономическая теория и знание» решительный отход от Мизеса в пользу «фальсификационизма» Поппера, в соответствии с которым эмпирические свидетельства могут быть использованы для того, чтобы фальсифицировать теорию (но не для того, чтобы с помощью индукции верифицировать ее)²⁰. Эта статья утверждает, что в то время как экономический анализ *индивидуального* действия может быть строго априорным, изучение межличностного обмена требует эмпирических предположений о процессе обучения и о передаче знания. Сам Хайек сообщает, что начиная с 1937 г. «автор настоящей статьи... в то время в целом не понимая, что он просто развивает забытую часть традиции Менгера, что хотя чистая логика выбора, с помощью которой австрийская традиция интерпретирует индивидуальные действия, и в самом деле является чисто дедуктивной, но, как только объяснение переходит к межличностной активности на рынке, решающими оказываются процессы передачи информации между индивидами, т.е. чисто эмпирические явления (Мизес

Salerno J. T. Ludwig von Mises as Social Rationalist // Ibid. Vol. 4. 1990. P. 26—54.

²⁰ В пользу того, что 1937 г. был и на самом деле ключевым поворотным моментом, см. Хатчинсона (Op. cit. P. 215) и Колдуэлла (Op. cit. P. 528); обратную точку зрения см.: *Gray J. Hayek on Liberty* (2nd edition, Oxford: Basil Blackwell, 1986, P. 16—21) и *Garrison R. W., Kirzner I. M. Hayek, Friedrich August von // The New Palgrave: A Dictionary of Economics* (London: Macmillan, 1987). Vol. 2. P. 609—614, esp. p. 610). Сам Хайек в недавних интервью с У. У. Бартли III подтвердил первое истолкование, заявив, что статьей 1937 г. он хотел убедить в первую очередь самого Мизеса. Если это так, попытка Хайека оказалась поразительно вкрадчивой: Мизес приветствовал эти аргументы, не отдавая отчета, что они направлены против него.

так и не ответил на эту критику, но точно так же он не изменил свою вполне законченную и развитую систему)» (с. 72 наст. изд.) Также верно и то, что Хайек впервые познакомился с работами Поппера в начале 30-х годов, и что уже в 1941 г. продемонстрировал отход от позиции Мизеса²¹. Влияние Поппера начинает сказываться, как только интересы Хайека сдвигаются от теории ценности к теории знания; есть предположения, что Хайекова критика централизованного планирования частично связана с попперовской идеей непредсказуемых последствий теории — попытка планирования оканчивается неудачей, потому что мы не можем заранее знать все последствия знания, которым мы уже располагаем²².

Следует также отметить, что позднейшее акцентирование Хайеком эволюции и стихийного порядка не разделялось Мизесом, но элементы продвижения в этом направлении встречались у Менгера. Ключом к этому различию может быть утверждение Хайека, что «Мизес был в гораздо большей степени наследником рационалистической традиции Просвещения и континентального либерализма, чем английского... в отличие от меня»²³. У Хайека часты ссылки на два типа либерализма: континентальный либерализм, или утилитаристская традиция, которая подчеркивает рациональность и способность человека изменять свое окружение, и английская традиция прецедентного права, которая акцентирует стихийные силы эволюции и ограниченность разума. Как писал Хайек в 1978 г., спустя пять лет после смерти Мизеса: «Я, в частности, не согласен с утверждением Мизеса, которое изложено в главе 33 (параграф 2). У меня всегда возникали проблемы с этим основным философским утверждением, но только сейчас я в состоянии сформулировать природу этих проблем. Мизес утверждает в этом отрывке, что либерализм „рассмат-

²¹ Брюс Колдуэлл описывает рецензию Хайека на *magnum opus* Мизеса, воспроизводимую в главе 4 наст. изд., как «зашифрованную», отмечая при этом вялость его похвал. «По сравнению с тем, что говорили о «Человеческой деятельности» другие, рецензия Хайека крайне хвалебна. Она выглядит вялой, когда мы вспоминаем об особых отношениях Хайека с Мизесом» (*Caldwell. Op. cit. P. 529*).

²² Об этом см.: *Bartley W. W., III. Unfathomed Knowledge, Unmeasured Wealth. LaSalle, Ill.: Open Court, 1990.*

²³ *Coping with Ignorance. Op. cit.*

ривает все виды общественного сотрудничества как эманацию разумно понимаемой пользы, когда всякая власть базируется на *общественном мнении*, а потому невозможны действия, способные помешать свободному принятию решений мыслящим человеком²⁴. Сегодня я полагаю, что неверна только первая часть этого утверждения. Крайний рационализм этого утверждения, которого Мизес как истинное дитя своего времени *не мог избежать* и с которым он, возможно, так и не расстался, теперь мне представляется совершенным заблуждением. Бесспорно, что рыночная экономика стала преобладающей формой не в силу разумного понимания ее выгод. Мне представляется, что основное в учении Мизеса — это демонстрация того, что мы приняли свободу *не* потому, что поняли, какие выгоды она могла бы принести; что мы *не* изобрели и, конечно же, *не* были достаточно умны, чтобы изобрести тот строй жизни, который начали слегка понимать только спустя долгое время после того, как увидели его действие. Человек *сделал выбор* в пользу него только в том смысле, что он научился отдавать предпочтение чему-то из уже существовавшего, а по мере того, как росло понимание, он смог и усовершенствовать условия своей деятельности» (с. 174).

Хайек опасается, что «крайний рационализм» континентального подхода ведет к тому, что он называет «ошибкой конструктивизма», — к представлению, что никакой социальный институт не может быть благотворен, если он не является результатом сознательного проекта. Ему представляется, что именно это составляет основу социалистического понимания: поскольку рынки никем не созданы, сознательно созданная искусственная система, навязанная, как водится, сверху, сможет функционировать лучше, чем естественная и децентрализованная²⁵.

В результате современная австрийская школа вполне могла расколоться на противостоящие лагеря: «твердых мизесовцев»,

²⁴ *Mises L. von. Socialism, 1981 edition. Op. cit. P. 418.*

²⁵ Интересно, что большая часть современной экономической теории благосостояния проникнута последовательным «конструктивизмом»; сначала они изобретают оптимальное «плановое» решение экономических проблем, а затем пытаются выяснить, смогут ли рынки оказаться столь же эффективными, как благонамеренный диктатор.

являющихся «социальными рационалистами» и «крайними априористами», и «хайковцев», которые подчеркивают стихийность социального порядка и ограничения рациональности. (Существует также и третья группа — «радикальных субъективистов», которые следуют за Дж. Л. С. Шэклом и Людвигом Лахманном, отрицая возможность *какого бы то ни было* экономического порядка). Различия между этими группами сохраняются, а природа взаимоотношений между Мизесом и Хайеком так до конца и не понята. Остается добавить, что будущее покажет, какое влияние все это окажет на жизнеспособность школы.

1871 год, когда Менгер опубликовал свои «Основания» и на свет появилась австрийская школа, примечателен и другим: в том самом году Бисмарк создал Германский рейх. Хайека глубоко интересовала судьба Германии после Второй мировой войны; он был убежден, что перспективы возрождения либерализма в международном масштабе решающим образом зависят от восстановления интеллектуальной жизни в Германии. Эссе, расположенные в части II, посвящены как раз этим вопросам.

Хайек был убежден в необходимости международной научной организации либералов, и ради этого в 1947 г. он организовал конференцию, которая заложила основы общества Мон-Пелерен. Частично его озабоченность объясняется той ролью, которую играли экономисты во время войны. Впервые в истории большое число профессиональных экономистов вошло в состав правительственных органов планирования: регулировать цены, как это делало в США Управление по ценам, возглавлявшееся Леоном Хендерсоном, а потом — Джоном Кеннетом Гэлбрейтом; либо изучать военное снабжение (позднее это стало известно как «исследование операций»), чем занималась группа статистических исследований Колумбийского университета; либо оказывать всевозможные консультационные услуги. Все это было совершенно беспрецедентно и очень встревожило либералов. (Хайек хотя и получил британское гражданство, но как австриец по рождению не был допущен к соответствующим работам.)

Интеллектуальный климат этого периода легко представить по реакции экономистов на решение министра Людвига Эрхарда освободить цены и заработную плату в только что созданной Западной Германии. Гэлбрейт в 1948 г. уверял коллег,

что «нет ни малейшей возможности обеспечить восстановление Германии с помощью полной отмены [контроля и регулирования]». Уолтер Геллер, позднее ставший председателем Совета экономических экспертов при Джоне Кеннеди, двумя годами позже добавил, что «позитивное использование [поддерживаемых мною] мер фискальной и денежной политики не гармонирует, строго говоря, с ортодоксальной политикой свободных рынков, которую выбрала нынешняя администрация Федеративной Республики Германия»²⁶. Хайек приводит воспоминания самого Эрхарда: «Он сам с ликованием рассказывал мне, как в воскресенье перед публикацией знаменитого декрета об освобождении цен и введении новой немецкой марки командующий американскими войсками в Германии генерал Клэй позвонил ему и сказал: «Профессор Эрхард, мои советники утверждают, что вы совершаете грандиозную ошибку», — на что Эрхард, по его собственным словам, ответил: «Мои советники говорят то же самое»» (с. 230)²⁷.

Для противодействия всему этому Хайек собрал на первую встречу на Мон-Пелерен замечательную группу либералов, большей частью людей, работавших в изоляции. Группа включала международно известных ученых в области экономической теории, политологии, философии (четверо из экономистов, участвовавших в этой первой встрече, позднее были удостоены Нобелевской премии); двое из участников — Вальтер Ойкен и Вильгельм Рёнке — были одними из главных архитекторов послевоенного немецкого экономического чуда. Задачей Хайека было создать условия для процветания либеральных тенденций в науке в надежде на то, что это привлечет общественное мнение. «Ведь настоящую проблему представляет распространенная иллюзия, будто свобода может быть предоставлена сверху,

²⁶ *Galbraith J. K. The German Economy // Harris S. E., ed. Foreign Economic Policy for the United States. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948; Heller W. The Role of Fiscal-Monetary Policy in German Economic Recovery // American Economic Review. Vol. 40. May 1950. P. 531—547.* Эти и ряд сходных фактов можно найти в: *Hutchinson T. W. Walter Eucken and the German Social Market Economy // Hutchinson T. W. The Politics and Philosophy of Economics. Op. cit. P. 155—175.*

²⁷ Нынешний интеллектуальный климат совсем не таков. См.: *Shales A. Germany needs Another Erhard // Wall Street Journal. 1991. April 13. P. A18.*

тогда как сверху можно лишь создать условия, которые позволили бы людям творить собственную судьбу» (с. 226).

Влияние Хайека оказалось глубоким и длительным: созданное им общество по-прежнему существует, а кроме этого были основаны и другие организации со схожими целями, особенно после начала возрождения австрийской школы. К этим организациям принадлежат Институт экономических дел в Лондоне; Институт гуманитарных исследований в Университете Джорджа Мейсона (Фэрфакс, штат Виргиния); Институт Катона в Вашингтоне, округ Колумбия; Институт Людвиг фон Мизеса в Оберне, штат Алабама. Все эти группы внесли решающий вклад в возрождение либеральной мысли в США и в Европе.

Нам не нужно другого доказательства либерального возрождения, чем включение бывшей Восточной Германии в 1989 г. в состав Западной Германии; для Восточной Германии это было «новым открытием свободы», то, возникновению чего за 40 лет до этого в Западной Германии помог Хайек. И хотя было бы дерзостью называть Хайека пророком, главы 8, 10 и 11 содержат немало высказываний о природе немцев и германского народа, которые верны и поныне.

Как-то Хайек одобрительно процитировал знаменитый пассаж из «Общей теории» Кейнса о влиянии абстрактных идей на реальный ход дел. «И верные и ошибочные идеи экономистов и политических философов гораздо могущественнее, чем принято думать. На деле мир подчиняется почти исключительно им»²⁸. Собранные в настоящем издании тексты Хайека немало делают для подтверждения этой истины.

Питер Д. Клейн

---

²⁸ *Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936. P. 383. [Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007.]*

Часть I
АВСТРИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ШКОЛА

Пролог

СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В 1920-е ГОДЫ: ВЗГЛЯД ИЗ ВЕНЫ¹

Хотя мне кажется, что организаторы этой лекции желали, чтобы я пустился в воспоминания, до сих пор я сознательно выбирал темы, которые были тому помехой. Заводить такую привычку опасно, и непонятно, на чем остановиться, когда обнаруживаешь, что большей части аудитории воспоминания лектора неизвестны и неинтересны. Сам я в прошлом был не самым терпеливым слушателем подобных мемуаров и сейчас даже сожалею, что в свое первое посещение этой страны, 40 лет назад, мне не хватило ума выслушать и расспросить старого биржевого брокера, который, обнаружив мой интерес к экономическим кризисам, все говорил и говорил о кризисе 1873 г. — а я счел его занудой. Не знаю, с чего бы мне ждать, что вы будете терпеливей меня в свое время, тем более что мне по собственному опыту известно: стоит лишь дать себе волю, и вырываются всевозможные мемуары, которые проливают свет скорее на тщеславие рассказчика, чем на предметы более широкого интереса.

С другой стороны, как исследователь истории экономической мысли я зачастую тратил немало сил в тщетных попытках воссоздать интеллектуальную атмосферу прежних дискуссий, желая, чтобы участники этих споров оставляли хоть

---

¹ Этот прежде не публиковавшийся текст представляет собой одну из пяти лекций, прочитанных Хайеком в Чикагском университете в октябре 1963 г. Спонсором этого цикла лекций был фонд Чарльза Уолгрена. Следует отметить, что Хайек намеревался переработать текст этой лекции для публикации, но не смог этого сделать. Здесь она воспроизводится в первоначальном виде. — Здесь и далее примечания редактора американского издания. Примечания редактора русского издания обозначены «Прим. ред.», примечания Ф. Хайека: «Прим. Ф. Х.»

какие-нибудь сведения о своих отношениях с современниками, и, в частности, чтобы они делали это в том возрасте, когда их свидетельства еще достоверны. Теперь, стоя перед вами с намерением исполнить именно эту задачу, я хорошо понимаю, почему люди большей частью ее избегают; боюсь, что в такой попытке человек становится несколько эгоцентричным, и, если вам покажется, что я чрезмерно много говорю о собственном опыте, прошу вас помнить: в том, что я говорю обо всем этом, и состоит единственное (хоть, может, и недостаточное) оправдание моих речей. Не сомневаюсь, что, если мне когда-либо случится готовить эти лекции для публикации, все эти беседы придется сильно сократить. Но, в конце концов, это устное вступление — во многом всего лишь попытка поговорить со старыми друзьями, так что я дам себе волю.

Венский университет, когда я совсем молодым поступил туда в конце 1918 г., прямо с войны, и особенно экономическое отделение факультета права, был на редкость кипучим местом. Пусть материальные условия жизни были чрезвычайно трудны, а политическая ситуация весьма неопределенна, — поначалу все это мало влияло на интеллектуальный уровень, сохранившийся с довоенного времени. Здесь я не стану рассматривать вопрос о том, почему Венский университет, который до 1860-х годов был ничем не примечательным заведением, затем на 60—70 лет стал одним из наиболее интеллектуально продуктивных в мире, дав жизнь множеству всемирно известных научных школ в области философии и психологии, права и экономической теории, антропологии и лингвистики (если считать только школы, родственные нашей сегодняшней теме). Мне и самому непонятно, чем это объясняется и можно ли вообще объяснить подобные явления исчерпывающим образом. Достаточно отметить, что период интеллектуального расцвета в точности совпал с победой политического либерализма в этой части мира и ненадолго пережил господство либеральной мысли.

Возможно, сразу после окончания Первой [мировой] войны интеллектуальное брожение среди молодежи было даже сильнее довоенного, несмотря на то что некоторые крупные фигуры довоенного времени уже ушли и в рядах преподавательского состава, по крайней мере первое время, зияли заметные бреши. Отчасти это объясняется тем, что (как стало очевидно после Второй мировой войны) студенчество было более зрелым,

а отчасти тем, что военные и первые послевоенные испытания породили острый интерес к социально-политическим проблемам. Хотя некоторые из тех, кто был постарше, стремились как можно быстрее завершить курс обучения, у молодежи годы, потерянные на службу в армии, породили скорее необычное стремление полностью использовать возможности, которые они так давно предвкушали.

Многие вопросы и проблемы, которые так горячо обсуждались в Вене, оказались в центре внимания западного мира чуть позже — отчасти, разумеется, из-за обстоятельств того времени, — и вышло, что в ходе моих скитаний у меня нередко возникало чувство, что «я здесь уже был»². Темы наших дискуссий в значительной степени были predeterminedены близостью коммунистической революции — в Будапеште, до которого было рукой подать, несколько месяцев хозяйничало коммунистическое правительство, в котором важную роль играли интеллектуальные лидеры марксизма, позднее нашедшие прибежище в Вене, — а также неожиданный академический престиж марксизма, быстрое распространение того, что со временем стали называть «государством благосостояния», концепция «плановой экономики», тогда еще новая, но прежде всего опыт инфляции, какого не помнил ни один житель Европы. В то время в Вене уже набрал силу ряд чисто интеллектуальных течений, позднее покоривших западный мир. Я упомяну лишь психоанализ и зарождение традиции логического позитивизма, которая господствовала во всех философских дискуссиях.

Впрочем, мне следует сосредоточиться на развитии экономической теории. Пожалуй, наиболее удивительное обстоятельство состоит в том, что на фоне острейших практических проблем в центре интереса в Венском университете оказалась чистая экономическая теория. В этом явно сказалось влияние маржиналистской революции³, которая произошла

---

² Хайек имеет в виду свое пребывание в Лондоне в 1930—1940-х годах, где он занимал пост профессора экономической теории и статистики в Лондонской школе экономики; в Чикаго, где он с 1950 по 1962 г. был профессором общественных и гуманитарных наук в Чикагском университете, а также в западногерманском Фрайбурге, где он с 1962 г. был профессором (позднее — почетным профессором) Фрайбургского университета.

³ Имеется в виду почти одновременное «открытие» принципа предельной полезности Карлом Менгером и Уильямом Стенли

в общем - то незадолго до времени, о котором я сейчас веду речь. Из великих деятелей этой революции все еще работал лишь Визер⁴. И Бём-Баверк⁵, и Филиппович — двое самых влиятельных университетских преподавателей предвоенного периода (первый в сфере теории, а второй в основном в сфере экономической политики) — безвременно скончались во время войны. Карл Менгер⁶ еще был жив, но он был глубоким стариком и вышел в отставку пятнадцатью годами ранее и на публике появлялся лишь изредка. Для нас, молодых, он был скорее мифом, чем реальностью, тем более что и книга его⁷, исчезнувшая даже из библиотек, стала огромной, почти недоступной редкостью. Среди тех, с кем мы сталкивались, немногие имели прямой доступ к нему. Старшекурсники были переполнены живыми воспоминаниями о семинарах Бём-Баверка, которые в предвоенные годы, несомненно, собирали всех, интересовавшихся экономической теорией. Наши ровесницы, напротив, были полны впечатлений о Максе Вебере, который читал семестровый курс в Вене как раз перед окончанием войны, когда мы, мужчины, еще не вернулись с фронта.

Визер, последняя живая связь с великим прошлым, большинству из нас казался надменным и недостижимым господином. В то время он только что вернулся в университет с поста министра торговли в одном из последних правительств империи. Он читал лекции, опираясь на свою изданную перед самой войной «Теорию общественного хозяйства»⁸, которую, кажется, знал наизусть, — единственный систематический трактат по

Джевансом в 1871 г. и Леоном Вальрасом в 1874 г. См. ниже главы 1 и 2.

⁴ Учитель Хайека Фридрих фон Визер (1851—1926). См. главу 3.

⁵ Ойген фон Бём-Баверк (1851—1914) — зять Визера, был министром финансов Австрии. См. главы 1 и 2.

⁶ О Менгере см. главу 2.

⁷ *Menger C. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*. Wien: W. Braumüller, 1871. Перевод на англ. язык: *Principles of Economics*. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1950; reprinted New York and London: New York University Press, 1981.

⁸ *Wieser F. Theorie der Gesellschaftlichen Wirtschaft*. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1914; на англ. языке: *Social Economics*. London: Allen & Unwin, 1927; reprinted New York: Augustus M. Kelley, 1967. [Рус. пер. отдельных глав см. в кн.: *Австрийская школа в политической экономии*: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. С. 427—488.]

экономической теории, созданный австрийской школой⁹. Лекции были несколько суховатым, но внушительным и эстетически приемлемым действием, рассчитанным по большей части на будущих юристов, для которых этот обзор экономической теории стал бы единственным их прикосновением к предмету. Лишь тем, кто, собрав в кулак все свое мужество, отваживался после лекции приблизиться к величественной фигуре, удавалось обнаружить бездну дружелюбия и благожелательности, а также получить приглашение на его малый семинар или даже на домашний обед.

Вначале у нас были два других постоянных преподавателя экономической теории: марксист, занимавшийся историей экономики¹⁰, и молодой, склонный к философствованию профессор Отмар Шпанн, который вначале вызвал у студентов прилив энтузиазма. Ему было что сказать о логике взаимосвязи между целями и средствами, но вскоре он перебрался в область философии, которая большинству из нас казалась совершенно чуждой экономической теории. Но его небольшой учебник по истории экономической мысли¹¹, который считали слепком менгеровских лекций, для большинства из нас был первым вводным курсом в эту область.

Хотя в области политических и экономических наук только что были учреждены ученые степени, большинство из нас все еще ориентировалось на степень в юриспруденции, для получения которой требовалось очень незначительное знакомство с экономической теорией, так что профессиональные экономические знания приходилось добывать самостоятельным чтением, а также из лекций тех, кто читал их в свободное время из любви к предмету. Важнейшим среди таких курсов был курс Людвиг фон Мизеса¹², но лично я познакомился с ним относительно поздно и расскажу о нем потом.

Здесь я должен сказать несколько слов об особенностях организации университетов в Центральной Европе, особенно

⁹ Имеются в виду первое и второе поколения австрийской школы: Менгер, Бём-Баверк, Визер и их современники.

¹⁰ Это был Карл Грюнберг (1861—1940), который позднее стал первым директором марксистского института социальных исследований во Франкфурте.

¹¹ *Spann O. Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre.* Leipzig: Quelle & Meyer, 1911. В 1949 г. вышло уже 25-е издание книги.

¹² О Мизесе (1881—1973) см. главу 4.

в Австрии. Специфику структуры австрийского университета обычно мало кто понимает, хотя она — при всех своих недостатках — сыграла важную роль в сплочении штатных университетских профессоров и любителей в лучшем смысле этого слова, что было столь характерно для атмосферы Вены. Число штатных преподавателей университета (профессоров и адъюнкт-профессоров) всегда было невелико, и эти должности получали обычно уже в сравнительно немолодом возрасте, как правило — после сорока или даже пятидесяти лет. Но, чтобы получить право на такое назначение, следовало сначала, обычно через несколько лет после защиты докторской степени, получить лицензию на преподавание в качестве приват-доцента, которому не полагалось никакого жалования, кроме доли в той весьма незначительной плате, которую взимали со студентов за прослушивание конкретных курсов. В естественных науках, где исследования можно вести только в специальных институтах, приват-доценты обычно занимали оплачиваемые должности ассистентов, что позволяло им целиком посвятить себя научной работе. Но во всех неэкспериментальных областях, таких как математика, право и экономика, история, филология и философия, таких возможностей не было. До Первой мировой войны академическая среда пополнялась, как правило, выходцами из класса с независимым доходом, которого почти все они лишились в ходе великой инфляции, так что единственный выход состоял в том, чтобы зарабатывать на жизнь чем-то другим, а свободное время посвящать исследованиям и — немного — преподаванию. На юридических факультетах, к которым, как вы помните, относилась и экономическая наука, обычным выбором было место государственного служащего либо, что еще привлекательнее, служба в торговых или промышленных компаниях, либо юридическая практика; в области изящных искусств было распространено преподавание в средних школах — чтобы пересидеть время, пока не удастся достичь возжеленной профессорской должности, если это вообще удастся — приват-доцентов всегда было намного больше, чем профессоров. Видимо, больше половины тех, кто стремился к академической карьере, так и оставались на всю жизнь внештатными преподавателями, которые учили всему, чему им хотелось, но практически ничего за это не получали. Постороннего наблюдателя, особенно иностранца, сбивало с толку то, что спустя несколько лет приват-до-

центов также стали именовать профессорами, но это никак не изменило их положения. Правда, в некоторых профессиях, таких как медицина и право, престиж титула мог иметь немалое значение, и, получив право именовать себя «профессором», врач или адвокат получали возможность резко повысить свои гонорары. Зигмунд Фрейд, например, был профессором Венского университета единственно в этом смысле. Это не значит, конечно, что некоторые из этих людей не обладали столь же большим влиянием, как штатные профессора. Ежедневные два-три часа лекций или ведение семинаров позволяли порой одаренному педагогу оказывать большее влияние, чем штатные преподаватели — хотя монополия последних на прием аттестационных экзаменов серьезно ограничивала влияние внештатников.

Во всяком случае, для юристов и экономистов эта система была благотворна не только тем, что все университетские преподаватели приобретали изрядный опыт практической работы, но и тем, что она обеспечивала тесные связи между академической средой и практической деятельностью. Очень многие из наиболее одаренных выпускников, не сумевших получить степень приват-доцента сразу, не исключали для себя возможность такой карьеры в будущем и посвящали некоторое время научным исследованиям, что служило сохранению традиции *Privatgelehrte*, частного ученого, которая в XIX в. играла значительную роль, в Австрии, может, и не такую огромную, как в Англии, но все же некоторым образом значимую. В нашей области интересным примером из 1880-х годов является одна из лучших австрийских работ по математической экономике, «Теория цены» Рудольфа Аушпица и Рихарда Либена¹³, из которых первый был сахарным фабрикантом, а второй — банкиром. Несколько подобных фигур было и после Первой [мировой] войны, и по крайней мере один из них — финансист Карл Шлезингер, написавший интересное исследование о деньгах¹⁴ и придумавший термин «олигополия» — постоянно принимал

---

¹³ *Auspitz R., Lieben R. Untersuchungen über die Theorie des Preises.* Leipzig: Duncker & Humblot, 1889.

¹⁴ *Schlesinger K. Theorie der Geld- und Kreditwirtschaft.* Munich: Duncker & Humblot, 1914. Частичный перевод появился под названием: *Schlesinger K. Basic Principles of the Money Economy // International Economic Papers. Vol. 9, 1959. P 20—38.*

участие в наших дискуссиях. Несколько крупных чиновников и промышленников, ранее сделавших себе имя в экономической науке, в эти беспокойные послевоенные годы были слишком заняты и погружаться в науку могли лишь урывками.

По моим наблюдениям, эти непрофессионалы, посторонние для академических кругов, всегда составляли большинство на заседаниях небольшого неформального венского клуба «Nationalökonomische Gesellschaft»¹⁵, который с трудом пережил войну и возродился в мирное время как главная арена дискуссий по насущным экономическим проблемам. Хотя он и был единственным местом, где пять—шесть раз в год могли встречаться и обсуждать проблемы молодые и старые, академические ученые и практики, для нас, молодых, куда важнее были другие возможности более регулярно дискутировать вне стен университета. На протяжении большей части межвоенных лет важнейшим центром был так называемый частный семинар Мизеса (*Privatseminar*), хотя он, в сущности, стоял совершенно вне университетской жизни. Проводившиеся раз в две недели по вечерам в кабинете Мизеса в Торговой палате, эти встречи неизменно завершались глубокой ночью в какой-нибудь кофейне. Должно быть, эти частные семинары начались в 1922 г. и закончились, когда в 1934 г. Мизес покинул Вену — точнее сказать не могу, потому что меня не было в Вене ни при начале, ни при конце семинара¹⁶. Но с 1924 по 1931 г., благодаря тому, что Мизес нашел мне и Хаберлеру работу в этом же здании, и Хаберлер в должности помощника библиотекаря продолжил начатую Мизесом работу по превращению библиотеки Торговой палаты в лучшую экономическую библиотеку Вены, здание Торговой палаты и проводившиеся там семинары были по меньшей мере столь же важным центром экономических дискуссий, как и сам Венский университет.

Три-четыре обстоятельства придавали особенный интерес этим дискуссиям в кружке Мизеса. Мизес, естественно, не

---

¹⁵ «Национальная экономическая ассоциация», или «Венское экономическое общество». О *Gesellschaft* см.: Craver, op. cit. P. 17—18

¹⁶ На самом деле *Privatseminar* начался в 1920 г. и закончился в 1934 г. См. свидетельство самого Мизеса: *Mises L von. Notes and Recollections*. South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1978. P. 97—100.

меньше любого другого интересовался базовыми проблемами анализа с позиций предельной полезности, вокруг чего вращались почти все дискуссии и в университете. Но такие вопросы, как согласование анализа предельной полезности с теорией вменения полезности, что, кстати говоря, было главным предметом моего интереса в начале 1920-х годов, или другие тонкие проблемы маржиналистского подхода, вроде разбираемых Розенштейном-Роданом в его статье о *Grenznutzen* (предельной полезности) в «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*»¹⁷, уже не привлекали столь пристального интереса в университете, как это было во времена Визера или его преемника Ганса Майера. Во-первых, Мизес уже в 1912 г. опубликовал свою «Теорию денег»¹⁸, и я едва ли преувеличу, сказав, что в период великой инфляции он единственный в Вене, а может быть, и во всем немецкоязычном мире, действительно понимал, что происходит. В этой книге он также представил и развил некоторые идеи Викселя¹⁹, чем заложил основу для теории кризисов и депрессий. Позднее, сразу же после окончания войны, он опубликовал малоизвестную, но чрезвычайно интересную книгу на стыке экономики, политики и социологии²⁰ и уже готовил к изданию выдающийся трактат «Социализм»²¹, который, подняв проблему возможности рационального экономического расчета в отсутствие рынков, поставил одну из основных

---

¹⁷ *Rosenstein-Rodan P. N. Grenznutzen // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Vol. 4. Fourth edition, Jena: Gustav Fischer, 1927.*

¹⁸ *Mises L. von. Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel. Munich and Leipzig: Duncker & Humblot, 1912. В английском переводе: The Theory of Money and Credit. London: Jonathan Cape, 1934; reprinted. Indianapolis, Ind.: Liberty Classics, 1981. [Рус. изд.: Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения. Челябинск: Социум, 2009.]*

¹⁹ Имеется в виду теория «естественной» ставки процента Кнута Вихселя (1851—1926).

²⁰ *Mises L. von. Nation, Staat und Wirtschaft: Beiträge zur Politik und Geschichte der Zeit. Vienna: Manz'sche Verlags- und Universitätsbuchhandlung, 1919. [Рус. изд.: Мизес Л. фон. Нация, государство и экономика. Челябинск: Социум, 2009.]*

²¹ *Mises L. von. Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Sozialismus. Jena: Gustav Fisher, 1922. [Рус. изд.: Мизес Л. фон. Социализм: Экономический и социологический анализ. М.: Catalaxu, 1994.]*

проблем дискуссий того времени²². Он был фактически единственным (по крайней мере среди людей своего поколения, поскольку в предыдущем поколении было несколько людей вроде Густава Касселя, к которым это также относится), кто демонстрировал готовность до конца защищать принципы свободного рынка. И даже в то время страстный интерес к тому, что мы теперь называем либертарианскими принципами, соединялся у него с интересом к методологическим и философским основаниям экономической теории, что стало столь характерным для его поздних работ. Именно последнее обстоятельство так привлекало к семинарам Мизеса тех, кто не только не разделял его политические позиции, но и не интересовался техническими аспектами экономической теории. Особый характер этим дискуссиям сообщало постоянное присутствие на них таких людей, как Феликс Кауфман, который был по преимуществу философом, или социолог Альфред Шюц, а также ряд других, о которых я еще буду говорить.

Прежде чем рассказывать о группе, которая участвовала во всех этих дискуссиях, скажу несколько слов об источнике того непреклонного либерализма, который делал Мизеса совершенно уникальным и даже одиноким в своем поколении — по крайней мере в немецкоязычном мире. Безусловно, Мизес не был просто реликтом прежнего времени, как это может показаться молодым, потому что между ним и последними классическими либералами пролегло целое поколение. И хорошо известно, что он, начиная исследования, был столь же привержен идее социальных реформ, как любой другой юноша его поколения. Карл Менгер, который еще преподавал, когда Мизес приступил к занятиям, был именно классическим либералом (хотя я не думаю, что Мизес посещал его лекции²³). Но, хотя четвертая из знаменитых книг Менгера о методе²⁴ и

²² Другие участники семинара Мизеса вспоминают, однако, что проблема рациональности экономического расчета при социализме обсуждалась мало, поскольку «Мизес справедливо рассудил, что здесь некого убеждать». См.: *Craver*. Op. cit. P. 15.

²³ Мизес подтверждает, что ничего не знал о Менгере, пока не прочел в 1903 г., через три года после поступления в Венский университет, его «Grundsätze», а лично с Менгером он познакомился спустя много лет. *Mises L. Notes and Recollections*. P. 33.

²⁴ *Menger K. Untersuchungen über der Sozialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere*. Leipzig: Duncker & Humblot,

содержит наметки того, что я прежде назвал теорией стихийного роста, образующей фундамент для политики свободы, он никогда не был догматическим или агрессивным либералом²⁵. В следующем поколении Визер, Бём-Баверк и Филиппович, безусловно, назвали бы себя либералами, и мне случилось удивительно, что по крайней мере у первых двух, как и у многих современных им континентальных либералов, общеполитические взгляды были в сущности теми, какие мы находим в эссе Т. Б. Маколей²⁶, которого оба они внимательно изучали.

1883. Английский перевод: *Problems of Economics and Sociology*. Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1963; а также под названием: *Investigations into the Method of the Social Sciences with Special Reference to Economics*. New York and London: New York University Press, 1985. [Рус. пер.: *Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности* // *Менгер К. Избранное*. М.: ИД «Территория будущего», 2005.] На самом деле Хайек имеет в виду книгу третью. Хатчинсон отмечает, что именно ради этой части был предпринят полный перевод «*Untersuchungen*» на английский. См.: *Hutchinson T. W. Some Themes from Investigations into Method* // J. R. Hicks and W. Weber, eds. *Carl Menger and the Austrian School of Economics*. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 15—37. Исправленное издание: *Carl Menger on Philosophy and Method* // Hutchinson. *The Politics and Philosophy of Economics: Marxians, Keynesians and Austrians*. New York and London: New York University Press, 1981. P. 176—202.

²⁵ О политических взглядах Менгера см.: *Streissler E. Carl Menger on Economic Policy: The Lectures to Crown Prince Rudolph* // Bruce J. Caldwell, ed. *Carl Menger and his Legacy in Economics*, annual supplement to *History of Political Economy*. Vol. 22. Durham, N. C., and London: Duke University Press, 1990. P. 107—130.

²⁶ Томас Баббингтон Маколей (1800—1859), позднее лорд Маколей — английский историк и критик. Здесь речь идет о серии его статей в «*Edinburgh Review*», в первую очередь, пожалуй, об опубликованном в январе 1830 г. эссе «*Southey's Colloquies on Society*», которое содержит следующий часто цитируемый пассаж: «Лучшее, что могут сделать наши правители для блага страны, это заниматься своими прямыми обязанностями и предоставить капиталу самому находить наивыгоднейшее применение, товарам — достойную себе цену, предприимчивости и проникательности — собственное вознаграждение, дать лениности и неразумию самим искать себе естественное наказание, а на себя взять поддержание мира, защиту собственности, облегчение доступа к правосудию, соблюдение строгой экономии во всех частях государства. Пусть правительство выполнит это, а народ, конечно же, сделает все

Но у Визера и особенно у Филипповича этот либерализм включал немало аргументов в пользу регулирования, — по крайней мере для решения проблем рынка труда и социальной политики: Филиппович, в сущности, был скорее фабианцем, чем классическим либералом. Пожалуй, Бём-Баверк был исключением и остался до конца подлинным либералом, а его последнее эссе «Регулирование или экономические законы?»²⁷ можно даже рассматривать как начало возрождения либерализма. Но Мизес совершенно выломился из рядов своего поколения и сознательно держался в стороне как изолированный нестигаемый либерал, а за материалом для возводимого им здания новой либеральной доктрины ему пришлось пуститься в плавание по неведомым морям английских источников XIX в., поскольку текущая немецкая литература едва ли позволяла ознакомиться с принципами истинного либерализма. Но к тому времени, о котором идет речь, он уже нашел в Лондоне близких ему по духу Эдвина Кеннана и Теодора Грегори, и именно с начала 1920-х годов установились связи между австрийской и лондонской группами либералов.

Либерализм Мизеса не только вовлек его в непрекращающуюся полемику со сплоченной группой венских марксистов, где несколько светочей были его школьными приятелями, которая через Отто Нейрата оказывала сильное влияние на формировавшуюся тогда в «Венском кружке» группу философов-неопозитивистов; его либерализм колот глаза и обширной группе полулибералов, к которой принадлежало, вероятно, большинство тогдашних молодых интеллектуалов. А строго говоря, к этой группе принадлежали все мы, кто не был в ту пору марксистом, и только постепенно и очень медленно некоторые склонились к точке зрения Мизеса. Подозреваю, что даже в *Privatseminar* большинство в душе оставались полусоциалистами, а еще больше было тех, кто покидал семинар из

остальное». См.: *Macaulay T. Critical and Historical Essays. Second edition, London: Longman, Brown, Green and Longmans, 1843. Vol. 1. P. 217—269.*

²⁷ *Böhm-Bawerk E. Macht oder ökonomisches Gesetz? // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik and Verwaltung. Vol. 23. 1914. P. 205—271 in Böhm-Bawerk E. Gesammelte Schriften. Vol. Vienna: Holder-Pichler-Tempsky, 1924. Trans. by John Richard Mez as «Control or Economic Law?» (Shorter Classics of Böhm-Bawerk. South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1962. P. 139—199).*

протеста против постоянного возвращения дискуссий к принципам либерализма, хотя одним из главных источников силы этих дискуссий как раз и были систематические попытки ответить на вопрос: что же случится, если государство воздержится от вмешательства?

Прежде чем рассказывать дальше о среде, в которой формировались взгляды моего поколения, я должен сказать несколько слов о тех, кто занимал промежуточное положение между нами и поколением Мизеса и Шумпетера²⁸: о тех троих, кто умер сравнительно рано и чьи работы заслуживают большей известности. Ни один из них никогда не входил в штат университетских профессоров, хотя их вклад в разработку экономической теории был значителен. Во-первых, Рихард Штригль, которого мы все рассматривали как достойного и законного претендента на должность профессора Венского университета и который, проживи он подольше, смог бы наилучшим образом продолжить традицию. Его исследование теории заработной платы²⁹ принадлежит к числу лучших в этой области, а кроме этого он внес существенный вклад в теорию капитала. Хотя он долго был приват-доцентом и в конце концов получил титул профессора, его постоянным местом работы была Промышленная комиссия, которая управляла работой биржи труда и другими аналогичными организациями. Был еще Эвальд Шамс³⁰, единственный во всей нашей группе студент Шумпетера в университете Граца и, похоже, единственный, кто был хорошо знаком с работами Вальраса и Парето. Его эссе о методах и логике экономической теории — истинные жемчужины, демонстрирующие аккуратность и точность, присущие этому страстному коллекционеру бабочек, который в числе прочего был юридическим советником в одном из отделов ведомства федерального канцлера. Третьим в этой группе был блистательный Лео Шёнфельд (позднее принявший имя Лео Илли), настолько перегруженный обязанностями бухгалтера, что мы виделись с ним редко, но при этом сумевший издать последний большой трактат на

---

²⁸ О Шумпетере см. главу 5.

²⁹ *Strigl R. Angewandte Lohntheorie: Untersuchungen über die wirtschaftlichen Grundlagen der Sozialpolitik.* Leipzig and Vienna: Franz Deuticke, 1926. Написанную Хайеком рецензию на эту книгу см. в приложении к главе 6.

³⁰ Об Эвальде Шамсе (1899—1945) см. главу 6.

традиционно главную для австрийской школы тему — о теории субъективной ценности³¹.

Разнообразие занятий людей моего поколения, прежде чем все они стали профессорами американских университетов, еще поразительней. Философ, правовед, логик и математик Феликс Кауфман возглавлял Венское отделение крупной нефтяной компании. Социолог Альфред Шюц служил секретарем ассоциации малых банков. Фриц Махлуп был производителем картона; историк Фридрих Энгель-Яноши занимался производством паркета; Д. Г. Фюрт, позднее занявший место в Совете управляющих Федеральной резервной системы, и Вальтер Фройлих, позднее осевший в университете Маркетта, были практикующими юристами. При нормальном ходе событий ни один из них не стал бы штатным преподавателем университета, и лишь немногие имели опыт преподавания в университете до того, как покинули Вену. И все же для формирования общей системы знаний участие каждого из них было не менее важным, чем роль таких относительных профессионалов, как я, которому после четырех лет государственной службы посчастливилось стать директором экономического исследовательского института³², или Оскар Моргенштерн³³, который вскоре после этого стал моим сотрудником, а позднее преемником на посту директора, или Хаберлер, о занятии которого я уже упоминал, или Розенштейн-Родан, занимавший должность ассистента

³¹ *Illy L. (Leo Schönfeld)*. Das Gesetz des Grenznutzens. Vienna: Springer, 1948.

³² Österreichische Konjunkturforschungsinstitut, или Австрийский институт исследований делового цикла, был создан Мизесом в 1926 г. как независимый центр эмпирических исследований. По настоянию друга Мизеса Джона Ван Сикля фонд Рокфеллера в 1930 г. предоставил этому институту существенные средства, которые и помогли ему выжить. См.: Craver. Op. cit. P. 19—20.

³³ Моргенштерн (1902—1977) сменил Хайека на посту директора института и оставался в Вене дольше, чем кто-либо другой из членов этой группы. После аншлюса Австрии в 1938 г. он принял место профессора в Принстоне, где и оставался до 1970 г. Его совместная работа с Дж. фон Нейманом привела к написанию «Теории игр и экономического поведения» (*Neumann J. v., Morgenstern O. Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1944). [рус. изд.: *Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономического поведения*. М.: Наука, 1970.]

в университете, и который вместе с Моргенштерном издавал «Zeitschrift für Nationalökonomie». Легко представить, что дискуссии даже по проблемам прикладной экономической науки в этом кружке редко ограничивались вопросами чистой экономической теории. Через Кауфмана мы познакомились с правовым позитивизмом Кельзена и его группы; столь же важен был логический позитивизм Шлика и его кружка, и именно он преподавал нам основы современной философии науки и символической логики. Через Шюца мы все познакомились с феноменологией Макса Вебера и Гуссерля (которую я так никогда и не смог понять, несмотря на уникальный преподавательский дар Кауфмана, помогавшего в этом деле Шюцу).

Относительная закрытость нашей группы в немалой степени объясняется обстоятельствами послевоенной жизни, которые принуждали к замкнутости и опоре исключительно на собственные ресурсы. Но, помимо особенностей времени, которые на несколько лет затруднили даже доступ к иностранной литературе, а заграничные поездки сделали почти невозможными, действовали и другие факторы. Сегодня, видимо, трудно даже представить, сколь скудными были личные контакты или обмен мыслями между учеными разных стран всего лишь пятьдесят или сорок лет тому назад. Я убежден, что, не считая обмена случайными письмами, из крупных экономистов, живущих в разных странах, в период перед Первой мировой войной очень немногие встречались друг с другом лично. Непосредственно перед войной было несколько робких попыток преодолеть эту разобщенность. Одной из таких попыток стал первый обмен профессорами между американскими и европейскими университетами; не лишен значения тот факт, что одним из первых, если не самым первым австрийцем, который участвовал в этой программе обмена, был Шумпетер, приехавший в 1913 г. в Гарвард. Я думаю, что во многом именно благодаря этому мы в Вене в первые послевоенные годы лучше знали труды американских теоретиков Джона Бейтса Кларка³⁴, Томаса Никсона Карвера, Ирвинга Фишера, Франка Феттера и Герберта Джозефа Давенпорта, чем работы любых других иностранных экономистов, за исключением, может быть, шведов. Довоенный визит в Вену Викселля вспоминали как большое событие, а сразу после войны Густав Кассель был самым

---

³⁴ О Кларке см. приложение 1.

знаменитым экономистом, который читал лекции и публиковал статьи во всех европейских странах — столь же переоцененный тогда, сколь недооцениваемый ныне. Но для нас он представлял небольшой интерес, хотя мы и были рады тому, что его упрощенная версия теории Вальраса вызвала в Германии оживление интереса к экономической теории.

Но вернемся на миг к довоенной ситуации. Насколько исключительно редкими были случаи общения между экономистами разных стран, особенно разных континентов, видно из сохранившегося у Визера яркого воспоминания о редком событии — о встрече, которую организовал в Швейцарии незадолго перед войной Фонд Карнеги для обсуждения запланированной серии публикаций. И я не могу здесь обойти случайную встречу Альфреда Маршалла с некоторыми австрийскими коллегами, о которой рассказывает в своих воспоминаниях г-жа Маршалл³⁵ и о которой я расскажу здесь так, как мне об этом рассказывал Визер, — даже если некоторые, может быть, уже слышали этот мой пересказ ранее. Семьи Маршалла и Визера некоторое время, полагаю, проводили летние отпуска в одной и той же деревушке в Южном Тироле, который тогда принадлежал Австрии. Они довольно скоро выяснили, кто их случайные соседи, но оба были довольно робкими людьми и не очень разговорчивыми, а потому не предпринимали попыток познакомиться. Однажды Бём-Баверк, в компании, думается, с еще одним представителем австрийской школы, приехал навестить своего шурина Визера и, будучи страстным и блистательным собеседником (порой он даже обижался на нежелание своего шурина вступать в обсуждение экономических проблем), воспользовался возможностью представиться Маршаллу, с которым переписывался и прежде. Г-жа Маршалл устроила чай, о котором она и вспоминает и который даже запечатлен на фотографии. По-видимому, все было очень приятно и дружелюбно. Но на следующий год и Визеры, и Маршаллы, не сговариваясь, выбрали другое место летнего отдыха, где могли работать без помех, не встречаясь с коллегами.

Раз речь зашла о знаменитых экономистах — мастерах поговорить, вы зададитесь вопросом, отчего я еще ни слова не сказал о Шумпетере, самом блистательном собеседнике среди

---

³⁵ *Marshall M. P. What I Remember? Cambridge: Cambridge University Press, 1947. Об этом эпизоде рассказывается на с. 48.*

знакомых мне экономистов, за исключением разве что Кейнса, с которым у Шумпетера было много общего, в том числе проказливый зуд *pour épater le bourgeois*³⁶, а также определенная претензия на всезнайство и склонность сильно преувеличивать свою исключительную эрудицию³⁷. Что касается Шумпетера, дело в том, что, прожив после войны несколько лет в Вене, он практически не завел контактов с другими экономистами и почти не встречался даже с теми, с кем общался на семинаре Бём-Баверка. Конечно, каждый из нас знал две его доверенные книги и эссе о деньгах³⁸. Но мы почти не встречались с ним, и некоторые его высказывания о текущих делах составили ему среди экономистов репутацию *enfant terrible*³⁹. К тому же, на его беду, в тот краткий период, когда он в самый разгар инфляции⁴⁰ занимал пост министра финансов, ему пришлось подписать декрет, в соответствии с которым долги, сделанные в хороших полноценных кронах, могли быть законно погашены равным количеством обесцененных крон — то есть «Krone ist Krone», как говорили тогда, — и вышло так, что у среднего австрийца моего поколения лицо багровеет при одном упоминании имени Шумпетера. Потом он стал президентом одного из небольших венских банков, который процветал в период инфляции, но быстро разорился после стабилизации экономики, а потом Шумпетер вернулся к профессорской жизни в Бонне, в Германии. Я должен добавить: им восхищались и при этом

³⁶ Эпатирование мещан (*франц.*). — *Прим. ред.*

³⁷ Говорят, что Шумпетер «дал обет стать лучшим экономистом, наездником и любовником Вены, а позднее сетовал, что ему так и не удалось достичь совершенства в верховой езде». См.: *Stigler G. J. Memoirs of an Unregulated Economist*. New York: Basic Books, 1988. P. 100.

³⁸ *Shumpeter J. A. Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908); *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1912. Перевод на английский язык. *The Theory of Economic Development*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1934, reprinted New York: Oxford University Press, 1961 [Рус. изд.: *Шумпетер Й. Теория экономического развития // Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. М.: Эксмо, 2007.]; *Das Sozialprodukt und die Rechenphennige // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. Vol. 44, 1917.

³⁹ Ужасный ребенок (*франц.*). — *Прим. ред.*

⁴⁰ С 15 марта по 17 октября 1919 г.

недолюбливали люди его поколения и старше, а все, кто знаком с подробностями его отношения к пострадавшим от банкротства вкладчикам банка, с большим уважением отзываются о его поведении в этой ситуации.

Я лишь однажды встретился с ним в это время и расскажу об этом, поскольку причиной нашей встречи была программа возобновления и быстрого расширения международных связей. Чуть больше сорока лет назад я решил, что для честолюбивого экономиста крайне важно посетить США, как-то умудрится наскрести денег на это путешествие и почти заручился обещанием работы в случае, если я попаду — таки в Америку. Затем Визер попросил Шумпетера дать мне рекомендательные письма его друзьям в США. Так я оказался в его величественном кабинете — кабинеты президентов банков чем дальше на восток, тем грандиознее, и кабинету Шумпетера следовало бы располагаться в Бухаресте, а не в Вене, — и он снабдил меня пакетом максимально любезных рекомендательных писем ко всем крупным американским экономистам, настоящими посольскими верительными грамотами такого большого формата, что мне пришлось завести особую папку, чтобы они не помялись в пути. Эти письма оказались настоящими ключами к пещере сокровищ: возможно потому, что после войны я был первым экономистом из стран Центральной Европы, посетившим США, меня явно сверх всяких моих заслуг принимали такие экономисты, как Джон Бейтс Кларк, Селигмен, Сигер, Митчелл⁴¹ и Г. Ф. Уиллис в Нью-Йорке, Т. Карвер в Гарварде (из-за краткости визита я не сумел встретиться с Тауссигом), Ирвинг Фишер в Йельском университете и Джейкоб Холландер в университете Джона Хопкинса. Именно благодаря этим рекомендательным письмам мне позволили выступить с завершающим докладом на последнем семинаре Дж. Б. Кларка — не о теоретических проблемах, а об экономической ситуации в Центральной Европе. И, наконец, когда мои надежды на получение работы не оправдались и мои небольшие средства иссякли, мне не пришлось мыть посуду в ресторане на Шестой авеню, в который меня уже приняли на работу, зато Джереми Дженкс из университета Нью-Йорка (точнее, из института Александра Гамильтона) нашел для меня место ассистента, что позволило мне посвятить свое время более

---

⁴¹ О Митчелле см. настоящую главу, приложение 2.

интеллектуальным занятиям. Годом позже была предоставлена первая стипендия фонда Рокфеллера — по крайней мере первая для бывших врагов по войне — и в США хлынул все возрастающий поток европейских студентов, что и сделало такие контакты обыденными.

Должен признаться, что при моей увлеченности чисто теоретическими вопросами первое впечатление об экономической науке США оказалось разочаровывающим. Я быстро обнаружил, что великие имена, бывшие для меня родными, воспринимались моими американскими сверстниками как старомодные, что работа в намеченном ими направлении была прекращена, а имя Уэсли Клэра Митчелла, которым только и клялась тогда молодежь, было единственным, которого я не знал, пока не получил рекомендательного письма к нему от Шумпетера. Главными темами дискуссий были деловой цикл и институционализм. Именно в этот год был опубликован сборник под редакцией Рексфорда Гая Тагвелла⁴² «Тенденции развития экономической науки» («The Trend of Economics»), претендовавший на роль программы институциональной школы. Первое, к чему принуждали заезжего экономиста, был визит в Новую школу социальных исследований, где требовалось выслушивать, как Торстейн Веблен саркастически и почти неразборчиво бормочет что-то перед группой восторженных пожилых дам — поразительно неприятное впечатление⁴³. Похоже, что наиболее полезной и основательной из тогдашних дискуссий было обсуждение политики центрального банка, которое вращалось вокруг важного отчета Совета управляющих федерального резерва за 1923 г. Лозунгом тогдашних дискуссий, в рамках которого обсуждались все эти вопросы, была «стабилизация». Для меня так и осталось загадкой, каким образом стабилизация уровня цен или любого другого поддающегося измерению параметра может устранить воздействие тех разрушающих равновесие сил, которые исходят

---

⁴² *Tugwell R. G. Ed. The Trend of Economics. New York: Alfred Knopf, 1924.* Не исключено, что название статьи «The Trend of Economic Thinking», перепечатанной в третьем томе собрания сочинений Хайека, является аллюзией на антологию Тагвелла.

⁴³ См.: *Veblen T. The Theory of the Leisure Class. New York: Macmillan, 1899.* [Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.]

со стороны денег. Единственная статья, которую я написал в то время, была попыткой показать, что нельзя стабилизировать покупательную способность денег одновременно и внутри страны, и за рубежом. Я так и не опубликовал эту статью, потому что прежде чем я смог изложить ее на приличном английском, чтобы было не стыдно перед редактором, Кейнс выпустил свой «Трактат о денежной реформе»⁴⁴, в котором излагалась та же точка зрения. Мне кажется, что многих экономистов того времени этот трактат поразили совершенно новым подходом, хотя может показаться удивительным, сколь поздно до общего понимания доходят такие сравнительно простые вещи.

В то время все были зачарованы попытками экономических прогнозов, в особенности работами над созданием экономического барометра Гарвардской экономической службы; как бы сомнительно все это ни выглядело в ретроспективе, но знакомство с этими работами и с совокупностью методов обработки временных рядов экономических показателей было, как ни стыдно в этом признаваться, важнейшей — для профессиональной карьеры — практической частью добычи, с которой мы, экономисты, возвращались из США. Но было и существенное преимущество в том, что нам пришлось познакомиться с современными методами экономической статистики, которые тогда были еще совершенно неизвестны в Европе.

Не приходится сомневаться, что именно этот опыт посещения Америки подтолкнул меня и многих других к исследованию проблем взаимоотношений между денежной теорией и деловым циклом. Пожалуй, самым интересным исходным пунктом анализа служили ныне забытые, но тогда усиленно обсуждавшиеся теории «недопотребления» Фостера и Кэтчингса⁴⁵. Но я счел эти работы, равно как и критические отклики

---

⁴⁴ *Keynes J. M.* A Tract on Monetary Reform. London: Macmillan, 1923. Reprinted as The Collected Works of John Maynard Keynes. London: Macmillan and St. Martin's Press, for the Royal Economic Society, 1971. Vol. 4.

⁴⁵ *Foster W. T.*, *Catchings W.* Profits // Pollak Foundation for Economic Research. Vol. 8. Boston: Houghton Mifflin, 1925. *Idem.* Business Without A Buyer // Pollak Foundation for Economic Research. Vol. 10. Boston: Houghton Mifflin, 1927; second edition, 1928. *Idem.* The Road to Plenty // Pollak Foundation for Economic Research. Vol. 11 Boston: Houghton Mifflin, 1928. Теории недопо-

на них (которые заслужили бы приз на самую злобную критику) удовлетворительными не более, чем результаты эмпирических работ Митчелла, которые ставили больше вопросов, чем давали ответов. Все это скорее отсылало меня назад к Викаселю и Мизесу, и побудило меня к попытке развить на заложенном ими фундаменте подробный анализ последовательных стадий делового цикла, в который мы все тогда еще верили. Именно над этим я работал большую часть тех семи лет, которые провел в Вене после возвращения из Америки. Когда я счел, что решение найдено, я набрался смелости опубликовать краткий очерк под названием «Цены и производство»⁴⁶. Но вскоре мне стало ясно, что теория капитала, на которую я опирался, представляет собой чрезмерно упрощенную конструкцию для задуманной мной грандиозной надстройки. В результате большую часть следующего десятилетия я посвятил развитию более удовлетворительной теории капитала. Боюсь, что до сих пор эта часть экономической теории представляется мне наименее разработанной. Впрочем, я уже исчерпал время, отведенное на эту лекцию.

О второй половине 1920-х годов сказать особенно нечего. Может из-за того, что я был главой научно-исследовательского института, занимавшегося изучением делового цикла, мне представляется, что в центре общего внимания был американский

требления объясняют колебания деловой активности изменениями соотношения между объемом потребительского спроса и объемом производства (идея похожа на кейнсову концепцию недостаточного совокупного спроса, хотя и не вполне совпадает с ней). Название книги Хайека (*The Road to Serfdom*. Chicago: University of Chicago Press, and London: Routledge & Kegan Paul, 1944 [Рус. изд.: *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005]) может быть аллюзией на название этой работы. О Фостере и Катчингсе Хайек писал в статье «Gibt es einen ‘Widersinn des Sparens’? Eine Kritik der Krisentheorie von W. T. Foster und W. Catchings mit einigen Remerkungen zur Lehre von der Beziehungen zwoschen Geld und Kapital» (*Zeitschrift für Nationalökonomie*. Vol. 1. 1929. P. 387–429), англ. пер.: *The Paradox of Saving // Economica*. Vol. 11. 1931. P. 125–169, перепечатана в кн.: *Hayek F.* Profits, Interest and Investment. London: Routledge, 1939; reprinted, Clifton, N. J.: Augustus M. Kelley, 1969. P. 199–263.

⁴⁶ *Hayek F. A.* Prices and Production. London: Routledge & Sons, 1931; 2nd rev. edition, London: Routledge & Kegan Paul, 1935. [Рус. изд.: *Хайек Ф.* Цены и производство. Челябинск: Социум, 2007.]

экономический бум и гадания о том, сколько же он продлится. Репарационные платежи и проблема трансфертов были еще одной популярной у теоретиков темой, но я никогда особо не интересовался теорией международной торговли, и книга Хаберлера⁴⁷ вполне достойно подытоживает тогдашние дискуссии. Скорее всего, общие усилия теоретиков были направлены к интеграции различных школ. Мы в Вене были поглощены простым усвоением потока новых идей, которые шли отовсюду, в основном из Англии (одним из самых интересных авторов был Хоутри), однако все больше и больше из США.

Приложение:

*Джон Бейтс Кларк (1847–1938)*⁴⁸

Когда Джон Бейтс Кларк умер 23 марта 1938 г. в возрасте 91 года, для молодых экономистов по эту сторону Атлантики⁴⁹ он уже стал почти легендарной фигурой, а некоторым он представлялся кем-то вроде современного Бастиа, последним из верующих в естественную гармонию экономических сил. Здесь не место защищать его от этих ошибочных интерпретаций. А о его великом достижении в области экономической теории — о разработке и окончательном утверждении анализа с позиций предельной производительности, которые обеспечивают ему место в ряду основателей современной экономической теории, скажут будущие историки экономической мысли. Но мы все должны быть признательны светлой памяти Джона Бейтса Кларка — человека, одного из самых мудрых и добрых учителей своего поколения, что может подтвердить каждый, кто хорошо его знал в последние годы его преподавательской деятельности. Многие в долгу перед ним за благородное и дружелюбное руководство, с которым он направ-

---

⁴⁷ *Haberler G. Der Internationale Handel: Theorie der weltwirtschaftlichen Zusammenhänge sowie Darstellung und Analyse der Außenhandelspolitik. Berlin: J. Springer, 1933., англ. пер.: The Theory of International Trade. London: W. Dodge, 1936; New York: Macmillan, 1937.*

⁴⁸ Очерк «John Bates Clark: A Memorial» (напечатан частным образом в Columbia University Press, 1938) опубликован в *Economica*, N. S. Vol. 6. 1939. P. 223–224.

⁴⁹ То есть в Британии.

лял их первые шаги в науке. А для тех, кто не был с ним знаком, этот краткий очерк его жизни и деятельности даст живое представление об одной из действительно великих личностей нашей профессии.

Вероятно, будет кстати сделать небольшой вклад в биографию Дж. Б. Кларка, опубликовав следующее письмо, которое оказалось в моем распоряжении. Оно было написано вскоре после публикации книги покойного Роберта Цукеркандля — *Zuckerkan dl R. Theorie des Preises mit besonderer Berucksichtigung der Lehre. Leipzig: Stein, 1889*, — и к нему был приложен номер журнала *New Englander. Vol. 161. July 1881* со статьей Дж. Б. Кларка «Философия ценности».

Колледж Смита,
Нортгемптон, Массачусетс,
14 января 1890 г.

Дорогой сэр!

В данное время я получаю пользу и удовольствие от чтения Вашей замечательной книги «Теория цены». Я беру на себя смелость послать Вам мою раннюю публикацию о ценности. В момент ее выхода в 1881 г. я был молодым преподавателем в одном из наших западных колледжей; и я действительно был уверен, что я первым открыл принцип, сформулированный в этой статье. Это исследование было написано задолго до его публикации.

Искренне Ваш

Дж. Б. Кларк
Г-ну д-ру Роберту Цукеркандлю
Вена

P.S. Особенное удовольствие доставляет мне возможность воздать должное выдающимся мыслителям, главным образом австрийцам, которые в этой области опередили меня и продвинулись в своем исследовании гораздо дальше.

Можно добавить, что, несмотря на хорошо известные споры по поводу теории капитала, личные отношения между Дж. Б. Кларком и австрийской школой, которые установились как раз перед войной, были самыми сердечными и что по крайней мере некоторые представители второго и третьего поколения австрийской школы обязаны учению Дж. Б. Кларка почти в столь же большой степени, что и своим учителям.

Приложение:
Уэсли Клэр Митчелл (1874—1948)⁵⁰

Со смертью Уэсли Клэра Митчелла в возрасте 74 лет американская экономическая наука утратила одного из самых выдающихся и, пожалуй, наиболее характерного для нее ученого. Помимо важного вклада в решение отдельных проблем, он, быть может, больше любого другого экономиста своего поколения участвовал в формировании того общего подхода к предмету, который в последние 30 лет⁵¹ отличал ученых США.

Митчелл получил ортодоксальное классическое образование в Чикаго под руководством Д. Л. Лафлина, но вскоре попал под влияние Торстейна Веблена и Джона Дьюи. Хотя он внимательно следил за новыми веяниями в развитии современной экономической теории и его лекции по большей части были посвящены рассмотрению этого развития, сам он невысоко оценивал полезность этой теории и посвящал свои силы разработке другого подхода, который представлялся ему более соответствующим духу эмпирической науки и идеи которого он во многом почерпнул у Веблена, Дьюи и ученых немецкой исторической школы. Его усилиям больше, чем чему-либо другому, обязана своим формированием и возвышением «институциональная» школа экономической теории, оплотом которой в 1920-х годах стал Колумбийский университет, где Митчелл преподавал с 1914 года, и которая в 1930-х годах оказала огромное влияние на экономическую политику президента Рузвельта.

⁵⁰ Опубликовано как: Wesley Clair Mitchell, 1874—1948 // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General)* Vol. III, 1948. P. 254—255. Хайек познакомился с Митчеллом в Нью-Йорке в 1923 г., когда слушал его лекции в Колумбийском университете. От Митчелла Хайек впервые услышал изложение доктрины (которую впоследствии назвал «конструктивизмом»), утверждавшей, что «поскольку человек сам создал общественные институты и цивилизацию, он также должен быть способен произвольно изменять их ради удовлетворения своих нужд и желаний». См. краткое обсуждение взглядов Митчелла в: *Hayek F. New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*. Chicago: University of Chicago Press; London: Routledge & Kegan Paul, 1978. P. 3. Эмиль Кодер упоминает о переписке между Хайеком и Митчеллом в: *Kauder E. History of Marginal Utility Theory*. Princeton: Princeton University Press, 1965.

⁵¹ Написано в 1948 г.

Исследования Митчелла были посвящены почти исключительно проблемам, лежащим на границе между экономической теорией и статистикой. После двух исследований истории денежного обращения в период «гринбеков», опубликованных в 1903 и 1908 г., он обратился к исследованиям колебаний деловой активности и в 1913 г. опубликовал фундаментальный труд о деловых циклах⁵², который вскоре стал классическим и в следующие двадцать лет оказывал влияние на развитие в этой области больше, чем любая другая работа. Эта тема осталась предметом основного интереса Митчелла, и ей он посвятил большую часть своих формальных работ. Дальнейший вклад Митчелла в эту область представлен как его собственными последующими публикациями, так и работами преданной группы его учеников и сотрудников, которых он вдохновлял и поддерживал, а также деятельностью созданной им исследовательской организации. Находящееся в Нью-Йорке Национальное бюро экономических исследований, которое он основал после Первой [мировой] войны, является, по-видимому, наилучшим среди аналогичных заведений. Митчелл не только руководил всей деятельностью этой организации на протяжении 25 лет, но и лично взял на себя особую ответственность за серию специальных исследований делового цикла, которые должны были развить и уточнить сделанное им прежде посредством более подробных обследований проблемы циклических колебаний в целом. Первый том этой большой работы появился в серии публикаций бюро в 1927 г. под названием «Business Cycles: The Problem and its Setting»⁵³. Второй том под названием «Measuring Business Cycles»⁵⁴, написанный в соавторстве с д-ром А. Ф. Бернсом, который позднее сменил его на посту директора бюро, появился только в 1946 г. Следующий том, который должен был подытожить основной вывод четвертьвекового труда в этой области, был, как говорят, практически завершен незадолго до смерти Митчелла⁵⁵.

⁵² *Mitchell W. C. Business Cycles. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1913.*

⁵³ *Mitchell W. C. Business Cycles: The Problem and its Setting. New York: National Bureau of Economic Research, 1927.*

⁵⁴ *Burns A. F., Mitchell W. C. Measuring Business Cycles. New York: National Bureau of Economic Research, 1946.*

⁵⁵ Опубликовано посмертно под названием «What Happens During Business Cycles: A Progress Report» (New York: National Bureau of Economic Research, 1951).

Но интересы и деятельность Митчелла были куда шире, чем можно представить по краткому перечислению его работ, посвященных главному предмету его исследований. Долгие годы почти все его время принадлежало общественным обязанностям. И хотя его, скорее всего, запомнят как автора новаторских работ в особой области, в своих интересах и общем мирозерцании он был почти настолько же философом, насколько узким специалистом. Вопрос о роли и значении общественных наук, а также об их функции в общественной жизни был для него столь же важным, как проблемы той области, в которой он работал профессионально, постоянно исследуя возможности новых подходов. Сборник его статей, вышедший в 1937 г. под названием «The Backward Art of Spending Money»⁵⁶, дает, пожалуй, наилучшее представление о широте его интересов и о природе его методологических представлений. Равным образом изданный два года назад сборник статей его учеников и сотрудников, посвященный его памяти⁵⁷, в определенной степени свидетельствует о влиянии его идей. Даже тому, кто знал Митчелла лишь поверхностно, нетрудно понять, как это влияние должно было усиливаться обаянием его личности и поразительным примером безусловной преданности избранному научному идеалу.

---

⁵⁶ *Mitchell W. C. The Backward Art of Spending Money, and Other Essays.* New York: McGraw Hill, 1937.

⁵⁷ *Economic Essays in Honor of Wesley Clair Mitchell.* New York: Columbia University Press, 1935.

Глава 1

АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА¹

Теория ценности до 1871 г.

Все признают «маржиналистскую революцию» 1870-х годов важным шагом в развитии экономической теории. Тем, у кого была возможность начать с достигнутых ею результатов, трудно понять, почему столь очевидные и простые идеи, которые и прежде приходили в голову многим мыслителям, оказали столь глубокое воздействие во времена, когда У. С. Джевонс, Карл Менгер и Леон Вальрас независимо друг от друга и почти

---

¹ Опубликовано как *Economic Thought: The Austrian School* // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. London: Macmillan; New York: The Free Press, 1968. Vol. 4. P. 458–462. Несколько иная версия статьи была опубликована в 1965 г.: *Weiner Schule* // *Handwörterbuch der Sozialwissenschaften*. Vol. 12. Stuttgart: Gustav Fisher; Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck); Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1965. В версии, опубликованной здесь, восстановлены несколько абзацев и фраз, опущенных при последующих публикациях. Примерно в 1982 г. Хайек начал писать статью об австрийской школе для «*The New Palgrave: A Dictionary of Economics*» (Ed. John Eatwell, Murray Milgate and Peter Newman. London: Macmillan, 1987). Но эта статья так и не была закончена. Набросок статьи был использован проф. Израэлем Кирцнером из Нью-Йоркского университета как источник для собственного эссе, которое появилось в свет под заглавием «*Austrian School of Economics*» в первом томе «*New Palgrave*» (p. 145–150). Черновик статьи Хайека для нового словаря большей частью повторяет материал глав, расположенных в части I настоящего тома, но один раздел, в котором описывается период после написания этой главы, включен здесь в виде Приложения. В качестве примечаний к тексту этой главы и главы 4 добавлены также несколько абзацев и фраз из наброска для «*New Palgrave*», содержащих новую информацию или усиливающих ту или иную мысль.

одновременно² заново открыли их. Еще труднее понять, почему заложенная Менгером традиция смогла оказать на экономическую теорию столь глубокое воздействие за время жизни всего двух поколений. Чтобы объяснить это, нужно уточнить различие, которое обычно неадекватно выражают через противопоставление «объективной» и «субъективной» теорий ценности.

Поскольку очевидно, что ценность есть свойство конкретных вещей или услуг, естественно было искать ее основные факторы в некотором свойстве или свойствах конкретных объектов, которые обладают ею. В физических науках такой подход оказался вполне успешным, а поэтому представлялось разумным предположение, что объекты одинаковой ценности должны иметь и другие общие «врожденные» свойства. Конечно, зачастую было ясно, что решающим фактором может быть нечто, коренящееся не в самом объекте, а в отношении человека к этому объекту. Со времен средневековых схоластов (и даже со времен Аристотеля) вновь и вновь отмечалось: чтобы обладать ценностью, объект должен быть полезным и редким³. Но эту идею редко кто доводил до логического конца со всей

² Менгер и Джеванс в 1871 г., а Вальрас в 1874 г. О Карле Менгере см. ниже, гл. 2. Уильям Стенли Джеванс (1835—1882) — профессор логики и философии в колледже Оуэнс, в Манчестере, автор книги *Jevons W. S. The Theory of Political Economy*. London and New York: Macmillan, 1871. Леон Вальрас (1834—1910) — профессор академии (позднее университет) в Лозанне, Швейцария, в 1870—1892 гг., создатель современной общей теории равновесия. Последние исследования по истории маржиналистской революции склонны подчеркивать не сходство, а различие в подходах Менгера, Джеванса и Вальраса. В особенности это выражено у Эриха Штрайсслера: *Streissler E. To What Extent Was the Austrian School Marginalist? // History of Political Economy*. Vol. 4. Fall. 1972. P. 426—441. Также см.: *Jaffé W. Menger, Jevons and Walras De-homogenized // Economic Inquiry*. Vol. 14. December 1976. P. 511—524.

³ О вкладе поздних схоластов, особенно ученых XVI—XVII вв., принадлежавших к Саламанкской школе (Испания), и их места как предшественников австрийской школы см. отличное исследование Алехандро Чафуна, опубликованное под неудачным заглавием: *Chafuen A. Christians for Freedom: Late-Scholastic Economics*. San Francisco: Ignatius Press, 1986. Также см.: *Roover R. Business, Banking and Economic Thought in Late Medieval and Early Modern Europe*. Chicago: University of Chicago Press, 1974.

методичностью (хотя следует сделать исключение для Фердинандо Галиани в его «*Della moneta*» (1750)⁴, величайшего из предшественников современной теории), и никто не доходил до осознания того, что значимо не просто отношение человека к конкретной вещи или классу вещей, а положение этой вещи в целостной структуре средств—целей — в целостной схеме, с помощью которой люди определяют, как распределять доступные им ресурсы между различными целями.

Появившееся в конце концов истолкование ценности, которое тотчас снискало успех работам Менгера и его учеников, возникло главным образом в результате подхода к проблеме ценности через упорное рассмотрение природы экономического выбора в многообразных типах взаимоотношений между различными средствами и различными целями. Хотя предложенные Джевансом и Вальрасом решения старых парадоксов были не менее верны, для большинства экономистов того времени эти решения оказались недоступными из-за математизированного способа изложения. Более того, эти авторы сами воспринимали решение парадокса полезности всего лишь подготовительным этапом, который следовало быстро миновать, чтобы перейти к главному — к объяснению того, как ценность проявляется в отношениях обмена. Австрийцы, напротив, сделали своей центральной темой полный анализ условий определения ценности, вне зависимости от возможности обмена, так что позднее им пришлось защищаться от обвинений, что для них предельная полезность являлась прямым объяснением цены⁵. Конечно же, субъективная ценность, объясняющая цену, есть только первый шаг ко второму этапу, к теории цены.

На континенте подход через полезность в связи с редкостью со времен Галиани оставался важной традицией, и существенные результаты были достигнуты в следующих сочинениях: Этьен Бонно де Кондильяк «*Торговля и государство (1776)*»⁶, Луи

⁴ *Galiani F.* *Della moneta*. Naples: G. Raimondi, 1750. Переведено Питером Н. Тоскано как: *On Money*. Ann Arbor, Mich.: Published for the Department of Economics, University of Chicago, by University Microfilms International, 1977.

⁵ Об этом см. в настоящем изд. с. 91—92.

⁶ *Condillac E. B.* *Le commerce et le gouvernement, ouvrage élémentaire, par l'abbé de Condillac*. Amsterdam: n. p., 1776.

Сэй «Рассуждения о промышленности» (1822)⁷, Огюст Вальрас «О природе богатства» (1831)⁸, Жюль Дюпюи «О мере полезности гражданских сооружений» (1844)⁹ и, наконец, в замечательной, но в свое время совершенно незамеченной работе Германа Генриха Госсена «Развитие законов общественного обмена и вытекающих отсюда правил человеческой деятельности» (1854)¹⁰. С другой стороны, в Англии гораздо более развитая система классической политической экономии сочеталась с «объективной» трудовой теорией ценности, а традиция анализа с точки зрения полезности сохранилась только в форме подавленного протеста, который нашел выражение в 1834 г. в работе У. Ф. Ллойда «Идея ценности»¹¹. Окончательно эта традиция угасла, когда в 1848 г. Дж. С. Милль в «Основаниях политической экономии» не только воспроизвел подход классической школы, но и хладнокровно заявил:

⁷ *Say L. A. Considerations sur l'industrie et la législation. Paris: J. P. Aillaud, 1822.* Луи Огюст Сэй (1774—1840), брат Жана-Батиста Сэя, торговец сахаром.

⁸ *Walras A. De la nature de la richesse. Paris: Furne, 1832.* Антуан Огюст Вальрас (1801—1866) — отец Леона Вальраса, профессор философии в Королевском колледже Лилля и Каэна.

⁹ *Dupuit J. De la mesure de l'utilité des travaux publics. Paris: Imprimerie de Roupert-Davyd, 1844.* [Переведено и опубликовано в сборнике: *Kenneth Arrow and Tibor Scitovsky. Eds. Readings in Welfare Economics. Homewood, Ill.: R. D. Irwin, for the American Economic Association, 1969.* О Дюпюи (1804—1866) см. главу 6 в: *Hayek F. A. The Trend of Economic Thinking // Collected Works of F. A. Hayek. Vol. 3*

¹⁰ *Gossen H. H. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs. Berlin: R. L. Praeger, 1889.* [Перевод на англ. Рудольфа Блитца: *Gossen H. H. The Laws of Human Relations and the Rules of Human Action Derived Therefrom* с вводной статьей Николаса Георгеску-Рогена (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983). Хайек рассматривает работу Госсена в главе 15 «The Trend of Economic Thinking». В неоконченной статье для словаря «New Palgrave» (см. выше прим. 1) Хайек дополняет этот список именами: *Herrmann F. B. W. Staatswirtschaftliche Untersuchungen. Munich: A. Weber, 1832*; а также: *Mangoldt H. Grundriß der Volkswirtschaftslehre. Stuttgart: J. Maier, 1863*; добавляя, что «в Германии, так же как и во Франции, рикардианская трудовая теория ценности никогда не доминировала столь полно», как в Британии.

¹¹ *Lloyd W. F. A Lecture on the Notion of Value. London: Roake and Varty; Oxford: J. H. Parker, 1834.*

«К счастью, в законах ценности нет ничего, что осталось бы выяснить современному или любому будущему автору; теория этого предмета является завершённой»¹².

Менгер и основание школы

Если Джевонс (на девять лет опередивший Менгера своим предварительным наброском теории ценности, основанной на «конечной полезности»¹³) создавал свою концепцию в прямой оппозиции к господствующей доктрине и мог опереться только на утилитаризм Бентама, то Менгер и Вальрас располагали в своей работе богатой литературной традицией, благоприятствующей подходу с позиций полезности. Но в Вене, где трудился Менгер, отсутствовал интерес к экономической теории. В то время в Венском университете экономическую теорию преподавали немцы, чьи научные интересы были связаны преимущественно с социологией¹⁴. Таким образом, быстрое развитие особой австрийской школы экономической теории было результатом исключительно усилий Менгера, хотя это развитие и совпало с ростом научного уровня Венского университета в ряде других областей, что превратило его на следующие

---

¹² *Mill J. S. Principles of Political Economy, with Some of Their Applications to Social Philosophy. Boston: Little & Brown, 1848. Vol. 3. Chapter 1. Section 1. [Рус. изд.: Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. Кн. 3. Гл. 1. §1. С. 496.]*

¹³ Имеется в виду сочинение Джевонса «Brief Account of a General Mathematical Theory of Political Economy», которое было зачитано перед Британской ассоциацией, секция F, в Кембридже в октябре 1862 г., опубликовано в *Journal of the Statistical Society of London. Vol. 29, 1866. P. 282—287*, и переиздано в виде приложения ко 2-му изданию «Theory of Political Economy». [Рус. пер.: Джевонс У. С. Краткое сообщение об общей математической теории политической экономии // Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 70—77.]

¹⁴ В незавершенной статье для «New Palgrave» Хайек цитирует неопубликованную диссертацию, защищенную в Оксфорде в 1982 г. Клаусом Хеннингсом, из которой следует, что, возможно, именно один из немецких профессоров, Альберт Шэффле (1831—1903), подтолкнул Бём-Баверка и Визера в их бытность студентами к изучению идей Менгера.

пятьдесят или шестьдесят лет во влиятельный интеллектуальный центр¹⁵.

Карл Менгер работал чиновником канцелярии премьер-министра в Вене, когда в возрасте тридцати одного года он опубликовал свое первое и главное сочинение «Основы учения о народном хозяйстве»¹⁶. Это была первая часть задуманного трактата, продолжение которого так и не появилось. В работе рассматривались общие условия, порождающие экономическую деятельность, ценность, обмен, цены и деньги. Работа оказалась столь влиятельной, потому что предложенное в ней объяснение ценности возникало из анализа условий, определяющих распределение редких благ среди конкурирующих целей, а также того, как различные блага конкурируют или дополняют друг друга во имя удовлетворения различных нужд — словом, из объяснения того, что я выше обозначил как «структура средства—цели». Это тот самый анализ, который и должен предшествовать собственно теории ценностей. Фридрих фон Визер систематически развил этот анализ в теорию ценности (*vorwerttheoretische*), что позволило положить австрийский вариант анализа с позиций предельной полезности в основание дальнейшего развития [экономической теории]. Из этого анализа выросла большая часть того, что сегодня известно как логика выбора, или «экономическое исчисление».

Для изложения Менгера в целом характерно скорее обилие скрупулезных деталей и упорное стремление к описанию су-

---

¹⁵ В наброске для «New Palgrave» Хайек пишет: «Поскольку в начале этого века международную известность получило поразительное число „венских“ или „австрийских“ школ, следует указать, что в целом эти школы имели между собой мало общего, а в некоторых случаях их развитие сопровождалось острыми взаимными конфликтами. Именно такими были взаимоотношения между австрийской экономической школой и школами логического и правового позитивизма. Экономическая и психоаналитическая школы никак не соприкасались, а австрийские экономисты и австромарксисты, естественно, постоянно враждовали». См. также наст. изд., с. 31.

¹⁶ *Menger C. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*. На титульном листе был подзаголовок «Erster, Allgemeiner Teil» («Первая часть. Введение». — *Перев.*). Тираж быстро разошелся, и книга стала труднодоступной. [Рус. пер.: *Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранное*. М.: ИД «Территория будущего», 2005.]

щественных моментов, нежели эlegantность или использование графиков для иллюстрации выводов. Будучи несомненно ясным, этот труд тяжеловесен, и в таком изложении он вряд ли смог бы когда-нибудь привлечь широкое внимание. Однако ему посчастливилось найти ревностных и одаренных читателей в лице двух молодых людей, которые окончили Венский университет незадолго до того, как Менгер стал в нем профессором. Они решили посвятить свою жизнь совершенствованию этого учения. Большею частью именно благодаря трудам Ойгена фон Бём-Баверка и Фридриха фон Визера, двух однокашников, впоследствии породнившихся*, идеи Менгера получили развитие и распространение¹⁷. Постепенно, уже в 1880-х годах, после появления их основных работ, к ним стали присоединяться другие люди, из университетов и иных сфер. Особого внимания заслуживают Эмиль Сакс (1845—1927), Роберт Цукеркандль (1856—1926), Иоганн фон Коморжински (1843—1912), Виктор Матайя (1857—1933) и Роберт Майер (1855—1914). Немного позже к ним примкнули Герман фон Шуллерн цу Шраттенхофен (1861—1931) и Рихард Шюллер (1871—1972).

В 1889 г., в котором сконцентрировалось громадное количество важнейших публикаций этой группы, появился важный

---

* Бём-Баверк женился на сестре Визера. — *Прим. ред.*

¹⁷ Менгер стал *ausserordentlicher Professor* (экстраординарным профессором) в Венском университете в 1873 г. и *Ordinarius* (ординарным) в 1879 г. Бём-Баверк и Визер, оба примерно на одиннадцать лет моложе Менгера, начали работать с ним в Вене в начале 1880-х годов. Бём-Баверк, до того как принять должность профессора в Вене, где вел свой знаменитый семинар по экономической теории, занимал профессорскую кафедру в Инсбруке и трижды — пост министра финансов, прежде чем получил место профессора в Вене. Наиболее известны следующие работы Бём-Баверка: *Kapital und Kapitalzins*, 1884—1912 [Рус. пер.: *Бём-Баверк О.* История и критика теорий процента. М.: Эксмо, 2008; *Бём-Баверк О.* Позитивная теория капитала. Челябинск: Социум, 2009]; *Zum Abschluss des Marxschen Systems (Staatswissenschaftliche Arbeiten, Festgaben für Karl Knies*. Berlin: Haering, 1896), [рус. пер.: *Бём-Баверк О.* К завершению марксистской системы // *Бём-Баверк О.* Критика теории Маркса. Челябинск: Социум, 2002]. О Визере (1851—1926), который унаследовал кафедру Менгера после его ухода в отставку в 1903 г., см. главу 3 наст. изд.

теоретический трактат «Теория цены», написанный двумя венскими бизнесменами, Рудольфом Ауспицем и Рихардом Лейбеном¹⁸. Но в список работ австрийской школы этот труд можно включить лишь условно. Он наметил движение по параллельной, но совершенно независимой линии, и его в высшей степени математическое изложение было слишком сложным для большинства экономистов того времени, так что значимость этой работы была признана много позже.

Огромную роль в распространении учений школы сыграло то, что еще один венский профессор Ойген фон Филиппович фон Филиппсберг (1858—1917), не будучи деятельным теоретиком, включил изложение теории предельной полезности в очень популярный учебник «Grundris der politischen Ökonomie»¹⁹. Более двадцати лет после выхода этот учебник оставался в Германии самым популярным и был чуть ли не единственным каналом, через который стране стала известна теория предельной полезности²⁰. В других странах, особенно в Англии, США, Италии, Нидерландах и в Скандинавии основные экономические публикации австрийской школы стали известны быстрее, отчасти в переводах на английский язык²¹. Среди иностранных сторонников современник Бём-Баверка и Визера швед Кнут Виксель был, вероятно, наиболее выдающимся. Хотя сам Виксель многое позаимствовал у Вальраса,

¹⁸ *Auspitz R., Lieben R. Untersuchungen über die Theorie des Preises. Leipzig: Duncker & Humblot, 1889.*

¹⁹ *Philippovich von Philippsberg E. Grundris der politischen Ökonomie. Freiburg: J. C. B. Mohr, 1893.* Филиппсберг был ординарным профессором в Венском университете с 1893 по 1917 г. См. статью Хайека о Филиппсберге в *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Op. cit. Vol. 11. P. 116.

²⁰ В Германии XIX в. учебники занимали особое место, потому что университетские профессора предпочитали публиковать свои идеи именно в форме учебников, а не монографий, как это было принято в Британии. См.: *Streissler E. The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall // Carl Menger and his Legacy in Economics*. Op. cit. P. 31—68.

²¹ В наброске для «New Palgrave» Хайек перечисляет имена тех, кто многим обязан влиянию австрийской теории ценности: Джеймс Бонар и Уильям Сمارт в Англии; Ирвинг Фишер, Фрэнк Э. Феттер, Т. Н. Карвер и Герберт Давенпорт в США, Маффео Панталони в Италии; Шарль Рист во Франции; Н. Г. Пирсон в Голландии; Кнут Виксель в Швеции.

в 1921 г. он написал, что «со времен „Начал“ Рикардо не было другой книги — не исключая блистательного, но несколько афористичного сочинения Джевонса и чрезмерно трудной, к сожалению, работы Вальраса — которая оказала бы столь же большое влияние на развитие экономической теории, как “Основания” Менгера»²².

Вклад Бём-Баверка и Визера

Для теоретического развития идей Менгера важнейшими этапами были истолкование Визером издержек как пожертвованной полезности (позднее получивших название «альтернативных издержек») и теория определения ценности факторов производства посредством «вменения» (*Zurechnung*). (Последний термин, как и термин «Grenznutzen» — предельная полезность, — был введен Визером). Вклад Бём-Баверка в собственно теорию ценности заключается главным образом в прозрачности изложения и большой полемической одаренности. Самым важным его достижением стала теория капитала и процента, которую приняли далеко не все члены школы²³. В целом можно сказать, что в рамках школы строго ортодоксальная теория так и не возникла, а развитие идей Менгера демонстрирует явно выраженные различия. Это в особенности относится к Бём-Баверку и Визеру, которые представляли

²² Цитируется статья Вискелля: *Wicksell K. Carl Menger* // *Ekonomisk Tidskrift*. 1921. P. 113—124; см. также: *Wicksell K. Selected Papers on Economic Theory*. Ed. Erik Lindahl. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958. P. 191.

²³ Говорят, что Менгер называл теорию капитала Бём-Баверка «величайшей ошибкой» (цитируется у Шумпетера в: *Schumpeter J. History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press, 1954. P. 847. [Рус. изд.: *Шумпетер Й. История экономического анализа*. В 3-х т. СПб.: Экономическая школа, 2001.]). О несогласии Менгера с Бём-Баверком см.: *Endres A. M. The Origins of Böhm-Bawerk's 'Gratest Error': Theoretical Points of Separation from Menger* // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 143 (1987). P. 291—309, а также: *Garrison R. W. Austrian Capital Theory: The Early Controversies. Carl Menger and his Legacy* // *Carl Menger and his Legacy in Economics*. Op. cit. P. 133—154.

совершенно различные интеллектуальные типы²⁴ и положили начало двум традициям одной школы.

Бём-Баверка отличали логическая последовательность мышления, мастерство полемиста и одновременно большой практический опыт (он трижды был министром финансов Австро-Венгрии). Он был способен соотнести свою работу со всей совокупностью экономической литературы и всегда был готов учитывать взгляды других. Поэтому во многих отношениях он оставался ближе к учению Менгера, чем Визер, который после начального стимулирующего воздействия Менгера развивался во многом самостоятельно. Поэтому его работы очень индивидуальны, и, хотя в некоторых аспектах (как, например, в анализе значения различных типов монополии) он предвосхитил последующее развитие, в других, как в случае с его упорным утверждением о возможности вычислять и сравнивать межличностные индексы полезности, его идеи были позднее отброшены. Его произведение «Теория общественного хозяйства»²⁵, являющаяся единственным полным и систематическим изложением ранних идей школы Менгера, не может поэтому рассматриваться как каноническая, хотя и представляет несомненный личный вклад Визера.

Спор с исторической школой

Карл Менгер был превосходным преподавателем, и через своих многочисленных учеников, а также собственное участие в дискуссиях по экономической и финансовой политике он оказывал существенное воздействие на общественную жизнь Австрии. Если после публикации первой работы его вклад в развитие чистой теории оказался незначительным, то это главным образом из-за участия в *Methodenstreit*, споре о методах с лидером молодой немецкой исторической школы Густавом Шмоллером²⁶. В Германии книгу Менгера почти не замети-

---

²⁴ О двух типах интеллектуальности см. эссе Хайека: *Hayek F. Two Types of Mind: The Trend of Economic Thinking // The Collected Works of F. A. Hayek. Vol. 3.*

²⁵ *Wieser F. Theorie der gesellschaftliche Wirtschaft, in Grundris der Sozialökonomik. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1914.*

²⁶ *Gustav von Schmoller (1838–1917) — профессор университетов*

ли, главным образом потому, что господствовавшая историческая школа почти вытеснила экономическую теорию из учебных программ немецких университетов. В этих обстоятельствах Менгер, естественно, считал крайне актуальным доказать важность теоретических исследований. На это и была нацелена его работа «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности»²⁷, которая в некоторых отношениях стала столь же важной для развития австрийской школы, как и его ранний труд «Основания политической экономии», хотя даже собственная школа не принимала целиком его методологические взгляды. Но систематическая разработка того, что Шумпетер позднее назвал «методологическим индивидуализмом»²⁸, и анализ эволюции общественных институтов (с возрождением идей Бернарда Мандевилля²⁹ и

в Галле, Страсбурге и Берлине, лидер молодой немецкой исторической школы или «катедер-социалистов». О споре о методах см.: *Mises L. von. The Historical Setting of the Austrian School of Economics*. Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1984; *Bostaph S. The Methodological Debate Between Carl Menger and the German Historicists // Atlantic Economic Journal*. Vol. 6, September 1978. P. 3—16.

- ²⁷ *Menger K. Untersuchungen über die Method der Sozialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere*. Op. cit.
- ²⁸ *Schumpeter J. A. Das Wesen und der Hauptinhalt theoretischen Nationalökonomie*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908. Отрывок из этой работы был опубликован на английском языке в виде памфлета: *Schumpeter J. A. Methodological Individualism* Brussels: Institutum Europaicum, 1980. Предисловие Хайека к этому памфлету воспроизводится в главе 5 наст. изд. Методологический индивидуализм, превратившийся в один из основополагающих принципов современной неоклассической экономической теории и австрийской школы, представляет собой просто-напросто убеждение, что все общественно-научные объяснения должны основываться на планах и решениях отдельного человека. «*Методологический индивидуализм* представляет собой подход, который позволяет рассматривать как объяснение любых социальных явлений *только* решения отдельного человека... Он не допускает объяснений, в которых источниками принимаемых решений оказываются институты, погода или даже историческая судьба». См.: *Boland L. A. The Foundations of Economic Method*. London: Heinemann, 1973. P. 185—212. См. также: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории*. М.: Социум, 2005. С. 42—45.
- ²⁹ См. эссе Хайека: *Dr. Bernard Mandeville // The Trend of Economic Thinking*. Op. cit.

Давида Юма) оказали глубокое воздействие на всех членов школы, а позднее переросли пределы экономической науки. По сравнению с этим стычки со Шмоллером оказались существенно менее важными, хотя в то время они порождали эмоциональный обмен мнениями, в котором участвовали представители обеих сторон. Этот спор породил такой раскол между двумя группами, что университеты Германии оказались заполненными почти исключительно членами исторической школы, а университеты Австрии — членами школы Менгера.

Третье и четвертое поколения

В 1903 г. Менгер отошел от преподавания, выйдя на пенсию, так что его прямое влияние на третье поколение австрийской школы, формирование которой пришлось на последнее предвоенное десятилетие, оказалось незначительным. Эти годы, когда в Вене преподавали Бём-Баверк, Визер и Филиппович, оказались для школы периодом величайшей славы. Центром теоретических дискуссий и местом, откуда вышли ведущие представители третьего поколения, стал семинар Бём-Баверка. Среди них особенно следует отметить Людвиг фон Мизеса (1881—1973)³⁰, продолжившего традицию Бём-Баверка, и Ганса Майера (1879—1955)³¹, который продолжил традицию Визера. (Франц К. Вейсс (1885—?) принадлежал к числу более строгих последователей традиции Бём-Баверка.) Йозеф Шумпетер (1883—1950)³², многим обязанный Бём-Баверку, тем не менее впитал столь много разных влияний (особен-

---

³⁰ О Мизесе см. главу 4.

³¹ В неоконченной статье для «New Palgrave» Хайек пишет, что Майер «был безусловно весьма одаренным, но болезненно эмоциональным человеком, который изрядную часть своей энергии расходовал на долгие баталии со своим коллегой Отмаром Шпанном. Помимо монументальной работы о состоянии современной экономической теории, которую он издал в четырех томах под названием „Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart“ (Vienna: J. Springer, 1927—1932), он оставил только ряд очень глубоких эссе, содержание которых еще только предстоит оценить по достоинству». О Майере и Шпанне см.: Craver. Op. cit. P. 5—13.

³² О Шумпетере см. наст. изд., глава 5.

но лозаннской школы³³), что его нельзя вполне считать членом этой группы. То же можно сказать про Альфреда Амонна (1883—1962), близкого английской классической традиции. Рихард фон Штригль (1891—1942), Эвальд Шамс (1889—1955)³⁴ и Лео Илли (1888—1952), первоначальным именем которого было Лео Шонфельд³⁵, были несколько моложе, но вполне деятельны.

Венская школа вновь продемонстрировала свою плодотворность в 1920-е годы, когда в Вене преподавали Ганс Майер и Людвиг фон Мизес (а некоторое время и Фридрих фон Визер). В это время появилось четвертое поколение, в рядах которого оказалось необычайно много молодых теоретиков, приобретших впоследствии широкую известность. Среди них были Готфрид Хаберлер (1896—1995), Фриц Махлуп (1902—1983), Александр Мар (1896—?), Оскар Моргенштерн (1902—1977), Пауль Н. Розенштейн-Родан (1902—1985) и автор настоящей статьи. Большинство из них проявили себя позднее в США.

По стилю мышления и по направленности интересов четвертое поколение все еще отчетливо проявляет свою принад-

³³ Имеются в виду экономисты из Лозаннского университета Вальрас и Парето (см. ниже, прим. 37). О лозаннской школе см.: *Menard C. The Lausanne Tradition: Walras and Pareto* // Klaus Hennings and Warren Samuels. Eds. *Neoclassical Economic Theory, 1870 to 1930*. Boston, Dordrecht and London: Kluwer, 1990. P. 95—1136.

³⁴ О Штригле и Шамсе см. главу 6.

³⁵ К этим именам, вероятно, следует добавить одного из первых представителей школы в Германии (после Г. Освальта), а именно Вильгельма Флегельса (1893—1942). Среди других знаменитых участников семинара Бём-Баверка были марксистские теоретики Отто Бауэр (1881—1938) и Рудольф Гильфердинг (1877—1941). Со временем Гильфердинг написал знаменитый ответ на работу Бём-Баверка «Теория Карла Маркса и ее критика» под названием «Böhm-Bawerk's Marx-Kritik» (*Marx-Studien*. Vienna: I. Brand, 1904. Vol. 1). Перевод на английский язык: *Böhm-Bawerk's Criticism of Marx*. Glasgow: Socialist Labour Press, n. d. and reprinted in Paul Sweezy, ed. *Karl Marx and the Close of his System and Böhm-Bawerk's Criticism of Marx*. Op. cit. О Бауэре и Гильфердинге см.: *Kauder E. Austro-Marxism vs. Austro-Marginalism* // *History of Political Economy*. Vol. 2. No. 2, 1970. P. 398—418, *Blum M. E. The Austro-Marxists*. Lexington, Ky.: University Press of Kentucky, 1985.

лежность к венской традиции, но этих людей уже нельзя рассматривать как отдельную школу в смысле принадлежности к определенной доктрине. Величайшим успехом школы является ситуация, когда она перестает существовать, потому что ее основные идеалы становятся частью общего доминирующего учения. На долю венской школы выпал именно такой успех. Ее развитие привело к сплавлению идей, ведущих начало от Менгера, с течениями, начало которым положили Джевонс (через Филиппа Уикстида), Леон Вальрас (через Вильфредо Парето), и, в особенности, с главными идеями Альфреда Маршалла. Но, если целостная структура современной теории в том виде, как ее преподают сегодня в большинстве центров западного мира, сильнее всего определяется традицией, восходящей к работам Маршалла, и при этом даже ее краеугольный камень — теория цены и ценности — в последние десятилетия претерпел изменения, сильно модифицировавшие его форму, то эта последняя представляет собой последовательное продолжение фундаментальных принципов, заложенных венской школой.

Приложение: *в Британии и США*

Из четвертого поколения, которое сформировалось на частном семинаре Мизеса, сыгравшем для него такую же роль, что и Бём-Баверк для третьего поколения, лишь автор этой статьи, самый старший его участник, был действительным учеником Визера и участником его последнего семинара. Готфрид фон Хаберлер, Фриц Махлуп, Оскар Моргенштерн и Пауль Розенштейн-Родан, бывшие чуть моложе автора, поддерживали с ним тесный контакт, поскольку многие годы работали в том же здании. Под влиянием Мизеса и при постоянном участии его ровесников — философов, социологов и политологов Альфреда Шюца, Феликса Кауфмана и Эрика Фогелина — шли дискуссии главным образом о проблемах метода и философской природе общественных наук.

С начала 1930-х годов эта венская группа начала получать существенную поддержку и прирастать литературными источниками в результате того, что Лайонел Роббинс, только что назначенный профессор Лондонской школы экономики, включил в свой курс то, что прежде было исключитель-

ной принадлежностью австрийской традиции. Было еще две причины существенного влияния на дальнейшее развитие этой традиции. Первая причина — это удачная система экономической теории, разработанная единственным значительным последователем У. С. Джевонса Ф. Г. Уикстидом в его «Здравом смысле политической экономии»³⁶, а вторая — близкий по духу обзор текущего состояния микроэкономической теории, содержащийся в первых четырех главах исследования «Риск, неопределенность и прибыль» чикагского профессора Фрэнка Найта³⁷. Частью тех же усилий было приглашение Роббинсом автора этих строк в 1931 г. на должность профессора Лондонской школы экономики, в результате чего совместный семинар Роббинса—Хайека в 1930-х годах стал еще одним центром развития того, что прежде было исключительно австрийской традицией.

Наиболее влиятельная работа самого Роббинса «Очерк о природе и значении экономической науки»³⁸ превратила предложенный австрийской школой методологический подход к разработке микроэкономической теории в общепризнанный стандарт. Не менее важным было достижение Дж. Хикса, разработавшего окончательную формулировку анализа ценности с позиций предельной полезности в концепции предельной нормы замещения на основе кривых безразличия, введенных Ирвингом Фишером и Ф. Эджуортом³⁹. Эта концепция изменяющихся норм замещения или эквивалентности, совершенно не зависящая от какой-либо концепции измеряемой полезности, вполне может рассматриваться как итог более чем полувековых споров в русле австрийской школы⁴⁰, тогда как

³⁶ *Wicksteed P. G. The Common Sense of Political Economy. Op. cit.*

³⁷ *Knight F. H. Risk, Uncertainty and Profit. Boston: Houghton Mifflin, 1921.*

³⁸ *Robbins L. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. London: Macmillan, 1932.*

³⁹ *Hicks J. R., Allen R. G. D. A Reconsideration of the Theory of Value // Economica. N. S. Vol. 1. 1934. P. 52—76. P. 196—219; а также: Hicks J. R. Value and Capital. Oxford: Clarendon Press, 1939. [Рус. пер.: Хикс Дж. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1983.]*

⁴⁰ Однако в целом австрийцы не приняли метод кривых безразличия, который предполагает постоянство порядка индивидуальных предпочтений. Хорошо известные примеры можно найти:

дальнейшие уточнения, предложенные П. А. Самуэльсоном⁴¹, едва ли могут быть отнесены к австрийской традиции.

Еще один особый вклад в эту ветвь австрийской традиции представляет изданная в 1973 г. работа Дж. М. Бьюкенена и Г. Ф. Терлби⁴². В той же лондонской группе Г. А. С. Шэкл и Л. М. Лахманн внесли вклад в развитие субъективной традиции, сыграв существенную роль в развитии американской ветви австрийской школы.

В 1934 г. Людвиг фон Мизес оставил Вену ради профессорской кафедры в Институте высших международных исследований Женевского университета (Швейцария), а в 1940 г., опасаясь Гитлера, он переехал в США. В то время здесь, в США, интеллектуальное сообщество отнеслось к откровенному противнику всех социалистических идей безо всякой симпатии, как это было и в Вене, но постепенно из более или менее символической фигуры в Высшей школе бизнеса Нью-Йоркского университета Мизес превратился в весьма влиятельного человека⁴³. Долгие годы австрийскую школу в США отождествляли со сторонниками Мизеса. Первыми выдающимися учениками, которые добились весьма почетного положения, были Мюррей Ротбард и Израэл Кирцнер. В 1970—1980-х годах группа существенно разрослась, и сегодня наиболее заметен, пожалуй, Томас Сууэлл. Однако сам Мизес был привержен строго рациональному утилитаризму куда больше, чем ранние австрийцы, и это не вполне согласовывалось с его фундаментальным субъективизмом, а в особенности со свойственным ему отрицани-

---

Rotbard M. N. Toward a Reconstruction of Utility and Welfare Economics // Mary Sennholz. Ed. On Freedom and Free Enterprise: Essays in Honor of Ludwig von Mises. Princeton, N. J.: D. Van Nostrand, 1956. P. 224—262.

⁴¹ *Samuelson P. A. Foundations of Economic Analysis. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1947.*

⁴² *Buchanan J. M., Thirlby G. F., eds. L. S. E. Essays on Cost. London: Weidenfeld & Nicolson, for the London School of Economics and Political Science, 1973; reprinted: New York and London: New York University Press, 1981.*

⁴³ Жалованье Мизеса в Нью-Йоркском университете с 1949 по 1962 год платилось целиком из средств фонда Вильяма Волкера, а затем эти платежи осуществляла группа, возглавлявшаяся бизнесменом Лоуренсом Фертигом. Фонд Волкера также субсидировал Хайека на его посту в Комитете по общественной мысли в Чикагском университете.

ем возможности межличностного сравнения полезностей, или измерения благосостояния. Это снижало убедительность его эпистемологии и его критики социализма.

Хотя к третьей четверти XX в. методология австрийской школы заняла господствующее место в области микроэкономической теории, этот подход был в существенной степени вытеснен из центра профессионального внимания кейнсианской макроэкономикой. Но параллельные усилия, порожденные успехом кейнсианского учения, были с точки зрения австрийского методологического индивидуализма результатом ошибочного представления о том, чем должно быть научное объяснение весьма сложных явлений. Таким образом, австрийская школа вторично ввязалась в своего рода *Methodenstreit*, в котором ее противники претендовали на бóльшую научность просто в силу более эмпирического характера своих выводов, т.е. потому что они более непосредственно основывались на наблюдении и измерении (хотя на этот раз скорее статистических, чем исторических). Ситуация (по меньшей мере в США) становилась весьма непростой, потому что Мизес, представлявший здесь австрийскую школу, занял отчасти крайнюю позицию по отношению к господствовавшему в то время научному позитивизму. Одновременно, правда, он делал большие уступки англо-американской традиции рационалистического утилитаризма, который вполне встраивался в австрийскую методологическую традицию. В результате в версии Мизеса вся экономическая теория приобрела характер априорно выводимого логического построения.

На это автор настоящей статьи возразил⁴⁴, в то время в целом

---

⁴⁴ См.: *Economics and Knowledge // Economica*. N. S. Vol. 4. 1937. P. 33—54, перепечатано в: *Individualism and Economic Order*. London: Routledge & Sons, 1948. См. также в нескольких поздних работах: *The Use of Knowledge in Society // American Economic Review*. Vol. 35, September 1945. P. 519—530, перепечатано в: *Individualism and Economic Order*. Op. cit.; *The Theory of Complex Phenomena // в Mario A. Bunge. Ed. The Critical Approach in Science and Philosophy: Essays in Honor of Karl R. Popper*. New York: The Free Press, 1964; перепечатано в: *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Chicago: University of Chicago Press; London: Routledge & Kegan Paul, 1967; *Competition as a Discovery Procedure // New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*. Chicago: University of Chicago Press; London:

не понимая, что он просто развивает забытую часть традиции Менгера, что хотя чистая логика выбора, с помощью которой австрийская традиция интерпретирует индивидуальные действия, и в самом деле является чисто дедуктивной, но, как только объяснение переходит к межличностной активности на рынке, решающими оказываются процессы передачи информации между индивидами, т.е. чисто эмпирические явления (Мизес так и не ответил на эту критику, но точно так же он не изменил свою вполне законченную и развитую систему).

Главным достижением теории австрийской школы, таким образом, стало то, что она помогла прояснить неизбежные различия между науками, изучающими сравнительно простые явления (вроде механики, которая, безусловно, первой достигла больших успехов, а потому и рассматривалась в качестве парадигмы, обязательной для копирования другими науками), и науками о чрезвычайно сложных явлениях или о структурах, испытывающих влияние большего количества фактов, чем доступно охвату ученых наблюдателей, и состоящих из объектов не физически наблюдаемых, но теоретически мыслимых, т.е. мыслимых другими людьми. То, что неявно присутствовало уже в концепции «невидимой руки» Адама Смита, которая порождала порядок, недоступный пониманию человека⁴⁵, таким образом становится прототипом модели, на которой основывается постоянно растущее количество попыток разрешить проблемы устройства весьма сложных видов порядка.

Routledge & Kegan Paul, 1978. [Рус. пер. статей «Экономика и знание», «Использование знаний в обществе», «Конкуренция как процедура открытия» см. в: *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2009.]

⁴⁵ Ср. размышления Хайека в: Adam Smith: His Message in Today's Language // The Trend of Economic Thinking. Op. cit.

Библиография⁴⁶*Работы членов австрийской школы*

- Attoni A.* Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. Vienna: Deuticke, 1911. Leipzig: Deuticke, 1927.
- Auspitz R., Leiben R.* Untersuchungen über die Theorie des Prieses. Leipzig: Duncker & Humblot, 1889.
- Böhm-Bawerk E. von.* Capital and Interest. 3 vols. South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959. Первая публикация: Kapital und Kapitalzins. Volume 1: Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitätsbuchhandlung, 1884. Volume 2: Die Positive Theorie des Kapitals. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitätsbuchhandlung, 1889. Volume 3: Further Essays on Capital and Interest. Впервые опубликовано как приложение к Volume 2, 1909—1912 изд., напечатано отдельным томом в четвертом издании: Jena: Gustav Fisher, 1921.
- Böhm-Bawerk E. von.* Karl Marx and the Close of His System [1896] Ed. Paul M. Sweezy. New York: Kelley, 1949.
- Böhm-Bawerk E. von.* Control or Economic Law? [1914] South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1951.
- Böhm-Bawerk E. von.* Gesammelte Schriften. 2 vols. Ed. Franz X. Weis. Vienna: Holder, 1924—1926.
- Böhm-Bawerk E. von.* Rechte und Verhältnisse vom Standpunkt der volkswirtschaftlichen Güterlehre. Innsbruck: Wagner, 1881. Перепечатано в: Gesammelte Schriften. Ed. F. X. Weis. Vienna: Holder, 1924—1926.
- Böhm-Bawerk E. von.* Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwertes. Jena: Gustav Fisher, 1886. Перепечатано в: London: London School of Economics and Political Science, 1932.
- Böhm-Bawerk E. von.* Eugen von Böhm-Bawerks Kleinere Abhandlungen über Kapital und Zins. Ed. Franz X. Weis. Vienna: Holder, 1926.
- Hayek F. A.* Bemerkungen zum Zurechnungsproblem // Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik. Vol. 124. 1926. P. 1—18.

⁴⁶ Это слегка измененная версия библиографии, подготовленной Хайеком для «Weiner Schule», для немецкой версии статьи, легшей в основу этой главы (см. выше прим. 1). Все тексты части I были снабжены дополнительными библиографическими указателями. Свой набросок для «New Palgrave» Хайек снабдил следующим дополнением: «Вероятно, здесь будет уместно объяснить частое, но бессистемное употребление титула «фон» в именах австрийских ученых. В австрийской империи право на это получали правительственные чиновники, а иногда, за особые заслуги, люди свободных профессий или предприниматели, примерно так же, как присваивается титул «сэр» в Великобритании. Но в Австрии этот титул наследовался всеми отпрысками мужского пола и незамужними — женского. После отмены титулов в 1918 г. большинство носителей перестали ими пользоваться, но другие, как правило, продолжали титуловать их. В отличие от датских имен, начинающихся с «Van», имена австрийцев следует располагать в алфавитном порядке, в соответствии с первой буквой фамилии.

- Illy L. (Leo Schönfeld)*. Grenznutzen und Wirtschaftsrechnung. Vienna: Manz, 1924.
- Illy L. (Leo Schönfeld)*, Das Gesetz des Grenznutzens. Vienna: J. Springer, 1948.
- Komorzynski J.* Der Werth in der isolierten Wirtschaft. Vienna: Manz, 1889.
- Mataja V.* Der Unternehmergewinn. Vienna: Holder, 1884.
- Mayer H.* Untersuchungen zu dem Grundgesetz der wirtschaftlichen Wertrechnung // Zeitschrift für Volkswirtschaft und Sozialpolitik. N. S. Vol. 1, 1921. P. 431—458. Vol. 2. P. 1—23. Vol. 6, 1928.
- Mayer H.* Der Erkenntniswert der funktionellen Preistheorie // Hans Mayer et al. Eds. Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart. Vienna: Springer, 1932. Vol. 2. P. 147—239b.
- Menger C.* The Collected Works of Carl Menger. 4 vols, с предисловием Ф. А. Хайека, (London: London School of Economics and Political Science, 1933—1936). Издание включает (на немецком): vol. 1: Grundsätze der Volkswirtschaftslehre [1871]; vol. 2: Untersuchungen über die Methode der *Sozialwissenschaften* [1883]; vol. 3: Kleiner Schriften zur Methode und Geschichte der Volkswirtschaftslehre [1884—1915]; vol. 4: Schriften über Geldtheorie [1889—1893].
- Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Vol. 1 (Vienna: V. Braumüller, 1871; second edition, Vienna: Holder-Pichler-Tempsky, 1923). Перепечатано в: The Collected Works of Carl Menger, vol. 1 (London: London School of Economics, 1934). Английское заглавие Principles of Economics: First General Part, ed. James Dingwall and Bert F. Hoselitz, с предисловием Frank H. Knight (Glencoe, Ill.: Free Press, 1950). Английское репринтное издание было выпущено в 1981 г. издательством New York University Press с прибавлением эссе Хайека «Carl Menger», которое воспроизводится в гл. 2 наст. изд. в качестве введения.
- Menger C.* Problems of Economics and Sociology, ed. с предисловием Louis Schneider (Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1963). Перевод на английский язык книги: *Menger C.* Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere. 1883. [Переиздано как: Investigation into the Method of the Social Sciences with Special Reference to Economics. New York and London: New York University Press, 1985.
- Menger C.* Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere. Leipzig: Duncker & Humblot, 1883. Перепечатано в: The Collected Works of Carl Menger. Vol. 2. London: London School of Economics, 1933.
- Meyer R.* Das Wesen der Einkommens: Eine volkswirtschaftliche Untersuchung. Berlin: Hertz, 1887.
- Mises L. von.* Theorie des Geldes and der Umlaufmittel. Munich: Guncker & Humblot, 1912. Второе издание: 1924). Английский перевод: The Theory of Money and Credit. Новое расширенное издание: New Haven, Conn.: Yale University Press, 1953; переиздано: Indianapolis, Ind.: Liberty Classics, 1981.
- Mises L. von.* Die Gemeinwirtschaft. Jena: Fischer, 1922. Второе издание 1924. Английское название: Socialism: An Economic and Sociological Analysis. Новое издание: New Haven, Conn.: Yale University Press, 1959; переиздание: Indianapolis, Ind.: Liberty Classics, 1981.
- Mises L. von.* Grundprobleme der Nationalökonomie. Jena: Gustav Fischer, 1933. Английский перевод: Epistemological Problems of Economics.

- Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1960; переиздано: New York and London: New York University Press, 1981.
- Mises L. von.* Nationalökonomie. Theorie des Handelns und Wirtschaftens. Geneva: Editions Union, 1940.
- Mises L. von.* Human Action: A Treatise on Economics. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1949; третье переработанное издание: Chicago: Henry Regnery, 1966.
- Philippovich von Philippsberg E.* Grundris der politischen Ökonomie, vol. 1: Allgemeine Volkswirtschaftslehre (Freiburg: J. C. B. Mohr, 1893).
- Sax E.* Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft. Vienna: Holder, 1887.
- Schams E.* Wirtschaftslogik // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. Vol. 58. 1934. P. 513—533.
- Schönfeld L.* См. выше: *Ily L.*
- Schüller R.* Die Klassische Nationalökonomie und ihre Gegner. Berlin: Heymann, 1895.
- Schullern zu Schrattenhofen H. von.* Untersuchungen über Begriff und Wesen der Grundrente. Leipzig: Fock, 1889.
- Schumpeter J. A.* Das Wesen und der Hauptinhalt der Theoretischen Nationalökonomie. Leipzig: Duncker und Humblot, 1908.
- Schumpeter J. A.* Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Leipzig und Munich: Duncker und Humblot, 1912. Перевод на английский язык: The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle // Harvard Economic Studies, no. 46. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1934.
- Strigl R. von* Die ökonomischen Katagorien und die Organisation der Wirtschaft. Jena: Gustav Fischer, 1923.
- Wieser F. von.* Gesammelte Abhandlungen [1876—1923]. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1929.
- Wieser F. von.* Das Gesetz der Macht. Vienna: Springer, 1926.
- Wieser F. von.* Der naturliche Wert. Vienna: Holder, 1889. Английский перевод: Natural Value. New York: Macmillan, 1893; reprinted, New York: Kelly & Millman, 1956.
- Wieser F. von.* Über den Ursprung und die Hauptgesetz des wirtschaftlichen Wertes. Vienna: Holder, 1884.
- Wieser F. von.* Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft. Vol. 1. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1914; второе издание: 1924. Перевод на английский: Social Economics. London: Allen & Unwin, 1927; переиздано: New York: Augustus M. Kelley, 1967.
- Weis F. X.* Die Moderne Tendenz in der Lehre vom Geldwert // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik, und Verwaltung. Vol. 19, 1910. P. 502—560.
- Zuckerkanndl R.* Zur Theorie des Preises mit besonderer Berücksichtigung der geschichtlichen Entwicklung der Lehre. Leipzig: Stein, 1889.
- Арментано Д.* Антитраст против конкуренции. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. (Серия ИРИСЭН)
- Бэм-Баверк Е.* Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб., 1902.
- Бэм-Баверк Е.* Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бэм-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. С. 243—426.

- Бём-Баверк О.* История и критика теорий процента на капитал. М.: Эксмо, 2008.
- Бём-Баверк О.* Критика теории Маркса. Челябинск: Социум, 2003.
- Бём-Баверк О.* Позитивная теория капитала. Челябинск: Социум, 2009.
- Бум, крах и будущее: анализ австрийской школы. Сб. ст. Челябинск: Социум, 2002.
- Великая дефляция в Японии. Челябинск: Социум, 2009.
- Визер Ф.* Теория общественного хозяйства // Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. С. 427–488.
- Кирицнер И.* Конкуренция и предпринимательство. М Челябинск: Социум, 2009.
- Кирицнер И.* Конкуренция и предпринимательство. М.: ЮНИТИ, 2001.
- Кларк Дж. Б.* Распределение богатства. М.: Экономика, 1992.
- Кубедду Р.* Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек. М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум, Мысль, 2008.
- Кэллахан Дж.* Экономика для обычных людей: введение в австрийскую экономическую школу. Челябинск: Социум, 2006.
- Маэстро бума. Уроки Японии. Челябинск: Социум, 2003.
- Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // *Менгер К.* Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 287–495.
- Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. С. 31–242.
- Менгер К.* Основания политической экономии // *Менгер К.* Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 57–286.
- Мизес Л фон.* Антикапиталистическая ментальность [1956] // *Мизес Л фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993.
- Мизес Л фон.* Бюрократия [1944] // *Мизес Л фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993.
- Мизес Л фон.* Бюрократия [1944]. Челябинск: Социум, 2006.
- Мизес Л фон.* Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война [1944]. Челябинск: Социум, 2006.
- Мизес Л фон.* Запланированный хаос [1947] // *Мизес Л фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993.
- Мизес Л фон.* Либерализм [1927]. М.: Экономика, Социум, 2001.
- Мизес Л фон.* Либерализм [1927]. Челябинск: Социум, 2007.
- Мизес Л фон.* Либерализм в классической традиции [1927]. М.: Начала-пресс, 1995.
- Мизес Л фон.* Социализм: Экономический и социологический анализ [1922]. М.: Catallaxy, 1994.
- Мизес Л фон.* Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции [1957]. Челябинск: Социум, 2007.
- Мизес Л фон.* Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции [1957]. М.: ЮНИТИ, 2001.
- Мизес Л фон.* Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории [1949]. М.: Экономика, 2000.
- Мизес Л фон.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории [1949]. Челябинск: Социум, 2005.

- Мизес Л. фон.* Нация, государство и экономика Челябинск: Социум, 2009.
- Мизес Л. фон.* Политическая экономия войны и мира (Сб. ст.). Челябинск: Социум, 2009.
- Мизес Л. фон.* Теория денег и фидуциарных средств обращения. Челябинск: Социум, 2009.
- Ротбард М.* Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003.
- Ротбард М.* Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2002. 2-е изд. 2004. 3-е изд. 2008.
- Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны. Челябинск: Социум, 2005.
- Ротбард М.* Показания против Федерального резерва. Челябинск: Социум, 2002.
- Смит В.* Происхождение центральных банков. М.: Институт Национальной Модели Экономики, 1996. 283 с.
- Уэрта де Сото Х.* Австрийская школа: Рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2007. 2-е изд. 2009.
- Уэрта де Сото Х.* Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.
- Уэрта де Сото Х.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: ИРИСЭН, 2008.
- Хаберлер Г.* Процветание и депрессия: Теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск: Социум, 2005.
- Хазлит Г.* Экономика в одном уроке. Киев: Вильямс, 2006.
- Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. 176 с.
- Хайек Ф. А.* Индивидуализм и экономический порядок. М. Изограф; Начала-фонд, 2000. 2-е изд. Челябинск: Социум, 2009.
- Хайек Ф. А.* Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2009.
- Хайек Ф. А.* Капитализм и историки. Челябинск: Социум, 2009.
- Хайек Ф. А.* Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2009.
- Хайек Ф. А.* Контрреволюция науки: этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003.
- Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992.
- Хайек Ф. А.* Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Хайек Ф. А.* Судьбы либерализма в XX веке. М.: ИРИСЭН, 2009.
- Хайек Ф. А.* Цены и производство. Челябинск: Социум, 2008.
- Хайек Ф. А.* Частные деньги. М.: Институт Национальной Модели Экономики, 1996. 219 с.
- Хэзлитт Г.* Типичные ошибки государственного регулирования (Economics in one Lesson). М.: Серебряные нити, 2000.
- Экономический цикл: анализ австрийской школы. Сб. ст. Челябинск: Социум, 2005.

***

- Автономов В. С.* Австрийская школа и ее представители // Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. С. 5—30.
- ДиЛоренцо Т.* Интервью. Austrian Economics Newsletter. Winter 1999. Vol. 19. No. 4. // www.sapov.ru

- ДиЛоренцо Т.* Миф о естественной монополии. The Review of Austrian Economics. Vol. 9. No. 2 (1996): 43-58 // www.sapov.ru
- Мизес Л фон.* Австрийская теория экономического цикла [1936] // Экономический цикл: Анализ австрийской школы. М.: Социум, 2005. С. 103—132.
- Мизес Л фон.* Всеобщее вздорожание жизни в свете теории политической экономии [1913] // Новые идеи в экономике. Вып. 4. Вздорожание жизни. 1914. С. 1—35.
- Мизес Л фон.* Деньги и государство [1912] // Новые идеи в экономике. Вып. 6. Теория денег Кнаппа. СПб., 1914.
- Мизес Л фон.* Идея свободы родилась на Западе [1950] // *Мизес Л. фон.* Либерализм. М.: Экономика, Социум, 2001. С. 204—212.
- Мизес Л фон.* К классификации денежных теорий [1917] // Основные проблемы теории денег. Издательство Промбюро ВСНХ. Петроград, 1922.
- Мизес Л фон.* О целях торговой политики // Экономическая политика. 2006. №1. С. 135—151.
- Мизес Л фон.* Прибыль и убыток [1951] // Экономическая политика. 2006. №2. С. 135—158.
- Мизес Л фон.* Роль доктрин в человеческой истории [1949/1950] // *Мизес Л. фон.* Либерализм. М.: Экономика, Социум, 2001. С. 191—203.
- Мизес Л фон.* Свобода и собственность [1958] // *Мизес Л. фон.* Либерализм. М.: Экономика, Социум, 2001. С. 213—226.
- Мизес Л фон.* Экономический кризис и его причины [1931] // www.sapov.ru
- Мизес Л фон.* Монопольные цены // Экономическая политика. 2006. № 3.
- Мизес Л фон.* О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // THESIS, 1994, v. II, no. 4, pp. 205—212.
- Салерно Дж.* Значение трактата Людвиг фон Мизеса «Human Action» для развития современной экономической мысли // The Quarterly Journal Of Austrian Economics, 2 (Spring) no. 1: 35—65 // www.sapov.ru
- Скоузен М.* Кто предсказал крах 1929 г.? // Экономический цикл: Анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2005. С. 172—215.
- Хаберлер Г.* Деньги и экономический цикл // Экономический цикл: Анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2005. С. 112—132.
- Хайек Ф. А.* Претензия знания. Нобелевская лекция, прочитанная 11 декабря 1974 г. // Вопросы философии. 2003. №1.
- Хоппе Г. -Г.* Естественные элиты, интеллектуалы и государство // www.sapov.ru
- Шостак Ф.* Интервью. Austrian Economics Newsletter. Fall 1999. Vol. 19. No. 3. // www.sapov.ru
- Шостак Ф.* Миф об электронных деньгах // www.libertarium.ru
- Эббелинг Р.* Роль австрийской школы в развитии мировой экономической мысли // Экономика и математические методы, том 28, вып. 36 май-июнь 1992 // www.libertarium.ru

Глава 2

КАРЛ МЕНГЕР (1840–1921)¹

История экономики полна рассказов о забытых предшественниках, людях, чьи труды не оказали никакого влияния и были заново открыты только после того, как их главные идеи стали популярными благодаря другим людям, о поразительных совпадениях

---

¹ Эта статья, которая в целом соответствует работе Хайека о Менгере, опубликованной в: *Economica*. N. S. Vol. I. November 1934. P. 393–420, а также в качестве введения к изданию избранных работ Менгера, осуществленному в 1934 г. Лондонской школой экономики, дополнена материалами двух более поздних публикаций. Во-первых, добавлены фрагменты небольшой статьи о Менгере, написанной Хайеком для «Международной энциклопедии социальных наук»: *International Encyclopedia of the Social Sciences*. David L. Sills, ed. New York: Macmillan and The Free Press, 1968. Vol. 10. P. 124–127. Здесь в основном повторяется информация, изложенная в публикуемой статье, но также вводятся некоторые новые соображения и сведения относительно «спора о методах» (*Methodenstreit*) и вклада Менгера в микроэкономическую теорию и в то, что позднее стало называться «методологическим индивидуализмом». Эти фрагменты содержатся в добавленных редактором примечаниях. Сам Хайек еще в 1965 г. внес исправления и дополнения в статью для немецкого издания, и эти дополнения также приводятся здесь главным образом в виде новых примечаний. История статьи вкратце такова. Впервые она была опубликована на английском языке в 1934 году в виде введения к переизданию «Оснований политической экономики» («Grundsätze der Volkswirtschaftslehre») Менгера, первого из четырех томов, содержащих основные опубликованные работы Менгера и выпущенных Лондонской школой экономики в 17–20 томах ее «Серии переизданий редких работ по экономике и политической науке». Эти четыре тома были переизданы в Германии в виде: *Menger C. Gesammelte Werke*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1968–1970, а вводная статья Хайека, слегка пересмотренная и исправленная, была опубликована в переводе на немецкий в первом томе этого издания. Немного раньше она была издана на немецком языке в: *Recktenwald H. C., ed. Lebensbilder großer Nationalökonomien*. Cologne: Kiepenheuer und Witsch, 1965. P. 347–364. О пересмотренной немецкоязычной версии Хайек пишет:

одновременных открытий и необычной судьбе отдельных книг. И ни в экономике, ни в любой другой отрасли знания почти не случается такого, чтобы работы автора, который революционизировал корпус уже вполне развитой науки и получил соответствующее признание, оставались столь же мало известными, как работы Карла Менгера. Сложно привести схожий пример, когда работа наподобие «Оснований» оказала длительное и устойчивое влияние, но все же имела — вследствие чисто случайных обстоятельств — чрезвычайно ограниченное обращение.

Сведущие историки не сомневаются, что если в течение последних шестидесяти лет² австрийская школа заняла особое место в развитии экономической науки, то это благодаря основам, заложенным этим человеком. Репутация школы в остальном мире и развитие его системы во многом обязаны усилиям его блестящих последователей — Ойгену фон Бём-Баверку и Фридриху фон Визеру. Но сказать, что их фундаментальные идеи целиком и полностью принадлежат Карлу Менгеру, не значит умалить достоинства этих авторов. Не будь у него этих учеников, он мог бы остаться сравнительно неизвестным, мог бы даже разделить судьбу многих блестящих людей, которые предвосхитили его и были забыты, и почти наверняка в течение долгого времени о нем почти ничего не знали бы за пределами немецкоязычных стран. Но общим для всех членов австрийской школы — тем, что составляет ее своеобразие и лежит в основе последующих разработок, — является принятие учения Карла Менгера.

«Пользуясь случаем, я несколько изменил переводной текст и учел различные замечания друзей, которые оказались настолько добры, чтобы прочесть черновой вариант»; также он выразил признательность Фридриху Энгель-Яноши, Регинальду Хансену, Карлу Менгеру-младшему, Людвигу фон Мизесу и Рихарду Шуллеру. Как уже отмечалось, в настоящую статью включены изменения, сделанные в немецком переводе. «Введение» Хайека также переиздавалось в первоначальном виде в сборнике: *Spiegel H. W., ed. The Development of Economic Thought: Great Economists in Perspective. New York: John Wiley; London: Chapman and Hall, 1952. P. 526—553*, а также в 1981 г., в виде введения к английскому изданию «Оснований»: *Menger C. Principles of Economics. Op. cit.*

Последняя работа Хайека о Менгере, «Место „Оснований“ Менгера в истории экономической мысли», заново публикуется в виде приложения к настоящей статье.

² Хайек писал в 1934 г.

Независимое и почти одновременное открытие закона предельной полезности Уильямом Стэнли Джевансом, Карлом Менгером и Леоном Вальрасом прекрасно известно и не нуждается в пересказе. 1871 г. — год выхода в свет «Теории политической экономии»³ Джеванса и «Оснований» Менгера — теперь многими справедливо считается началом современного этапа развития экономики. Джеванс изложил свои фундаментальные идеи девятью годами ранее в лекции (опубликованной в 1866 г.)⁴, которая, тем не менее, не привлекла большого внимания, а Вальрас начал публиковать свои работы только в 1874 г., но полная независимость работы этих трех основателей совершенно очевидна. И хотя их центральные положения, основные идеи их системы, которым они и их современники закономерно придавали самое большое значение, остаются одними и теми же, их работы настолько явно различаются по общему характеру и обстоятельствам появления, что наиболее интересной проблемой на самом деле оказывается то, каким образом настолько различными путями можно было прийти к таким схожим результатам.

Чтобы понять интеллектуальную основу работы Карла Менгера, необходимо сказать несколько слов об общем состоянии экономики того времени. Хотя в течение четверти века между 1848 г., датой выхода «Оснований»⁵ Джона Стюарта Милля, и возникновением новой школы наблюдалось множество величайших триумфов классической политической экономии в прикладных областях, ее основания, особенно ее теория ценности, все больше утрачивали доверие. Возможно, само систематическое изложение в «Основаниях» Милля, вопреки или благодаря его полной уверенности в правильности теории

³ *Jevons W. S. The Theory of Political Economy* (London: Macmillan, 1871).

⁴ *Jevons W. S. Brief Account of a General Mathematical Theory of Political Economy*. Op. cit. [Рус. пер.: Джеванс У. С. Краткое сообщение об общей математической теории политической экономии // Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 70—77.]

⁵ *Mill J. S. Principles Of Political Economy, with Some of Their Applications to Social Philosophy*. Boston: Little & Brown, 1848. [Рус. изд.: Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007.] — Прим. Ф. Х.

ценности, вместе с его более поздним отказом от других важных идей доктрины, больше, чем что-либо другое способствовало выявлению недостатков классической системы. Во всяком случае, критические выпады и попытки пересмотра теории множились в большинстве стран.

Нигде, однако, упадок классической школы экономистов не был более быстрым и всеобъемлющим, чем в Германии. Историческая школа нападала не только на классические доктрины, полностью оставленные, — они никогда не имели прочных корней в этой части света; глубокое недоверие вызывали также любые попытки теоретического анализа. Отчасти это было связано с методологическими соображениями. Но в еще большей степени это было обусловлено резким неприятием практических выводов классической английской школы, которая стояла на пути реформаторского рвения новой группы, с гордостью называвшей себя «этической школой»⁶. В Англии экономическая теория находилась в состоянии застоя. В Германии выросло второе поколение исторических экономистов, которое не только никогда по-настоящему не ознакомилось с существовавшей развитой системой теории, но также приучилось считать любые теоретические спекуляции бесполезными, если не прямо вредными.

Доктрины классической школы были, по-видимому, настолько сильно дискредитированы, что не могли стать основой преобразования для тех, кого по-прежнему интересовали проблемы теории. Но в сочинениях немецких экономистов первой половины XIX столетия содержались семена для возможного нового развития⁷. Одна из причин того, почему классические доктрины не смогли укрепиться в Германии, заключалась в том, что немецкие экономисты всегда осознавали определенные противоречия, свойственные трудовой теории ценности или издержек. Возможно, отчасти благодаря

---

⁶ Речь идет о *Sozialpolitik*, немецком движении за социальную реформу в XIX в.

⁷ То же во многом верно и для Франции. Даже в Англии существовала особая неортодоксальная традиция, о которой можно сказать то же самое, но она полностью находилась в тени господствующей классической школы. И о ней важно упомянуть здесь потому, что работы ее выдающегося представителя Лонгфилда через посредство Херна, несомненно, оказали влияние на Джемсона. — *Прим. Ф. Х.*

влиянию Галиани и других французских и итальянских авторов XVIII в. сохранилась живая традиция, которая отказывалась отделять ценность от полезности. С самого начала столетия и до 1850—1860-х годов череда авторов, из которых выдающейся и наиболее влиятельной фигурой был, наверное, Германн (о добившемся известности Госсене не стоит даже упоминать), пыталась сочетать идеи полезности и редкости при объяснении ценности, часто вплотную приближаясь к решению, предложенному Менгером. И именно этим построениям, которые должны показаться более практически настроенным современным английским экономистам бесполезными экскурсами в философию, Менгер обязан больше всего. Простой взгляд на обширные сноски в его «Основаниях» или именно указатель, который добавлен к изданию 1934 г., показывает, каким необычайно широким знанием этих немецких, а также французских и итальянских авторов он обладал и какую незначительную роль по сравнению с ними сыграли авторы классической английской школы⁸.

Но хотя Менгер, вероятно, превосходил всех своих современников и основоположников доктрины предельной полезности по широте знания литературы — и только от страстного коллекционера книг, вдохновленного примером энциклопедистов, Рошера можно было ожидать подобного знания во времена написания «Оснований», — в списке авторов, на которых он ссылается, имеются курьезные пробелы, объясняющие отличие его подхода от подходов Джевонса и Вальраса⁹.

⁸ О том, чем Менгер обязан немецким экономистам его эпохи, см.: Streissler, *The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall*. Op. cit. Штрейсслер отмечает, что пять из десяти наиболее часто цитируемых автором в «Основаниях» — немцы и только один (Адам Смит) — британец. Книга Менгера «безусловно, обнаруживает свою тесную связь с немецкой экономической наукой — почти *ad nauseam* [до отвращения (лат.)]. — *Ред.*]» (с. 33).

⁹ Нет ничего удивительного в том, что он не знал своего непосредственного немецкого предшественника Германа Генриха Госсена, ведь его не знали ни Джевонс, ни Вальрас, когда они впервые сделали свои идеи достоянием общественности. Первая книга, которая вообще воздала должное работе Госсена (Lange E. A. *Die Arbeiterfrage* (Winterthur: Bleuler-Hausheer), вышла в свет в 1870 г., когда «Основания» Менгера, вероятно, уже были в печати). — *Прим. Ф. Х.* [В письме к Вальрасу в 1887 г., через 16 лет после

Особенно показательным его явное незнание во время написания «Оснований» работы Курно, которой, по-видимому, прямо или косвенно обязаны все остальные основатели современной экономической науки — Вальрас, Маршалл и, весьма возможно, Джевонс¹⁰. Но еще более поразителен тот факт, что в то время Менгер, по-видимому, не был знаком и с работой фон Тюнена, которая кажется особенно близкой ему. Хотя можно сказать, что он работал в обстановке, особенно благоприятной для проведения исследований с точки зрения полезности, у него не было ничего столь же определенного для построения современной теории цены как у его коллег в этой области, которые находились под влиянием Курно, а также, в случае Вальраса, — Дюпюи и в случае Маршалла — фон Тюнена.

Интересно представить, как развивалась бы мысль Менгера, будь он знаком с работами этих основателей математического анализа. Любопытно, что, насколько мне известно, он нигде не высказывался о ценности математики как средства экономического анализа¹¹. Нет оснований полагать, что

публикации *Grundsätze*, Менгер уделяет несколько слов Госсену. Сопоставляя свою работу с его книгой, Менгер находит, что «nur in einigen Punkten, nictaber in den entscheidenden Fragen zwischen uns Ubereinstimmung, bez Ahnlichkeit der Auffassung» (мы согласуемся друг с другом только в отдельных моментах, и не в самых важных). См. письмо от 27 января 1887 г. в: *Jaffé W. Correspondence of Leon Walras and Related Papers*. Amsterdam: North-Holland, 1965. Vol. 3. P.176 (letter 765). Эмиль Каудер сообщает, что Менгер в 1886 г. купил книжку Госсена и что он «не одобрил Госсена, отверг его чисто гедонистический подход, его подчеркивание роли труда и использование математики в сфере психологии». См.: *Kauder E. A History of Marginal Utility Theory*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1965. P. 82. Эти ссылки позаимствованы в работе Эрика Штрейсслера: *Streissler E. The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall*. Op. cit. — *Амер. ред.*]

¹⁰ По словам сэра Джона Хикса, у него были некоторые основания полагать, что диаграмма Ларднера, отражающая теорию монополии, которая, по собственному признанию Джевонса, оказала на него значительное влияние, взята у Курно. См. об этом: Hicks J. Leon Walras // *Econometrica*. Vol. 2. 1934. P. 338—348. — *Прим. Ф. Х.*

¹¹ Но см. два письма Менгера к Вальрасу, датируемые 1883—1884 гг.: *Jaffé W. Correspondence of Léon Walras*. Op. cit. Vol. 1. P. 768 (letter 556) и vol. 2. P. 4 (letter 602). — *Прим. Ф. Х.* [См.

у него не было необходимых для этого специальных знаний или наклонностей. Напротив, его интерес к естествознанию не вызывает сомнений, а сильный интерес к его методам проследживается во всех его работах. И тот факт, что его братья, особенно Антон, как известно, интересовались математикой, а его сын Карл стал известным математиком, может служить свидетельством явных математических наклонностей в его семье. Но хотя позднее он познакомился не только с работами Джевонса и Вальраса, но и с работами своих соотечественников Аушпица и Либена, ни в одной из своих методологических работ он не обращается к математическому методу¹². Не следует ли нам сделать вывод о том, что он довольно скептически относился к его полезности?

Среди влияний, которые Менгер должен был испытать во время становления его собственной мысли, почти полностью отсутствует влияние австрийской экономической науки по той простой причине, что в начале XIX в. в Австрии почти не было собственных экономистов. В университетах, в которых учился Менгер, политическая экономия преподавалась в составе курсов правоведения главным образом экономистами, приезжавшими из Германии. И хотя Менгер, как и все поздние австрийские экономисты, получил степень доктора права, нет никаких оснований полагать, что на него как-то серьезно повлияли его учителя экономики¹³. И это подводит нас к его личной истории.

также *Jaffé*, «Menger, Jevons and Walras Dehomogenized», *op. cit.*, P. 521—522. — *Прим. амер. ред.*]

¹² Единственное исключение — его рецензию на работу Аушпица и Либена «Исследования по теории цен», опубликованную в газете «Wiener Zeitung» 8 июля 1889 г., — вряд ли можно назвать исключением в собственном смысле слова, так как он открыто говорит о своем нежелании обсуждать ценность математического изложения экономических доктрин. Общий тон рецензии, а также его неприятие того факта, что авторы, по его мнению, «используют математический метод не только как средство изложения, но и как средство изучения», подтверждают общее впечатление о том, что он не считал его особенно полезным. — *Прим. Ф. Х.*

¹³ Не исключено, что это неверно. Штрейсслер в «The Influence of German Economics», *op. cit.*, утверждает, что на Менгера сильно повлиял один из преподавателей экономики в Пражском университете, Питер Мишлер (1821—1864). Он не цитирует Мишлера в «Основаниях», но некоторые отрывки кажутся буквально заимствованными из его учебника. Может быть Менгер не сослался на Мишлера потому, что

Родившийся 28 февраля 1840 г. в Новом Сандеце, Галиция, на территории нынешней Польши, сын юриста, он происходил из старой семьи австрийских ремесленников, музыкантов, чиновников и офицеров, которая только поколением ранее переехала из немецкой части Богемии в восточные провинции¹⁴. Его дед по материнской линии¹⁵, богемский торговец, который сделал состояние во время наполеоновских войн, купил большое имение в Западной Галиции, где Карл Менгер провел большую часть своего отрочества и до 1848 г. застал полукрепостную жизнь крестьян, которая в этой части Австрии сохранилась дольше, чем где-либо еще в Европе, за исключе-

---

он располагал только записями лекций, но не учебником, а может быть, потому что он не одобрял политические взгляды последнего.

¹⁴ В короткой статье о Менгере в «International Encyclopedia of Social Sciences» Хайек описывает его как «выходца из образованной семьи, которая заработала право на приставку „фон“ (сам Менгер перестал ею пользоваться весьма рано). В богатой библиотеке отца, имевшего адвокатскую практику, Менгер и два его брата рано познакомились с литературой по экономическим и социальным вопросам».

¹⁵ Антон Менгер, отец Карла, был сыном другого Антона Менгера, который происходил из старой немецкой семьи, эмигрировавшей в 1623 г. в Эгер, в Богемии, и Анны, урожденной Мюллер. Его жена Каролина была дочерью Йозефа Гержабека, торговца из Гогенмауга, и Терезы, урожденной Калаус, предков которых можно проследить по записям о крещении до XVII и XVIII в. соответственно. — *Прим. Ф. Х.* [В нацистский период считалось, что члены австрийской школы, включая самого Менгера, были в основном евреями. Хайек написал в «Frankfurter Zeitung» опровержение, и 13 октября 1936 г. «Frankfurter Zeitung» опубликовала следующую заметку: «Профессор Ф. А. фон Хайек, профессор экономики Лондонского университета, сообщил нам по поводу опубликованного в номере 511/512 от 6 октября отчета об университетской конференции национал-социалистического союза юристов, что в прочитанной на ней лекции было сделано ошибочное утверждение о том, что, помимо других ведущих членов «австрийской школы» экономики, даже ее лидер Карл Менгер, в частности, был евреем. Из письма следует, что профессор фон Хайек, занимаясь подготовкой собрания сочинений Карла Менгера при поддержке Лондонской школы экономики, при написании введения к этому собранию сочинений установил, на основании документов, принадлежащих сыну Менгера, что Карл Менгер и по отцовской, и по материнской линии происходил из семей, проживавших в различных областях немецкой Богемии, что можно проследить по церковным записям до XVII—XVIII веков».

нием России. Со своими двумя братьями — Антоном, позднее написавшим известные работы о праве и социализме, автором «Права на весь продукт труда» и коллегой Карла по факультету права в Венском университете, и Максом, известным членом австрийского парламента и автором работ по социальным проблемам, — он поступил в Венский (1859—1860) и Пражский университеты (1860—1863). После получения докторской степени в Краковском университете он поначалу посвятил себя журналистике, занимаясь написанием статей в Лемберг, а затем и в Вену по экономическим вопросам¹⁶. Через несколько лет он поступил на службу в пресс-бюро австрийского кабинета министров, которое всегда занимало совершенно особое положение в австрийской государственной службе и привлекало множество талантливых людей¹⁷.

Визер сообщает, что Менгер однажды сказал ему, что одной из его обязанностей было написание обзоров состояния рынка для официальной газеты «Wiener Zeitung» и что при изучении отчетов о состоянии рынка его поразило явное противоречие между традиционными теориями цен и фактами, которые опытные практики считали решающими для установления цен. Было ли это истинной причиной, которая побудила Менгера заняться изучением образования цен, или же, что кажется более вероятным, это только придало определенную направленность исследованиям, которые он вел после окончания учебы в университете, мы не знаем. Но почти не приходится сомневаться, что между 1867—1868 гг. и временем выхода в свет «Оснований» ему пришлось усиленно работать над этими проблемами, откладывая публикацию до тех пор, пока система не сложится полностью в его сознании¹⁸.

¹⁶ В это время Менгер принял участие в основании ежедневной газеты «Wiener Tagblatt», вместо которой вскоре, однако, стала выходить «Neue Wiener Tagblatt», на протяжении десятилетий остававшаяся одной из наиболее влиятельных венских газет. Менгер сохранил тесные связи с редактором последней Морицем Шенсом, и зачастую неподписанные статьи в этой газете приписывались Менгеру. — *Прим. Ф. Х.*

¹⁷ В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек пишет, что эта «должность часто служила трамплином к высшим постам государственной службы».

¹⁸ Дошедшие до нас ранние рукописные заметки по теории стоимости датируются 1867 г. — *Прим. Ф. Х.*

Говорят, что, по его словам, он писал «Основания» в состоянии нездорового воодушевления. Едва ли это может означать, что эта книга была продуктом внезапного вдохновения, что она была задумана и написана в большой спешке. Редко встречаются более тщательно продуманные книги; и редко первое изложение идеи бывает более глубоко проработанным во всех отношениях. Небольшая книга, вышедшая в свет в начале 1871 г., должна была стать первой, вводной частью всеобъемлющего трактата. Фундаментальные вопросы, по которым он расходился с общепринятыми взглядами, рассматривались в ней в той полноте, которая была необходима для того, чтобы убедить автора в том, что он отталкивался от безупречно прочной основы. Проблемы, рассматривавшимися в этой «Первой, общей части», как гласила надпись на титульном листе, были общие условия экономической деятельности, обмена, цен и денег. Из рукописных заметок, о которых его сын сообщил более полувека спустя, при подготовке вступительной статьи ко второму изданию, мы знаем, что вторая часть должна была быть посвящена «проценту, заработной плате, ренте, доходу, кредиту и бумажным деньгам», третья «прикладная» часть — теории производства и торговли, а четвертая — критике существующей экономической системы и предложениям по экономической реформе.

Его основной целью, как он заявляет в «Предисловии»¹⁹, было создание единой теории цен, которая объясняла бы все связанные с ними явления, а также процент, заработную плату и ренту при помощи одной главной идеи. Но более половины тома посвящено вопросам, которые только подготавливали решение главной задачи, — понятию, которое определило своеобразие новой школы, т. е. ценности в ее субъективном, личном смысле. И даже этого невозможно достичь без всестороннего рассмотрения основных понятий, необходимых для экономического анализа.

Здесь явно прослеживается влияние ранних немецких авторов с их склонностью к несколько педантичным классификациям и пространному определению понятий. Но в руках Менгера

¹⁹ См.: *Menger C. Gesammelte Werke. Op. cit. Vol. 1. P. x и 143n.* [P. 49 и 173 в английском издании 1981 г., *Principles of Economics*, op. cit; далее в этой статье в квадратных скобках приводятся ссылки на англ. изд.] — *Прим. Ф. Х.*

проверенные временем «основополагающие понятия» традиционных немецких учебников обретают новую жизнь. Вместо сухого перечисления и определения они становятся мощным инструментом анализа, в котором каждый последующий шаг неизбежно вытекает из предыдущего. И хотя изложению Менгера все же недостает многих более впечатляющих фраз и изящных формулировок, встречающихся в работах Бём-Баверка и Визера, по своему содержанию оно не уступает, а во многих отношениях даже превосходит такие более поздние работы.

Цель этой статьи состоит не в связном изложении аргументации Менгера. Ведь есть несколько менее известные и подчас поразительные аспекты его трактовки, которые заслуживают особого рассмотрения. Австрийская школа, вопреки распространенному представлению, при рассмотрении технической структуры производства всегда уделяла особое внимание тщательному изучению причинной связи между человеческими потребностями и средствами их удовлетворения, которое с первых страниц подводит его к признанному ныне разграничению благ первого, второго и третьего порядка и столь же известной идее комплементарности различных благ, а наиболее очевидным систематическим выражением этого служит разработка *vorwerttheoretischer Teil*, предвосхищающей рассмотрение теории ценностей в поздней работе Визера «Теория социальной экономики».

Еще более примечательна выдающаяся роль, которую с самого начала играет элемент времени. Распространено представление, что ранние представители современной экономической науки склонны были пренебрегать этим фактором. В отношении основателей математического описания современной теории равновесия²⁰ такое впечатление, вероятно, оправданно. Иначе обстоит дело с Менгером. Для него экономическая деятельность по сути представляет собой планирование будущего, и его рассмотрение периода или скорее различных периодов, на которые простирается человеческое предвидение различных потребностей²¹, вполне современно по своему подходу.

Сейчас трудно поверить, что именно Менгер первым предложил в качестве основания для различения бесплатных и эко-

²⁰ Джевонс, Вальрас и Вильфредо Парето.

²¹ См.: *Menger C. Gesammelte Werke*. Op. cit. Vol. 1. P. 34—36 [79—82]. — Прим. Ф. Х.

номических благ идею редкости. Но, как он сам замечал²², хотя эта идея не была известна в английской литературе, все немецкие авторы, которые использовали ее до него, и особенно Германн, пытались положить в основу такого различия наличие или отсутствие издержек в смысле приложения усилий. Но весьма примечательно, что, хотя весь анализ Менгера основывается на идее редкости, сам этот термин нигде не используется. «Недостаточное количество», или «das ökonomische Mengenverhältnis», — самое точное, но несколько тяжеловесное словосочетание, которое он использовал вместо него.

Отличительная особенность его работы в целом заключается в том, что он уделяет больше внимания осторожному описанию явления, а не наделению его коротким и подходящим названием. Из-за этого его изложение часто лишается желаемой выразительности. Но это также позволяет ему избежать некоторой односторонности и склонности к упрощению, к которой так легко ведут краткие формулировки. Классическим примером этого, конечно, является тот факт, что Менгер не был автором и, насколько мне известно, никогда не использовал термин «предельная полезность», введенный Визером, а всегда объяснял понятие ценности при помощи несколько неуклюжей, но точной фразы — «значение, которое для нас имеют конкретные блага или количества благ вследствие того, что в удовлетворении своих потребностей мы сознаем зависимость от наличия их в нашем распоряжении», и определял величину этой ценности значением, придаваемым наименее важному удовлетворению, получаемому от имеющейся единицы этого блага²³.

Еще один, возможно, менее важный, но не менее показательный пример неприятия Менгером сжатого выражения в одной-единственной формуле встречается еще раньше при рассмотрении снижения остроты потребностей индивида с ростом насыщения. Этот психологический факт, который позднее получил название «закона насыщения потребностей Госсена», занял, пожалуй, чересчур большое место в изложении теории ценности и даже был назван Визером главным открытием Менгера, занимает в системе Менгера более подобающее ему второстепенное положение в качестве одного из факторов,

---

²² Ibid. p. 70n [109, 291–292]. — *Прим. Ф. Х.*

²³ См.: Ibid. p. 78 и ср.: p. 99 [115 и 132]. — *Прим. Ф. Х.*

которые позволяют нам упорядочивать различные чувственные потребности человека в порядке их значимости.

Взгляды Менгера удивительно современны еще в одном и более интересном вопросе, связанном с чистой теорией субъективной ценности. Хотя иногда он говорит об измеримости ценности, его изложение позволяет понять, что он имеет в виду только то, что ценность любого блага может быть выражена через сопоставление с другим благом такой же ценности. Что касается чисел, которые он использует при рассмотрении шкалы полезности, он четко говорит, что они призваны отражать не абсолютное, а только относительное значение потребностей²⁴, а сами примеры, которые он приводит в своем изложении, ясно дают понять, что он считает их не количественными, а порядковыми величинами²⁵.

Помимо общего принципа, который позволил ему положить в основу объяснения ценности полезность, еще одним важным вкладом Менгера, возможно, является его применение этого принципа к случаю, когда для удовлетворения потребности требуется более одного блага. Именно здесь скрупулезный анализ причинной связи между благами и потребностями приносит свои плоды. Даже сегодня почти не осознают, что Менгер решил проблему распределения полезности конечного продукта между несколькими сочетающимися благами высшего порядка — проблему вменения, как она позднее была названа Визером²⁶, — при помощи достаточно развитой теории

²⁴ См.: Ibid. pp. 163—171 [183—190]. — Прим. Ф. Х.

²⁵ См.: Ibid. P. 92 [125]. Из других особенностей трактовки Менгером общей теории ценности можно упомянуть его постоянное подчеркивание необходимости классификации различных товаров по экономическим основаниям (с. 115—117 [142—144] и примечание на с. 130 [303—305]), его предвхищение доктрины Бём-Баверка о недооценке будущих потребностей (с. 122, 127—128 [148, 152—154]), а также тщательный анализ процесса накопления капитала, вследствие которого первоначально бесплатные факторы производства превращаются в редкие блага. — Прим. Ф. Х.

²⁶ «Вменение» (*Zurechnung*) есть понятие, объясняющее ценность благ «высшего порядка» (т.е. средств производства) через ценность благ «низшего порядка» (т.е. потребительских благ), в производстве которых они участвуют. Например, ценность сталепрокатного производства определяется (дисконтированной) ценностью конечных благ — скажем, автомобилей, — которые можно произвести из

предельной производительности. Он явно проводит различие между случаями переменных и постоянных пропорций между двумя или более факторами, которые могут быть использованы при производстве любого блага. И он решает проблему в первом случае, отмечая, что такие различные факторы производства, которые могут замещать друг друга для получения того же дополнительного количества продукта, имеют равную ценность, а в случае с постоянными пропорциями он отмечает, что ценность различных факторов определяется их полезностью при ином использовании²⁷.

В этой первой части книги, посвященной изложению теории субъективной ценности и вполне сопоставимой с более поздними изложениями Визера, Бём-Баверка и других, в изложении Менгера присутствует только один серьезный изъян. Теорию ценности вряд ли можно назвать полной и достаточно убедительной, если роль, которую играют издержки производства в определении относительной ценности различных благ, не получает четкого объяснения. В самом начале своего изложения Менгер отмечает, что он сознает проблему и обещает решить ее позднее. Но обещание так и не было выполнено. Изложить закон альтернативных издержек довелось Визеру («закон Визера»): закон, согласно которому другие направления использования, соперничающие за факторы производства, так будут ограничивать количества, доступные какому-то одному направлению производства, что ценность продукта не упадет ниже суммы ценностей, которая может быть получена этими факторами при производстве в других направлениях.

Иногда говорят, что Менгер и его школа были так довольны своим открытием законов, определяющих ценность в экономике индивида, что были даже готовы быстро и чересчур упрощенно применить те же законы к объяснению цены²⁸. Такое

этой стали. Иными словами, ценность конечных благ «вменяется» использованным средствам производства.

²⁷ Ibid. P. 138—142 [162—165]. — Прим. Ф. Х.

²⁸ Отсюда идет обвинение Георгеску-Рэгена, что даже с добавлением доктрины об альтернативных издержках «теория Менгера не объясняет цен..? Чтобы ликвидировать, не изменяя свойственной ей логики, этот провал в теории, нужно так распространить менгеровскую шкалу [полезности], чтобы она включила все *наборы* конкретных потребностей [для хозяйственной системы, производящей множество благ]. Последователи Менгера, однако, двину-

утверждение в какой-то мере оправданно, когда дело касается работ некоторых последователей Менгера, особенно молодого Визера. Но этого, безусловно, нельзя сказать о работах самого Менгера. Его изложение полностью подчинено правилу, которому позднее придавал такое значение Бём-Баверк, что любое удовлетворительное объяснение цены должно состоять из двух отдельных составляющих, причем объяснение субъективной ценности является только одной из них. Оно составляет основу для объяснения причин и границ обмена между двумя или более людьми. В этом отношении показательно менгеровское решение в «Основаниях». Глава об обмене, которая стоит перед главой о ценах, делает влияние ценности в субъективном смысле на объективные отношения обмена вполне понятным и без утверждения большей, чем может быть оправдано исходными посылками, степени соответствия между ними.

Сама глава о ценах с ее тщательным рассмотрением того, как относительные представления о ценности индивидуальных участников обмена влияют на отношения обмена в случае изолированного обмена между двумя людьми в условиях монополии и, наконец, в условиях конкуренции, представляет собой, наверное, наименее известный вклад «Оснований». Тем не менее только при чтении этой главы сознаешь сущностное единство его мысли, ясную цель, которая направляет его изложение с самого начала и до конца.

Что касается последних глав, где рассматривается влияние производства на рынок, научное значение термина «товар» (*Ware*) в отличие от его обыденного значения, различия в степени способности товаров к сбыту и, наконец, денег, то в этом отношении сказать почти нечего. Идеи, содержащиеся здесь, и разрозненные замечания о капитале, содержащиеся в предыдущих разделах, были только первыми набросками, которые получили развитие в более поздних публикациях. И хотя они

лись в совершенно ином, более легком направлении. И Визер, и Бём-Баверк с помощью словесных ухищрений приравнивали *Grenznutzen* к предельной полезности Джевонса, а порядковую шкалу предпочтений Менгера к количественным оценкам полезности Джевонса». На современном языке это утверждение означает, что менгеровская порядковая шкала предпочтений чисто описательна, а потому и не может быть представлена непрерывной функцией спроса. Georgesku - Roegen N. Utility // International Encyclopedia of Social Sciences. Op. cit. Vol. 16. P. 236—267, esp. p. 251.

оказали серьезное влияние, известными они стали только благодаря более позднему и более подробному изложению.

Такое подробное рассмотрение здесь содержания «Оснований» может быть оправдано выдающимся положением этой работы среди публикаций Менгера, а по сути и среди всех работ, заложивших основы современной экономической науки. Возможно, в этой связи уместно процитировать суждение ученого, лучше всего способного оценить относительные достоинства различных вариантов современной школы, Кнута Викселя, который первым наиболее успешно соединил то лучшее, что было в учениях различных групп. По его словам, «своей славой он обязан этой работе и благодаря ей его имя дойдет до потомков, поскольку можно с уверенностью сказать, что после «Начал» Рикардо не было ни одной книги — даже с учетом блестящих, хотя и довольно афористичных достижений Джевонса и необычайно трудной работы Вальраса, — которая оказала бы на развитие экономической науки такое большое влияние, как «Основания» Менгера»²⁹.

Но сам прием этой книги едва ли можно назвать восторженным. Ни один из рецензентов в немецких журналах, кажется, так и не понял значения ее основного вклада³⁰. У себя на родине попытки Менгера получить на основании этой работы право чтения лекций в Венском университете увенчались успехом лишь после преодоления определенных трудностей. Едва ли он знал, что перед тем, как он начал читать свои лекции, университет окончили два молодых человека, которые сразу увидели в ней «архимедову точку опоры», как назвал ее Визер, позволяющую совершить переворот в существующих системах экономической теории. Бём-Баверк и Визер, его первые и наиболее восторженные последователи, никогда не были его непосредственными учениками, и их попытка популяризировать учение Менгера на семинарах ведущих представителей старой исторической школы — Книса, Рошера и Гильдебранда —

²⁹ Knut Wiksell, «Carl Menger», op. cit., p. 118. — *Прим. Ф. Х.*

³⁰ За исключением, возможно, рецензии Хака в «*Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*» (Vol. 28. 1872. P. 183–184), который не только отметил превосходное качество работы и новизну использованного в ней метода, но также указал, в отличие от Менгера, что экономически значимые отношения между благами и потребностями представляют собой отношения не между причиной и следствием, а между средствами и целями. — *Прим. Ф. Х.*

не принесла никаких плодов³¹. Но постепенно влияние Менгера у себя в стране возросло. Вскоре после его повышения на должность экстраординарного профессора Менгер (в 1873 г.) оставил свое место в канцелярии премьер-министра к большому удивлению его начальника Адольфа Ауэрсперга, который не мог понять, как кто-то может хотеть поменять должность, открывающую широкие перспективы для удовлетворения больших амбиций, на академическую карьеру³². Но это еще не было последним «прощай!» миру политики. В 1876 г. Менгер был назначен учителем несчастного кронпринца Рудольфа, которому тогда было восемнадцать лет от роду, и сопровождал его в длительных поездках по Европе, включая Англию, Шотландию, Ирландию, Францию и Германию³³. После своего воз-

³¹ Возможно, не такой уж неуместной будет здесь попытка исправить ошибочное впечатление, которое может создаться вследствие утверждения Альфреда Маршалла, что в 1870—1874 гг., когда он подробно излагал свою теоретическую позицию, «Бём-Баверк и Визер еще сидели за партой в школе...» (Memorials of Alfred Marshall. A. C. Pigou, ed. London: Macmillan, 1925. P. 417). В 1872 г. оба они закончили учебу в Венском университете и поступили на государственную службу, а в 1876 г. уже смогли изложить на семинаре Кнуса в Гейдельберге основные элементы своего учения. — *Прим. Ф. Х.*

³² К тому времени Менгер уже отверг предложения стать профессором университетов в Карлсруэ (1872) и Бадене (1873), а немного позднее отклонил также должность профессора в Цюрихском политехническом институте с перспективой получения должности постоянного профессора в университете. — *Прим. Ф. Х.*

³³ Кронпринц Рудольф (1858—1889), сын Франца-Иосифа I (1830—1916), в январе 1889 г. совершил самоубийство, буд-то бы из-за пессимистической оценки политического будущего Австрии (хотя его настоящие мотивы неизвестны). Только недавно стало известно, чему Менгер учил Рудольфа в области экономической науки и политики, благодаря находке неопубликованных тетрадей кронпринца с лекциями Менгера. О содержании этих тетрадей см.: Streissler E. Carl Menger on Economic Policy: The Lectures to Crown Prince Rudolph. *Op. cit.* Как ни странно, Рудольфу, по-видимому, читался курс классической политической экономии — Адам Смит в толковании Карла Генриха Рау и Ф. В. Б. Германна — безо всякого упоминания о революционных идеях, сохранившихся в «Основаниях». Хайек также сообщает в своей статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук», что Менгер, «по-видимому, помог кронпринцу

вращения в 1879 г. он возглавил кафедру политической экономики в Вене и погрузился в спокойную и размеренную жизнь ученого, которая была столь характерной для второй половины его долгой жизни.

К этому времени идеи его первой книги — в этот промежуточный период он не опубликовал ничего, если не считать нескольких небольших рецензий, — начали привлекать широкое внимание. Заслуженно или нет, но в случае с Джевансом и Вальрасом именно математическая форма, а не содержание их учения, по-видимому, была их главным нововведением и составляла основное препятствие для его принятия. Но для понимания менгеровского изложения новой теории ценности подобных препятствий не было. В течение первого десятилетия после публикации книги ее влияние стало стремительно распространяться. В то же самое время Менгер приобрел репутацию отличного преподавателя, и его лекции и семинары стали посещать все больше студентов, многие из которых впоследствии стали уважаемыми экономистами. Помимо уже названных, среди ранних членов его школы особого упоминания заслуживают Эмиль Сакс и Иоанн фон Коморжински, а также его студенты Роберт Мейер, Роберт Цукеркандль, Густав Гросс, а чуть позже Германн фон Шуллерн цу Шраттенхофен, Рихард Рейсх и Рихард Шуллер.

Но если в Австрии шел процесс формирования новой школы, то в Германии — больше, чем в других странах, — отношение к экономистам было враждебным. Именно тогда в Германии получила наибольшее влияние молодая историческая школа под руководством Шмоллера³⁴. На смену оберегавшему традицию *Volkswirtschaftliche Kongress* пришел вновь созданный Союз социальной политики³⁵. Курсы экономической теории

в составлении памфлета (анонимно опубликованного в 1878 г.), в котором критически оценивалась роль высшей австрийской аристократии. Когда в 1906 г., спустя семнадцать лет после смерти эрцгерцога, открылось его авторство, это вызвало некоторое замешательство».

³⁴ *Kathedersozialisten*, или «социалистами кафедры», были Густав Шмоллер, Луйо Brentано, Карл Бюхер, Адольф Гельд, Г. Ф. Кнапп и их последователи.

³⁵ *Verein für Sozialpolitik* был создан для проведения социальной и экономической реформы законодательным путем, в отличие от либеральной политики групп, наподобие *Volkswirtschaftliche*

в германских университетах читались все реже. Таким образом, работе Менгера не было уделено должного внимания не потому, что немецкие экономисты считали, что он ошибался, а потому, что они считали предложенный аналитический подход бесполезным.

Вполне естественно, что в таких условиях Менгер счел более важным не продолжение работы над «Основаниями», а защиту избранного им метода от притязаний исторической школы на обладание единственным подходящим инструментом исследования. Именно этими обстоятельствами обусловлено появление его второй большой работы — «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» («*Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere*»)³⁶. Необходимо

Kongress. См.: *Boese F.* Geschichte des Vereins für Sozialpolitik. Berlin: Duncker und Humbolt, 1939.

³⁶ *Menger C.* Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere. *Op. cit.* В своей статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек пишет о его работе (называя ее по заглавию первого английского издания): «В... «Проблемах экономики и социологии»... [Менгер] попытался обосновать важность теории для социальных наук. Такое предприятие казалось ему необходимым из-за полного безразличия или даже враждебности большинства его немецких коллег, находившихся под влиянием антитеоретического подхода молодой исторической школы в экономике, к его попытке в «Основаниях» пересмотреть всю экономическую теорию.

Чтобы понять цель «Проблем» и природу споров, вызванных этой работой, необходимо сознавать характер школы, против которой она была направлена. Название «молодая историческая школа» может вводить в заблуждение: в отличие от фон Савиньи и «старой исторической школы» в экономике, эту «молодую» школу интересовала не история как исследование уникальных событий, а историческое исследование как эмпирический подход, ведущий, в конечном итоге, к теоретическому объяснению социальных институтов. Благодаря изучению исторического развития, она надеялась прийти к выявлению законов развития социального целого, которые, в свою очередь, позволяли вывести исторические законы каждого этапа этого развития. Это была разновидность позитивистско-эмпирического подхода, которая позднее была принята американскими институционалистами, и которая отличалась от схожих недавних попыток только недостаточно

помнить, что в 1875 г., когда Менгер начал работу над этой книгой, и даже в 1883 г., когда она была опубликована, еще не начали выходить работы его учеников, которые привели к четкому закреплению позиций школы, и что он вполне мог считать, что дальнейшие усилия окажутся тщетными, пока не будет разрешен принципиальный вопрос.

В каком-то смысле, «Исследования» представляют собой не меньшее достижение, чем «Основания». В полемике против притязаний исторической школы на исключительное право толкования экономических проблем с этой книгой вряд ли что-то может сравниться. Менее ясно, можно ли столь же

серьезным использованием статистических методов, и которую, вслед за Поппером, лучше всего называть историцизмом.

Именно от такого использования истории как средства обнаружения эмпирических законов Менгер пытался защитить то, что он считал основной задачей теории, — воссоздание структуры социального целого из его частей при помощи процедуры, которую Шумпетер называл «методологическим индивидуализмом», а сам Менгер — «композитивным методом». По сути речь шла о том, что сегодня называют микротеорией. Менгера всерьез интересовали история и генезис институтов, и он старательно подчеркивал различие между задачами теории и задачами истории и прилагал все усилия, чтобы не допустить смешения их методов. Проведенное им различие позднее оказало значительное влияние на работы [Генриха] Риккерта и Макса Вебера. Возможно, наиболее важной заслугой его исследования было четкое осознание, во-первых, того, что задача всей социальной теории заключается в прослеживании того, что теперь обычно называют непреднамеренными последствиями отдельных действий (Менгер использовал термин *unbeabsichtigte Resultante*), и, во-вторых, того, что в этом предприятии генетические и функциональные аспекты нельзя разделять (Untersuchungen. Op. cit. 1963). При разъяснении и иллюстрации своей точки зрения он выходит далеко за пределы экономики и уделяет особое внимание возникновению права.

Природа спора зачастую затемнялась тем обстоятельством, что Менгер, выступая против того, что он считал господствующей псевдоисторической школой в экономической науке, придерживался идей, заимствованных у исторической школы в правоведении. Эти идеи восходят к МанDEVILIO, Дэвиду Юму и шотландским философам конца XVIII века, хотя не вполне ясно, насколько хорошо Менгер был знаком с этими источниками XVIII века. Стоит отметить, что Менгер всегда интересовался историей экономической теории и искусно использовал ее в своих лекциях в качестве введения к проблемам современной экономической теории».

высоко оценить ее положительное изложение теоретического анализа. Если бы Менгер был известен только благодаря этой работе, сожаление, которое иногда высказывают его поклонники, что он отошел от своих работ по конкретным проблемам экономики, имело бы смысл. Это не значит, что его рассуждения о характере теоретического или абстрактного метода не имели большого значения или влияния. Возможно, эта книга — больше, чем какая-либо другая, — способствовала прояснению особого характера научного метода в социальных науках и оказала огромное влияние на профессиональных «методологов» среди немецких философов. Но мне, во всяком случае, кажется, что ее основное значение для современного экономиста заключается в необычайно глубоком понимании природы социальных явлений, которое обнаруживается при рассмотрении указанных проблем для иллюстрации различных методов и при рассмотрении развития идей, с которыми должны работать социальные науки. Рассмотрение несколько устаревших взглядов, например органического или, точнее, физиологического толкования социальных явлений, позволяет ему прояснить истоки и характер социальных институтов, что может представлять интерес для современных экономистов и социологов.

Один из основных тезисов книги следует рассмотреть более подробно: подчеркивание необходимости строго индивидуалистического или, как он обычно говорил, атомистического метода анализа. Один из наиболее выдающихся последователей Менгера отмечал, что «сам он всегда оставался индивидуалистом в смысле классической экономической науки, чего нельзя сказать о его последователях». Вряд ли такое утверждение применимо больше, чем к паре случаев. Но в любом случае в нем явно недооценивается метод, использованный Менгером. То, что у классических экономистов оставалось некой смесью этических постулатов и методологических инструментов, было систематически развито им в последнем направлении. И если внимание к субъективной составляющей в работах представителей австрийской школы полнее и убедительнее, чем в работах представителей любой другой школы современной экономической науки, то этим они во многом обязаны блестящему обоснованию, приведенному Менгером в этой книге.

Его первая книга не привлекла внимания немецких экономистов. Но он не мог пожаловаться на недостаток внимания

ко второй его книге. Резкая критика единственного признанного учения сразу же привлекла к себе внимание и вызвала среди прочих враждебных отзывов необычайно враждебную менторовскую отповедь главы школы Густава Шмоллера³⁷. Менгер принял вызов и ответил страстным памфлетом «Ошибки историзма в немецкой экономической науке» («Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie»)³⁸, написанным в форме писем к другу, где он безжалостно громил позиции Шмоллера. С точки зрения содержания в памфлете не было ничего нового по сравнению с «Исследованиями». Но он отличался необычайной силой и блеском изложения, которой Менгер смог достичь, занимаясь не построением сложной академической аргументации, а участием в открытом споре.

Вслед за учителями к спору вскоре подключились также ученики. Создалась редко встречающаяся в научном споре обстановка враждебности. С австрийской точки зрения направленность спора определил сам Шмоллер, который после выхода памфлета Менгера пошел на беспрецедентный шаг и объявил в своем журнале, что, хотя он получил экземпляр книги для рецензии, он не смог оценить ее, потому что сразу же вернул ее автору, и воспроизвел оскорбительное письмо, приложенное к возвращенной книге³⁹.

³⁷ *Schmoller G. Zur Methodologie der Staats- und Sozialwissenschaften // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im deutschen Reich. 1883.* При переиздании этой статьи наиболее оскорбительные отрывки были изъяты: *Schmoller G. Zur Literaturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften. Leipzig: Duncker und Humblot, 1888.* — Прим. Ф. Х.

³⁸ *Menger C. Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie. Vienna: A. Holder, 1884.*

³⁹ «Редактор *Jahrbuch* не в состоянии отрецензировать книгу, поскольку она немедленно была возвращена автору со следующим посланием: «Уважаемый господин, я получил посланную вами работу «Ошибки историзма в немецкой экономической науке». К ней было приложено извещение: «От автора», поэтому я должен поблагодарить Вас лично за то, что Вы послали мне ее. Какое-то время назад мне сказали, что она, в сущности, представляет собой прямую атаку на меня, а поверхностный просмотр первой же страницы полностью подтвердил это. Хотя я должен поблагодарить Вас за внимание и желание просветить меня, я полагаю, что мне следует оставаться верным своим принципам в этой литературной борьбе. Поэтому я должен рассказать Вам о них и посоветовать».

Чтобы понять, почему проблемы соответствующих методов больше всего волновали Менгера до конца его жизни, нужно представить, какие страсти вызывал эти спор и что означал для Менгера и его последователей разрыв с господствующей немецкой школой. Шмоллер дошел до публичных заявлений о том, что члены «абстрактной» школы не соответствовали занимаемым ими должностям в немецких университетах, а его влияние было достаточно сильным, чтобы сместить сторонников учения Менгера с академических постов в Германии. И через тридцать лет после завершения спора влияние новых идей, которые теперь торжествуют повсюду, затрагивало Германию меньше, чем любую другую страну мира.

Но, несмотря на такие нападки, за шесть лет — с 1884 по 1889 г. — вышел целый ряд книг, которые окончательно закрепили в мире репутацию австрийской школы. Бём-Баверк уже в 1881 г. опубликовал свое небольшое исследование «Права и отношения с точки зрения учения о хозяйственных благах» («*Rechte und Verhältnisse vom Standpunkt der wirtschaftlichen Güterlehre*»), но только с одновременным выходом его работы о капитале «История и критика теорий процента на капитал» («*Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien*») и «Источника и основных законов хозяйственных ценностей» («*Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes*») Визера в 1884 г. стало очевидно, насколько сильное подкрепление получило учение Менгера в этом лагере. Из этих двух работ более важной для дальнейшего развития основных идей Менгера, несомненно, была работа Визера, поскольку в ней содержалось исследование явления издержек, известное теперь как визеровский закон издержек, о котором уже шла речь выше. Но еще через два года вышла работа Бём-Баверка «Основы теории ценности

товать Вам следовать им; они помогут Вам сберечь много времени и нервов. Я выбрасываю все такие личные нападки на меня, не читая, в печь или в мусорную корзину, особенно когда я уже не жду от автора ничего хорошего. Поэтому я никогда не пытаюсь докучать публике литературными войнами в полемической манере многих немецких профессоров. Но мне бы не хотелось быть грубым с Вами и уничтожить так замечательно изданную небольшую книгу. Поэтому я с благодарностью возвращаю ее Вам в надежде, что Вы найдете ей лучшее применение. Я буду очень признателен Вам за дальнейшие нападки. Ибо «в большой вражде — много чести». Искренне Ваш Г. Шмоллер». — *Прим. Ф. Х.*

хозяйственных благ» («Grundzüge einer Theorie des wirtschaftlichen Güterwertes») ⁴⁰, которая хотя и не добавила ничего особенно нового к работам Менгера и Визера, но благодаря огромной убедительности и четкости аргументации больше любой другой работы способствовала популяризации доктрины предельной полезности. В 1884 г. два непосредственных ученика Менгера Виктор Матайя и Густав Гросс опубликовали свои интересные работы о прибыли, а Эмиль Сакс выпустил небольшое, но очень качественное исследование по вопросу о методе, в котором он поддержал Менгера в его основном послые, хотя и критиковал некоторые детали ⁴¹. В 1887 г. публикацией своей работы «Основы теории государственного хозяйства» («Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft»), первой и наиболее полной попытки применить принцип предельной полезности к проблеме государственных финансов, Сакс внес свой основной вклад в развитие австрийской школы, и в том же году своим исследованием близкой проблемы природы дохода о себе заявил еще один из ранних учеников Менгера Роберт Майер ⁴².

Но самым «урожайным» был 1889 г. В этом году были опубликованы «Позитивная теория капитала» («Positive Theorie des Kapital») Бём-Баверка, «Естественная ценность» («Natürlicher Wert») Визера, «Теория цен» («Zur Theorie des Preises») Цукеркандля, «Ценность в изолированном хозяйстве» («Wert in der isolierten Wirtschaft») Коморжинского, «Новые успехи экономической теории» («Neueste Fortschritte der Nationalökonomischen Theorie») Сакса и «Исследования о понятии и сущности земельной ренты» («Untersuchungen über Begriff und Wesen der Grundrente») Шуллерн-Шраттенхофена ⁴³. В после-

⁴⁰ Первоначально она была опубликована в виде нескольких статей у Конрада: *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 1886; затем она была переиздана в 1932 г. в 11-м номере «Series of Reprints of Scarce Tracts in Economics and Political Science», выпускаемой Лондонской школой экономики. — *Прим. Ф. Х.*

⁴¹ *Mataja V. Untemehmergewinn*. Vienna: A. Holder, 1884; *Gros G. Die Lehre vom Unternehmergewinn*. Leipzig: Duncker und Humblot, 1884; *Sax E. Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie*. Vienna: A. Holder, 1884. — *Прим. Ф. Х.*

⁴² *Meyer R. Das Wesen des Einkommens*. Berlin: Hertz, 1887. — *Прим. Ф. Х.*

⁴³ [*Schullern zu Schrattenhofen H. von. Untersuchungen über Begriff und Wesen der Grundrenten*. Leipzig: Fock, 1889. — *Амер. ред.*]

дующие годы много сторонников появилось также среди чешских, польских и венгерских экономистов из Австро-Венгерской монархии.

Возможно, наиболее успешным изложением учения австрийской школы на иностранном языке была «Чистая экономика» Маффео Панталеони, первое издание которой вышло в том же году⁴⁴. Из других итальянских экономистов идеи Менгера в большинстве своем или полностью были приняты Л. Коса, А. Грациани и Г. Маццола. Схожего успеха его идеи добились также в Голландии, где использование известным голландским экономистом Н. Г. Пирсоном учения о предельной полезности в его учебнике (1884—1890), опубликованном затем на английском языке под названием «Основы экономики», также оказало заметное влияние. Во Франции распространением нового учения занимались Шарль Жид, Е. Биллей, Шарль Секретан и М. Блок, а в Соединенных Штатах оно было тепло принято С. Н. Паттенем и Ричардом Эли. Даже первое издание «Принципов» Альфреда Маршалла⁴⁵,

---

В том же году два других венских экономиста Рудольф Аушпиц и Рихард Либен опубликовали свою работу «Исследования по теории цен», которая до сих пор остается одной из важнейших работ в области математической экономики. Но, несмотря на сильное влияние работ Менгера и его группы, они опирались скорее на основы, заложенные Курно и Тюненом, Госсеном, Джевансом и Вальрасом, нежели на работы своих соотечественников. — *Прим. Ф. Х.*

⁴⁴ *Pantaleoni M. Principii di Economia Pura.* Florence: G. Barbera, 1889; второе издание — 1894; перевод на английский — London: Macmillan, 1898. Несправедливое обвинение Менгера в плагиате у Курно, Госсена, [Ричарда] Дженнингса и Джеванса, сделанное в итальянском издании, было устранено в английском издании, и позднее Панталеони исправил положение, осуществив перевод «Оснований» на итальянский и снабдив его своим предисловием: *Pantaleoni M. Principii fondamentali di economia pura, con prefazioni di Maffeo Pantaleoni.* Imola: P. Galeati, 1909, впервые опубликовано в виде приложения к: *Giornale degli Economisti* 1906 и 1907 г. без предисловия Панталеони. Предисловие также переиздано и в итальянском переводе второго издания «Оснований», о котором будет сказано ниже, опубликованном в Бари в 1925 г. — *Прим. Ф. Х.*

⁴⁵ *Marshall A. Principles of Economics.* London: Macmillan, 1890. [Рус. пер. с 8-го изд.: *Маршалл А. Основы экономической науки.* М.: Эксмо, 2007.]

вышедшее в 1890 г., отражало намного большее влияние Менгера и его группы, чем могли представить себе читатели поздних изданий этой великой работы⁴⁶. А в следующие несколько лет Уильям Смарт и Джеймс Бонар, которые еще до этого выказали свою приверженность австрийской школе, широко популяризировали ее работы в англоязычном мире⁴⁷. Но — и это возвращает нас к особому положению работы Менгера — теперь все более известными становились уже не столько его собственные работы, сколько работы его учеников. Основным объяснением этого было то, что тираж «Оснований» Менгера уже был распродан и книгу было трудно достать, а Менгер не давал разрешения ни на переиздание, ни на перевод. Он надеялся в скором времени предложить намного более проработанную «систему» экономической теории и уж во всяком случае не желал переиздавать работу без тщательной переработки. Но его внимание отвлекали другие задачи, и осуществление этого замысла постоянно откладывалось.

Открытый спор Менгера со Шмоллером закончился в 1884 г. Но спор о методе продолжили другие, и поднимаемые в ходе его проблемы продолжали привлекать его внимание. В следующий раз открыто выступить по этим вопросам его подвиг выход в 1885 и 1886 г. нового издания шёнберговского «Руководства по политической экономии» («Handbuch der politischen Ökonomie»), коллективного труда многих немецких экономистов, большая часть которых не придерживалась взглядов исторической школы, ставившего себе целью систематическое изложе-

⁴⁶ Подтверждением этого служат также заметки, оставленные Маршаллом на полях его экземпляра «Оснований», который хранится в библиотеке Маршалла в Кембридже. — *Прим. Ф. Х.* [В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек писал: «Его работа также оказала влияние на единственную важную конкурирующую школу того периода — неоклассическую кембриджскую традицию. Поначалу Альфред Маршалл, основатель кембриджской школы, изучал работы Менгера с куда большей прилежностью, чем можно себе представить по немногочисленным ссылкам на Менгера (большинство из которых было опущено в более поздних изданиях) в «Основах» Маршалла». — *Ред. амер. изд.*]

⁴⁷ См., например: *Bonar J.* The Austrian Economists and Their View of Value // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 3. October 1888. P. 1—31 и *The Positive Theory of Capital*. *ibid.* Vol. 3. April 1889. P. 336—351. — *Прим. Ф. Х.*

ние всех вопросов политической экономии. Менгер отрецензировал эту работу для венского юридического журнала в статье, которая также вышла в виде отдельной брошюры под названием «К критике политической экономии» («Zur Kritik der politischen Ökonomie»)⁴⁸. Ее вторая часть была посвящена главным образом рассмотрению классификации различных дисциплин, обычно объединяемых под названием «политическая экономия», — тема, которая через два года была рассмотрена более подробно в другой статье под названием «Основы классификации экономических теорий» («Grundzüge einer Klassifikation der Wirtschaftswissenschaften»)⁴⁹. А в 1888 г. он опубликовал одну из двух своих важных работ о сути, а не методологии экономической теории — «К теории капитала» («Zur Theorie des Kapitals»)⁵⁰.

Вполне очевидно, что появление этой статьи было вызвано несогласием с определением термина «капитал» в первой, исторической части работы Бём-Баверка «Капитал и процент». Рассмотрение не носит характера полемики. Книга Бём-Баверка упоминается только в положительном ключе. Но основная цель статьи явно состоит в отделении абстрактного понятия капитала как денежной ценности собственности, предназначенной для накопления, от смитовского понятия «произведенных средств производства». Его главный тезис, что различия в историческом происхождении благ с экономической точки зрения не имеют большого значения, а также акцент на необходимости четкого разграничения ренты, получаемой от уже существующих средств производства, и собственно процента, — до сих пор не получили должного внимания⁵¹.

⁴⁸ См.: *Menger C. Gesammelte Werke*. Op. cit. Vol. 3. P. 99—131; сначала рецензия вышла в: *Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart*. Vol. 14; отдельная брошюра: *Menger C. Zur Kritik der politischen Ökonomie*. Vienna: A. Holder, 1887. — *Прим. Ф. Х.*

⁴⁹ См. *Menger C. Gesammelte Werke*. Op. cit. Vol. 3. P. 185—218 и *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1889. — *Прим. Ф. Х.*

⁵⁰ См.: *Menger C. Gesammelte Werke*. Op. cit. Vol. 3. P. 133—183 и *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1888; сокращенный перевод на французский, выполненный Шарлем Секретаном, вышел в том же году в *Revue d'Économie Politique* под названием «Contribution à la théorie du capital». — *Прим. Ф. Х.*

⁵¹ О трактовке капитала у Бём-Баверка см.: *Mises L. von. Human Action: A Treatise on Economics*. 3rd rev. edition, Chicago: H. Regnery,

Примерно в то же самое время в 1889 г. друзья почти убедили Менгера не откладывать и дальше публикацию нового издания «Оснований». И хотя он уже написал новое предисловие к этому новому изданию (выдержки из которого были опубликованы более тридцати лет спустя его сыном во введении ко второму изданию⁵²), публикация, тем не менее, опять была отложена. В последующие два года его основное внимание было сосредоточено на целом ряде новых публикаций.

К концу 1880-х годов вечная проблема австрийских денег приняла такую форму, что серьезная и окончательная реформа стала казаться возможной и необходимой. В 1878—1879 годах падение цен на серебро привело к обесцениванию бумажных денег до серебряных и вскоре заставило отказаться от свободной чеканки серебряных денег; после этого стоимость австрийских бумажных денег постепенно выросла относительно серебра и колебалась относительно золота. Сложившаяся ситуация — во многих отношениях одна из наиболее интересных в истории денег — все более и более считалась неудовлетворительной, а поскольку финансовое положение Австрии впервые за долгое время казалось достаточно стабильным, все ожидали, что правительство займется решением этой проблемы. Кроме того, соглашение, заключенное с Венгрией в 1887 г., предусматривало незамедлительное создание комиссии для обсуждения подготовительных мер, необходимых для возобновления платежей в звонкой монете. После серьезной задержки, вызванной обычными политическими разногласиями между двумя частями дуалистической монархии, комиссия или, точнее, комиссии — одна для Австрии и одна для Венгрии — были созданы и созваны в марте 1892 г. в Вене и Будапеште соответственно.

1966, pp. 479—489 [Рус. изд.: *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность. Челябинск, 2005. С. 447—455]; *Lachman L. M.* Capital and its Structure. London: Bell, 1956; reprinted, Kansas City, Mo.: Sheed Andrews & Mcmmel, 1978). P. 81—85; *Garrison R. W.* A Subjectivist Theory of a Capital-Using Economy // *O'Driscoll G. P., Rizzo M. J.* The Economics of Time and Ignorance. Oxford and New York: Basil Blackwell, 1985. P. 160—187, esp. p. 181—184; и ссылки, даваемые в наст. издании, глава 1, прим. 23, с. 63.

⁵² *Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, zweite Auflage, mit einem Geleitwort von Richard Schüller, aus dem Nachlas herausgegeben von Karl Menger. Vienna and Leipzig: Holder-Pichler-Tempsky, 1923.

Обсуждение в *Wahrungs-Enquete-Commission*, наиболее заметным членом которой был Менгер, представляет значительный интерес не только из-за особой исторической ситуации, в которой она была вынуждена работать. В качестве основы ее работы австрийское министерство финансов с необычайной тщательностью подготовило три объемных меморандума, содержавших, возможно, наиболее полное из когда-либо публиковавшихся собрание документальных материалов по денежной истории предыдущего периода⁵³. В состав комиссии, помимо Менгера, вошли также другие известные экономисты, например Сакс, Рихард Либен и Матайя, и многие журналисты, банкиры и промышленники, например Бенедикт, Герцка и Тауссиг, хорошо знакомые с денежными проблемами, а Бём-Баверк, служивший в министерстве финансов, был одним из представителей правительства и заместителем председателя. Задачей комиссии была не подготовка отчета, а рассмотрение и обсуждение взглядов ее членов по множеству вопросов, поставленных перед ними правительством⁵⁴. Эти вопросы касались основы будущих денег, вывода из оборота — в случае принятия золотого стандарта — существовавших серебряных и бумажных денег, обменного курса существовавшего бумажного флорина и золота и природы будущей денежной единицы.

Знание проблемы, а также дар ясного изложения позволили Менгеру сразу же занять ведущие позиции в обсуждении, а его заявления привлекали такое широкое внимание, что однажды даже привели к временному спаду на фондовой бирже. Его вклад заключался не столько в обсуждении общего вопроса о выборе стандарта — здесь практически все члены комиссии были согласны с тем, что принятие золотого стандарта было единственно возможным решением, — сколько в тщательном

⁵³ Denkschrift über den Gang der Währungsfrage seit dem Jahre 1867; Denkschrift über das Papiergeldwesen der österreichisch-ungarischen Monarchie; Statistische Tabellen zur Währungsfrage der österreichisch-ungarischen Monarchie. Все они были опубликованы министерством финансов в 1892 г. — *Прим. Ф. Х.*

⁵⁴ Ср.: Stenographische Protokolle über die vom 8. bis 17. März 1892 abgehaltenen Sitzungen der nach Wien einberufenen Währungs-Enquete-Commission. Vienna: k.k. Hofund Staatsdruckerei, 1892. Незадолго до начала работы комиссии Менгер изложил основные проблемы в публичной лекции: Menger C. Von unserer Valuta // *Allemeinejuristen Zeitung*. 1892. Nos. 12—13. — *Прим. Ф. Х.*

рассмотрении практических проблем установления паритета и определения времени перехода. И во многом благодаря его оценке этих практических трудностей, связанных с переходом к новому денежному стандарту, и обзору различных соображений, которые необходимо принимать в расчет, его свидетельства по праву получили признание. И сегодня они представляют необычайный интерес, так как почти все страны столкнулись со схожими проблемами⁵⁵.

Работа о деятельности этой комиссии — первая в ряде работ, посвященных проблемам денег, — была законченным и зрелым результатом тщательного изучения этих вопросов. За один год было опубликовано больше работ, вышедших из-под пера Менгера, чем за любой другой период его жизни. Результаты изучения особых проблем Австрии были изложены в двух отдельных брошюрах. Первая, под названием *Beiträge zur Währungsfrage in Oesterrdch-Ungarn*⁵⁶, посвященная истории и особенностям австрийской денежной проблемы и общему вопросу о принятии стандарта, представляет собой пересмотренное издание ряда его статей, которые вышли ранее в том же году в конрадовском «Ежегоднике» («Jahrbücher») под другим названием⁵⁷. Вторая, названная «Der Uebergang zur Goldwährung, Untersuchungen über die Wertprobleme der österreichisch-ungarischen Valutareform» («Der Uebergang zur Goldwährung, Untersuchungen über die Wertprobleme der österreichisch-ungarischen Valutareform»)⁵⁸, рассматривает главным образом технические проблемы, связанные с принятием золотого стандарта, особенно вопросы уста-

⁵⁵ К сожалению, в рамках данной статьи невозможно уделить этому важному эпизоду в истории денег место, которого он заслуживает вследствие его тесной связи с Менгером и его школой и вследствие общего интереса обсуждавшихся проблем. Он вполне заслуживает специального исследования, и очень жаль, что не существует изложения истории тогдашних дискуссий и проводившихся мероприятий. Помимо официальных публикаций, упомянутых ранее, сочинения Менгера являются наиболее важным источником для такого исследования. — *Прим. Ф. Х.*

⁵⁶ См.: *Menger C. Gesammelte Werke*. Op. cit. Vol. 4. P. 125—187. — *Прим. Ф. Х.*

⁵⁷ Die Valutaregulierung in Österreich-Ungarn // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 1892. — *Прим. Ф. Х.*

⁵⁸ См.: *Menger C. Gesammelte Werke*. Op. cit. Vol. 4. P. 189—224. — *Прим. Ф. Х.*

новления правильного паритета и факторы, способные повлиять на курс валюты после завершения перехода.

Но в этом же году было опубликовано намного более общее исследование проблемы денег, которое не касалось напрямую вопросов, стоявших на повестке дня, и которое следует считать третьим и последним важным вкладом Менгера в экономическую теорию. Речь идет о статье, посвященной проблеме денег, в третьем томе публиковавшегося тогда первого издания «Справочника по общественно-политическим наукам» («*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*») ⁵⁹. Именно его занятие широкими исследованиями, проводившимися при подготовке этого подробного изложения общей теории денег, исследования, занимавшие его в предшествующие два или три года, позволили Менгеру принять участие в обсуждении австрийских проблем. Его, конечно, всегда интересовали вопросы денег. Последняя глава «Оснований» и разделы «Исследований о методах» содержат важные наблюдения, особенно по вопросу о происхождении денег. Следует также отметить, что среди множества рецензий, которые Менгер писал в ежедневные газеты, особенно в молодости, в 1873 г. были две, в которых подробно рассматривались «Очерки» Д. Э. Кэрнса о последствиях открытия месторождений золота: во многих отношениях поздние взгляды Менгера тесно связаны со взглядами Кэрнса ⁶⁰.

Но хотя ранние работы Менгера, особенно предложенная им идея различных степеней «продаваемости» различных благ в качестве основы для понимания функции денег, обеспечили бы ему достойное место в истории учений о деньгах, именно его последняя крупная публикация стала основным вкладом в центральную проблему ценности денег. До появления работы профессора Мизеса двадцать лет спустя ⁶¹, ставшей прямым

⁵⁹ См.: *Ibid.* P. 1—116. — *Прим. Ф. Х.*

⁶⁰ Эти статьи появились в «*Wiener Abendpost*» (приложение к «*Wiener Zeitung*») 30 апреля и 19 июня 1873 г. Как и все другие ранние журналистские работы Менгера, они опубликованы анонимно. — *Прим. Ф. Х.* [Имеется в виду: *Cairnes. Essays Toward a Solution of the Gold Problem*, которая была опубликована как *Essays in Political Economy: Theoretical and Applied*. London: Macmillan, 1873. — *Прим. амер. ред.*]

⁶¹ *Mises L. von. Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel*. Op. cit. [Рус. пер.: *Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения*. Челябинск: Социум, 2009.]

продолжением работы Менгера, эта статья оставалась основным вкладом австрийской школы в теорию денег. Стоит немного остановиться на вопросе о сути этого вклада, ибо здесь по-прежнему существует значительное недопонимание. Существует мнение, что вклад австрийской школы заключался только в несколько механической попытке применить принцип предельной полезности к проблеме ценности денег. Но это не так. Основное достижение австрийцев в этой области состоит в последовательном использовании в теории денег субъективистского или индивидуалистического подхода, который на самом деле лежит в основе анализа предельной полезности, но который намного шире и имеет более универсальное значение. В этом и состоит заслуга Менгера. Его изложение значения различных теорий ценности денег, причин изменений и возможности изменения этой ценности, а также его исследование факторов, определяющих спрос на деньги, на мой взгляд, представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с традиционным подходом количественной теории с точки зрения агрегатных и средних величин. И даже там, где, как в случае с привычным для него различием между «внутренней» и «внешней» ценностью денег (*innere und äußerer Tauschwert*), используемые термины несколько сбивают с толку — различие относится не к разнообразным видам ценности, как может показаться из терминологии, а к разнообразным силам, которые влияют на цены, — основная идея проблемы необычайно современна⁶².

Перечень основных работ Менгера, вышедших в свет при его жизни, неожиданно обрывается на публикациях 1892 года⁶³. В последние три десятилетия его жизни он опубликовал только несколько небольших статей, полный перечень которых приведен в библиографии его работ в конце последнего тома его собрания сочинений. Еще несколько лет эти публикации были посвящены главным образом вопросам денег. Из них особого

⁶² Интерпретацию менгеровской теории денег как неравновесной теории в условиях неопределенности см.: Streissler E. Menger's Theory of Money and Uncertainty // *Hicks and Weber*. Op. cit. P. 164—189.

⁶³ Помимо упомянутых здесь работ в том же году были опубликованы статьи на французском и английском языках: *Menger C. La Monnaie Mesure de la Valeur* // *Reime d'Economie Politique*. Vol. 6. 1892; *Menger C. On the Origin of Money* // *Economic Journal*. Vol. 2. 1892. P. 239—255. — *Прим. Ф. Х.*

упоминания заслуживают лекция «Das Goldagio und der heutige Stand der Valutareform» («Das Goldagio und der heutige Stand der Valutareform», 1893)⁶⁴, статья о деньгах и чеканке монеты в Австрии после 1857 года в «Österreichische Staatswörterbuch» (1897) и особенно полностью пересмотренная публикация его статьи о деньгах в четвертом томе второго издания «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» (1900)⁶⁵. Последние публикации в основном носят характер рецензий, биографических заметок и предисловий к работам его учеников. Последняя опубликованная статья Менгера⁶⁶ представляет собой некролог его ученику Бём-Баверку, скончавшемуся в 1914 г.

Причина такой кажущейся бездеятельности понятна. Менгер решил полностью сосредоточиться на основных поставленных для себя задачах — на долго откладывавшейся систематической работе по экономической теории и на всестороннем исследовании природы и методов социальных наук в целом. На завершение этой работы были направлены его основные усилия; в конце 1890-х годов он рассчитывал осуществить публикацию в ближайшем будущем, причем в значительной части работа уже была готова. Но его интересы и охват намеченной работы продолжали расширяться. Менгер считал необходимым перейти и другим дисциплинам. Философия, психология и этнография⁶⁷ отнимали все больше и больше его времени, и публикация его работы вновь и вновь откладывалась. В 1903 г. в сравнительно раннем возрасте — ему тогда было 63 года — Менгер оставил кафедру для того, чтобы полностью посвятить себя своей работе⁶⁸. Но он постоянно был чем-то недоволен и продолжал

⁶⁴ См.: *Menger C. Gesammelte Werke*. Op. cit. Vol. 4. P. 308—324. — *Прим. Ф. Х.*

⁶⁵ Переиздание той же статьи в четвертом томе третьего издания «Handwörterbuch» (1909) содержит лишь небольшие стилистические изменения по сравнению со второй редакцией. — *Прим. Ф. Х.*

⁶⁶ Eugen von Böhm-Bawerk // *Almanack der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. 1915 (*Menger C. Gesammelte Werke*. Op. cit. Vol. 3. P. 293—307).

⁶⁷ Чтобы оценить влияние Менгера, следует сказать, что его идеи были введены в антропологию Рихардом Турнвальдом, одним из его учеников. — *Прим. Ф. Х.*

⁶⁸ В результате почти все поздние представители австрийской школы («третье поколение»), например профессора Ганс Майер, Людвиг

работу над рукописью вплоть до своей смерти в 1921 году в возрасте 81 года. Изучение его рукописей показало, что в какое-то время значительная часть работы уже была готова к публикации. Но даже после того, как силы начали покидать его, он продолжал пересматривать и переделывать рукописи столь серьезно, что всякая попытка восстановления будет очень трудной, если не невозможной задачей. Некоторые материалы, имевшие отношение к предмету «Оснований» и частично предназначенные для нового издания этой работы, были включены его сыном во второе издание, опубликованное в 1923 г.⁶⁹ Но гораздо больше материалов осталось в виде обширных, но разрозненных и неупорядоченных рукописей, которые могут стать доступными только благодаря долгой и кропотливой работе очень искусного редактора. Во всяком случае в настоящее время результаты деятельности последних лет жизни Менгера следует считать утраченными⁷⁰.

Рискованная попытка дополнить этот очерк научной карьеры Менгера оценкой его характера и личности была бы сомнительной для того, кто не знал его лично. Но поскольку о нем так мало известно нынешнему поколению экономистов и поскольку нет ни одного всестороннего литературного портрета, попытка объединить немногочисленные записи о нем его друзей и учеников⁷¹ и устные предания Вены может оказаться не такой

фон Мизес, Йозеф Шумпетер, были непосредственными учениками не Менгера, а Бём-Баверка или Визера. — *Прим. Ф. Х.*

⁶⁹ *Menger C. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, Zweite Auflage mit einem Geleitwort von Richard Schütter aus dem Nachlaß herausgegeben von Karl Menger. Op. cit. Всестороннее рассмотрение изменений и дополнений, сделанных в этом издании, см.: Weis E. X. Zur zweiten Auflage von Carl Mengers Grundsätzen // Zeitschrift für Volkswirtschaft und Sozialpolitik. N. S. Vol. 4. 1924. — Прим. Ф. Х.*

⁷⁰ Незадолго до своей смерти в 1985 г. Карл Менгер-младший почти завершил биографию своего отца, и семья Менгера, в соответствии с его распоряжением, доверила завершение рукописи профессору Альберту Цлабингеру, директору Института Карла Менгера в Вене. Кроме того, собрание рукописей Карла Менгера недавно было приобретено университетом Дьюка.

⁷¹ Следует особо упомянуть о небольших заметках Ф. фон Визера и Р. Цукеркандля соответственно: *Neue österreichische Biographie (Vienna: Amalthea, 1923); Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Vol. 19. 1911. — Прим. Ф. Х.*

уж неуместной. Такие впечатления, естественно, относятся ко второй половине его жизни, ко времени, когда он прекратил активное участие в делах окружающего мира и погрузился в спокойную и размеренную жизнь ученого, посвященную только преподаванию и исследовательской работе.

Впечатления молодого человека от одного из тех редких случаев пребывания рядом с почти легендарной личностью прекрасно переданы на известной гравюре Ф. Шмутцера. Вполне возможно, что сохранившийся образ Менгера обязан этому мастерски выполненному портрету не меньше, чем воспоминаниям. Массивную, рельефную голову с большим лбом, выполненную грубоватыми, но ясными линиями, непросто забыть. Среднего роста⁷², с пышной шевелюрой и бородой — во времена своего расцвета Менгер должен был производить необычайно сильное впечатление.

В годы после его отставки среди молодых экономистов, вступавших на путь университетской карьеры, традицией стало совершать паломничество в его дом. Их встречал радушный прием Менгера среди его книг, где они говорили с ним о жизни, которую он знал так хорошо и от которой отошел, получив все, что хотел. И со стороны он с интересом наблюдал за экономикой и университетской жизнью до конца своих дней, а когда в последние годы ухудшающееся зрение победило в нем неутомимого читателя, он заставлял посетителей рассказывать о своей работе. В последние годы он производил впечатление человека, после долгой и активной жизни продолжавшего работать не ради какого-то долга или возложенного на себя обязательства, а из чистого интеллектуального удовольствия движения в стихии, которая стала его собственной. В последние годы жизни он, возможно, в какой-то степени соответствовал распространенному представлению об ученом, не имеющем связей с реальным миром. Но это не было результатом

⁷² В первоначальном варианте текста написано «высокого». В немецком варианте статьи в 1968 г. Хайек писал: «Следует отметить, что единственная внесенная мною в текст фактическая поправка касается единственной детали, о которой я могу свидетельствовать по собственному опыту. В первоначальном английском тексте я описал Карла Менгера как высокого, и именно такое впечатление произвел на меня этот достойный человек во время церемонии в Венском университете. Но все, кто знал его лучше, позднее уверили меня, что он был только среднего роста».

ограниченности его мировоззрения. Это был результат сознательного выбора в зрелом возрасте, совершенного человеком, который имел богатый и разнообразный опыт.

И если бы Менгер только пожелал, у него не было бы недостатка ни в возможностях, ни во внешних знаках отличия, чтобы стать одной из самых влиятельных фигур в общественной жизни. В 1900 г. он стал пожизненным членом верхней палаты австрийского парламента. Но Менгера не интересовала возможность участия в его работе. Для него мир был объектом исследования, а не действия, и именно поэтому пристальное наблюдение за ним доставляло ему такую радость. Бесплезно искать в его опубликованных работах какого-то выражения его политических взглядов⁷³. На самом деле он тяготел к консерватизму или либерализму старого типа. Он не без симпатий относился к движению за социальные реформы, но социальный энтузиазм никогда не смешивался с его холодными рассуждениями. В этом, как и во многом другом, он представлял любопытную противоположность своему более страстному брату Антону⁷⁴. Поэтому поколения студентов помнят

⁷³ Но см.: *Streissler*. Carl Menger on Economic Policy: The Lectures to Crown Prince Rudolph. Штрейсслер отмечает, что записи Рудольфа «показывают, что Менгер был классическим либералом чистой воды, отводившим государству куда меньшую роль, чем даже Адам Смит» (с. 110).

⁷⁴ Два брата были постоянными членами группы, которая в 1880—1890-х годах почти каждый день собиралась в кофейне напротив университета и первоначально состояла главным образом из журналистов и предпринимателей, а позднее — все больше из бывших учеников и студентов Менгера. Именно благодаря этому кружку, по крайней мере до своей отставки из университета, Менгер сохранял связь и оказывал некоторое влияние на текущие дела. Противоположность между двумя братьями хорошо описана одним из его наиболее выдающихся учеников Рудольфом Зигхартом. Ср.: *Sieghart*. Die letzten Jahrzehnte einer Grossmacht. Berlin: Ullstein, 1932. P. 21: «Братья Менгеры на самом деле были странной и необычной парой: с одной стороны Карл, основатель австрийской школы экономики и первооткрыватель психоэкономического принципа предельной полезности, учитель кронпринца Рудольфа, журналист в молодости, знакомый с большим миром и готовый отвернуться от него, революционер в своей области, хотя и придерживавшийся довольно консервативных взглядов в политике; с другой стороны, Антон, нелюдимый, постепенно утративший интерес к своей собственной области — гражданскому праву и

Менгера как одного из самых лучших преподавателей университета⁷⁵, и именно так он оказывал косвенное влияние на австрийскую общественную жизнь⁷⁶. И все как один с одобрением вспоминают удивительную ясность изложения. Показательно следующее описание впечатлений молодого американского экономиста, посещавшего лекции Менгера зимой 1892—1893 гг.: «Профессор Менгер выглядит достаточно молодо для своих 53 лет. В лекциях он редко использует записи, разве что для сверки с цитатами и данными. Кажется, что идеи приходят к нему во время чтения лекции, и они излагаются столь ясным и простым языком и сопровождаются столь уместными жестами, что слушать его — одно удовольствие. Студент чувствует, что его подводят, а не подталкивают к выводам, а когда они достигнуты, они возникают в уме не как нечто внешнее, а как очевидное следствие своего собственного мыслительного процесса. Говорят, что тем, кто регулярно посещает лекции профессора Менгера, не нужно специально готовиться к выпускным экзаменам по политической экономии, и я готов поверить этому. Я редко, если вообще когда-либо слышал лектора,

---

гражданскому процессу — и все более интересовавшийся социальными проблемами и ролью государства в их решении, страстно увлеченный проблемами социализма. С одной стороны, Карл, мастер ясного изложения и доступного письма, бесстрастного в духе Ранке; а с другой — Антон, менее доступный в своих работах, но увлеченный социальными проблемами во всех их проявлениях — гражданское право, экономика и политическая жизнь. Именно у Карла я научился экономической методологии, а на проблемах, занимавших меня, отразилось влияние Антона». — *Прим. Ф. Х.*

⁷⁵ Число людей, которые в то или иное время принадлежали к более тесному кругу учеников Менгера, а затем оставили след в австрийской общественной жизни, необычайно велико. К именам, уже упоминавшимся ранее в тексте, прибавим лишь некоторых из тех, кто внес тот или иной вклад в специальную экономическую литературу: Карл Адлер, Стефан Бауэр, Мориц Дуб, Маркус Эттингер, Макс Гарр, Виктор Грац, И. фон Грубер-Меннингер, А. Красни, Г. Кунвальд, Вильгельм Розенберг, Рудольф Зигхарт, Герман Шварцвальд, Е. Швидланд, Эрнст Сейлер и Рихард Турнвальд. — *Прим. Ф. Х.*

⁷⁶ Однако через своего брата Макса, который многие годы входил в Совет Австрийской империи, и через различных знакомых по кофейне Менгер долгое время оказывал значительное влияние на политические и экономические взгляды немецких либеральных депутатов палаты представителей. — *Прим. Ф. Х.*

который обладал бы таким же талантом сочетания ясности и простоты суждений с философской широтой взглядов. Его лекции редко бывают непонятными даже самым слабым студентам, и тем не менее они всегда содержат нечто полезное для самых проницательных»⁷⁷. Все студенты Менгера сохранили особенно живые воспоминания о сочувственном и глубоком изложении истории экономических учений, а ротапринтные копии его лекций о государственных финансах студенты разыскивали для подготовки к экзаменам и через двадцать лет после его выхода в отставку.

Однако лучше всего его великий дар учителя раскрывался на его семинарах, собиравших избранный круг наиболее прилежных студентов и многих из тех, кто уже давно защитил свои докторские диссертации. Иногда обсуждение практических вопросов на семинарах строилось по образцу заседаний парламента, когда основные докладчики выступали за и против предлагаемых мер. Но чаще тщательно подготовленный одним из участников доклад служил основой долгих дискуссий. Менгер позволял студентам самим вести споры, но при этом с бесконечным старанием помогал готовить доклады. Он не только предоставлял свою библиотеку в полное распоряжение студентов и даже покупал особенно нужные книги, но и перечитывал рукописи, не только обсуждая основные вопросы, но и «обучая их публичной речи и технике дыхания»⁷⁸.

Новичкам поначалу трудно бывало установить с Менгером близкие отношения. Но как только он находил особый талант и включал студента в избранный круг участников семинара, он, не жалея сил, помогал ему в его работе. Связь Менгера с участниками его семинара не ограничивалась академическими дискуссиями. Он часто приглашал его участников на воскресные поездки за город или просил отдельных студентов составить ему компанию на рыбалке. На самом деле рыбалка была единственным его развлечением. Даже здесь он все пытался делать по науке, вникая в каждую деталь рыболовной техники и изучая специальную литературу.

---

⁷⁷ *Seager H. R. Economics at Berlin and Vienna // Journal of Political Economy. Vol. 1. 1893. P. 236—262, esp. p. 255; Seager H. R. Labor and Economic Essays. New York: Harper, 1931. — Прим. Ф. Х.*

⁷⁸ *См.: Gratz V. Carl Menger // Neues Wiener Tagblatt. February 17. 1921. — Прим. Ф. Х.*

Трудно представить Менгера горячо увлеченным чем-то, что не было бы связано с главной целью его жизни — изучением экономики. Но, помимо непосредственного изучения своего предмета, было еще одно занятие, которое увлекало его так же сильно: собирание и сохранение его библиотеки. Экономический раздел его библиотеки сопоставим с тремя-четырьмя библиотеками, когда-либо составленными частными собирателями⁷⁹. Но она состояла не только из книг по экономике, собрания работ по этнографии и философии были не менее богатыми. После смерти Менгера значительная часть этой библиотеки, включая все книги по экономике и этнографии, была переправлена в Японию и теперь хранится как отдельная часть в библиотеке экономической школы в Токио (ныне университет Хитоцубаси). Только в экономическом разделе опубликованного каталога присутствует более 20 тысяч наименований⁸⁰.

---

⁷⁹ В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек пишет, что в 1911 году Менгер оценивал величину библиотеки примерно в 25 тысяч томов.

⁸⁰ *Katalog der Carl Menger-Bibliothek in der Handelsuniversität Tokyo. Erster Teil. Sozialwissenschaften* (Tokyo: Bibliothek der Handelsuniversität, 1926) и *Katalog der Carl Menger-Bibliothek in der Hitotsubashi Universität. Vol. 2.* (Tokyo: Bibliothek der Hitotsubashi University, 1955) содержат несколько портретов Менгера. О написанных от руки заметках в книгах из библиотеки Менгера, проливающих определенный свет на развитие его идей, см.: *Kauder E. Menger and his Library // Economic Review. Hitotsubashi University. Vol. 10, 1959*; *Kauder E. Aus Mengers nachgelassenen Papieren // Weltwirtschaftliches Archiv. Vol. 89. 1962.* С помощью профессора Эмиля Каудера библиотека университета Хитоцубаси выпустила ротапринтные издания заметок из первых двух томов под названием: «*Carl Mengers Zusätze zu Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*» и «*Carl Mengers erster Entwurf zu seinem Hauptwerk «Grundsätze», geschrieben als Anmerkungen zu den «Grundsätzen der Volkswirtschaftslehre» von Karl Heinrich Rau.* [В небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек писал о них: «Недавнее (1963 г.) издание его замечаний к «*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*» Рау показывает, что именно критический анализ этого учебника с изложением классического учения подвиг — с 1867 г. — Менгера на создание своей собственной теории ценностей. В обширной немецкой и французской литературе по экономике начала XIX в. Менгер должен найти обильный материал для проведения глубокого анализа с точки зрения полезности. (В английской литературе традиция

Менгеру не суждено было осуществить замысел последних лет своей жизни и завершить большой трактат, который, как он надеялся, должен был увенчать его труды. Но он должен был быть удовлетворен тем, что его ранние работы принесли такие богатые плоды, и он до самого конца сохранял сильную и неослабевающую привязанность к избранному объекту исследований. Человек, который мог однажды сказать, как говорят о нем, что если бы у него было семь сыновей, они все бы занимались изучением экономики, вероятно, был необычайно счастлив в своей работе. Свидетельством его дара внушать схожий энтузиазм своим ученикам служит то, что многие выдающиеся экономисты с гордостью называют его своим учителем.

анализа с точки зрения полезности была выражена не так сильно.) По-видимому, среди работ, которые он смог привлечь, была одна из работ Курно, а также работа австрийского экономиста Йозефа Кудлера: *Kudler J. Die Grundlehren der Volkswirtschaft*. Vienna: Braumuller and Seidel, 1846. Однако среди источников не встречается работа автора, который наиболее полно предвосхитил его: *Gossen. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs*. Braunschweig: Bieweg, 1854).

Приложение

*Место «Оснований» Менгера в истории экономической мысли*⁸¹

«Основания» появились в 1871 г., спустя всего 95 лет после выхода в свет «Богатства народов», 45 лет после издания «Начал» Рикардо и каких-то 23 лет после пересмотра Дж. С. Миллем классической экономической теории. Об этих интервалах следует помнить, чтобы не кичиться современной экономической теорией (100 лет спустя), которая должна была добиться большего, чем она смогла добиться на самом деле. В конце этого столетия произошла еще одна революция, которая привела к смещению интереса к аспектам экономического анализа, слабо разрабатывавшимся в начале столетия, когда влияние работ Менгера было особенно велико. Тем не менее в долгосрочной перспективе «микроэкономический» этап, который во многом обязан Менгеру, оказался достаточно продолжительным. На него пришлось более четверти от тех почти двух веков, что отделяют нас от Адама Смита.

Чтобы по достоинству оценить Менгера, важно также избежать недооценки того, что было достигнуто до него. Было бы ошибкой считать, что предшествующий период — 1820—1870-е годы — был временем господства рикардианской ортодоксии. Во всяком случае, первое поколение после Рикардо имело множество новых идей. И в классической экономической теории, окончательно изложенной Дж. С. Миллем, и даже вне ее было накоплено множество инструментов анализа, позволивших более поздним поколениям выстроить проработанную и последовательную структуру теории после того, как идея предельной полезности стала основой объединения. Если и можно говорить о каком-то господстве квазирикардианской ортодоксии, то только после ее убедительного пересмотра Дж. С. Миллем. Но даже его «Основы» содержат важные идеи, которые идут намного дальше Рикардо. И даже до публикации этой работы существовали важные достижения,

---

⁸¹ Опубликовано в: *Hicks J. R. and Weber W., eds. Carl Menger and the Austrian School of Economics. Op. cit. P. 1—14.* В сокращенном виде опубликовано также на немецком: *Die Stellung von Mengers «Grundsätzen» in der Geschichte der Volkswirtschaftslehre // Zeitschrift für Nationalökonomie. Vol. 32. No. 2. 1972. P. 3—9.*

которые не были включены Миллем в его синтез. И речь идет не только о важных работах Курно, Тюнена и Лонгфилда по теории цен и предельной производительности, но и о множестве других выдающихся исследований, посвященных спросу и предложению, не говоря уже о первых попытках анализа с точки зрения предельной полезности, которые остались тогда незамеченными и только позднее были обнаружены в работах Ллойда, Дюпюи и Госсена. Таким образом, уже была накоплена большая часть того материала, который рано или поздно неизбежно был бы использован кем-то для создания новой экономической теории, что, в конечном итоге, и сделал Альфред Маршалл, и можно предположить, что отсутствие маржиналистской революции не так уж сильно сказалось бы на результатах его работы.

То, что реакция на классическую экономическую теорию приняла известную нам форму и что почти в то же самое время Уильям Стенли Джевонс в Англии, Карл Менгер в Вене и Леон Вальрас в Лозанне сделали субъективную ценность благ для индивидов отправной точкой для своих построений, возможно, обусловлено именно открытым возвратом Милля в своей теории ценности к точке зрения Рикардо. На самом деле работы Менгера и Вальраса по теории ценности были не так сильно связаны с реакцией на Милля, как в случае с Джевонсом. Но то, что стало очевидным у Милля, а именно отсутствие у него общей теории ценности, которая объясняла бы определение всех цен единым принципом, можно было сказать обо всех системах и учебниках по экономической теории, которые широко использовались на континенте. Хотя во многих из них содержался анализ факторов, способствующих установлению цен в отдельных случаях, в них отсутствовала общая теория, позволявшая подвести под нее отдельные случаи. То же относится и к аппарату кривых спроса и предложения, который только начал тогда использоваться; возможно, стоит отметить, что издание немецкого учебника Карла Генриха Рау, который Менгер тщательно изучил перед написанием «Оснований», содержало в конце диаграммы с использованием этих кривых. Но в целом преобладающие теории предлагали различные объяснения формирования цен на прирастающие и неприрастающие блага; и в случае первых цены продуктов связывались с издержками производства, то есть с ценами используемых факторов, которым, в свою очередь,

не давалось соответствующего объяснения. Такую теорию едва ли можно назвать удовлетворительной. На самом деле довольно трудно понять, как такой проницательный и честный в интеллектуальном отношении ученый, как Дж. С. Милль, мог заявить относительно наиболее слабой части своей системы, что «в законах стоимости нет ничего, что осталось бы выяснить современному или любому будущему автору; теория этого предмета является завершённой»⁸². Многим критически настроенным мыслителям того времени было совершенно очевидно, что такое основание всего здания экономической теории было неудовлетворительным.

Тем не менее было бы несправедливо утверждать, что всеобщее разочарование в распространенной экономической теории, наступившее вскоре после громкого успеха работы Милля, целиком или в значительной степени было вызвано этой ошибкой. Были и другие обстоятельства, которые пошатнули доверие к экономической теории, столь успешно завладевшей общественным мнением предыдущего поколения, например в случае Милля — его отказ от теории фонда заработной платы, которая играла важную роль в его работах и которую ему нечем было заменить. К тому же выросло влияние исторической школы, которая сомневалась в целесообразности попыток создания общей теории экономических явлений. И факт, что выводы преобладающей экономической теории казались помехой новым социальным ожиданиям, вызвал враждебность к ней, которая обнаружила большинство ее несомненных недостатков.

Но, хотя иногда утверждалось обратное, я не могу найти свидетельство того, что Джевонс, Менгер или Вальрас в своих попытках перестроить экономическую теорию были движимы желанием заново утвердить практические выводы классических экономистов. Напротив, их симпатии были на стороне движений за социальные реформы той поры. На мой взгляд, их научная работа основывалась на осознании недостаточности преобладающей теории для объяснения того, как на самом

---

⁸² *Mill J. S. Principles of Political Economy, with Some of Their Applications to Social Philosophy. Boston: Little & Brown, 1848. Vol. 3. Chapter 1. Section 1. [Рус. изд.: Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. С. 496.] — Прим. Ф. Х.*

деле действует рыночный порядок. А источником вдохновения во всех трех случаях, по-видимому, была интеллектуальная традиция, которая, по крайней мере со времен Фердинанда Галиани в XVIII в., развивалась бок о бок с теориями труда и издержек, восходящими к Джону Локку и Адаму Смиту. У меня нет возможности излагать здесь теперь уже достаточно хорошо изученную историю этой традиции полезности в теории ценности. И хотя в случае Джевонса и Вальраса их опора на отдельных ранних авторов достаточно очевидна, в случае Менгера не так просто отыскать того, кому он обязан решающими выводами. Конечно, в целом немецкая литература, от которой он отталкивался вначале, уделяла больше внимания отношениям между ценностью и полезностью, чем английские авторы. Тем не менее ни одна из известных ему работ не подходила и близко к найденному им в конечном итоге решению проблемы; и кажется очевидным, что до написания «Оснований» он не был знаком с единственной немецкой работой, во многом предвосхитившей его выводы, а именно работой Германа Генриха Госсена⁸³. И вряд ли его окружение, в лице коллег и учеников, могло способствовать изучению интересовавших его проблем. По-видимому, он работал в полной изоляции и в старости с сожалением рассказывал молодым экономистам, что во времена его молодости у него не было возможностей для обсуждения, которыми располагают последующие поколения⁸⁴. И Вена тогда действительно была не тем местом, откуда можно было ожидать серьезного вклада в экономическую теорию.

Но мы слишком мало знаем о молодых годах и образовании Менгера, и можно только сожалеть, что представители австрийской школы сделали так мало для того, чтобы пролить свет на эти вопросы⁸⁵. То немногое, что сделано на сегодняшний день для прояснения истоков и истории его идей, было сде-

⁸³ Однако см. выше, прим. 9.

⁸⁴ *Mises L. von. The Historical Setting of the Austrian School of Economics. Op. cit. P. 10. — Прим. Ф. Х.*

⁸⁵ Мой собственный [переизданный здесь] очерк жизни Менгера, написанный в 1934 г. в Лондоне в качестве предисловия к его собранию сочинений, не способен заполнить этот пробел. Тогда была сделана только компиляция данных, доступных из письменных источников, дополненная информацией, предоставленной сыном Менгера и некоторыми его учениками. — *Прим. Ф. Х.*

лано за пределами Австрии и вряд ли может заменить работу с местными источниками⁸⁶. Даже если материала для подробной биографии Менгера не существует вовсе, следует по возможности создать более четкую, чем имеется у нас сейчас, картину интеллектуальной основы его исследований и ранних работ. Здесь мне приходится ограничиться изложением немногочисленных важных сведений, большинством которых я обязан публикациям профессора Эмиля Каудера⁸⁷.

В Австрии не было такой моды на экономическую теорию Смита и такого безоговорочного принятия английских и французских экономических идей, как в большей части Германии в первой половине XIX века. Вплоть до середины 1840-х годов экономика в австрийских университетах изучалась по камералистскому учебнику XVIII в. Йозефа фон Шонненфельса⁸⁸. И только в 1846 г. на смену ему пришел учебник Д. Кудлера «Основы учения о народном хозяйстве» («Grundlehren der Volkswirtschaft»), по которому, по-видимому, учился и Менгер. В этой работе он должен был найти исследование связи между ценностью и полезностью и особенно значения потребностей различной остроты, удовлетворяемых различными благами. Однако у нас нет свидетельств того, что после окончания учебы в университете Менгер начал всерьез интересоваться

⁸⁶ См.: *Stigler G. J.* The development of utility theory // *Journal of Political Economy*. Vol. 58. 1950, переиздано в: *Stigler G. J.* *Essays in the History of Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1965; *Howey R. S.* *The Rise of Marginal Utility School 1870—1880*. Lawrence, Kans.: University of Kansas Press, 1960; *Hansen R.* *Der Methodenstreit in den Socialwissenschaften zwischen Gustav Scmoller und Karl Menger: seine wissenschaftshistorische und wissenschaftstheoretische Bedeutung* // *Alwin Diemer, ed.* *Beiträge zur Entwicklung der Wissenschaftstheorie im 19. Jahrhundert*. Meisenheim am Glan: A. Hain, 1968; а также работы Эмиля Каудера, приведенные в следующем примечании. — *Прим. Ф. Х.*

⁸⁷ *Kauder E.* The retarded acceptance of marginal utility theory // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 67. 1953. P. 564—575; *Intellectual and Political Roots of the older Austrian school* // *Zeitschrift für Nationalökonomie*. Vol. 17. 1958. P. 411—425; *Menger and his library*. Op. cit.; *Aus Mengers nachgelassenen Papieren*. Op. cit.; *A History of Marginal Utility Theory*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1965. — *Прим. Ф. Х.*

⁸⁸ *Sonnenfels J. von.* *Grundsätze der Polizey, Handlung, und Finanz*. Vienna: Kirzbeck, 1765—1767.

этими проблемами. Говорят, что, по его словам, интерес пробудился в нем во время написания, будучи молодым чиновником, отчетов о состоянии рынка, когда он осознал, насколько мало устоявшаяся теория помогает объяснить изменения цен. Самые ранние сохранившиеся заметки в его экземпляре упомянутого ранее учебника Рау говорят о том, что к 1867 г., т. е. в возрасте 27 лет, он уже начал всерьез задумываться над этими вопросами и довольно близко подошел к своему окончательному решению. Эти обширные записи на полях его экземпляра книги Рау, которые вместе с экономической частью библиотеки Менгера хранятся в токийском университете Хитоцубаси, изданы японцами при участии профессора Каудера под заглавием «Первый набросок „Оснований“»⁸⁹, что вряд ли соответствует действительности. Хотя они показывают, что он уже пришел к своей идее зависимости ценности благ для индивида от определенных желаний, удовлетворению которых они служат; хотя в них явно видно недовольство неопределенными замечаниями по этому поводу, что понятно для человека, который пришел к четкому осознанию проблемы; они по-прежнему (возможно, даже неизбежно) далеки от методического подхода, которым отличаются «Основания». Я полагаю, что, судя по ссылкам на известную немецкую полемику, приводимым в примечаниях, работа над книгой на самом деле велась между 1867 и 1871 гг.

Столь убедительным изложение «Оснований» делает его последовательная неторопливость приближения к основной проблеме. Менгер определяет свойства сначала полезных объектов, затем благ, затем редких или экономических благ, и только после этого он переходит к факторам, определяющим ценность; потом он подходит к определению способности благ к сбыту (с различными степенями этой способности), что в конечном итоге подводит его к деньгам. И каждый раз Менгер подчеркивает (в манере, которая вполне может показаться современному читателю, для которого такие вещи стали общим местом, слишком скучной), что все эти свойства зависят от: 1) потребностей действующего человека; 2) его знания

---

⁸⁹ Carl Menger erster Entwurf zu seinem Hauptwerk „Grundsätze“ geschrieben als Ammerkungen zu den „Grundsätzen Volkswirtschaftslehre“ von Karl Heinrich Rau. Op. cit., а также Carl Menger Zusätze zu „Grundsätze der Volkswirtschaftslehre“. Op. cit. — *Прим. Ф. Х.*

фактов и обстоятельств, в силу которых удовлетворение его потребностей зависит от этого конкретного объекта. Он не устает замечать, что эти свойства не присущи вещам (или услугам) самим по себе; что они являются не свойствами, которые могут быть открыты в результате изучения изолированных вещей. Они полностью зависят от отношений между вещами и людьми, которые предпринимают действия по отношению к ним. Именно люди, исходя из знания своих субъективных потребностей и объективных условий для удовлетворения этих потребностей, приписывают физическим вещам особую важность.

Наиболее очевидным результатом такого анализа является, конечно, решение старого парадокса ценности благодаря проведению различия между общей и предельной полезностью благ. Менгер еще не использует термин «предельная полезность», который (или, точнее, его немецкий эквивалент *Grenznutzen*) был введен только 13 лет спустя Фридрихом фон Визером⁹⁰. Но он достаточно четко проводит различие, показывая на простейшем из всех возможных примере данного количества определенного потребительского блага, которое может быть использовано для удовлетворения различных потребностей (острота каждой из которых снижается по мере удовлетворения), что важность любой единицы блага зависит от последней потребности, для удовлетворения которой достаточно имеющегося количества. Но если бы он на этом остановился, он продвинулся бы не дальше, чем некоторые его предшественники, работы которых остались ему неизвестными, а влияние его вряд ли оказалось бы больше, чем у них. То, что позднее было названо (Визером) двумя законами Госсена, а именно снижение полезности последовательного удовлетворения какой-либо потребности и уравнивание различных потребностей, для удовлетворения которых может быть использовано данное благо, для Менгера было всего лишь отправной точкой для применения тех же основных идей к более широкому комплексу отношений.

Преимущество анализа Менгера по сравнению с тем, чего достигли его предшественники, заключается в систематическом применении основной идеи к ситуации, в которой удовлетворение потребности только косвенно (или частично) зависит от определенного блага. Тщательное описание причинных связей

⁹⁰ В книге «*Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes*».

между благами и удовлетворением потребностей, которому они служат, позволяет Менгеру показать такие базовые отношения, как комплементарность потребительских благ и факторов производства, различие между благами низшего и высшего порядка, изменчивость пропорций, в которых могут быть использованы факторы производства, и, наконец, самое важное — определение издержек через полезность, которой могут обладать блага при альтернативном использовании. Именно в этом распространении выведения ценности блага из его полезности со случая с заданным количеством потребительских благ на общий случай всех благ, включая факторы производства, и состоит главная заслуга Менгера.

Таким образом, положив в качестве основы для своего объяснения ценности благ определенную типологию возможных структур отношений средств и целей, Менгер установил фундамент того, что позднее было названо чистой логикой выбора или экономическим расчетом. Она содержит, по крайней мере, элементы анализа поведения потребителя и производителя — двух важнейших составляющих современной микроэкономической теории. Но его непосредственные последователи разрабатывали главным образом поведение потребителя и не развили встречающиеся у Менгера размытые указания на анализ предельной производительности, важный для правильного понимания поведения производителей. Разработка серьезного дополнения — теории фирмы — была оставлена на откуп Альфреду Маршаллу и его школе. Тем не менее сделанного Менгером достаточно, чтобы утверждать, что он предложил все основные элементы для достижения своей главной цели — объяснения цен, которое нельзя выводить из анализа поведения отдельных участников рыночного процесса.

Последовательное использование рационального поведения индивидов в качестве строительных элементов моделей сложных рыночных структур составляет суть метода, который сам Менгер назвал «атомистическим» (или иногда в рукописных заметках «компаративным») и который позднее стал известен под названием методологического индивидуализма. Его суть лучше всего выражена в ярком высказывании в предисловии к «Основаниям», где он говорит, что его цель состоит в том, чтобы «свести сложные явления человеческого хозяйства к их простейшим элементам, еще доступным точному наблюдению». И хотя он подчеркивает, что при этом он использует

эмпирический подход, общий для всех наук, одновременно он утверждает, что, в отличие от физических наук, которые разлагают непосредственно наблюдаемые явления на гипотетические составляющие, в социальных науках мы отталкиваемся от знакомых элементов и используем их для построения моделей возможных конфигураций сложных структур, которые они могут образовывать и которые не столь доступны непосредственному наблюдению, как сами элементы.

Это поднимает множество важных вопросов, наиболее трудные из которых я лишь вкратце затрону. Менгер полагает, что, наблюдая за действиями других людей, мы способны *понимать* значение таких действий, чего нельзя сказать о физических событиях. Это тесно связано с одним из смыслов, в котором по крайней мере некоторые из последователей Менгера говорили о «субъективном» характере своих теорий, подразумевая, среди прочего, что они основываются на нашей способности понимать внутреннее значение наблюдаемых действий. Термин «наблюдение», таким образом, используется Менгером в таком значении, с которым не согласились бы современные бихевиористы; и он предполагает *Verstehen* («понимание») в том смысле, который позднее был вложен в это понятие Максом Вебером. Мне кажется, что еще многое можно сказать в защиту первоначальной позиции Менгера (и австрийской школы в целом) по этому вопросу. Но поскольку позднее развитие техники кривых безразличия и особенно подхода «явных предпочтений», которые были созданы для того, чтобы избежать опоры на такое интроспективное знание, показали, что, по крайней мере в принципе, гипотеза об индивидуальном поведении, востребованная микроэкономической теорией, может излагаться независимо от этих «психологических» посылок, я оставляю этот важный вопрос и обращаюсь к еще одной трудности, связанной с приверженностью методологическому индивидуализму во всех его разновидностях.

Дело, конечно, в том, что если мы попытаемся вывести из нашего знания индивидуального поведения определенные предсказания об изменениях сложных структур, которые образуются в результате индивидуальных действий, нам необходимо будет иметь полную информацию о поведении каждого отдельного индивида. Менгер и его последователи, конечно, осознавали, что получить такую информацию невозможно. Но они явно считали, что обычное наблюдение дает

нам достаточно полный перечень различных *типов* вероятного индивидуального поведения и даже достаточно знание вероятности возникновения определенных типичных ситуаций. Они пытались доказать, что, отталкиваясь от этих известных элементов, можно будет показать, что они ведут к образованию одних определенных структур. В этом смысле такая теория позволяет предсказать появление фальсифицируемых структур. Но на самом деле такие предсказания будут относиться только к определенным свойствам, которыми такие структуры обладают, или обозначать некие пределы, в которых эти структуры могут варьироваться, и редко, если такое вообще будет происходить, предсказывать отдельные события или изменения в этих структурах. Чтобы вывести такие предсказания от отдельных событий из подобной микротеории, нам необходимо знать не только типы отдельных элементов, из которых состоят сложные структуры, но и особые свойства каждого отдельного элемента, входящего в состав особой структуры. Микроэкономическая теория, по крайней мере если не считать тех случаев, когда она использует более или менее убедительные — *ceteris paribus* — посылки, ограничивается тем, что я назвал в другом месте «структурными предсказаниями» — предсказаниями определенных структур, которые могут быть образованы из доступных элементов. Это ограничение способности конкретного предсказания, которое, на мой взгляд, справедливо для всех теорий, относящихся к явлениям, обладающих тем, что Уоррен Уивер назвал «организованной сложностью» (в отличие от явлений неорганизованной сложности, где мы можем заменить информацию об отдельных элементах статистически установленными вероятностями появления определенных элементов)⁹¹, относится и к большей части микроэкономической теории. Позиция, которая преобладает здесь, прекрасно иллюстрируется часто цитируемым высказыванием В. Парето об ограниченной применимости системы уравнений, посредством которых школа Вальраса описывает состояние равновесия всей экономической системы. Он недвусмысленно заявляет, что эти системы уравнений «никоим образом не имеют целью точное вычисление цен» и что было бы «абсурдно» предполагать, что мы можем знать все особые обстоятельства,

⁹¹ Weaver W. Science and Complexity // The Rockefeller Foundation Annual Report. 1958. — Прим. Ф. Х.

от которых зависят эти конкретные величины⁹². На мой взгляд, Карл Менгер вполне осознавал ограниченность предсказательной способности изложенной им теории и был удовлетворен ею, потому что считал, что большего в этой области достичь невозможно. Мне кажется, что в скромности поставленной задачи, ограничивающейся стремлением указать лишь некие пределы, в которых могут колебаться цены, присутствует определенный освежающий реализм. Даже неприязнь Менгера к использованию математики кажется мне направленной против притязаний на большую точность, чем та, которую он считал достижимой. С этим также связано и отсутствие в работах Менгера понятия общего равновесия. Если бы он развил свою мысль дальше, вероятно, стало бы более ясно, чем во вводной части («Основаниях»), что он ставит перед собой целью создание инструментов скорее для того, что мы теперь называем анализом процессов, чем для теории статического равновесия. В этом отношении его работа и работа австрийской школы вообще, конечно, совершенно отличается от общего представления об экономической системе в целом, которое дает нам Вальрас.

Ограничение предсказательной способности, о котором говорилось ранее, на мой взгляд, применимо ко всему корпусу микротехории, которая постепенно была построена на основе анализа предельной полезности. В конечном итоге именно желание достичь большего, чем такая скромная цель, привело к росту неудовлетворенности подобной микротехорией и попыткам заменить ее теорией иного рода.

Прежде чем обратиться к этой реакции против того типа теории, прообразом которой служили работы Менгера, следует также сказать несколько слов о том любопытном влиянии, которым обладал Менгер во время своей наибольшей известности. Наверное, немногие книги оказали столь же значительное влияние, как «Основания», хотя его работа была прочитана сравнительно небольшим числом людей. Влияние работы было главным образом косвенным, и она стала значимой только по прошествии значительного времени. Хотя маржиналистская революция обычно датируется годом выхода работ Менгера и Джевонса, на протяжении последующих десяти лет

⁹² *Pareto V. Manuel d'économie politique. Second edition. Paris: M. Giard, 1927. P. 223. — Прим. Ф. Х.*

бесполезно искать в литературе следы оказанного ими воздействия. О книге Менгера известно, что поначалу у нее было совсем немного внимательных читателей, среди которых не только Евгений Бём-Баверк и Фридрих фон Визер, но и Альфред Маршалл⁹³; но только с выходом в середине 1880-х годов работ Бём-Баверка и Визера, основанных на идеях Менгера, они начали широко обсуждаться. Только с этого времени можно начинать отсчет маржиналистской революции в экономической теории. И работами, широко читавшимися в это время, были именно их работы, а не работа Менгера. И если книги первых были вскоре переведены на английский, то работа Менгера 80 лет ждала своего английского издания.

Возможно, такое запоздалое влияние работы Менгера также служит причиной того, почему сам Менгер вместо того, чтобы продолжить свои теоретические разработки, обратился к защите теоретического метода социальных наук в целом. Но ко времени, когда он начал свою вторую книгу «Исследования о методах» (*Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften*), которая вышла в 1883 г., у него должно было сложиться впечатление, что его первая книга не оказала никакого влияния; причем не потому, что ее сочли неверной, а потому, что экономисты того времени, по крайней мере в немецкоязычном мире, считали экономическую теорию в целом несущественной и неинтересной. Закономерно, хотя, возможно, и достойно сожаления, что в этих обстоятельствах Менгеру казалось более важным утверждение значимости теоретического анализа, а не завершение систематического изложения его теории. В результате распространением и развитием его теории почти полностью занимались более молодые представители австрийской школы, и не приходится сомневаться, что в течение 50 лет, прошедших с середины 1880-х до середины 1930-х годов, они, по крайней мере за пределами Британии, в которой господствовали идеи Альфреда Маршалла, оказали огромное влияние на развитие того, что сейчас не вполне точно называют неоклассической экономической теорией. В этой

---

⁹³ На полях экземпляра «Оснований», принадлежавшего Маршаллу и хранящегося в его библиотеке в Кембридже, содержатся подробные заметки, подытоживающие основные шаги аргументации, правда, без комментариев. Я полагаю, что они были написаны рукой самого Маршалла. — *Прим. Ф. Х.*

связи у нас есть свидетельство Кнута Викселя, мнение которого представляется в данном случае наиболее авторитетным, потому что он одинаково хорошо знаком со всеми различными течениями маржиналистской теории, и который в 1921 г. в некрологе Карлу Менгеру смог написать, что «после «Начал» Рикардо не было ни одной книги, которая оказала бы на развитие экономической науки такое большое влияние, как «Основания» Менгера»⁹⁴.

И если спустя пятьдесят лет такое утверждение вряд ли можно признать справедливым, то это, конечно, потому, что произошло общее смещение интереса с микро- на макроэкономику, связанное главным образом, хотя и не полностью, с работой лорда Кейнса. Некоторые сдвиги в этом направлении наблюдались еще до выхода «Общей теории»⁹⁵, и связаны они были главным образом с ростом неудовлетворенности той ограниченностью предсказательной способности микротеории, о которой я уже говорил. Растущая потребность в более продуманном управлении экономическими процессами (которое требовало лучшего понимания особых последствий от конкретных мер) привела к попытке использовать доступные статистические данные в качестве основы для таких предсказаний. Это желание подкреплялось определенными методологическими представлениями, например, что для того, чтобы быть по-настоящему научной, теория должна вести к определенным предсказаниям, что она должна обращаться к измеримым величинам и что должна иметь место возможность для выявления связей между количественными изменениями статистически измеримых агрегатных показателей. Я уже отмечал, что, на мой взгляд, теория с куда более скромными целями все еще может оставаться проверяемой в том смысле, что она может быть опровергнута наблюдениями; и теперь мне бы хотелось добавить, что более амбициозные цели недостижимы. Но нельзя отрицать, что если бы можно было установить, что некоторые из таких связей действительно сохраняются на протяжении продолжительных промежутков времени, предсказательная способность и, следовательно, полезность экономической теории заметно возросли бы. Я не уверен, что за последние

⁹⁴ Wiksell K. Op. cit. P. 118. — *Прим. Ф. Х.*

⁹⁵ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978.

25 лет, несмотря на все усилия, направленные на достижение этой задачи, удалось достичь многого. Мне кажется, что вообще устойчивые связи ограничиваются условиями, которые должны определяться с микроэкономической точки зрения, и что в результате при вынесении суждения о сохранении таких количественных связей между агрегатными показателями нам необходимо будет опираться на макроэкономическую точку зрения. Следовательно, можно ожидать, что в будущем новым стимулом для дальнейшего развития макроэкономической теории послужат потребности макроэкономики.

Возможно, следует добавить, что наблюдающееся у многих молодых экономистов в последнее время явное отсутствие интереса к микротехории представляет собой следствие влияния особой формы макроэкономической теории. Она развивалась Кейнсом главным образом как теория занятости, которая, по крайней мере в самом начале, исходила из посылки о том, что существуют неиспользуемые резервы всевозможных факторов производства. Сознательное пренебрежение фактом редкости ресурсов привело к тому, что структура относительных цен стала считаться исторически предопределенной и не требующей теоретического объяснения. Возможно, подобная теория была справедливой в ситуации общей безработицы, которая имела место во время Великой депрессии. Но от нее не так уж много прока в ситуации с безработицей, которая имеет место сегодня и появится в будущем. Появление и рост безработицы в период инфляции⁹⁶ показывает, что безработица — это не просто функция общего спроса; она определяется структурой цен и производства, которую нам помогает понять только микротехория.

Мне кажется, что сейчас наблюдаются признаки возрождения интереса к подобного рода теории, который впервые достиг своей наивысшей точки в прошлом поколении, — в конце периода, когда влияние Менгера было весьма ощутимым. Конечно, к тому времени его идеи перестали быть собственностью австрийской школы и влились в общий корпус экономической теории, которая преподавалась почти во всем мире. Но хотя больше не существует особой австрийской школы, я полагаю, что по-прежнему существует особая авст-

---

⁹⁶ То есть инфляционного спада, того, что мы теперь называем «стагфляцией».

рийская традиция, которая, будем надеяться, внесет значительный вклад в дальнейшее развитие экономической теории. Продуктивность этого подхода еще далеко не исчерпана, и все еще существует много задач, которые она с успехом способна решить. Но эти задачи на будущее послужат предметом других статей. Здесь же я попытался дать очерк общей роли, которую идеи Менгера играли на протяжении ста лет, прошедших со времени выхода в свет его первой и наиболее важной книги. Надеюсь, что следующие статьи покажут, насколько сильным остается его влияние.

Глава 3

ФРИДРИХ ФОН ВИЗЕР

(1851–1926)¹

23 июля 1926 г. от осложнений после перенесенного воспаления легких скоропостижно скончался Фридрих фон Визер, пребывавший в Брунвинкле, что в Зальцкаммергуте. Менее двух недель назад в свой семьдесят пятый день рождения он выглядел бодро и, казалось, сумел мужественно преодолеть болезнь. Он заболел во время летних каникул, погруженный во множество научных проектов, всего через несколько месяцев после выхода в свет работы, которую считал своим высшим достижением². С его смертью современная теоретическая экономика потеряла одного из великих учителей, а экономисты лишились одного из наиболее прославленных и заслуженных коллег. Но для его родной страны эта смерть означает намного больше, чем утрату одного из величайших ученых в этой области. Ни беспримерная глубина понимания социальных процессов, проявленная в его последнем крупном произведении, ни даже его служение стране и обществу в качестве патриота и государственного деятеля не дают адекватного представления о вдохновляющем влиянии этого человека на тех, кто знал его лично. Его исключительное человеческое величие и душевная широта, которая проступает в его трудах,

---

¹ Впервые опубликовано: Friedrich Freiherr von Wieser // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. Vol. 125, 1926. P. 513–530. С небольшими изменениями воспроизведено в издании: *Gesammelte Abhandlungen*. Ed. F. A. Hayek. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1929. Перевод д-ра Грете Хайнц, выразившей благодарность за помощь профессору Ральфу Райко. Более ранний перевод в сокращенном виде публиковался в журнале «*Spiegel*». Op. cit. P. 554–567. Ср. с эссе Хайека в *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Op. cit. Vol. 16. P. 549–550, а также с его статьей «*Von gestern auf heute: Professor Dr. Freidrich Wieser zu seinem 75. Geburtstag*» (*Wiener Neueste Nachrichten*. July 10, 1926).

² *Wieser F. von*. *Das Gesetz der Macht*. Vienna: J. Springer, 1926.

вызывали безграничное уважение и восхищение всех, кто был знаком с этой магнетической личностью. Однако тем, кто не знал Визера лично, его величие можно продемонстрировать только путем обзора трудов и свершений всей его жизни, а не одной лишь сферы его профессиональной деятельности. Я бы оказался не на высоте взятой на себя трудной задачи создания портрета моего досточтимого учителя и проявил бы недобросовестность, если бы ограничился рассказом о его научной карьере и его достижениях как экономиста. Пусть именно так и принято поступать при оценке жизненного пути крупного ученого. Но в случае Визера просто не обойтись без более подробного рассказа о его человеческих качествах.

Визер был потомком длинной череды австрийских государственных служащих. Его отец Леопольд Визер, подобно множеству своих предков, служил в армии и получил титул за доблесть, проявленную в итальянской кампании 1859 г. Уже будучи удостоенным звания имперского тайного советника, он, глава департамента и вице-президент объединенной счетной палаты, был возведен в баронское достоинство (*Freiherr*). Фридрих фон Визер, четвертый из девяти детей от брака Леопольда с Матильдой фон Зандель, родился в Вене 10 июля 1851 г. От обоих родителей он унаследовал склонность к искусству — отец его в юности собирался стать художником. В старших классах Визер учился в Шотландской гимназии, весьма почтенной венской школе. Среди его учителей был Эрнст Хаусвирт, который произвел на него неигладимое впечатление своими уроками истории. Он не по годам рано, семнадцати лет, приступил к изучению права в Венском университете, закончив курс, когда ему исполнился 21 год.

Научная карьера Визера охватывает ровно полстолетия. Она началась весной 1876 г. докладом на семинаре Книса, где он впервые представил ряд новых идей, а завершилась в конце июня 1926 г., когда он почти окончил работу над статьей о «Деньгах» для четвертого издания «*Handwörterbuch der Staatwissenschaften*»³. За эти пятьдесят лет он постепенно достиг цели, которую так рано себе поставил. В наиболее известных его

³ Wieser F. von. Geld // *Handwörterbuch der Staatwissenschaften*. 4th ed. Vol. 4. Jena: Gustav Fisher, 1926. P. 681—717. О сделанном в 1876 г. докладе «*Das Verhältnis der Kosten zum Werte*» см. далее.

произведениях эта цель нигде явным образом не формулируется, но если не иметь ее в виду, то не удастся вполне понять особенности его научного подхода, который сформировался в последних классах гимназии. В то время он страстно заинтересовался историей. Выступая с речью на праздновании столетнего юбилея Шотландской гимназии, Визер вспоминает надолго оставшиеся в памяти впечатления школьных лет и рассказывает о том, как первоначальный интерес к истории сменился увлечением сначала социологией, а потом экономической теорией⁴. В этом почти неизвестном широкой публике рассказе, в котором содержатся важные автобиографические подробности о его интеллектуальном развитии, Визер описывает, как под влиянием уже упомянутого выше учителя истории Хаусвирта, позднее усиленным работами Маколея, он увлекся изучением истории и как в соперничестве с будущим историком Генрихом Фриджонгом он пытался овладеть необозримым множеством исторических фактов.

В то время, когда он приступил к университетским занятиям, в его кругу широко обсуждали только что принятую конституцию Австро-Венгрии 1867 г., что пробудило в нем живой интерес к современным социальным движениям и событиям. Вполне возможно, что именно эта атмосфера побудила его заняться в университете не историей, а правом. В студенческие годы он почти не обращал внимания на учебную дисциплину, которой суждено было стать главным делом его жизни, и курс лекций по экономике, читавшийся Лоренцем фон Штейном, не произвел на него заметного впечатления. Тогда он попал под влияние «Социологии»⁵ Герберта Спенсера в сочетании с «Войной и миром» Льва Толстого, которые подействовали на него так сильно, что он оставил свое юношеское увлечение историей и стал напряженно заниматься социальными явлениями. Сам он так пишет об этом периоде своей жизни: «Отныне

⁴ [Эта речь была опубликована под заглавием «Arma virumque cano» в юбилейном издании «Festschrift zum 100-jährigen Jubiläum des Schottengymnasium» (Wien: Schottengymnasium, 1907). Сокращенная версия этого текста была опубликована в предисловии к «Gesetz der Macht». — *Амер. ред.*] Существует также краткий биографический очерк, составленный Уэсли Митчеллом в качестве предисловия к английскому переводу «Экономической теории общества» («Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft») — *Прим. Ф. Х.*

⁵ *Spenser H. The Study of Sociology.* London: P. S. King, 1873.

моей мечтой стало написать анонимную историю. Но и эта затея окончилась ничем. Наиболее очевидным образом общественные связи и отношения проявляются в хозяйственной деятельности, и прежде чем обращаться к более глубоким и скрытым связям, нужно было разобраться с этой проблемой. Но как объяснить хозяйственную жизнь, не объяснив вопросов ценности? Поэтому я начал именно с этой проблемы и вскоре обнаружил, что тону в почти безграничном море социальных явлений, и только теория ценности держит меня на плаву».

Занятия историей оставили у Визера чувство интеллектуального разочарования, потому что методы исторической науки не вели к открытию искомым законов социального развития. Его привлекало познание действующих в человеческом обществе мощных безличных сил, которым подчиняется каждый вопреки собственной воле и которые порождают события, никем не планировавшиеся и даже не предвидимые. Он не видел способа решения этой проблемы, пока не наткнулся на книгу, которая указала верный подход по крайней мере к части проблемы. В 1872 г., сразу по завершении учебы в Венском университете, он вместе со своим университетским приятелем, а позднее зятем Ойгеном фон Бём-Баверком прочел книгу тогда никому не известного приват-доцента Венского университета Карла Менгера — «Основания политической экономии». В этой работе и Визер, и Бём-Баверк нашли поле для последующих исследований, которыми они занимались будучи служащими финансового управления Нижней Австрии, а затем в 1875/76 и 1876/77 учебных годах в университетах Гейдельберга, Лейпцига и Йены под руководством профессоров Книса, Рошера и Гильдебранда, с помощью стипендий для заграничных поездок. Оба молодых человека, по-видимому, быстро избрали для себя те самые проблемы, которые с тех пор оставались в центре их интересов и в решение которых они оба внесли решающий вклад. Весной 1876 г. оба выступили на семинаре Книса с докладами, содержащими зародыши идей, развитых впоследствии в их основных трудах. Доклад Визера назывался «Отношение издержек к ценности», а Бём-Баверк рассказывал о теории капитала⁶.

⁶ В примечании к работе Бём-Баверка «Positive Theorie des Kapitals» (Jena: Gustav Fisher, 1912. P. 427ff.) упоминается тот факт, что к 1876 г. в неопубликованной работе он уже сформулировал

Первая работа Визера интересна в двух отношениях. Она не только показывает, сколь рано Визер обратился к проблемам, которые оставались в центре его внимания по крайней мере в первый период его научной деятельности, но также полностью решает вопрос авторства основного принципа современной теории — субъективной теории ценности⁷. Хотя обычно Визера и признают автором этой теории, доказать его приоритет на основании опубликованных работ крайне трудно. Для прояснения ситуации нужно обратиться к последующим этапам деятельности Визера. Известно, что первая его работа «*Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes*» была опубликована только в 1884 г., через три года после первой публикации Бём-Баверка⁸. Главная тема книги та же, что и в ранней неопубликованной работе. Исследование соотношения между издержками и ценностью в свете субъективной теории ценности привело его к представлению издержек как косвенной полезности (альтернативных издержек) на основе детального описания процесса усреднения полезности в производстве. Со времен Панталеони эта модернизированная форма закона издержек с полным на то правом известна как закон Визера⁹. Тем не менее верно, что Бём-Баверк с предельной

основные принципы своей теории капитала [см.: *Бём-Баверк О. Позитивная теория капитала*. Челябинск: Социум, 2009. С. 362]. Несколько лет назад, просмотрев бумаги, оставшиеся у его вдовы, я обнаружил небольшую тетрадь с этой работой. Когда я сообщил о своем открытии Визеру, он рассказал мне, что в предисловии к четвертому изданию работ Бём-Баверка упоминает о докладах, прочитанных ими на семинаре Книса. Он опознал найденную мною тетрадь и передал мне текст своего выступления на семинаре. Копии обеих работ хранятся у меня. — *Прим. Ф. Х.*

⁷ Сегодня известен как закон «альтернативных издержек».

⁸ *Wieser F. von. Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes*. Op. cit.; *Böhm-Bawerk E. Rechte und Verhältnisse vom Standpunkt der wirtschaftlichen Güterlehre*. Op. cit.

⁹ *Pantaleoni M. Principii di economia pura*. Op. cit. В дополнение к этому утверждению, известному в экономической литературе как закон Визера, Бёрк называет законом Визера предложенные им правила вменения ценности (см.: *L. V. Birck. The Theory of Marginal Value*. London: G. Routledge & Sons, 1922. P. 320f.). Шумпетер (*Schumpeter J. Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Leipzig: Duncker & Humbolt, 1912. P. 9) говорит вообще о «принципе непрерывности Визера». [Рус. изд.: *Шумпетер Й. Теория*

ясностью сформулировал закон издержек за три года до Визера, хотя и сделал это походя в самой темной части своей книги¹⁰. Верно и то, что именно Бём-Баверк в одной из более поздних работ сформулировал самую полную версию новой теории, в том числе и закон издержек, и именно в такой форме эта теория стала широко известна. Но в той мере, в какой эта доктрина имеет отношение не к теории цены, а к теории субъективной ценности, она представляет собой всего лишь блистательное изложение¹¹ идей Менгера и Визера. В результате это крайне важное дополнение менгеровской теории ценности оказалось связанным преимущественно или даже исключительно с именем Бём-Баверка. Истина же в том, что Бём-Баверк охотно использовал идеи Визера, которые тот излагал ему в период их совместного обучения в университетах Германии, хотя, разумеется, только в той мере, в какой они способствовали прояснению его собственных идей. Поскольку к тому моменту Визер еще ничего на эту тему не опубликовал, Бём-Баверк не имел возможности на него сослаться и процитировать.

В этой ранней работе Визера еще отсутствуют точность формулировок и структурная четкость, свойственные его позднейшим сочинениям, но его подход к проблеме ценности благ уже вполне сложился. Большинство эпигонов Менгера пытались решить специфические проблемы определения ценности, например ценности производственных благ, на основе предложенной Менгером концепции фиксированных количеств потребительских благ, а именно исходя из того, что ценность определяется полезностью. Визер считал, что такое наивное применение менгеровской формулы неприемлемо. Исследования Менгера показали, что ценность благ определяется необходимостью выбрать наиболее полезное из всех возможных применение для ограниченного количества имеющихся благ. Следовательно, именно поведение человека относительно проблемы использования имеющихся количеств благ опре-

---

экономического развития // *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.] — *Прим. Ф. Х.*

¹⁰ В примечании к с. 105—106 «*Rechte und Verhältnisse vom Standpunkt der wirtschaftlichen Güterlehre*». *Op. cit.* — *Прим. Ф. Х.*

¹¹ *Böhm-Bawerk E. von.* Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerts // *Jahrbüher für Nationalökonomie and Statistik.* P. 1—82, 477—541. — *Прим. Ф. Х.*

деляет их ценность. Визер, соответственно, выбрал поведение человека исходным пунктом объяснения того, как устанавливается ценность благ в более сложных ситуациях, в частности в сфере производства. Эти исследования экономически мотивированного поведения в конкретных ситуациях и привели Визера к объяснению взаимосвязи между ценностью произведенной продукции и ценностью средств производства.

У меня нет возможности подробно описать генезис идей Визера. Позволю себе здесь единственную цитату для демонстрации того, что знаменитый закон издержек уже содержался в его первой работе. Суммируя взаимосвязь между ценностью производимой продукции и ценностью средств производства, он утверждает: «Таким образом, ценность продукции в каждом случае определяется зависящими от нее потребностями, и эти потребности в каждом случае определяются условиями спроса и предложения. Вместо того чтобы сопоставлять спрос и наличное количество каждого вида материальных благ (т.е. каждого вида производимой продукции), следует сопоставить общий спрос на продукцию, создаваемую с участием продукции более высокого порядка, и общее предложение этой продукции. Ценность последней подлежащей производству единицы любого вида благ определяет ценность факторов производства, которая, в свою очередь, отражается во всех видах благ. В силу этого потребность, решающим образом определяющая ценность продукции, может совершенно не иметь отношения к конкретному продукту и быть связана с ним только через посредство факторов производства, участвующих в производстве всей совокупности продукции»¹².

Неудивительно, что работу Визера без восторга восприняли его коллеги в Гейдельберге и на семинаре одного из основателей исторической школы¹³. Труднее понять, почему даже Карл Менгер не проявил интереса к такому расширению своей собственной теории, когда Визер по возвращении домой после своего первого года в Германии показал ему свою статью. По крайней мере Менгер, ознакомившись с работой, помог Визеру и Бём-Баверку получить стипендию на второй год работы в университете. Визера не обескуражило отсутствие интереса

---

¹² *Wieser F. von. Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes. Op. cit.*

¹³ Карла Книса.

у Менгера, и следующие семь лет, занимая пост в финансовом управлении Нижней Австрии, где он и работал прежде, он с усердием продолжил исследование. В 1884 г. рукопись части его книги «Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes», которая была опубликована в том же году, помогла ему получить докторскую степень в Венском университете. Менгер написал чрезвычайно хвалебную рецензию на книгу и рекомендовал Визера в Пражский университет, где тот в этом же году получил должность внештатного профессора политической экономии.

Первая книга Визера, которая много лет не переиздавалась и стала большой редкостью, оказалась в тени его последующих трудов, а потому осталась малоизвестной. В своей первоначальной форме менгеровская теория субъективной ценности благ имела очень узкое применение. Ее нельзя было ни применить к законам формирования структуры производства, ни распространить на важнейшую проблему экономики — на законы распределения дохода. И дело не в том, что Менгеру не удалось предусмотреть важнейшие начала для такого применения, а в том, что он не сумел соответствующим образом разработать пути ее применения и, несмотря на точность его формулировок, не представил отдельные аспекты теории более наглядно, что делало ее недоступной для широкой аудитории. Все изменилось с введением концепции предельной полезности и ее применением к производственным благам, издержек, истолкованных как косвенная полезность¹⁴, и вменения ценности¹⁵, т.е. всех концепций, которые впервые появились в книге Визера и стали со временем ядром экономической теории. Предложенные Визером яркие формулировки этих главных элементов субъективной теории ценностей обеспечили ей широчайшее влияние. Другие, почти столь же важные части книги сегодня почти забыты, особенно очень характерный для Визера вводный пассаж о научной значимости терминологии и его вывод, устанавливающий различие между оценкой ценности благ по их предельной и по их совокупной полезности.

Сам Визер считал эту изящную и вполне самодостаточную работу всего лишь предварительной публикацией, которая требовалась из соображений академической карьеры, а потому

¹⁴ Альтернативные издержки.

¹⁵ О концепции вменения см. главу 2.

продолжил работу над этими проблемами в первые пять лет в Пражском университете. Он всегда оставался самым суровым своим критиком и никогда не был полностью удовлетворен формулировками своих теоретических прозрений. Давление обстоятельств в конце концов заставило его представить итог своих исследований публике. Опубликованная в 1889 г. следующая книга Визера «Естественная ценность»¹⁶, принадлежащая к числу самых блестяще написанных и глубоко продуманных работ по экономической теории, была побочным продуктом его стремления получить место штатного профессора в Пражском университете, которое он получил в том же году. Публикации этого исследования предшествовали тринадцать лет непрерывной работы над проблемами экономической ценности. На последующую четверть века эта книга стала точным выражением его взглядов и, вероятно, останется одним из классических трудов по этому предмету. В «Естественной ценности» Визер достиг наивысшей, не превзойденной в его последующих работах по экономической теории ясности и мастерства изложения. Разница между этой работой и его первой книгой не столько в развитии исходных идей, хотя в ней он шагнул существенно дальше, сколько в методологических новшествах, которые Визер впоследствии распространил на анализ экономической теории в целом.

Визер никогда не уделял особого внимания методологии как отдельной дисциплине и едва ли даже изучал соответствующую литературу. Он всегда сожалел о том, что Менгер отдал прояснению методологических вопросов столько энергии¹⁷. Он не верил в то, что методологические построения сами по себе, в отрыве от рассмотрения конкретных проблем, могут способствовать развитию науки, и был убежден, что теоретический анализ конкретных проблем выявит и метод для решения соответствующих научных вопросов. Это не помешало ему четко сформулировать свой собственный метод. Свои взгляды по этому вопросу он пространно изложил в «Теории общественного хозяйства»¹⁸ и в рецензии на первую книгу Шумпетера¹⁹.

---

¹⁶ Wieser F. von. Der Natürliche Wert. Op. cit.

¹⁷ О методологическом диспуте со Шмоллером см. главу 2.

¹⁸ Wieser F. von. Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft. Op. cit.

¹⁹ Wieser F. von. Das Wesen unter der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie: Kritische Glossen zu Schumpeters gleichnamigem

Его упомянутые выше замечания о значимости научной терминологии и описание того, как он сам использовал упрощенные и идеализирующие предположения и понижение уровня абстрактности рассуждений, признаны образцом методологической четкости в общественных науках.

Широко используя метод упрощающих идеализирующих предположений в сочинении о естественной ценности, Визер заложил фундамент для дальнейшей разработки своего варианта полной теории экономики. В этом контексте он применяет термин «естественная ценность» для обозначения ценности, возникающей в общинном хозяйстве, т.е. в экономике, не знающей обмена. Когда вся хозяйственная деятельность подчинена единому централизованному руководству, ценность возникает как следствие социальных отношений между количеством благ и их полезностью. Это предположение было четко и неопровержимо сформулировано в более позднем произведении Визера — «Теории общественного хозяйства», где он обозначил гипотетическую ситуацию, с которой начинается анализ, как «простое хозяйство». Полезность этого предположения стала очевидна уже в работе «Естественная ценность». С его помощью он в своей книге сумел установить, что субъективная оценка наиболее значима в феномене менового хозяйства, не только в упрощенной ситуации Робинзона Крузо, но и в гораздо более сложной ситуации общественного хозяйства. При этом он сумел избежать опасной ловушки использования феномена менового хозяйства как основы для его объяснения. Поскольку объект исследования, как позднее сформулировал Визер в своем главном экономическом труде, «следует представлять не как изолированное общинное хозяйство с недостаточно удовлетворяемыми нуждами, но... как зримые проявления экономической деятельности, использующей все возможности, открываемые богатством и техникой; перед нами задача решить с помощью экономического расчета жизненно важные проблемы такого общества»²⁰. Благодаря этому Визер смог в полном объеме исследовать применимость исчисления ценности к продукции

Werk // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. Vol. 35. Vol. 2. 1911. — *Прим. Ф. Х.* [В главе 5 наст. изд. Хайек рассматривает отрывок из этой книги Шумпетера. — *Амер. ред.*]

²⁰ Wieser F. von. Op. cit.

высокоразвитого производства и правил, определяющих оценку отдельных факторов производства. Именно в этой работе он впервые рассматривает отдельные факторы производства с позиций теории ценности и существенно дополняет разработанный ранее закон издержек. Он также совершенствует свою теорию вменения в направлении, отводившем естественной ценности неоспоримое место в этом вопросе. В работе «Естественная ценность» он внес решающий вклад в психологическую базу исходной теории ценности, которую он именуется здесь госсеновским законом насыщения потребностей²¹. Во второй части, озаглавленной «Ценность в государственном хозяйстве», Визер предлагает несколько интересных идей касательно того, как применить новую теорию ценности в управлении государственными финансами, — идеи, которые до сих пор не получили заслуженного внимания.

Работа «Естественная ценность» ознаменовала завершение первого этапа исследований Визера в области экономической теории. За ней последовали только две статьи в британском и американском журналах, ознакомившие англосаксонский мир с австрийской теорией ценности и представившие обоснование ее принципов²². Пятнадцать лет чрезвычайного интенсивной работы над сложнейшими теоретическими проблемами взяли-таки свое, и поразившее Визера умственное и нервное истощение на многие годы лишило его способности продолжать теоретические исследования. Хотя из-за переутомления ему пришлось на долгое время отказаться от занятий тем, что интересовало его больше всего, Визер, будучи человеком весьма энергичным, отнюдь не отказался от литературной и научной деятельности. В 1890-е годы он обратился к проблемам финансов и экономической политики, что, как он неоднократно отмечал, позволило ему избавиться от последствий изнуряющей многолетней работы над сложными теоретическими проблемами. Одновременно он принимал активное участие в общественной

---

²¹ О Госсене, не оцененном современниками немецком теоретике, который предвосхитил открытия теоретиков предельной полезности, см. гл. 15 в: *Hayek F. A. The Trend of Economic Thinking*. Op. cit.

²² *Wieser F. von. The Austrian School and the Theory of Value // Economic Journal. Vol. 1. 1891. P. 108—121; The Theory of Value (A Reply to Professor Macvane) // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 2, March 1892. P. 600—628.*

жизни Праги, причем, что характерно, стал одной из ведущих фигур в немецких кругах. В 1886 г. он женился на Марианне Вольф, после чего его дом стал средоточием культурной жизни Богемии. Благодаря широте интересов он поддерживал тесные контакты с множеством ученых и общественных деятелей, а сильный художественный темперамент влек его к общению с местными артистическими кругами. Он поставил свои организационные способности на службу культурным интересам богемских немцев и немало способствовал развитию немецкой системы образования в Праге. Он был очень активен на посту президента Общества развития немецкой науки, искусства и литературы в Богемии, а к числу его достижений можно причислить учреждение различных организаций помощи студентам Пражского немецкого университета. Несмотря на тот факт, что Визер очень сочувствовал богемским немцам, во многих случаях, руководствуясь собственными национальными симпатиями и обостренным чувством справедливости, защищал их интересы и живо участвовал во всех общественных делах, он по природе своей не был политиком. Придерживаясь весьма либеральных позиций, он был слишком критичен по отношению ко всем политическим доктринам, чтобы примкнуть к какой-нибудь политической партии. При этом ряд его работ этого периода сыграл важную роль в развитии этнического конфликта в Богемии²³, поскольку он дополнил свои исследования финансовых проблем статистическим анализом доходов и налогообложения в Богемии в разрезе национальностей. В свое время эти работы, показавшие его владение методами статистики, привлекли немалое внимание. В период пребывания в Праге он возобновил исследования в области теории общества, первые результаты которых включил в свое знаменитое ректорское обращение к Пражскому университету «О социальной власти» («Über die gesellschaftlichen Gewalten») ²⁴.

²³ *Wieser F. von. Nationale Einkommensverhältnisse in Böhmen // Deutsche Arbeit, Monatsschrift für das geistige Leben der Deutschen in Böhmen. Vol. 1, 1901; Die Deutsche Steuerleistung und der öffentliche Haushalt in Böhmen // Deutsche Arbeit, Monatsschrift für das geistige Leben der Deutschen in Böhmen, 1903; и в книге, изданной в Лейпциге: Duncker & Humblot, 1904. Deutsche Arbeit, Monatsschrift für das geistige Leben der Deutschen in Böhmen. — Прим. Ф. Х.*

²⁴ Опубликовано в «Сообщении университета Карла-Фердинанда» (сегодня Карлов университет), Прага, 1902. — Прим. Ф. Х.

В зимнем семестре 1903 г. после отставки Карла Менгера с поста профессора Венского университета Визер был назначен на его место. К моменту переезда в Вену Визер был занят множеством разных дел: он постоянно занимался исследованиями в области политики, социологии и финансов. К тому же он заинтересовался теорией денег. Своей речью при вступлении в должность профессора Венского университета²⁵, посвященной покупательной способности денег и ее историческим изменениям, Визер привлек внимание к своему самому значительному вкладу во вторую область экономической теории, побудив к проведению ряда важных исследований. Применив основные идеи субъективной теории ценности к проблеме покупательной способности денег, он сумел найти ключ к ее решению. Впоследствии работу в этом направлении успешно продолжили последователи Визера (Людвиг фон Мизес и Ф. К. Вейсс)²⁶. В результате сближения этого подхода с тем, который чуть позже был развит в англосаксонских странах, он стал общепринятым. В бурно встреченном выступлении Визера на заседании Союза социальной политики (*Verein für Sozialpolitik*) он вновь сосредоточился на проблеме колебаний валютных курсов и покупательной способности денег, а также на проблеме статистической регистрации этих колебаний²⁷.

Работы по теории денег, опубликованные Визером в первые шесть лет пребывания в Вене, были плодами прежних усилий по разработке единой экономической теории, которую он создал в ходе преподавания и продолжал развивать в этот период. Сомнительно, однако, что он взялся бы подготовить этот материал к публикации, не вмешайся счастливый случай. Визер

---

²⁵ «Der Geldwert und seine geschichtlichen Veränderungen», речь при вступлении в должность профессора Венского университета, 26 октября 1903 г., опубликована в *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung*. Vol. 13, 1904. P. 43–64.

²⁶ *Mises L. von*. Theorie des Geldes und der Umlaufmittel. Op. cit; *Weiss*. Die moderne Tendenz in der Lehre vom Geldwert // *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik, und Verwaltung*. Vol. 19, 1910. P. 502–560. Мизес и Вейсс были учениками Бём-Баверка, зятя и коллеги Визера по Венскому университету.

²⁷ *Wieser F. von*. Der Geldwert und seine Veränderungen // *Schriften des Verreins für Sozialpolitik*. Vol. 132. 1909; «Über die Messung der Veränderung des Geldwertes» выступление на венском собрании Союза социальной политики. — *Прим. Ф. Х.*

тогда пришел к такому внутреннему ощущению своего владения вопросами экономической теории, что почувствовал готовность заняться исследованием всеобщих социальных законов и некоторое время действительно занимался в основном социологическими вопросами. Первые результаты этого исследования были представлены в 1909 г. в лекциях, прочитанных в Зальцбургском университете, и опубликованы в популярной в свое время книге «Право и сила»²⁸. Именно в этот момент Макс Вебер убедил его составить вводный теоретический том к новой фундаментальной работе по социально-экономическим вопросам²⁹. И Визер еще раз на несколько лет сосредоточился на экономической теории. Хотя первоначально он выделил на эту работу два года, на завершение своей главной книги по экономической теории ему потребовалось намного больше времени, но в печать он передал рукопись неохотно, потому что считал ее незавершенной. При этом книга Визера «Теория общественного хозяйства» предлагает не только единственную последовательную трактовку экономической теории с позиций современного субъективизма³⁰, но и представляет собой прежде всего величайший синтез, достигнутый в наше время экономической теорией. Со времен классической школы очень мало кому удавалось охватить все существенные проблемы в рамках всеобъемлющей системы и при этом предложить так много новых глубоких идей о мире экономических явлений. Здесь не место для подробного разбора теоретического анализа Визера, а потому мы ограничились общей характеристикой его пути к этой главной работе, содержание которой, несомненно, знакомо каждому экономисту. Добавим несколько слов о ее общем значении и о том, в какой степени она характерна для интеллектуального и методологического подхода Визера.

В газетной статье по случаю семидесятилетия³¹ Визера Йозеф Шумпетер дал столь краткую и проницательную харак-

²⁸ *Wieser F. von. Recht und Macht: Sechs vorträge*, шесть лекций, прочитанных в Зальцбургском университете в сентябре 1909 г. (Leipzig: Duncker & Humblot, 1910).

²⁹ «Grundriss der Sozialökonomik», в томе 1 которого вышла работа Визера «Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft». Op. cit.

³⁰ Сейчас мы сказали бы о старой австрийской школе, т.е. о поколении, предшествовавшем Мизесу и Шумпетеру. Нужно помнить, что Хайек написал это в 1926 г.

³¹ Neues Wiener Tagblatt. July 10, 1921. — *Прим. Ф. Х.*

теристику особенностей работы Визера, что я ее просто процитирую: «Любой профессиональный экономист при проникновении в интеллектуальный мир Визера сразу осознает его особую атмосферу. Это словно войти в дом, не похожий ни на какие известные тебе дома, план и обстановка которого так чужды нашей эпохе, что поначалу это приводит в замешательство; и в самом деле, работы Визера зачастую ставили в тупик его коллег на многие годы. Редко бывает, чтобы автор был обязан другим авторам столь немногим, как Визер³². По сути дела, он в долгу только у Менгера, да и тому обязан только начальным импульсом. Он строит только из того, что является его интеллектуальной собственностью, даже когда говорит о том, что было уже сформулировано до него. В его уме нет места чужим заготовкам — каждая фраза и каждое выражение являются плодом драгоценного прозрения. Работая над своим трудом, он с монаршей невозмутимостью отбрасывает прочь то, что было сказано другими специалистами, и всем нам приходится принимать это как должное. Он читает медленно и немного и редко пытается разобраться в тонкостях других систем. Ему чужда полемика на профессиональном или на личном уровне». Невозможно дать более точную характеристику научной позиции Визера. Он никогда не интересовался текущим состоянием науки, не занимался согласованием установленных принципов или получением новых выводов из уже существующих знаний с помощью логических манипуляций. Визер был образцом теоретика. Редко кто обладал подобной остротой зрения и способностью проникать в глубину вещей.

Редко кто столь же бдительно заботился о том, чтобы применять абстрактные построения только как инструмент предельно точного описания наблюдаемой реальности. Визер был настолько погружен в наблюдение, что не располагал временем для изучения или критики чужих интеллектуальных систем. Он обнаружил, что чужие построения мешают ему видеть действительность собственными глазами, а потому избегал даже

---

³² Это повторение более раннего высказывания Шумпетера, что «как будто из иного мира — необъяснимо и беспричинно — появились в экономической науке своего времени Менгер, Бём-Баверк и Визер». См.: Neue Freie Presse. February 23, 1915; цит. по: *Streissler E. The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall. Op. cit. P. 31.*

устных дискуссий, если только речь не шла о возможности более четко изложить его собственные идеи³³. Он никогда не поддавался искушению слегка исказить факты ради изящества логических конструкций. Порой он даже жертвовал последовательностью и интеллектуальной завершенностью, встраивая в свою систему не вполне усвоенные чужие идеи, если при этом удавалось с большей полнотой отразить реальность. Хорошим примером такого стремления является его последнее большое произведение. Если судить по интеллектуальной последовательности и отточенности, оно несомненно уступает работе Бём-Баверка³⁴, но лишь оттого, что Визер охватывает более широкий круг явлений. Чем сильнее приближение к многоликости реальности, тем неизбежнее многое остается непроработанным, а некоторые моменты — несогласованными. Тот, кто выше всего ставит логическую последовательность, несомненно отдаст предпочтение самодостаточной системе Бём-Баверка. Работа Визера открывает несравненно больше возможностей для дальнейшего развития, возможно, благодаря именно тем самым аспектам, которые подвергались критике за непоследовательность. В «Теории общественного хозяйства» рассматривается абсолютно по-новому множество проблем, которые Визер не стал анализировать в своих ранних работах, а в некоторых аспектах его анализ стал значительно более совершенным. Что касается проблем, представленных в первой части, где рассматривается теория простого хозяйства, на которой он сосредоточился в своей первой работе, основное улучшение заключается в предварении ее обширным разделом, не имеющим никакого отношения к теории ценности. В нем он очень подробно рассматривает производственную структуру, а поведение, вызываемое любой данной экономической ситуацией, анализирует настолько тщательно, что рассматриваемые в следующем разделе трудные проблемы оценки становятся совершенно понятными. К числу важнейших результатов этого исследования структуры производства относятся разработанная Визером теория капитала и введенное им различие между

³³ Он избегал вступать в обсуждение экономических проблем даже со своим зятем Бём-Баверком, некоторые взгляды которого не разделял. Последний даже порой жаловался, что Визер не уделяет внимания его работам. — *Прим. Ф. Х.*

³⁴ *Böhm-Bawerk E. Von. Kapital und Kapitalzins. Op. cit.*

«общими производительными средствами» (cost productive means) и «специфическими производительными средствами» (specific productive means)³⁵, которое в теории ценности служит основой для чрезвычайно важного разграничения между разными предельными полезностями, которое Визер не проработал до конца, а потому оно и до сих пор плохо понято.

Разделу об экономиках, основанных на обмене, предшествует краткое изложение визеровской теории общества, нераздельно связанной с содержанием этого раздела. Однако самым важным и совершенно новым достижением этой книги является теория цены Визера, которую он применяет ко всем явлениям развитого рыночного хозяйства с куда большей полнотой, чем в любой из его прежних работ. Из вводимых здесь концепций наиболее существенны и плодотворны следующие: стратификация цен, рыночные индексы и институты, связанные с монополиями. Великолепная наблюдательность и умение представлять взаимосвязи позволили Визеру явить миру сокровища, которые обеспечат материалом для работы поколения и поколения экономистов. Разделы о деньгах и кредите, тесно связанные с теорией цен и далеко выходящие за пределы сделанного им раньше, почти столь же полны новых прозрений, требующих продолжения исследований. Они приводят к пониманию, что последняя работа Визера, его статья о деньгах в четвертом издании «Handwörterbuch für Staatswissenschaften»³⁶, будет столь же масштабной. Когда в последних разделах книги Визер переходит к описанию многообразных явлений современной экономики, становится все яснее и яснее, насколько совершенен инструмент их объяснения, созданный им в первых разделах книги.

После завершения своего великого труда о принципах общественного хозяйства Визер прекращает экономические исследования — и не только потому, что сделал в этой области все что мог. Книга вышла в свет за несколько недель до начала [первой] Мировой войны — что служит частичным объяснением того, почему воздействие книги оказалось столь смазанным, — и всепоглощающие события следующих лет неизбежно и неотвратимо привлекли внимание Визера к тому, что было его конечной целью — к пониманию мощных сил, стоящих

---

³⁵ Ср.: Social Economics. Op. cit. P. 119–127.

³⁶ То есть Geld. Op. cit.

за всеми общественными событиями. Это был человек, очень рано научившийся рассматривать все события в перспективе мировой истории, а будучи австрийцем, он в предшествующие годы с глубокой тревогой внимательно наблюдал за эволюцией и распадом монархии, так что свойственное ему позитивное мировосприятие подверглось суровому испытанию³⁷. Естественно, что участие в постигших страну испытаниях помогло ему завершить обдумывание идей, глубоко занимавших его на протяжении всей жизни. До этого он уклонялся от активного участия в общественных делах, но теперь ощутил себя в положении зрячего среди слепых и счел своим долгом помочь современникам сориентироваться в водовороте событий, показав им широкие связи, делающие происходящее осмысленным. Итогом стало несколько статей, опубликованных им в первые годы войны, продемонстрировавших как понимание стоящих перед страной проблем, так и веру в миссию старой Австрии. В 1917 г. он был назначен членом верхней палаты австрийского парламента, что позволило ему оказывать более непосредственное влияние на общественную жизнь.

В августе 1917 г. он был назначен министром торговли и оставался на этом посту в кабинетах двух последних премьер-министров империи Зайдлера и Ламмаша. Это заставило его на время прервать научную и литературную деятельность. Он вел переговоры о таможенном союзе с Германией и сумел договориться о принципах такого объединения. Другими его главными задачами были переход к экономике мирного времени и проведение демобилизации, заключение торговых соглашений с Болгарией и Турцией и Бухарестского мирного договора.

Как только крах старой Австрии освободил его от официальных обязанностей, Визер немедленно вернулся к занятиям социологией. Одна из самых блестящих его работ, памфлет «Цели Австрии»³⁸, была написана под свежим впечатлением от грандиозных исторических событий, в которых он принимал участие. Несмотря на активную вовлеченность в происходящее, он сохранил способность видеть события с кристальной ясностью и в надлежащей исторической перспективе. В из-

---

³⁷ Из-за поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне в конце 1918 г. Габсбурги потеряли трон.

³⁸ *Österreichs Ende* (Berlin, 1919). Памфлет был опубликован анонимно.

вестной степени реализовалась его юношеская мечта написать анонимную историю. Летом 1919 г. он вернулся к преподаванию в Венском университете и до 1922 г. читал курс экономической теории. В летнем семестре 1920 г. он также устроил семинар по теории денежного обращения.

Даже в ходе семинаров он избегал дискуссий и предпочитал развивать собственную теорию в рамках докладов и комментариев в ходе семинара, но не ввязываться в критику чужих взглядов. Но все участники запомнили эти семинары как образцовый пример чрезвычайно плодотворной научной работы. Стиль его лекций был безупречен. У его слушателей эти лекции оставили неизгладимую память о внушающей уважение незаурядной личности, о человеке, который умел самые трудные экономические проблемы изложить с такой безупречной простотой и ясностью, что было одно удовольствие даже просто слушать эти мастерски составленные лекции. Вне своих лекций и семинаров Визер почти не встречался со студентами, которых его благородная сдержанность заставляла соблюдать известную дистанцию. Но вопрос, выдававший подлинный интерес к предмету, мог положить начало устойчивым отношениям. В результате Визер поддерживал контакты только с очень узким кругом экономистов. Поскольку он воздерживался и от вмешательства в учебный процесс, очень немногие студенты работали под его прямым руководством. Но даже не осуществляя непосредственного контроля над академическими успехами студентов, он весьма верно судил о людях и мог распознать одаренных теоретиков. Как только у Визера возникал интерес к юному теоретику, он становился его надежным другом и руководителем в практических вопросах.

В 1922 г., завершив учебный год в качестве почетного профессора, Визер вышел в отставку. Его кафедру занял Ганс Майер³⁹, подход которого был очень созвучен визеровскому. Визер с головой ушел в литературную деятельность в качестве соредактора четвертого издания «Handwörterbuch für Staatswissenschaften» и одновременно руководителя австрийского отделения Фонда Карнеги, который тогда работал над материалами по экономической и социальной истории [первой] Мировой войны. Несмотря на такое многообразие занятий, он тратил основные силы на книгу, которая должна была стать кульми-

---

³⁹ О Майере см. текст и примечания в главе 1.

нацией труда всей его жизни в области социологии. Эта книга под названием «Закон власти»⁴⁰, вышла за несколько месяцев до его смерти. Почти все многочисленные статьи, опубликованные им в последние годы жизни, были подготовительными штудиями для этой книги, на завершение которой ушли все его силы. Все лекции, прочитанные им в 1922—1925 гг., уже после отставки, были посвящены проблемам, связанным с этой книгой. Поскольку рецензия на главное социологическое произведение Визера написана весьма квалифицированным специалистом и опубликована в предшествующем номере этого журнала⁴¹, нет необходимости говорить здесь о ее содержании. Если судить по первой реакции, похоже, что любимое дитя великого человека современники оценят весьма высоко, а люди, не являющиеся профессиональными экономистами, оценят работу как его высшее достижение. Достоинства изложения гарантируют ей гораздо более высокое место, чем заслуживает специализированный трактат. Это убедительное свидетельство того, что сочинение, вдохновленное высокой идеей, почти неизбежно будет обладать подлинно художественными достоинствами. В силу бесспорного владения научным знанием Визер даже в предшествующих произведениях проявлял уникальную способность обходиться без трудной для восприятия технической информации, а потому смог наглядно показать сродство между плодами научного и художественного творчества. Но если он и раньше был свободен в своем творчестве, то в этой последней работе Визер окончательно сбросил жесткие путы изолированности научной дисциплины и методологии, явив свою нестандартную личность во всем ее величии. Читатель этой книги без труда поймет, почему друзья и студенты Визера были склонны сравнивать его с Гёте. Первоосновой такого сходства являются широта интересов, охватывавших все области культуры и искусства, житейские мудрость и такт министра старой Австрии в сочетании с безразличием к житейским мелочам, всеобъемлющее сочувствие к людям, а также полное отсутствие националистической узости. Он был немцем до мозга костей и в еще большей степени австрийцем высшего сорта, являя собой совершенное выражение лучших достоинств этих народов.

---

⁴⁰ *Wieser F. von. Gesetz der Macht. Op. cit.*

⁴¹ *Spranger E. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Third series. Vol. 70. 1926. P. 578—584.*

Глава 4

ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС

(1881–1973)¹

Людвиг фон Мизес: Очерк²

Фундамент великой системы философии общества, сегодня известной нам как результат работы Людвиг фон Мизеса, был заложен полвека назад, когда он был чрезвычайно загруженным работой чиновником, который мог заниматься наукой и преподаванием только в свободное время. Пока он жил в родной Вене, т.е. до пятидесяти с лишним лет, большая часть его времени была посвящена обязанностям финансового консультанта в Венской торговой палате — важнейшей полугосударственной организации австрийских предпринимателей, так что на преподавание в Венском университете у него оставалось совсем

---

¹ Эта глава состоит из ряда кратких статей о Людвиге фон Мизесе, написанных Хайеком в разные годы. Статьи, следующие после двух вводных разделов, расположены в соответствии с датами публикации обсуждаемых работ Мизеса, и в начале каждой указывается источник. Три публикации о Мизесе, могущие представлять известный интерес, не вошли в текст. Это: *Die Überlieferung der Ideale der Wirtschaftsfreiheit* // *Schweizer Monatshefte*. Vol. 31. September 1951. На английском языке имеет название: *The Ideals of Economic Freedom: A Liberal Inheritance* // *The Owl*. London, 1951. P. 7–12; перепечатано как: *A Rebirth of Liberalism* // *The Freeman*. July 1952. P. 729–731, а также как: *The Transmission of the Ideals of Economic Freedom* // *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. London: Routledge & Kegan Paul; Chicago: University of Chicago Press; Toronto: University of Toronto Press, 1967; In Memoriam Ludwig von Mises 1881–1973 // *Zeitschrift für Nationalökonomie*. Vol. 33, 1973; *Coping with Ignorance* // *Imprimis*. Vol. 7. No. 7. July 1978. P. 1–6, перепечатано в *Champions of Freedom*. Hillsdale, Mich.: Hillsdale College Press, 1979.

² Опубликовано как: *Tribute to von Mises, Vienna Years* // *National Review*. November 9, 1973. P. 1244–1246, 1260.

немного времени. Отсюда нужно еще вычесть несколько лет службы артиллерийским офицером в Первую мировую войну. И все же незадолго до начала войны и вскоре после ее окончания он опубликовал два произведения, содержащие основные наброски большей части идей, которые он позднее развил в целостную систему.

В 1912 г. появились его «Теория денег»³, многие годы остававшаяся самой глубокой и основательной книгой по этому предмету. То, что она не сразу оказала должное воздействие, которое могло бы избавить послевоенный мир от многих злключений в сфере денежного обращения, произошло главным образом потому, что он счел нужным углубиться в проблемы общей теории ценности. Это отпугнуло многих из тех, кто мог бы извлечь пользу из ясного изложения вопросов, имеющих большую практическую ценность. После войны, в 1922 г., последовала его выдающаяся работа «Социализм»⁴, сделавшая его знаменитым. Вопреки распространенному неверному представлению, главный тезис книги не в том, что социализм невозможен, а в том, что он не может обеспечить рациональное использование ресурсов⁵. Последнее достижимо только на основе расчета, осуществляемого в терминах ценности или цен, которые, в свою очередь, могут быть достоверными только в условиях конкурентного рынка. Именно это утверждение привлекло всеобщее внимание и стало предметом многолетних дискуссий, в которых безусловная победа осталась за Мизесом, по крайней мере в том смысле, что защитникам социализма пришлось пойти на далеко идущие изменения в своих доктринах.

Книга о социализме была особенно важна тем, что выдвинула Мизеса как ведущего истолкователя и защитника системы свободного предпринимательства. Хотя в юности его воспитывали в духе умеренного «фабианского» социализма, господствовавшего тогда в кругах венской интеллигенции, он вскоре восстал против него, отдалившись от большинства своих современников. Вполне возможно, что этим обращением он был

---

³ *Mises L. von. Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel. Op. cit.*

⁴ *Mises L. von. Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Sozialismus. Op. cit. [Рус. изд.: Мизес Л. фон. Социализм: Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994.]*

⁵ Об этом см. введение к наст. изд.

обязан Ойгену фон Бём-Баверку, профессору университета, имевшему на него наибольшее влияние. Незадолго до своей безвременной смерти Бём-Баверк начал работать в направлении, которое позднее развил Мизес. Ко времени публикации «Социализма» Мизес уже был настолько убежден в том, что социалистические притязания есть плод интеллектуального заблуждения и неспособности верно понять задачу, которая возложена на экономическую систему, что позднейшие его попытки развить общую теорию общества и выступления в защиту либертарианского политического порядка зачастую оказывались неотделимыми друг от друга. Его стремление, особенно в молодые годы, защищать свою позицию упорно и непримиримо, создало ему много врагов. Именно это и стало основной причиной того, что он так и не получил постоянной должности в Венском университете, и многие ученые долго воспринимали его чисто теоретические работы как идеологически подозрительные⁶. Время от времени он читал случайные курсы, но его личное влияние распространялось многие годы благодаря работе неформального дискуссионного кружка, который был известен в Вене как «частный семинар», на заседаниях которого обсуждались разнообразнейшие вопросы социальной теории и философии. Среди наиболее известных

⁶ Причиной того, что Мизес так и не получил постоянного места в университете, вполне мог быть и антисемитизм. Но в своей неоконченной статье об австрийской школе для словаря «New Palgrave» (гл. 1, сн. 1), Хайек так дополняет описание Венского университета после Первой мировой войны: «Мизес, служивший во время войны в армии, возобновил преподавание в качестве *Privatdozent* и представлялся естественным претендентом на должность профессора. Обычно его неуспех объясняют антисемитизмом, но были и более сложные причины. На факультете права, где преподавали экономическую теорию, работало немало уважаемых еврейских профессоров, и в то время, о котором мы говорим, был назначен профессором, например, Ганс Кельзен. Но при этом было необходимо, чтобы кандидата на пост профессора одобрила еврейская община, в то время склонявшаяся к левым позициям. Жесткая критика социалистических программ сделала имя Мизеса крайне непопулярным в этих кругах. Это и было главной причиной того, что он так и не получил положения штатного профессора университета». См. ниже, с. 192, а также: *Craver E. The Emigration of the Austrian Economists. Op. cit. P. 5.*

участников этого кружка были не только экономисты Готфрид Хаберлер и Фриц Махлуп⁷, но и социологи, как, например, покойный Альфред Шюц, и философы, как покойный Феликс Кауфман⁸.

1920-е и начало 1930-х годов были для Мизеса чрезвычайно плодотворным временем, и в ряде монографий по экономическим, социологическим и философским проблемам он разработал всеобъемлющую философию общества, которая была впервые изложена в работе на немецком языке⁹, а затем подытожена в его *magnum opus*, в сочинении, в первую очередь по которому его знает американский читатель, — в «Человеческой деятельности» («Human Action»)¹⁰. Эта книга была написана в Нью-Йорке. Незадолго до гитлеровской оккупации Австрии Мизес перебрался из Вены в Женеву, а в 1940 г., почти в самый последний момент, — из Женевы в США. Американские годы были счастливыми для него. Окруженный заботой новой жены, впервые в жизни он мог целиком посвятить себя писанию и преподаванию. Но даже самый краткий очерк его жизни нельзя завершить, не упомянув трех главных черт Мизеса, характеризующих его как ученого: редкостной ясности изложения; поразительной исторической эрудиции и глубокого пессимизма относительно будущего нашей цивилизации. Этот пессимизм часто проявлялся в предсказаниях, которые сбывались обычно позднее, чем он ожидал, но конце концов сбывались. Я полагаю, что мир был бы лучше, если бы к Людвигу фон Мизесу прислушивались чаще.

---

⁷ Хаберлер и Махлуп принадлежат к группе учеников Мизеса, приобретших позднее известность в США. Оба были президентами Американской экономической ассоциации.

⁸ Хайек также был членом этого кружка. См. пролог к части I.

⁹ *Mises L. von. Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens.* Geneva: Editions Union, 1940. Рецензия Хайека воспроизводится в настоящей главе.

¹⁰ *Mises L. von. Human Action: A Treatise on Economics.* New Haven, Conn.: Yale University Press, 1949 [Рус. изд.: *Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории.* М.: Социум, 2005].

В честь профессора Мизеса¹¹

В моей жизни не было и, полагаю, не будет случая, когда бы я чувствовал такое удовлетворение и гордость от возможности выразить от имени всех собравшихся здесь и сотен других людей глубокое уважение и благодарность, которые мы испытываем к великому ученому и великому человеку. Этой честью я, несомненно, обязан лишь тому, что среди всех достойных я являюсь старейшим из его учеников, а значит, в состоянии поделиться личными воспоминаниями о некоторых этапах работы человека, которого мы чествуем сегодня. Прежде чем обратиться непосредственно к профессору Мизесу, я надеюсь, что он позволит рассказать немного о нем. Хотя мои воспоминания покрывают почти 40 лет из тех 50, которые прошли с момента празднуемого сегодня события, моих знаний недостаточно, чтобы рассказать о первых годах этого периода. Когда я впервые стал слушателем профессора Мизеса, сразу после окончания Первой [мировой] войны, он был уже знаменитостью, первая же из больших работ которой была признана выдающимся трудом по теории денег¹². Эта книга появилась в 1912 г., но она не была его первой книгой. Первая его книга по экономической теории вышла десятью годами раньше, за четыре года до того, как профессор Мизес получил докторскую степень¹³. Я так и не понял, как ему удалось это. Мне представляется, что книга была написана до его знакомства с одним человеком предыдущего поколения, с Ойгеном фон Бём-Баверком, который мог бы претендовать на то, что оказал существенное влияние на его научное

¹¹ Речь была произнесена Хайеком на обеде, устроенном Фондом экономического образования в Университетском клубе в Нью-Йорке 7 марта 1956 г. по случаю презентации Людвигом фон Мизесом книги «On Freedom and Free Enterprise», подготовленной к 50-летию юбилею защиты им докторской диссертации. Речь была опубликована в воспоминаниях Маргит фон Мизес «My Years with Ludwig von Mises» (второе расширенное издание, Cedar Falls, Iowa: Center for Futures Education, 1984. P. 217—223.

¹² *Mises L. von. Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel.* Op. cit. [Рус. изд.: *Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения.* Челябинск: Социум, 2008.]

¹³ *Mises L. von. Die Entwicklung des gutsherlichbauerlichen Verhaltens in Galizien, 1772—1848.* Vienna and Leipzig: Franz Deuticke, 1902; в 6-м томе серии «Wiener Staatswissenschaftliche Studien».

мышление. Именно на семинаре Бём-Баверка сформировалась та блистательная группа, которая приобрела известность как третье поколение австрийской школы, основанной Карлом Менгером. Очень быстро выяснилось, что в этой группе Мизес был наиболее самостоятельным мыслителем.

Прежде чем покончить с годами ученичества, которые 50 лет назад завершились получением докторской степени, я прервусь для объявления. Не мы одни подумали о том, что эта годовщина — подходящий случай почтить профессора Мизеса. Боюсь, для него это уже не новость, но мне приятно первым публично сообщить, что Венский университет также пожелал отметить это событие. Как мне стало известно всего несколько дней назад, факультет права этого университета решил формально возобновить докторскую степень, присужденную столь давно. Если профессор Мизес еще не получил нового диплома, это случится в ближайшее время. А сейчас я прочту вам то, что декан прислал мне авиапочтой: факультет права Венского университета на своем собрании 3 декабря 1955 г. принял решение возобновить докторский диплом, выданный 20 февраля 1906 г. Людвигу фон Мизесу, «который заслужил величайшего отличия своим вкладом в экономическую теорию австрийской школы, способствовал росту репутации австрийской науки за рубежом, чрезвычайно плодотворно потрудился на посту директора Венской торговой палаты и по чьей инициативе был создан Австрийский институт экономических исследований»¹⁴.

Но я должен вернуться к его первому выдающемуся вкладу в экономическую теорию¹⁵. Для меня это первое десятилетие нашего века, когда была написана книга, представляется давно ушедшей мирной эпохой; и даже в Центральной Европе большинство людей морочили себе голову идеей стабильности своей цивилизации. Но события повернулись именно так, как это увидел проницательный, наделенный даром предвидения наблюдатель — профессор Мизес. Мне даже представляется, что первая книга писалась с постоянным ощущением

---

¹⁴ Имеется в виду Австрийский институт исследований делового цикла (*Österreichische Konjunkturforschungsinstitut*). Об институте см. пролог к части I.

¹⁵ *Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel*. Op. cit. [Рус. изд.: *Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения*. Челябинск: Социум, 2009.]

нависающей катастрофы, в обстановке всех трудностей и тревог, которые давят на молодого офицера запаса в эпоху постоянной угрозы войны. Я упоминаю об этом потому, что, как мне представляется, все книги профессора Мизеса проникнуты сомнением в том, что цивилизация, которая сделала возможным их написание, просуществует достаточно долго, чтобы их успели опубликовать. Но, несмотря на тот дух тревоги, в котором они написаны, их отличает классическое совершенство, завершенность формы и содержания, которые приводят на ум предположение о невозмутимом спокойствии.

Книга «Теория денег» — это не просто теория денег. Хотя главная цель этого труда состояла в том, чтобы заполнить пропасть, зияющую в признанной тогда экономической теории, он также внес вклад в базовые проблемы ценности и денег. Подействуй книга быстрее, она, быть может, смогла бы предотвратить многие страдания и разрушения. Но в то время уровень понимания вопросов денежного обращения был настолько низок, что нельзя было ожидать быстрого воздействия столь сложной книги. Ее тут же оценили некоторые из лучших умов того времени, но общее понимание пришло слишком поздно и не смогло спасти его собственную страну и большую часть Европы от опустошительной инфляции. Не могу удержаться от соблазна припомнить одну забавную рецензию на эту книгу. Среди рецензентов был человек немногим моложе Мизеса по имени Джон Мейнард Кейнс, который не смог скрыть несколько завистливого восхищения эрудицией и философской широтой книги, но, к сожалению, как он объяснил позднее, в то время он мог понимать по-немецки только то, что знал прежде, а потому и не узнал из книги ничего¹⁶. Знай лорд Кейнс немецкий язык чуть лучше, и мир был бы спасен.

¹⁶ В рецензии, которую Кейнс опубликовал в *Economic Journal*. Vol. 24. September 1914. P. 417—419, он писал: «Трактат д-ра Мизеса есть произведение пронизательного и образованного ума. Но она не конструктивна, а критична, не оригинальна, а диалектична... Д-р Мизес поражает постороннего читателя как очень образованный представитель школы, некогда столь прославленной, но теперь теряющей свою жизненность». Однако спустя шестнадцать лет в «*Treatise on Money*» Кейнс признался, что «на немецком языке я могу вполне понять лишь то, что знал и до этого! — так что *новые* идеи ускользают от меня из-за языкового барьера». См.: *The Collected Writings of John Maynard Keynes*. Op. cit. Vol. 5. P. 178. Note 2.

Вскоре после выхода книги и незадолго до назначения на университетскую должность, к чему привела эта публикация, научная работа профессора Мизеса была резко прервана началом Первой мировой войны и призывом на действительную службу. Проведя несколько лет в артиллерии, где Мизес в конце концов, насколько я представляю, стал командиром батареи, к концу войны он оказался в хозяйственном управлении министерства обороны, где очевидным образом вернулся к размышлениям о важных экономических проблемах. Как бы то ни было, почти сразу после окончания войны у него была готова новая книга, малоизвестная и крайне редкая теперь работа «Nation, Staat und Wirtschaft»¹⁷, свой личный экземпляр которой я высоко ценю, поскольку он хранит так много зачаточных идей, получивших развитие в следующих произведениях.

Я предполагаю, что в то время в его уме уже должна была сложиться идея второго *magnum opus*, поскольку важнейшая глава этого сочинения появилась спустя два года в виде знаменитой статьи о проблемах экономического расчета в социалистическом обществе¹⁸. В то время профессор Мизес уже вернулся на свою должность юрисконсульта и финансового эксперта Венской торговой палаты. Поясню: торговые палаты являются официальными учреждениями, главная задача которых консультировать правительство по вопросам законодательства. Одновременно профессор Мизес был одним из руководителей особого учреждения, задачей которого было проведение в жизнь некоторых пунктов мирного соглашения. Я познакомился с ним именно как с работником этого учреждения. Конечно, в университете я был в его классе¹⁹. Но в свое управ-

¹⁷ *Mises L. von. Nation, Staat und Wirtschaft: Beiträge zur Politik und Geschichte der Zeit. Op. cit. [Рус. изд.: Мизес Л. фон. Нация, государство и экономика. Челябинск: Социум, 2009.]*

¹⁸ Статья «Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen» появилась в *Archive für Sozialwissenschaften. Vol. 47. 1920. P. 86—121*. Английский перевод (переводчик С. Адлер) был опубликован: *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth // F. A. Hayek. Ed. Collectivist Economic Planning. London: Routledge; reprinted, Clifton, N. J.: Augustus M. Kelley, 1975. P. 87—130*, позднее перепечатано в виде брошюры с заключительной статьей Джозефа Салерно (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1990).

¹⁹ Хайек имеет в виду, что он был студентом Венского университета, когда Мизес читал там лекции в качестве неоплачиваемого *Privat-*

дание должен заметить, что в то время я продирался сквозь послевоенный укороченный курс права и тратил *не все* свободное время на экономическую науку, а потому и не извлек из этой ситуации всех возможных выгод. Но потом случилось так, что по моей первой работе я оказался подчиненным профессора Мизеса в этом временном учреждении; здесь я познакомился с ним главным образом как с чрезвычайно эффективным администратором, как с человеком, подобным Джону Стюарту Миллю, который за два часа справлялся с трудом, рассчитанным на полный день, а потому у него всегда был чистый стол и вдоволь времени, чтобы поговорить о чем угодно. Я узнал Мизеса как одного из самых информированных и образованных людей из всех, с кем я был знаком, и, что всего важнее во времена великой инфляции, он единственный на самом деле понимал, что происходит. Был момент, когда мы все ожидали, что его вот-вот призовут возглавить министерство финансов. Он явно был единственным человеком, способным остановить инфляцию, и его назначение на эту должность позволило бы избежать многих бед. Но этого не случилось.

Тогда я, несмотря на ежедневное общение с профессором Мизесом, даже не подозревал, что он писал книгу, которая позднее произвела глубочайшее впечатление на мое поколение. «Die Gemeinwirtschaft», позднее переведенная на английский язык под названием «Социализм», вышла в свет в 1922 г. При всем нашем преклонении перед достижениями профессора Мизеса в области экономической теории, эта книга обладала куда большим охватом и значимостью. Это был труд по политической экономии в традициях великих моралистов — Монтескье или Адама Смита, сочетавший точное знание и глубокую мудрость. У меня нет сомнений, что она навсегда сохранит свое место в истории политической мысли. Но столь же несомненно и то влияние, которое она оказала на нас, когда мы были в наиболее впечатлительном возрасте. Для нас, молодых людей, прочитавших эту книгу сразу после публикации, мир изменился навсегда. Если бы здесь стояли Рёпке²⁰, или Роббинс, или Улин (называю лишь моих ровесников), они бы сказали вам то же

---

dozent; кроме того, он участвовал в частном семинаре Мизеса. На деле Хайек был непосредственным учеником Фридриха фон Визера, возглавлявшего кафедру экономической теории в Вене.

²⁰ О Рёпке см. пролог к части II.

самое. Не то чтобы мы сразу усвоили всю книгу. Ведь это было слишком сильное лекарство, и слишком горькое. Но основное предназначение новатора и состоит в том, чтобы вскрыть противоречия и заставить остальных самостоятельно добраться до сути предложенных им идей. И хотя мы, быть может, и пытались сопротивляться, пожалуй, даже приложили немалые старания, чтобы защитить наши представления от возмущающих спокойствие идей, нам это не удалось. Логика аргументации была неумолима.

Это было нелегко. Учение профессора Мизеса было направлено, казалось, против всего, во что нас учили верить. В то время все модные интеллектуальные доводы казались направленными в пользу социализма, а почти все «хорошие люди» среди интеллектуалов были социалистами. Хотя *непосредственное* воздействие книги, возможно, было и не столь сильным, как этого бы хотелось, но она оказала просто поразительное влияние. Для молодых идеалистов того времени она стала крушением всех надежд; а поскольку было ясно, что мир движется в направлении, гибельность которого вскрыла эта работа, нам оставалось лишь черное отчаяние. И те из нас, кто был знаком с профессором Мизесом лично, вскоре узнали, что он сам смотрит на будущее Европы и всего мира с глубочайшим пессимизмом. И очень скоро нам предстояло узнать, насколько оправданным был его пессимизм.

Молодежи не по душе аргументы, которые делают неизбежным пессимистический взгляд на будущее. Но когда силы логики профессора Мизеса оказывалось недостаточно, ей на помощь приходил другой фактор — его обескураживающая способность оказываться правым. Может, чудовищные последствия глупости, на которые он указывал, и не всегда проявлялись в предсказанные им сроки. Но рано или поздно они неизбежно нас настигали.

Здесь я хотел бы вставить комментарий. Я не могу сдержать улыбки, когда слышу, что профессора Мизеса описывают консерватором. Действительно, сегодня в США для консервативно настроенных умов его взгляды могут показаться привлекательными. Но когда он начинал отстаивать свои идеи, на свете не существовало консервативной группы, которую он мог бы поддержать. Тогда не могло быть ничего более революционного и радикального, чем его призыв довериться свободе. Для меня профессор Мизес был и остается прежде всего великим

радикалом, интеллигентным и очень разумным радикалом, но, тем не менее, радикалом правого толка²¹.

Я сейчас говорил о «Социализме» так подробно потому, что для нашего поколения эта книга останется самым памятным и значительным научным достижением профессора Мизеса. Конечно, мы продолжали учиться и усваивать те книги и статьи, в которых он развивал и усиливал свою позицию в последующие пятнадцать лет. Я не могу здесь остановиться на каждой из них по отдельности, хотя все они заслуживают подробного разбора. Я должен обратиться к его третьему *magnum opus*, который сначала вышел в Швейцарии на немецком языке в 1940 г.²², а девять лет спустя в переработанном виде был издан на английском языке под названием «Human Action», «Человеческая деятельность». Эта книга охватывает область даже более широкую, чем политическая экономия, и пока еще слишком рано определенно оценивать ее значимость. Мы не узнаем о ее полном потенциале, пока люди, которых она поразит на том же решающем этапе их интеллектуального развития, не достигнут, в свой черед, этапа продуктивности. Сам я не сомневаюсь, что в конечном итоге она окажется по крайней мере столь же важной, каким был «Социализм».

Уже перед появлением первого издания этой книги в жизни профессора Мизеса произошли большие изменения, о которых я теперь должен упомянуть вкратце. Большая удача, что, когда Гитлер вошел в Австрию, Мизес читал курс лекций в Женеве²³. Мы знаем, что последовавшие вскоре события исключительной важности привели его в эту страну и в этот город (Нью-Йорк. — *Перев.*), который стал с тех пор его домом. Но тогда же случилось и другое событие, о котором нам также следует вспомнить с радостью. Мы, его старые венские ученики, привыкли видеть в нем самого блистательного и несколько сурового холостяка, который организовал свою жизнь самым

²¹ Интересно сравнить этот пассаж с тем, что Хайек пишет в статье: *Why I Am Not a Conservative // The Constitution of Liberty*. London: Routledge & Kegan Paul, and Chicago: University of Chicago Press, 1960, где Хайек характеризует самого себя в очень близких выражениях.

²² *Mises L. von. Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens*. Op. cit.

²³ Имеется в виду *Institut Universitaire des Hautes Etudes Internationales* (Институт высших международных исследований).

рациональным образом, но без остатка растрачивал свои силы в напряженной интеллектуальной жизни. И если мы сегодня можем поздравить профессора Мизеса, который, на мой взгляд, выглядит столь же молодо, как и двадцать лет назад, и если он к тому же добр и вежлив даже с противниками, чего нельзя было ожидать от этого яростного бойца былых времен, нам следует быть за это признательными милой даме, которая в тот критический момент соединила свою жизнь с его, и теперь украшает его дом и наш сегодняшний стол²⁴.

Нет нужды рассказывать вам о деятельности профессора Мизеса с тех пор, как он поселился здесь. В последние пятнадцать лет многие из вас имели больше возможностей узнать его и пользоваться его советами, чем большинство его прежних учеников. Чем говорить о профессоре Мизесе еще и еще, я обращаюсь теперь прямо к нему, чтобы коротко объяснить, почему мы перед ним преклоняемся и почитаем его.

Профессор Мизес, не пристало вновь и вновь распространяться о вашей учености и научных достижениях, о вашей мудрости и пронизательности, которые принесли вам всемирное признание. Но вы проявили и другие качества, которыми обладали не все великие мыслители. Вы проявляли несгибаемое мужество, даже оставаясь в одиночестве. Вы проявляли непоколебимую последовательность и настойчивость мысли, даже когда это вело к непопулярности и изоляции. Долгое время Вы не получали от официальных научных организаций заслуженного признания. Вы видели, как ученики пожинают награды, по праву предназначенные вам, которых вы не могли получить из-за зависти и предрассудков. Но вы были удачливей большинства других носителей непопулярных идей. Задолго до сегодняшнего дня вы знали, что идеи, за которые Вы так долго сражались почти в одиночестве, победят. Вы видели, как вокруг вас собирается постоянно растущая группа учеников и поклонников, которые приступили к разработке и распространению ваших идей. Возжженный вами факел стал путеводной звездой нового движения за свободу, набирающего силу с каждым днем.

Дань любви и уважения, которую мы имеем честь выразить сегодня от имени всех ваших учеников, есть лишь скромное

---

²⁴ Маргит фон Мизес. Ее короткие воспоминания были опубликованы под названием «My Years with Ludwig von Mises». Op. cit.

выражение наших чувств. Я хотел бы хоть в малой степени гордиться тем, что участвовал в организации сегодняшнего чествования; но это была исключительно инициатива учеников нового поколения, которые всё устроили, и сделали то, что считали нужным многие из старых учеников. Воплотить наши желания мы смогли только благодаря редактору настоящего издания²⁵ и Фонду экономического образования²⁶.

«Социализм»²⁷

«Социализм», впервые появившись в 1922 г., произвел сильное впечатление. Эта книга постепенно изменила существо взглядов многих молодых идеалистов, которые вернулись к своим университетским занятиям после Первой мировой войны. Я знаю это, потому что был одним из них.

Мы чувствовали, что цивилизация, в которой мы выросли, рухнула. Мы были нацелены на строительство лучшего мира, и именно это желание пересоздать общество привело многих из нас к изучению экономической теории. Социализм обещал желаемое — более рациональный, более справедливый мир. А потом появилась эта книга. Она нас обескуражила. Эта книга сообщила нам, что мы не там искали лучшее будущее.

Ряд моих современников, позднее приобретших известность, но тогда не знавших даже друг друга, прошли сходный путь (Вильгельм Рёпке в Германии и Лайонел Роббинс в Англии, например). Никто из нас не был до этого учеником Мизеса. Я познакомился с ним, работая во Временном управлении австрийского правительства, которому было доверено проведение в жизнь некоторых положений Версальского договора. Он был моим начальником, директором департамента.

Тогда Мизес был больше известен своей борьбой с инфляцией. Он приобрел доверие правительства и, будучи финансовым

---

²⁵ Mary Sennholz (1913—).

²⁶ О Фонде экономического образования (Foundation for Economic Education) см. в главе 14 приветственный адрес в честь Леонарда Рида.

²⁷ Написано в 1978 г. и опубликовано в качестве предисловия к книге: *Mises L. von. Socialism: An Economic and Sociological Analysis*. Indianapolis, Ind.: Liberty Classics, 1981. P. xix—xxiv.

советником Австрийской торговой палаты, постоянно подталкивал его на тот единственный путь, который обещал предотвратить полное крушение финансовой системы. (За первые восемь месяцев работы под его руководством мое жалование увеличилось в 200 раз.)

Многие из нас, студентов начала 20-х годов, знали о Мизесе как о довольно замкнутом университетском преподавателе, который лет за десять до этого опубликовал книгу²⁸, в которой положения австрийской школы предельной полезности были применены к теории денег. Эту книгу Макс Вебер выделил как наиболее толковую по данному вопросу²⁹. Возможно, нам следовало бы знать и то, что в 1919 г. Мизес также опубликовал весьма глубокое исследование в области социальной философии, в котором рассматривались проблемы нации, государства и хозяйственной жизни³⁰. Эта книга, однако, так и не получила широкой известности, и я открыл ее для себя, только став его подчиненным в правительственном учреждении в Вене. Как бы то ни было, первая публикация книги «Социализм» была для меня большим сюрпризом³¹. Насколько я знал, в предыдущие (и чрезвычайно загруженные) 10 лет у Мизеса едва ли было время для академических занятий, а эта книга представляет собой солидный трактат о социальной философии, свидетельствующий о независимом и критическом осмыслении автором почти всей существовавшей литературы.

В первые 12 лет нашего века Мизес, пока его не призвали в армию, изучал экономические и социальные проблемы.

---

²⁸ *Mises L. von.* Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel. Munchen und Leipzig: Duncker & Humblot, 1912. [Рус. изд.: *Мизес Л. фон.* Теория денег и фидуциарных средств обращения. Челябинск: Социум, 2009.] — Прим. Ф. Х.

²⁹ *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1922; пятое пересмотренное издание с подзаголовком Grundris der verstehenden Soziologie. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1976. P. 40.

³⁰ *Mises L. von.* Nation, Staat und Wirtschaft: Beiträge zur Politik und Geschichte der Zeit. Wien: Manz'sche Verlags und Universitäts-Buchhandlung, 1919. [Рус. изд.: *Мизес Л. фон.* Нация, государство и экономика. Челябинск: Социум, 2009.]

³¹ *Mises L. von.* Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Socialismus. Jena: Gustav Fisher, 1922. [Рус. изд.: *Мизес Л. фон.* Социализм: Экономический и социологический анализ. М.: Catalaxu, 1994.]

К этим вопросам его привлекла, как и мое поколение двадцатью годами позже, всеобщая увлеченность *Sozialpolitik*³² — подобием английского «фабианского» социализма³³. Его первая книга³⁴, опубликованная когда он еще изучал право в Венском университете, была пронизана духом господствовавшей немецкой «исторической школы», сосредоточенной почти исключительно на проблемах «социальной политики». Позднее он даже присоединился к одной из тех организаций³⁵, которые побудили немецкий сатирический еженедельник изобразить экономистов как людей, которые обмеряют жилище рабочего и приговаривают: очень тесное. Но изучая в ходе занятий юриспруденцией политическую экономию, Мизес открыл для себя экономическую теорию Карла Менгера, который в то время как раз оставил профессию и вышел в отставку. Как говорит Мизес в автобиографических заметках³⁶, книга Менгера

³² Немецкое движение *Sozialpolitik* имело целью проведение социальных реформ и противостояло «манчестерскому либерализму», вдохновлявшемуся британской классической политэкономией. Вдохновляемые немцами *Kathedersozialisten*, эти реформаторы призывали к государственному вмешательству для улучшения положения рабочего класса, которое, с их точки зрения, сильно ухудшилось из-за «крайностей» либеральной экономической политики. Шумпетер сообщает, что большинство немецких экономистов были опорой *Sozialpolitik* и врагами «смитианства» или «манчестерства». *Schumpeter J. History of Economic Analysis. op. cit. P. 765.* [Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 1008] См. также: *Born K.E. Staat und Sozialpolitik seit Bismarcks Sturz.* Weisbaden: F. Steiner, 1957.

³³ «Фабианский социализм» — концепция постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое с помощью государства, развивавшаяся группой английских интеллигентов, основавших в 1884 г. «Фабианское общество». Впоследствии «фабианцы» стали мозговым центром лейбористской партии. — *Прим. ред.*

³⁴ *Mises L. von. Die Entwicklung des gutsherrlichbauerlichen Verhältnisses in Galizien, 1772—1848.* Wien und Leipzig: Franz Deuticke, 1902.

³⁵ *Sozialwissenschaftlicher Bildungsverein* (Ассоциация за образование в социальных науках).

³⁶ *Mises L. von. Notes and Recollections.* Foreword by Margit von Mises, trans. and postscript by Hans F. Sennholz, South Holland, Ill, Libertarian Press, 1978. P. 33.

«Основания политической экономии» сделала его экономистом. Пройдя через тот же опыт, я знаю, что он имеет в виду.

Первоначально Мизес интересовался преимущественно исторической стороной проблем и приобрел благодаря этому редкую среди теоретиков широту исторической эрудиции. Но в конце концов неудовлетворенность тем, как историки, а особенно историки экономики, истолковывали факты, подтолкнула его к изучению экономической теории. Он был вдохновлен Ойгеном Бём-Баверком, который вернулся к профессуре после службы на посту министра финансов Австрии³⁷. В предвоенное десятилетие семинар Бём-Баверка был главным центром экономических дискуссий. В нем участвовали Мизес, Йозеф Шумпетер³⁸ и выдающийся теоретик австрийского марксизма Отто Бауэр³⁹, выступления которого в защиту марксизма длительное время были в центре дискуссий. В этот период идеи Бём-Баверка о социализме ушли, видимо, достаточно далеко за пределы того, что он успел опубликовать в нескольких работах перед своей ранней смертью⁴⁰. Нет сомнений, что именно здесь сложились основные идеи Мизеса о социализме, хотя сразу после публикации первой книги «Теория денег и фидуциарных средств обращения» (1912) он утратил возможности для дальнейшей работы, поскольку был призван в армию, где пробыл до самого конца Первой мировой войны.

---

³⁷ Книга Л. Мизеса посвящена экономической истории Галиции, а именно развитию отношений помещичьих и крестьянских хозяйств под влиянием государственно-правовых установлений.

³⁸ О Шумпетере см. главу 5.

³⁹ В этот период Отто Бауэр опубликовал две влиятельные работы о марксизме: *Marx's Theorie der Wirtschaftskrisen // Die Neue Zeit. Vol. 23. 1904*, представляющую анализ марксовской теории колебаний экономической конъюнктуры, и *Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Viena: Wiener Volksbuchhandlung, 1907*, которая до сих пор является образцовой марксистской работой о национализме. Позднее Бауэр возглавил Социалистическую партию Австрии (СПА). Мизес говорил, что из всех встреченных им в Западной и Центральной Европе социалистов Бауэр был «единственным [марксистским теоретиком], возвысившимся над уровнем скромной посредственности» (*Mises. Notes and Recollections. Op. cit. P. 16*).

⁴⁰ Ряд этих статей был собран Гансом Сеннхольцем и издан на английском под названием «*Shorter Classics of Böhm-Bawerk*» (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1962). Библиографию основных работ Бём-Баверка см. на с. xii—xiii указ. изд.

Почти все эти годы Мизес служил офицером артиллерии на Русском фронте, хотя последние месяцы войны он провел в экономическом управлении Министерства обороны. Следует предположить, что он начал работать над «Социализмом», только оставив службу в армии. Вероятно, большая часть книги была написана между 1919 и 1921 гг.: основной раздел об экономических вычислениях при социализме был спровоцирован цитируемой им книгой Отто Нейрата, вышедшей в 1919 г.⁴¹ То, что в тогдашних условиях он выкроил время, чтобы сосредоточиться на обширнейшей теоретической и философской работе, остается истинным чудом для того, кто хотя бы в последние месяцы этого периода почти ежедневно видел его погруженным в дела службы.

Как я уже отметил выше, «Социализм» потряс наше поколение, и усвоение основной идеи этой книги было для нас делом нелегким и мучительным. Мизес, конечно же, продолжал размышлять над этими проблемами, и многие из его позднейших идей были развиты в ходе «частного семинара», который он начал вести примерно в то время, когда был опубликован «Социализм». Я присоединился к семинару двумя годами позже, после года занятий в докторантуре в США⁴². Хотя вначале у него было немного бесспорных последователей, молодые люди, проявлявшие интерес к проблематике, лежащей на границе между философией и теорией общества, воспринимали его восторженно. Зрелые профессионалы восприняли книгу с безразличием либо враждебно. Я помню всего одну рецензию, в которой проявились следы понимания важности книги, да и ту написал престарелый либеральный политик — реликт XIX в. Тактика оппонентов заключалась в том, чтобы представить его экстремистом, идеи которого никто не разделяет.

Взгляды Мизеса и в следующие два десятилетия развивались и нашли выражение в первом немецком издании (1940) книги, которая стала знаменитой под названием «Человеческая деятельность» («Human Action»)⁴³. Но для первых последователей Мизеса именно «Социализм» навсегда остался его

---

⁴¹ Neurath O. *Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft*. Munich: G. D. W. Callwey, 1919.

⁴² См. пролог к части I.

⁴³ Mises L. von. *Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens*. op. cit.

решающим вкладом в науку. Эта книга поставила под вопрос мировоззрение поколения и мало-помалу изменила мышление многих. Члены венского кружка не были учениками Мизеса. Большинство пришли к нему с уже законченным экономическим образованием и лишь постепенно смогли принять его нешаблонные взгляды. Возможно, на них не в меньшей степени повлияли его обескураживающе верные предвидения дурных последствий текущей экономической политики, чем убедительность его аргументов. Мизес вряд ли ожидал, что они примут все его воззрения, и дискуссии очень выигрывали от того, что члены кружка только постепенно расставались со своими взглядами. «Школа Мизеса» возникла только позже, когда он завершил развитие своего учения об обществе. Сама открытость системы обогащала его идеи и дала возможность некоторым из его последователей развить их в несколько ином направлении⁴⁴.

Аргументы Мизеса было не так-то легко воспринять. Порой требовались личные контакты и обсуждения, чтобы понять их полностью. При том что они были изложены обманчиво простым языком, изучающему требовалось еще и понимание экономических процессов — качество, встречающееся не так уж часто. Эта трудность особенно ясна в случае с его основным аргументом о невозможности экономических расчетов при социализме. При чтении оппонентов⁴⁵ Мизеса возникает впечатление, что они на самом деле не понимают, зачем же нужны эти расчеты. Они рассматривают проблему экономических расчетов, как если бы все дело было в налаживании учета на социалистических предприятиях, а не в выборе того, что и как следует производить. Они удовлетворяются любым набором магических цифр, если он кажется пригодным для контроля за операциями управляющих — этих пережитков капиталистической эпохи. Похоже, им никогда и в голову не приходило,

⁴⁴ О *Privatseminar* и его участниках см. пролог к части I и последний раздел настоящей главы. Также см.: *Craver*. Op. cit. P. 1—32, esp. p. 14—17.

⁴⁵ Особенно заметно это в: *Lange O.* On the Economic Theory of Socialism // *Review of Economic Studies*. Vol. 4. No. 1. 1936 and vol. 4. No. 2. 1937; *Taylor F. M.* The Guidance of Production in a Socialist State // *American Economic Review*. Vol. 19. 1929; *Lerner A. P.* The Economics of Control: Principles of Welfare Economics. New York: Macmillan, 1944. См. также введение к наст. изд.

что вопрос не в игре цифр, а в подыскании тех единственных показателей, с помощью которых управляющие производством могут судить о значении своей деятельности в рамках взаимно согласующейся структуры хозяйственной деятельности. В результате Мизес пришел к осознанию того, что его критиков отличает совершенно иной интеллектуальный подход к социальным и экономическим проблемам, а не просто иное толкование отдельных фактов. Чтобы переубедить их, необходимо продемонстрировать потребность в совершенно иной методологии. Это и стало его основной заботой.

Публикация в 1936 г. английского издания «Социализма» была в основном заслугой профессора Лайонела Роббинса (теперь он — лорд Роббинс). Он нашел весьма квалифицированного переводчика — бывшего студента Лондонской школы экономики Жака Кахане [1900—1969], который остался активным членом кружка академических ученых этого поколения, хотя сам сменил поле деятельности. После многих лет работы в одной из крупнейших зерноторговых фирм Кахане завершил карьеру, работая в Риме, в Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, и в Вашингтоне, во Всемирном банке. Последний раз я читал текст «Социализма» в форме машинописного перевода Кахане, а перечитал его только теперь, готовясь к написанию этого предисловия.

Все это побуждает к тому, чтобы поразмыслить о значимости некоторых аргументов Мизеса по прошествии столь долгого времени. Естественно, что значительная часть работы звучит сегодня⁴⁶ не так оригинально или революционно, как в прежние годы. Во многих отношениях эта книга стала одним из «классических» сочинений, которую принимают как данность и в которой не ищут ничего нового и поучительного. Я должен признать, однако, что сам был поражен не только тем, сколь большая часть ее все еще актуальна для сегодняшних споров, но и тем, что многие аргументы, которые некогда я принимал лишь отчасти как односторонние и преувеличенные, оказались поразительно истинными. Я и до сих пор кое с чем не согласен, но не думаю, что сам Мизес был бы недоволен этим. Уж, конечно, он был не из тех, кто рассчитывает на некорректное восприятие последователями своей аргументации и на этой основе — на прекращение какого-либо интеллектуального

⁴⁶ То есть в 1978 г.

прогресса. Но в целом я обнаружил, что различие наших взглядов намного меньше, чем я ожидал.

Я, в частности, не согласен с утверждением Мизеса, которое изложено в главе 33 (параграф 2). У меня всегда возникали проблемы с этим основным философским утверждением, но только сейчас я в состоянии сформулировать природу этих проблем. Мизес утверждает в этом отрывке, что либерализм «рассматривает все виды общественного сотрудничества как эманацию разумно понимаемой пользы, когда всякая власть базируется на *общественном мнении*, а потому невозможны действия, способные помешать свободному принятию решений мыслящим человеком»⁴⁷. Сегодня я полагаю, что неверна только первая часть этого утверждения. Крайний рационализм этого утверждения, которого Мизес как истинное дитя своего времени *не мог избежать* и с которым он, возможно, так и не расстался, теперь мне представляется совершенным заблуждением. Бесспорно, что рыночная экономика стала преобладающей формой не в силу разумного понимания ее выгод. Мне представляется, что основное в учении Мизеса — это демонстрация того, что мы приняли свободу *не* потому, что поняли, какие выгоды она могла бы принести; что мы *не* изобрели и, конечно же, *не* были достаточно умны, чтобы изобрести тот строй жизни, который начали слегка понимать только спустя долгое время после того, как увидели его действие. Человек *сделал выбор* в пользу него только в том смысле, что он научился отдавать предпочтение чему-то из уже существовавшего, а по мере того, как росло понимание, он смог и усовершенствовать условия своей деятельности⁴⁸.

К большой чести Мизеса, он смог в немалой степени освободиться от этой рационалистически-конструктивистской исходной посылки, но дело все еще не закончено. Более чем кто-нибудь другой Мизес помог нам понять нечто, чего мы не изобретали.

Есть и еще один момент, который требует осторожности от современного читателя. Полстолетия назад Мизес еще мог говорить о либерализме в смысле, который более или менее противоположен тому, что называется сегодня этим именем

---

⁴⁷ Mises L. von. *Socialism*, 1981 edition, op. cit., p. 418.

⁴⁸ Этот пассаж представляет собой изложение хайековской теории спонтанного порядка. Подробнее см. в: *Hayek F. The Results of Human Action but not of Human Design // Hayek F. Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Op. cit. P. 96—105.

в США и все чаще в других местах. Он считал самого себя либералом в классическом смысле, как это было принято в XIX в. Но прошло уже почти сорок лет с тех пор, как Йозеф Шумпетер был вынужден заявить, что в США враги свободы «в качестве высшего, если и непреднамеренного комплимента [либерализму]... сочли разумным присвоить его название»⁴⁹.

В эпилоге, который был написан в США через 25 лет после первой публикации книги, Мизес демонстрирует свое понимание этого обстоятельства, комментируя неправильное использование термина «либерализм». Прошедшие с тех пор тридцать лет только подтвердили этот комментарий, так же как они подтвердили и последнюю часть первоначального текста — «Деструкционизм». Эти главы при первом чтении просто шокировали меня своим необычайным пессимизмом. При перечитывании я был потрясен скорее дальновидностью автора, чем его пессимизмом. На деле большинство современных читателей обнаружат, что «Социализм» гораздо актуальнее сейчас, чем в то время, когда впервые появился на английском языке, т. е. уже более сорока лет назад.

«Интервенционизм»⁵⁰

После двух больших произведений, обеспечивших Людвигу фон Мизесу положение ведущего мыслителя в области экономической теории, — работ «Теория денег и фидуциарных средств обращения» и «Социализм» — он на несколько лет погрузился

---

⁴⁹ *Schumpeter J.* History of Economic Analysis. Op. cit. P. 394. [Рус. изд.: *Шумпетер Й.* История экономического анализа. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 518] Любопытно, что на самом деле цитируемый отрывок был опубликован только в 1954 г. Хайек мог либо видеть его до публикации, либо перепутать дату.

⁵⁰ Опубликовано в 1976 г. в качестве предисловия к переизданию: *Mises L. von.* Kritik des Interventionismus: Untersuchungen zur Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsideoogie der Gegenwart and Verstaatlichung des Kredits? Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. Перевод на англ. язык У. У. Бартли III. Брошюра Мизеса «Kritik des Interventionismus» впервые была опубликована в 1929 г. (Jena: Gustav Fisher) и позднее переведена на англ. язык Гансом Сеннхольцем: *Mises L. von.* A Critique of Interventionism. New Rochelle, N. Y.: Arlington House, 1977.

в изучение главным образом тех промежуточных — между чисто рыночным порядком и социализмом — форм, которые в то время как раз складывались. По своей основной работе в качестве консультанта по [государственным] финансам (и главного научного советника) Венской торговой палаты, которая оставляла ему совсем немного времени для преподавательской деятельности в качестве приват-доцента в Венском университете, ему приходилось постоянно сталкиваться с интервенционизмом, составлявшим главное содержание социологическо-исторической школы в немецкой экономической науке, и чем глубже он изучал литературу этого направления, тем сильнее крепло в нем отторжение университетской экономической теории, господствовавшей в немецкоязычном мире⁵¹. Из всех немецких коллег по профессии дружеские отношения у него сложились только с Максом Вебером⁵², с которым у него установились тесные связи, когда последний работал в Венском университете в летний семестр 1918 г.; помимо Вебера, он уважал очень немногих: Генриха Дитцеля⁵³, Пассова, Поле, Андреаса Фойгхта, Адольфа Вебера и Леопольда фон Визе — за мужественное противостояние господствующим взглядам, хотя ему было нечему

⁵¹ Об этих германских профессорах Мизес говорит: «...они не знают экономической литературы, не понимают экономических проблем и подозревают в каждом экономисте врага государства, германофоба и проводника деловых интересов и принципа свободной торговли... Они были дилетантами во всем, за что ни брались». *Mises L. von. Notes and Recollections. Op. cit. P. 102.*

⁵² Макс Вебер преподавал в университетах Фрайбурга, Гейдельберга и Мюнхена, редактировал ведущий академический журнал в области социальных наук «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Его «Протестантская этика и дух капитализма», впервые опубликованная в Германии в 1904—1905 гг., является классической социологической литературы. Мизес писал о нем: «Ранняя смерть этого гения была серьезной утратой для Германии. Проживи Вебер дольше, сегодня [1940] германский народ мог бы указать на пример «арийца», не согнувшегося перед нацизмом» (*Mises L. von. Notes and Recollections. Op. cit. P. 104.*).

⁵³ Heinrich Dietzel (1857—1935) — немецкий экономист, преподавал экономику и философию в ряде немецких университетов. Его книга «Theoretische Sozialökonomie» (Leipzig: Winter, 1895), посвященная теоретическому сравнению капитализма и социализма, явилась исходной для работ Вальтера Ойкена (1891—1950) и для развития либеральной Фрайбургской школы. См. пролог к части II.

у них учиться (при этом он очень высоко ставил явно недооцененных в то время таких представителей предыдущего поколения, как Тюннен, Германн и Мангольдт). Подобно большинству экономистов предыдущих поколений сам Мизес пришел в науку воодушевленный идеями *Sozialpolitik* и фабианского социализма — и эти идеи еще дают себя знать в его ранних работах, — но затем обратился к классическому либерализму (это обращение произошло на семинаре Бём-Баверка, в котором он участвовал вместе с Шумпетером и другими ведущими представителями третьего поколения австрийской школы). В дальнейшем все его работы по экономической политике посвящены идеям классического либерализма. Эта перемена чувствуется уже в его «Теории денег и фидуциарных средств обращения»; дальнейшее развитие это изменение получило в 1919 г. в насыщенной идеями книге «Нация, государство и экономика»⁵⁴, которая из-за тогдашней ситуации прошла почти незамеченной. По-настоящему его новая позиция впервые представлена в книге «Социализм» в 1922 г. (Короткая и наспех написанная книга «Либерализм»⁵⁵ была менее удачной.)

Книга «Критика интервенционизма» поссорила его с немецкими коллегами, и та резкость, с которой он выступил против ведущих фигур вроде Вернера Зомбарта, Густава Шмоллера, Луио Brentano и Генриха Херкнера, вызвавшая в свое время сильную обиду, сегодня может быть только поставлена ему в заслугу. Я знаю, что Мизес собирался включить в сборник свою статью «*Verstaatlichung des Kredits*», которая также появилась в 1929 г. в первом томе нового «*Zeitschrift für Nationalökonomie*».

⁵⁴ *Mises L. von. Nation, Staat und Wirtschaft: Beiträge zur Politik und Geschichte der Zeit.* Op. cit. [Рус. изд.: Мизес Л. фон. Нация, государство и экономика. Челябинск: Социум, 2009.]

⁵⁵ *Mises L. von. Liberalismus.* Jena: Gustav Fisher, 1927, пер. на англ. язык Ральфа Райко: *The Free and Prosperous Commonwealth: An Exposition of the Ideas of Classical Liberalism.* Princeton, N. J.: D. Van Nostrand, 1962. Последующие английские издания имели название: *Liberalism: A Socio-Economic Exposition.* Kansas City, Mo.: Sheed Andrews and Mcmeel, 1978; *Liberalism in the Classical Tradition.* Irvington, N. Y.: Foundation for Economic Education, and San Francisco: Cobden Press, 1985. Русские издания: «Либерализм в классической традиции» (М.: Начала-пресс, 1995; пер. Ю. Кочатыговой); «Либерализм» (М., Челябинск: Экономика, Социум, 2001, и Челябинск, 2007; пер. А. Куряева).

Помешало то, что редактор куда-то засунул рукопись и нашел ее, когда было уже поздно, что было не редкостью в то время, а с учетом ясного почерка Мизеса, вполне возможно, что это была рукопись в буквальном смысле слова и существовала в единственном экземпляре⁵⁶.

Мизеса считают не только крайне резким критиком, но и пессимистом, который, к несчастью, слишком часто оказывался прав. Не один я был свидетелем того, как в сентябре 1932 г. во время заседания комитета Союза социальной политики в Бад-Киссингене в саду за чаем собралась довольно большая группа коллег по профессии, и Мизес неожиданно спросил, отдаем ли мы себе отчет в том, что собираемся вместе в последний раз. Это замечание сначала всех изумило, а затем вызвало смех, когда Мизес объяснил, что через 12 месяцев Гитлер уже будет у власти. Всем это показалось слишком невероятным, но больше всего было непонятно, почему Союз социальной политики не сможет собраться вновь после прихода Гитлера к власти. Разумеется, до окончания Второй мировой войны встреч больше не было⁵⁷.

Мизес оставался в Вене и после захвата власти в Германии Гитлером, и в эти годы он все сильнее углублялся в вопросы философских и методологических оснований общественных наук. Но полностью посвятить себя научной работе он впервые смог только после 1934 г., когда в возрасте 53 лет переехал в Высший институт международных исследований в Женеве. В 1933 г. он еще смог опубликовать в Германии сборник статей «Grundprobleme der Nationalökonomie»⁵⁸ с важными работами

---

⁵⁶ Эта статья Мизеса была включена в книгу, для которой Хайек написал настоящее эссе. Статья Мизеса была также переведена Луи Соммером и включена в сборник: *Essays in European Economic Thought*. Princeton, N. J.: D. Van Nostrand, 1960.

⁵⁷ Относительно Союза социальной политики Мизес вспоминает: «...как австриец, внештатный *Privatdozent* и «теоретик», в союзе я всегда был посторонним. Ко мне относились с подчеркнутой вежливостью, но воспринимали как чужака» (*Notes and Recollections*. Op. cit. P. 104). Историю этой организации см. в: Franz Boese, op. cit.

⁵⁸ *Mises L. von*. *Grundprobleme der Nationalökonomie: Untersuchungen über Verfahren, Aufgaben und Inhalt der Wirtschafts- und Gesellschaftslehre*. Jena: Gustav Fisher, 1933. Переведена Джорджем Рисманом как *Epistemological Problems of Economics*. Princeton,

о «процедурах, задачах и содержании экономической и социальной теории». В 1940 г. вышла его последняя большая работа на немецком языке «Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens» (позднее в переработанном виде изданная на английском языке под названием «Human Action»), которая была издана в Женеве, но в Германии, по понятным причинам, осталась практически неизвестной.

В 1940 г. Мизес вместе с женой смог перебраться в США через Южную Францию, Испанию и Португалию. Здесь, в Нью-Йорке, он в течение более 30 лет был поглощен весьма плодотворными исследованиями и преподаванием. Помимо полностью переработанного английского издания «Nationalökonomie», которое появилось в 1949 г. под названием «Human Action», особого упоминания заслуживает его книга «Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции»⁵⁹.

«Эпистемологические проблемы экономической теории»⁶⁰

Несмотря на то что это работа живого и пишущего автора, настоящую публикацию следует рассматривать как запоздавшее издание перевода классического труда. Эта книга обозначает решающий этап в развитии системы идей, с которыми англоговорящий мир познакомился через всеобъемлющий трактат. Если книгу профессора Мизеса «Человеческая деятельность» (опубликована на английском языке в 1949 г. с предшеству-

---

N. J.: D. Van Nostrand, 1960; reprinted New York and London: New York University Press, 1981. [Рус. изд.: Мизес Л. фон. Эпистемологические проблемы экономической науки. Челябинск: Социум, 2009.] Рецензию Хайека на английское издание см. в следующем разделе настоящей главы.

⁵⁹ *Mises L. von. Theory and History: An Interpretation of Social and Economic Evolution.* New Haven, Conn.: Yale University Press, 1957; reprinted, New Roschelle, N. Y.: Arlington House, 1969, and Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1985. Рус. изд.: Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. М., ЮНИТИ—ДАНА, 2001; Челябинск: Социум, 2007.

⁶⁰ Рецензия на книгу Мизеса «Epistemological Problems of Economics» [1933]. Op. cit. Опубликована в: Teachers College Record. March 1964. P. 556—557.

ющей публикацией немецкой версии в 1940 г.) следует считать окончательным изложением его взглядов, то характерные черты его идей о сущности общественной науки были впервые изложены в данной серии статей, опубликованных в Германии между 1928 и 1933 гг., которые впервые были изданы вместе в 1933 г. — в последнем году, когда еще можно было публиковаться в Германии. В этих статьях намного яснее, чем в более позднем трактате, видны непосредственные причины именно такой формулировки взглядов автора. Если же его аргументы направлены главным образом против взглядов немецких авторов, читателю не следует впасть в заблуждение и полагать, что аргументы имеют смысл только в данном контексте. На деле эта разновидность не критического эмпиризма, против которого главным образом направлена книга, встречается сейчас гораздо чаще и в самой наивной форме именно в американской литературе по общественным наукам.

Первая публикация этих статей обозначила превращение автора, известного тогда главным образом своей теорией денег и фидуциарных средств обращения, а также критическим анализом социализма, т.е. экономиста в узком смысле этого слова, в социального теоретика и философа. Хотя тогда он еще не ввел термин «праксеология» (которым позднее заменил термин «социология») для обозначения общей теории человеческой деятельности, все главные элементы его позднейшей системы уже присутствуют. За исключением короткой последней статьи по специальной проблеме экономической теории⁶¹, экономическая теория в этом сборнике служит главным образом для иллюстрации проблем, выдвигаемых любой теоретической наукой об обществе. Критические усилия автора направлены против взгляда, что теорию можно разработать путем дистилляции исторического опыта, а его главное утверждение, сейчас более привычное, чем когда он впервые его высказал, состоит в том, что логика теоретических утверждений не зависит от любого конкретного опыта. Он, вероятно, не стал бы отрицать, что применимость теории к конкретным обстоятельствам зависит от наличия или отсутствия фактов, которые могут быть удостоверены только опытом. И если настойчи-

⁶¹ «Статья о проблеме «неадаптируемого» (т.е. не-передислоцируемого) капитала», написанная для юбилейного сборника (Festschrift) в честь голландского экономиста Веррейн Стюарт.

вое утверждение априорного характера теории кажется порой позицией более крайней, чем хотелось бы самому автору, то следует помнить, что в некотором смысле абстрактное описание структурных отношений, характерное для математики и логики, всегда дедуктивно и аналитично; эмпирически могут быть проверены лишь утверждения следующего вида: в данных обстоятельствах нам может встретиться такая-то структура. Так что при внимательном анализе различие между взглядами профессора Мизеса и современным «гипотетико-дедуктивным» истолкованием теоретической науки (как оно было сформулировано, например, Карлом Поппером в 1935 г.⁶²) сравнительно невелико, при том что оба эти подхода отделены широкой пропастью от господствовавшего долгое время наивного эмпиризма⁶³.

Следует признать, что в отношении социальной теории в одном пункте профессор Мизес идет дальше. Но ведь совершенно очевидно, что, прежде чем вступать в общение с людьми, мы должны знать о них больше, чем относительно любых других объектов, по поводу которых мы намерены вступить в общение, а это не может не влиять на природу данных, которые мы можем использовать для объяснения в двух этих сферах. Наша способность «понимать» действия человека, несомненно, увеличивает объем информации, который может быть использован для объяснения, причем информации такого рода, которую мы не имеем в случае неодушевленных объектов; и в третьей статье рецензируемого сборника профессор Мизес заметно

⁶² *Popper K.* Logik der Forschung, zur Erkenntnistheorie der modernen Naturwissenschaft. Vienna: J. Springer, 1935. Переведена: *Logic of Scientific Discovery*. London: Hutchinson, 1959. Переработанные издания в 1968 и 1972 годах. [Рус. изд.: *Поппер К.* Логика научного исследования. М.: Республика, 2004.]

⁶³ Сам Мизес, быть может, и не согласился бы с таким утверждением. В 1962 г. он писал, что взгляды Поппера, будучи вполне пригодными для естественных наук, «никаким образом не могут быть применены к проблемам наук о деятельности человека». Высказывания Мизеса о Поппере см.: *Mises L. von.* The Ultimate Foundation of Economic Science. Princeton, N. J.: D. Van Nostrand, 1962; повторное издание: Kansas City, Mo.: Sheed Andrews and McMeel, 1978. P. 69—70, 119—120. [Рус. изд.: Мизес Л. фон. Философские основания экономической науки. Челябинск: Социум, 2009.]

проясняет различие между таким постижением, которое может служить основанием теории, и сопереживающим «пониманием», которое порой выдвигается как основа объяснения.

Заслуживают похвалы точность и гладкость перевода, хотя задачу переводчика облегчала прозрачность языка профессора Мизеса, редко присущая работам в этой области. Поскольку появление перевода послужило для рецензента поводом перечитать работу, которую он читал почти тридцать лет назад, он может добавить, что книга поразительно хорошо выдержала испытание временем.

«Nationalökonomie»⁶⁴

Когда ученый, который за свою жизнь обогатил многие специальные области науки, берется за всеобъемлющий обзор науки в целом, это всегда интересно, хотя может обернуться разочарованием. Подобный подвиг заслуживает тем большего внимания, когда систематическое изложение своих выводов предпринимает такой человек, как профессор Мизес, известный широтой интересов и тем, что его взгляды порождали столько споров. И это тем более верно в данном случае, когда, как намекает само название, работа охватывает как самые общие

---

⁶⁴ Рецензия на книгу Мизеса «Nationalökonomie: Theorie des Handelns und des Wirtschaftens». Geneva: Editions Union, 1940. Опубликовано в *Economic Journal*. Vol. 51. April 1941. P. 124—127. Сочинение Мизеса «Human Action» (впервые опубликовано в 1949 г.), которое более знакомо англоязычному читателю, представляет собой расширенный и переработанный вариант «Nationalökonomie». Маргит фон Мизес сообщает, что с момента прибытия в США в 1940 г. «он намеревался переработать «Nationalökonomie», которая была написана для европейских условий. Он хотел написать на английском расширенную версию книги, рассчитанную на более широкую публику и, если повезет, на более разумный мир. Таким образом, в отличие от того, что думают многие, «Human Action» не есть перевод «Nationalökonomie». Хотя ее источником были те же основные философские принципы, которым мой муж всегда оставался верен, в ней его принципы и его логика применены к более широкой области — ко всей жизни». Margit von Mises, Предисловие к ограниченному переизданию 1985 года третьего пересмотренного издания «Human Action» (Chicago: Henry Regnery, 1966).

философские проблемы, возникающие при научном изучении человеческой деятельности, так и основные современные проблемы экономической политики.

Читатель, знакомый с ранними работами профессора Мизеса о деньгах, социализме и методах общественных наук, в центральной части этой работы обнаружит множество если и не принятых, то знакомых доктрин, имеющих отношение к экономической теории в узком смысле этого слова. Но даже по этим вопросам есть большие разделы, в частности, в теории процента, где разрабатываются проблемы, которые в опубликованных прежде работах Мизеса никогда явным образом не рассматривались. В короткой рецензии на трактат, посвященный столь обширной области, было бы неуместно входить в конкретные детали. Пожалуй, стоит отметить только, что по первом прочтении рецензенту показалось менее убедительным, по сравнению с остальной частью работы, то, как автор развивает психологические элементы теории Бём-Баверка, хотя в некоторых отношениях это сделано с изумительной ясностью.

Обсуждение большей части остальных теоретических проблем во многом представляет собой новое изложение, зачастую сформулированное более точно и тщательно, взглядов, развитых в более ранних работах. Многое из этого звучит сейчас куда менее революционно, чем двадцать или тридцать лет назад, но что может быть поучительней, чем просмотр рецензий на старые работы автора (публиковавшихся и в этом журнале⁶⁵), которые демонстрируют, сколь многие его взгляды, при первой публикации подвергавшиеся острому нападкам или даже осмеянию, стали с тех пор общепризнанными. В новом систематизированном изложении его взгляды во многих отношениях обрели новую значимость и определенно выиграли в убедительности, достигнутой законченной логичностью. Налицо и свидетельства того, что взгляды автора продолжают постепенно и постоянно эволюционировать. Но следует признать, что в период создания этих работ его почти не затронула общая эволюция в нашей области знаний. Он развивался совершенно

⁶⁵ Например, рецензия Джона Мейнарда Кейнса на «Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel» в *Economic Journal*. Vol. 24. September 1914. P. 417—419 (см. выше примечание 16); и рецензия Е. Швидланда на «Die Gemeinwirtschaft» в *Economic Journal*. Vol. 33. September 1923. P. 406—408.

независимо, и возникает даже чувство, что автор, на которого столь часто нападали из-за идей, которые потом оказывались верными, выработал некое презрение к современной экономической теории, и это помешало ему извлечь пользу из ее изменения. Это представляется особенно верным по отношению к недавнему развитию теории конкуренции — в этой области более благожелательное отношение к другим подходам могло бы облегчить понимание позиции автора.

В рецензии нелегко дать адекватное представление о положительном вкладе в развитие теории, поскольку этот вклад состоит, главным образом, в последовательном приложении единых философских принципов и в создании на этой основе общей перспективы дальнейшего движения. Как пример удачного обобщения можно рассмотреть любопытную трактовку закона сравнительных издержек не в специальном приложении к теории международной торговли, а в его самой общей форме, как основы формирования общества. Рикардовское *Vergesellschaftungsgesetz*, как его окрестил профессор Мизес (выражение, боюсь, почти непере译имое), получило таким образом заслуженное место в самом начале рассмотрения проблем менового общества, само существование которого основано на этом принципе⁶⁶.

Для большинства читателей, однако, книга будет интересна не своей центральной частью⁶⁷, как ее можно назвать в соответствии с логикой предмета, но своими начальными и конечными разделами, где профессор Мизес рассматривает самые

---

⁶⁶ В «Human Action» Мизес изменил название «Ricardo'sche Vergesellschaftungsgesetz» на «Рикардрианский закон образования связей», который он считает «частным случаем более универсального закона ассоциации», общего принципа, показывающего, как «разделение труда создает преимущества для всех участников», даже для менее квалифицированных или владеющих меньшими ресурсами, чем другие. (Этот принцип, именуемый нынче «законом относительного преимущества», обычно иллюстрируют примерами из области международной торговли; Мизес, напротив, использует пример хирурга, который нанимает для стерилизации инструмента менее искусного помощника. См. с. 127—133 немецкого издания; с. 159—164 третьего английского издания (1966) и с. 150—155 русского издания.

⁶⁷ С. 188—628 немецкого издания; с. 200—688 английского издания 1966 г. и с. 219—645 русского издания.

общие методологические и философские проблемы любой науки об обществе, а также проблемы современной политики. К последнему разделу до некоторой степени относится то, что уже было сказано о центральной части.

Многое здесь окажется знакомым для читателей прежних работ профессора Мизеса, и главным выигрышем во многом окажутся систематичность и последовательность изложения материала, который прежде был доступен только в разрозненных книгах и статьях. Но у автора, пожалуй, были еще большие возможности заполнить разрывы в изложении, и результатом оказалась действительно внушительная единая система либеральной социальной философии. Именно в этом разделе больше, чем где-либо еще, поразительное знание истории и современного мира помогает автору проиллюстрировать свои аргументы. И хотя единственным *Weltanschauung* (мировоззрением. — *Перев.*), с которым до известной степени схожи взгляды автора, является либерализм середины XIX в., читателю не следует впадать в заблуждение, что перед ним всего лишь новая формулировка идей *laissez faire* этого периода. Хотя выводы во многих моментах совпадают, философские основы всего построения изменились так же, как у большинства других людей, хотя совсем в ином направлении.

Самые оригинальные и одновременно самые спорные моменты в развитии взглядов профессора Мизеса сконцентрированы в начальных разделах книги, где он кратко излагает принципы общей теории человеческой деятельности, частным разделом которой является экономическая теория. В ряде предыдущих работ он последовательно обосновал то, что обозначает как априорный характер экономической логики, и подверг критике заимствование чуждых и неуместных методов из естественных наук. В новой книге он продолжает отстаивать автономную природу методов социальных наук, систематически развивая общую теорию человеческой деятельности, или, как он это теперь называет (возрождая старый французский термин), науку «праксеологии». Хотя я боюсь, что даже в этой новой форме его аргументы едва ли смягчат предубеждения, возбуждаемые сегодня любыми попытками такого рода, перед нами, бесспорно, наиболее убедительные и последовательные аргументы из когда-либо выдвигавшихся в пользу такого понимания, и если они получают заслуженное внимание, то дадут начало чрезвычайно плодотворной дискуссии. Хотя сам

рецензент многое изложил бы совершенно иначе, он должен признаться, рискуя вместе с профессором Мизесом быть обвиненным в поддержке взглядов, противоречащих всему направлению современного научного развития, что в главном одинокий голос профессора Мизеса кажется ему куда ближе к истине, чем общепринятые взгляды.

Настоящее обсуждение любого из множества интересных моментов, затрагиваемых этой работой, требует не краткого обзора, а длинной статьи. И все же мы не можем поставить точку, не заявив, что, по крайней мере, рецензент видит в этой книге широту взгляда и интеллектуального кругозора, которые роднят ее, скорее, с трудами философов XVIII в., чем с работами современных специалистов. И несмотря на это, а может быть, и благодаря этому, читатель чувствует гораздо большую близость к реальности, и его от технических вопросов все время возвращают к рассмотрению великих проблем современного мира. Без тщательного анализа профессор Мизес не принимает ни одной из господствующих догм и порой, пожалуй, даже слишком пренебрежительно отмечает тонкости, которые, как ему представляется, не относятся к более широким вопросам его социальной философии. У тех многочисленных читателей, которые разойдутся с книгой во мнениях, она, несомненно, вызовет глубокое раздражение, но ни один из них не сможет оставить ее без внимания, как бы сильно они ни ощущали, что ее разделы обходят последние тонкости математического анализа, в котором они чувствуют себя как рыба в воде.

«Заметки и воспоминания»⁶⁸

Будучи, несомненно, одним из самых значительных экономистов своего поколения, до самого конца своей необычно долгой

⁶⁸ Эта статья была написана Хайеком в 1977 г. и опубликована как введение к книге Мизеса «Erinnerungen von Ludwig von Mises» (Stuttgart and New York: Gustav Fisher, 1978. P. xi—xvi). Текст представляет собой несколько измененную версию перевода, сделанного Гансом-Германом Хоппе и опубликованного в «Austrian Economics Newsletter». Vol. 10. Vol. 1. Fall 1988. P. 1—3. Книга «Erinnerungen» была впервые опубликована посмертно на английском языке в переводе Ганса Сеннхольца: *Mises L. von. Notes and Recollections*. Op. cit.

научной жизни для академического мира Людвиг фон Мизес оставался в определенном смысле чужаком — прежде всего, несомненно, в странах немецкой культуры, но также и в США, где за последнюю треть жизни он воспитал довольно много студентов. До этого его сильное непосредственное влияние по сути ограничивалось венским *Privatseminar*, в который участники приглашались, как правило, только по окончании формального курса образования.

Если бы публикация этих воспоминаний, обнаруженных в его бумагах, не запоздала так незаслуженно, я был бы рад возможности проанализировать причины столь необычного пренебрежения к одному из наиболее оригинальных мыслителей нашего времени в области экономики и социальной философии. Но оставленные им фрагменты автобиографии частично отвечают на этот вопрос. Он по чисто личным причинам так и не получил место профессора в университетах немецкоязычных стран в 1920-е годы или до 1933 г., тогда как многие другие, безусловно менее достойные, его получали. Такой профессор был бы украшением любого университета. Но инстинктивное ощущение профессоров, что он не вполне вписывается в их круг, не было вполне ошибочным. Даже при том что по знанию предмета он превосходил большинство коллег, настоящим специалистом он не был. Когда в поисках аналогичной фигуры я оглядываю историю идей, я не нахожу ее среди профессоров, и даже Адам Смит здесь не годится; Мизеса следует сравнивать с мыслителями типа Вольтера или Монтескье, Токвиля или Джона Стюарта Милля. Таково впечатление, которое может сложиться лишь в ретроспективе. Но, когда более пятидесяти лет назад я пытался объяснить положение Мизеса Уэсли Клэру Митчеллу приблизительно в тех же словах, я встретил лишь вежливый иронический скептицизм, что, вероятно, можно понять.

Для его работ характерна глобальная интерпретация социального развития, и в отличие от немногих современников, сравнимых с ним по масштабу, таких как Макс Вебер, с которым его связывали отношения исключительного взаимного уважения, преимуществом Мизеса было подлинное знание экономической теории.

Рецензируемые мемуары⁶⁹ рассказывают о его развитии, положении и взглядах гораздо больше, чем могу рассказать я.

⁶⁹ Имеется в виду текст *Erinnerungen Ludwig von Mises*. Op. cit.

Могу лишь попытаться дополнить или подтвердить информацию о десяти годах его жизни в Вене, когда я был тесно с ним связан. Следует отметить, что я пришел к нему не как студент, а как свежее испеченный доктор права и государственный служащий, его подчиненный в одном из тех временных особых учреждений, что были созданы для выполнения положений Сен-Жерменского мирного договора. Рекомендательное письмо от моего университетского учителя Фридриха фон Визера⁷⁰, который характеризовал меня как многообещающего молодого экономиста, Мизес встретил улыбкой и замечанием, что никогда не видел меня на своих лекциях. Однако, обнаружив, что мои знания вполне удовлетворительны и что я действительно интересуюсь экономической теорией, он стал оказывать мне всяческое содействие и много сделал для моего долгого пребывания в США (до появления Рокфеллеровских стипендий), сыгравшего важнейшую роль в моей жизни⁷¹. И хотя в первые годы нашего общения я ежедневно виделся с ним на службе, у меня и тени мысли не возникало о том, что он готовит свою великую книгу о социализме, которая после публикации в 1922 г. повлияла на меня решающим образом.

Только летом 1924 г., после возвращения из Америки, я был допущен в круг, который уже существовал какое-то время и через который научная работа Мизеса в Вене в основном и оказывала влияние. «Семинар Мизеса», как мы называли эти вечерние дискуссии, проходившие каждые две недели в его служебном кабинете, подробно описан в его мемуарах, хотя Мизес и не упоминает обычное продолжение официальной части дискуссий, длившееся до поздней ночи в одном из венских кафе. Как он совершенно верно отмечает, это были не образовательные собрания, а вольные дискуссии, которыми руководил старший товарищ, и остальные разделяли далеко не все его взгляды. Строго говоря, изначально студентом Мизеса был один Фриц Махлуп. Что касается остальных, то из постоянных участников экономистами были лишь Рихард Штригль⁷², Готфрид Хаберлер, Оскар Моргенштерн, Хелен Лизер⁷³ и Марта Стефания

---

⁷⁰ О Визере см. главу 3.

⁷¹ О поездке Хайека в США в 1923—1924 гг. см. пролог к части I.

⁷² О Штригле см. главу 6.

⁷³ Хелен Лизер позднее была секретарем Международной экономической ассоциации в Париже.

Браун. Рано умершие Эвальд Шамс⁷⁴ и Лео Шёнфельд, принадлежавшие к тому же очень одаренному промежуточному поколению, что и Рихард Штригль, никогда не были, насколько мне известно, постоянными участниками мизесовского семинара. Но социологи, философы и историки вроде Альфреда Шютца, Феликса Кауфмана и Фридриха Энгель-Яноши были столь же активны в дискуссиях, которые часто вращались вокруг проблем методов общественных наук и редко концентрировались на специальных проблемах экономической теории (если не считать проблем субъективной теории ценности). Но вопросы экономической политики обсуждались часто и всегда под углом ее зависимости от различных систем социальной философии⁷⁵.

Для человека, который в течение дня был полностью загружен текущими политическими и экономическими проблемами и был лучше информирован в вопросах повседневной политики, современной истории и общего идеологического развития, чем большинство других, все это представлялось исключительным интеллектуальным развлечением. Над чем он работал, не знал даже я, хотя в те годы мы виделись почти ежедневно; он никогда не говорил об этом. Я только от его секретаря знал, что время от времени она перепечатывала тексты, написанные четким почерком Мизеса. Но многие из его работ вплоть до публикации существовали только в рукописном виде, а одна важная статья считалась долгое время утерянной, пока ее не откопали в бумагах редактора журнала. До его женитьбы никто ничего не знал о том, как он работает. До окончания работы он никогда не говорил о своем писательском труде. Он, хотя и знал о моей постоянной готовности помочь ему, только один раз попросил меня сверить цитату, когда я упомянул, что намерен в библиотеке просмотреть труд по каноническому праву. У него никогда не было научного ассистента, по крайней мере в Вене.

Он занимался преимущественно теми проблемами, по которым считал господствующее мнение ошибочным. У читателей этой книги⁷⁶ может возникнуть впечатление, что он был

---

⁷⁴ О Шамсе смотри главу 6.

⁷⁵ Некоторые из участников семинара Мизеса опубликовали свои воспоминания в *Wirtschaftspolitische Blätter*. Vol. 4. April 1981.

⁷⁶ Речь идет об «Erinnerungen» Мизеса.

предубежден против немецкой общественной науки как таковой. Это, безусловно, не так, хотя с течением времени в нем развилось некое объяснимое раздражение. При этом он ценил крупных немецких теоретиков предыдущих поколений — Тюнена, Германна, Мангольда или Госсена — выше, чем большинство своих коллег-современников, да и знал их гораздо лучше. Впрочем, и среди современников он высоко ставил ряд отдельных фигур, таких как Дитцель, Поле, Адольф Вебер и Пассов, а также социолога Леопольда фон Визе и, в первую очередь, Макса Вебера, тесные научные связи с которым у него установились в краткий период преподавания Вебера в Венском университете весной 1918 года, и, если бы не ранняя смерть Вебера, эти связи могли оказаться весьма плодотворными. Но в целом он, несомненно, мог испытывать лишь презрение к большинству профессоров германских университетов, претендовавших на роль экономистов-теоретиков. Мизес в своем описании ничуть не преувеличил бедственность положения в экономической теории, преподаваемой представителями исторической школы. Насколько низко упал уровень теоретического мышления в Германии, видно из того факта, что для того, чтобы вновь возродить в Германии интерес к теории, весьма заслуженному шведскому ученому Густаву Касселю потребовалось изложить проблемы упрощенно и грубо. Несмотря на изысканную обходительность в обществе и величайшую сдержанность в целом (которая порой давала трещины), Мизес не принадлежал к тем, кто способен скрывать презрение.

Это усиливало его изоляцию, как среди профессиональных экономистов, так и в тех венских кругах, с которыми у него были научные и профессиональные связи. Когда он отказался от идей прогрессистской социальной политики, он стал чужаком для своих коллег и студентов. Даже четверть века спустя я сталкивался с отголосками гнева и обиды на его, казалось бы, неожиданный разрыв с идеалами, господствовавшими среди университетской молодежи в начале века, когда, например, его сокурсник Ф. Х. Вейсс (редактор сокращенного собрания сочинений Бём-Баверка) рассказывал мне об этом событии с нескрываемым возмущением, явно имея в виду предостереечь меня от аналогичного предательства «социальных» ценностей и от чрезмерной симпатии к «отжившему» либерализму.

Если бы Карл Менгер не вышел в отставку сравнительно рано, а Бём-Баверк не умер в столь молодом возрасте, воз-

можно, Мизес нашел бы у них поддержку. Но единственный оставшийся в живых основатель австрийской школы, мой досточтимый учитель Фридрих фон Визер, сам был по убеждениям скорее фабианцем; он гордился тем, что, как он считал, своими работами над теорией предельной полезности ему удалось научно обосновать разумность прогрессивного налогообложения доходов.

Возвращение Мизеса к классическому либерализму было не только реакцией на господствовавшие тенденции его времени. У него полностью отсутствовало приспособленчество, свойственное его блистательному товарищу по семинару Йозефу Шумпетеру⁷⁷, который всегда быстро приравнивался к новым интеллектуальным веяниям; впрочем, у Мизеса не было и характерной для Шумпетера страсти к *épater le bourgeois*⁷⁸. Мне представляется, что два эти наиболее выдающихся представителя третьего поколения австрийских экономистов (хотя Шумпетера едва ли можно считать членом австрийской школы в собственном смысле слова) при всем взаимном интеллектуальном уважении действовали друг другу на нервы.

Сегодня Мизес и его ученики считаются представителями австрийской школы, и это оправданно, хотя он представляет лишь одну из ветвей, начало которым положили ученики Менгера и его близкие друзья Ойген фон Бём-Баверк и Фридрих фон Визер. Я признаю это не без внутреннего сопротивления, потому что ожидал гораздо большего от традиции Визера, которую пытался развить его преемник Ганс Майер. Эти ожидания пока что не сбылись, хотя еще сохраняется возможность, что эта традиция окажется в будущем более плодотворной, чем была до сих пор. Сегодня австрийская школа сохраняет активность почти исключительно в США и состоит из последователей Мизеса, развивавшего наследие Бём-Баверка, а человек, на которого Визер возлагал столь большие надежды и который унаследовал его кафедру⁷⁹, так и не оправдал надежд⁸⁰.

---

⁷⁷ О Шумпетере см. главу 5.

⁷⁸ Эпатиловать мещан (*франц.*). — *Прим. ред.*

⁷⁹ Имеется в виду Ганс Майер.

⁸⁰ Хайек недооценивает здесь собственное влияние на современную австрийскую школу, которое не вполне совпадает с влиянием Мизеса. Об этом см. введение к наст. изд.

Мизес так и остался чужаком в академическом мире, потому что он никогда не занимал места профессора в немецкоговорящих странах и до пятидесяти с лишним лет вынужден был посвящать большую часть своего времени деятельности, не связанной с наукой. Его изоляции в общественной жизни и в роли представителя большого социально-философского направления способствовали и другие факторы. В первой трети этого века интеллеktуал-еврей, защищавший социалистические идеи, занимал в венском обществе уважаемое место, что представлялось само собой разумеющимся. Точно так же некоторыми естественными правами на существование обладал еврейский банкир или коммерсант, защищавший капитализм (что само по себе было нехорошо!). Но интеллеktуал-еврей, оправдывающий капитализм, казался большинству чем-то чудовищным и неестественным, чем-то пребывающим вне всяких категорий, с чем неизвестно, как обращаться. Его бесспорное знание предмета производило впечатление, и в трудных экономических ситуациях с ним приходилось советоваться, но его советы редко понимали и редко им следовали. Большей частью в нем видели эксцентричного чудака, «устаревшие» идеи которого «сегодня» совершенно непригодны. Очень немногие наблюдатели понимали, что за долгие годы напряженной работы он создал собственную систему социальной философии, да внешние наблюдатели, пожалуй, и не в состоянии были этого понять до 1940 г., когда в «Nationalökonomie» он впервые представил свою систему идей в целостном виде. Но в это время он уже не имел доступа к читателям в Австрии и Германии⁸¹. За пределами тесного круга молодых теоретиков, которые встречались в его рабочем кабинете, а также ряда высокоодаренных друзей в деловом мире, которых равно заботило будущее и о которых он упоминает в своих мемуарах, он встречал настоящее понимание только у отдельных иностранных гостей, таких как франкфуртский банкир Альберт Хан, работы которого по денежной теории Мизес, впрочем, высмеивал как грехи молодости.

Но даже им приходилось нелегко. В поддержку своих идей Мизес приводил порой не вполне законченные аргументы, хотя

---

⁸¹ В то время Мизес был внештатным профессором в области международных экономических отношений в Институте высших международных исследований в Женеве.

по некотором размышлении его правота становилась очевидной. Но когда он сам был вполне убежден в собственных выводах, сформулированных отчетливым и ясным языком, — дар, которым он превосходно владел, — он приходил к выводу, что остальным также следовало бы все понять и что им в этом мешают только их собственные предрассудки да упрямство. Слишком долго он был лишен возможности обсуждать проблемы с равными по интеллекту, которые разделяли его основные нравственные принципы, а потому и не сознавал, что даже небольшие различия в неявных допущениях могут вести к совершенно разным результатам. Это проявлялось в некоторой раздражительности, в готовности предположить нежелание понять, тогда как на деле имело место честное непонимание его аргументов.

Должен признать: я и сам зачастую не сразу признавал полную убедительность его аргументов, и только постепенно приходил к выводу, что он большей частью прав и что по некотором размышлении опущенные им доводы можно восстановить. И сегодня, размышляя о борьбе, которую ему приходилось вести, я понимаю также, что порой он излишне преувеличивал, настаивая, например, на априорном характере экономической теории, и в этом я не могу пойти за ним.

Новым друзьям Мизеса, узнавшим его уже смягченным женитьбой и успехом в Америке, резкие вспышки гнева и раздражения, прорывающиеся в мемуарах, написанных в период величайшей горечи и безнадежности, могут показаться шокирующими⁸². Но тот Мизес, который говорит в этой книге, и есть тот самый Мизес, которого мы знали в Вене в 1920-х годах, лишенный, конечно, тактичной сдержанности, неизменно свойственной ему в личном общении, но честно и открыто выражающий то, что он думал и чувствовал. Это до известной степени объясняет пренебрежение условностями, хотя и не оправдывает его. Нас, знавших его лучше, порой бесило то, что ему не дают место профессора, но в глубине души мы этому не удивлялись. Он слишком резко критиковал представителей той профессии, в ряды которой хотел получить доступ, чтобы быть принятым ими. Он сражался против того течения в интеллектуальной жизни, которое сейчас идет на убыль, в том числе и

⁸² «Erinnerungen» Мизеса была написана в конце 1940 г., вскоре после его бегства из Европы в США.

благодаря его усилиям, но тогда оно было слишком могущественным, чтобы противостоять ему в одиночку.

Венцы так и не поняли, что среди них жил один из величайших мыслителей нашего времени⁸³.

---

⁸³ Полную библиографию работ Мизеса см.: *Erinnerungen von Ludwig von Mises*. Op. cit. P. 92—109; *Gordon D. Ludwig von Mises: An Annotated Bibliography*. Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1988; а также: *Greaves B. B. The Contribution of Ludwig von Mises in the Fields of Money, Credit and Banking // Mises. On the Manipulation of Money and Credit*. Ed. Percy L. Greaves, Jr. Dobbs Ferry, N. Y.: Free Market Books, 1978. P. 281—288, перевод «Geldwertstabilisierung und Konjunkturpolitik» и двух других статей.

Глава 5

ЙОЗЕФ ШУМПЕТЕР (1883–1950)

Методологический индивидуализм¹

Когда в 1908 г. 25-летний Йозеф Шумпетер опубликовал книгу «Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie», блеск изложения привлек к нему большое внимание. Произвело впечатление и то, что, хотя он получил образование в Венском университете и был ведущим участником знаменитого семинара Ойгена фон Бём-Баверка, он также усвоил учение Леона Вальраса, на которого в австрийской школе обращали мало внимания, и принял позитивистский подход к науке, разработанный австрийским физиком Эрнстом Махом². Со временем он еще дальше отошел от принципов австрийской школы, так что теперь не вполне ясно, можно ли по-прежнему считать его представителем этой группы.

Шумпетер был большим «мастером своего дела», а не одним из «путаников» или «разгадывателей шарад», которые следуют своим собственным особым идеям³; он был очень восприимчив к мнениям, господствовавшим в его среде, и к интеллектуальным модам своего поколения. Особенно отчетливо это видно в той совершенно менгеровской главе его первой книги, которая только теперь появилась в переводе на английский язык и считается классическим изложением взглядов, позднее им отброшенных. Многие из его учеников будут изумлены, узнав, что энтузиаст макроэкономического подхода и один из основателей эконометрического движения был автором одного из

---

¹ Опубликовано как предисловие к: *Schumpeter J. Methodological Individualism*. Brussels: Institutum Europaeum, 1980. Издание представляет собой частичный перевод работы Шумпетера «Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie». Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.

² О влиянии Маха см. главу 7 наст. изд.

³ О «мастерах своего дела» и «разгадывателях шарад» см. статью Хайека Two Types of Mind // The Trend of Economic Thinking. Vol. 3 // The Collected Works of F. A. Hayek.

самых отчетливых изложений идей «методологического индивидуализма» австрийской школы. Более того, именно он дал название этому подходу и осудил использование статистических агрегатов как научно не обоснованных.

Как мне представляется, именно понятное нежелание видеть распространение работы, в которой излагаются прежние, отброшенные им взгляды, стало причиной того, что эта его первая книга не была переведена [на английский язык]. Нежелание выпускать повторные тиражи своей блистательной первой книги, не говоря о ее переводе, можно, пожалуй, объяснить тем, что его собственные взгляды были изложены только во второй книге «Теория экономического развития» («*Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*»)⁴, которая появилась через четыре года после первой. Но хотя сам автор более не был готов защищать идеи своей первой работы, они весьма существенны для понимания развития экономической теории. Вклад Шумпетера в развитие традиции австрийской школы достаточно оригинален и заслуживает внимания.

«История экономического анализа»⁵

Среди множества книг по истории экономической мысли хороших не так уж много, и большей частью они представляют собой не более чем краткие наброски. И то, что покойному профессору Шумпетеру не удалось завершить работу, для которой он

---

⁴ *Schumpeter J. Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Op. cit.* [Рус. изд.: Шумпетер Й. Теория экономического развития // Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.]

⁵ Рецензия на книгу Шумпетера «History of Economic Analysis». Op. cit. опубликована под названием: Schumpeter on the History of Economics // *Studies in Philosophy, Politics and Economics. Op. cit.* P. 339—341. Сокращенный вариант был опубликован в *The Freeman*. November 1954. P. 60. Книга «History of Economic Analysis» и через 35 лет после публикации остается образцовым источником. Работа Шумпетера представляет особый интерес и важность для представителей австрийской школы, поскольку изменяет акценты в историографии экономической мысли. Прежние историки отсчитывали развитие экономической теории от Адама Смита и классической школы, и только в 1950-х годах этот подход был

был подготовлен как никто другой, можно считать настоящей трагедией. Почти сорок лет назад, уже имея репутацию оригинального теоретика, он опубликовал блистательный очерк развития экономической теории⁶, который многие оценили как наивысшее достижение, но сам он был столь мало удовлетворен результатом, что не позволил издать английский перевод текста. За девять или десять лет до своей смерти в 1950 г. он начал переработку этой ранней работы, в результате чего на свет появился монументальный труд, не имеющий равных в этой области, но так и оставшийся незавершенным к моменту смерти автора. Ему удалось рассмотреть почти все, что он считал достойным анализа, и в опубликованном варианте совсем немного лакун. Однако многое осталось в форме черновых набросков, и весь текст должен был, видимо, подвергнуться тщательной редакции. Список первичных источников, на систематическом анализе которых построена работа, просто поразителен и свидетельствует об энциклопедических знаниях, далеко выходящих за сферу собственно экономической мысли, что поражает еще более. Если бы, как явно намеревался автор, вторичные источники были подвергнуты столь же основательному анализу, как и первичные, мы имели бы труд, обычно предпринимаемый целым коллективом авторов. Вдова

оспорен книгой Шумпетера, а также статьями: *Roover R. De. Scholastic Economics: Survival and Influence from the Sixteenth Century to Adam Smith // Quarterly Journal of Economics. Vol. 69. May 1955. P. 161–190*, перепечатано в его же «*Business, Banking and Economic Thought*» (Op. cit. P. 306–335) и *Kauder E. Genesis of the Marginal Utility Theory from the End of the Eighteenth Century // Economic Journal. Vol. 63. September 1953. P. 638–650*. Эти работы стимулировали оживление интереса к экономическим работам схоластов, к традиции, которую игнорировала британская классическая политическая экономия, но сыгравшей важную роль на ранних этапах развития австрийской школы. См. также ссылки в: *Rothbard M. N. New Light on the Prehistory of the Austrian School // Edwin G. Dolan. Ed. The Foundations of Modern Austrian Economics. Kansas City, Mo.: Sheed & Ward, 1976. P. 52–74*.

⁶ *Schumpeter J. Epochen der Dogmen- und Methodengeschichte. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1914*. Эта работа была опубликована в сборнике «*Grundriss der Sozialökonomie*» (сост. Макс Вебер). Перевод на англ. Р. Арис: *Economic Doctrine and Method. New York: Oxford University Press, 1954*.

автора, сама будучи уважаемым экономистом⁷, начала готовить рукопись к публикации, пытаясь сохранить ее в виде, возможно более близком к тому, как было у Шумпетера. Но госпожа Шумпетер тоже скончалась до завершения работы, и к изданию книгу подготовили друзья и ученики автора.

Другие ученые, естественно, не согласятся с автором во многих частностях, но по мере чтения книги все опасения бледнеют на фоне открывающейся внушительной панорамы. Как бы то ни было, в краткой рецензии вряд ли уместно более подробно рассматривать те мелкие недочеты, которые, конечно же, устранил бы и сам автор, проживи он дольше. Мы же попробуем только обозначить, к чему же, собственно, он стремился и чего достиг.

Книга задумана как история экономической науки в строгом смысле этого слова, а не как история политической экономики⁸. Но, поскольку по сравнению с любой другой наукой развитие экономической теории труднее всего понять без знания политических, социологических и интеллектуальных течений, в разные времена определявших направление научных интересов, мы находим мастерский анализ сопутствующих обстоятельств, которые делают книгу гораздо большим, чем истори-

---

⁷ Элизабет Буди Шумпетер опубликовала: *English Overseas Trade Statistics, 1697—1808*. Oxford: Clarendon Press, 1960. Также она выступила редактором книги «*The Industrialisation of Japan and Manchuko, 1930—1940*» (New York: Macmillan, 1940).

⁸ Вероятно, Хайек использует здесь классификацию Лайонела Роббинса. В своем знаменитом «*Essay on the Nature and Significance of Economic Science*» (2nd ed., London: Macmillan, 1935) Роббинс определяет экономическую теорию как «науку, которая изучает поведение человека в отношении целей и редких средств, имеющих альтернативное использование» (с. 16), а более старый термин «политическая экономия» использует для обозначения прикладных областей, рассматриваемых в его более поздней работе «*The Economic Basis of Class Conflict and Other Essays in Political Economy*» (London: Macmillan, 1939): монополии, протекционизма, планирования, государственной фискальной политики и т.п. Сам Шумпетер считал экономическую историю, статистику и «теорию» частью «экономического анализа», куда не входили прикладные вопросы и то, что он называл «экономической социологией» (*History of Economic Analysis*. Op. cit. Ch. 2. [Рус. изд.: *Шумпетер Й.* История экономического анализа. Т. 1. Гл. 2. СПб.: Экономическая школа, 2001]).

ей всего одной ветви знания. И хотя Шумпетер придерживался весьма своеобразных и порой непопулярных взглядов, в этой книге он великолепнейшим образом сумел отрешиться от своих личных пристрастий. Просто поразительно его стремление воздать должное каждому подлинному достижению, которое в прошлом не получило достаточного признания, и найти в обстоятельствах времени оправдание даже самым несостоятельным аргументам. Тех, кто знаком с его общетеоретическими взглядами, не удивит, что его героями стали Кенэ, Курно и Вальрас («величайшие экономисты... в области чистой теории») и что он оценивает Адама Смита, Рикардо и даже Маршалла куда ниже, чем принято. Его оценки большей частью справедливы и подкреплены вескими аргументами. Большим достоинством является должное признание значительной роли таких людей, как Кантильон, Сениор и Бём-Баверк, и на фоне этого представляется малозначимым случайное преувеличение роли такой второстепенной, хотя и не лишенной значимости фигуры, как Роберт Торренс. Пожалуй, даже серьезное внимание к Карлу Марксу оправдано если не вкладом последнего в экономическую теорию, то оказанным им влиянием и его ранними попытками внедрить в экономический анализ учет социологических факторов, а эта сторона его работ была явно привлекательна для Шумпетера. Тот факт, что сам Шумпетер порой интересовался социологией почти так же, как чистой экономической теорией, отразился на характере его последней работы, в которой встречаются замечательные очерки по социологии науки. Они будят мысль, даже когда с ними нельзя полностью согласиться. Читатели этого журнала будут, вероятно, раздражены той неуместной и даже презрительной манерой, с которой Шумпетер отзывается об идеях XIX в. — либерализме, индивидуализме и *laissez faire*. Но им следует помнить, что все это исходит от автора, который не хуже любого другого знал, что энергия капиталистического развития «истощается, потому что современное государство способно разрушить или парализовать его движущие силы», но при этом не мог отказать себе в удовольствии *épater les bourgeois*.

Эти 1200 страниц убористой печати вряд ли станут популярной книгой, хотя она так хорошо написана, что могла бы доставить удовольствие не только специалистам. Это не значит, что это легкая книга или что она годится для инфантильной атмосферы, в которой протекает образовательный процесс

во многих колледжах. Во многих отношениях она не является и «безопасной» книгой: ортодокс любого направления должен быть готов к постоянным потрясениям, а буквалист не поймет многого из того, что говорится между строк. Но для зрелого и вдумчивого читателя, будь он экономист-теоретик или просто интересующийся развитием идей о человеческой деятельности, эта книга станет бесценным источником. А более всего она будет полезна молодым экономистам: как и во всех других областях знания, техническое усложнение теории несет с собой угрозу узкой специализации, которая именно в этой области особенно опасна. Против распространенного у молодежи представления, будто все происходившее до 1936 г.⁹ не имеет значения, нет лучшего противоядия, чем эта книга, и ни одна работа не покажет лучше, что следует знать, если они намерены быть не просто компетентными экономистами, но и культурными людьми, способными использовать свои технические знания в этом сложном мире. А в самом конце книги они найдут обзор современного состояния экономической теории (увы, оставшейся незавершенной), который по меньшей мере одному читателю показался гораздо более вдохновляющим и ценным, чем плоды разных коллективных усилий, которых стало так много в последние годы.

---

⁹ То есть до года публикации работы Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», *op. cit.* [Рус. пер.: *Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег.* М.: Эксмо, 2007.]

Глава 6

ЭВАЛЬД ШАМС (1899–1955), РИХАРД ФОН ШТРИГЛЬ (1891–1942)

Эвальд Шамс¹

Эвальд Шамс был одним из трех представителей промежуточного поколения венских экономистов, из которых только Рихард Штригль был профессиональным ученым, но все они были весьма влиятельны в венском кружке в 1920—1930-е годы. Если Лео Шёнфельд (позднее Лео Илли), третий член этой группы, едва ли был знаком с остальными участниками кружка, то Эвальд Шамс был активным и очень уважаемым участником дискуссий, в которые он вторгся во всеоружии знания всех проблем экономической теории. По возрасту эти трое занимали место между третьим поколением австрийской школы — Мизесом, Шумпетером, Гансом Майером, Ф. Х. Вейсом и рядом других (Бём-Баверком, Визером и их современниками, пришедшими вслед за основателем австрийской школы Карлом Менгером как второе поколение) — и поколением, которое обозначают как четвертое и в котором я был несколько старше моих коллег Готфрида Хаберлера, Фрица Махлупа, Оскара Моргенштерна и Пауля Розенштейна-Родана. От своих сверстников Шамс отличался прежде всего тем, что получил образование в университете Граца, где преподавал Шумпетер, и был, таким образом, единственным австрийцем — учеником Шумпетера; благодаря этому он с самого начала был знаком с идеями лозаннской и австрийской школ. Будучи профессиональным государственным служащим, он не имел контактов в академических кругах и только посещал лекции и организованные дискуссии в нашем кружке. Он был очень дисциплинированным

---

¹ Написано в Германии в 1980 г. как предисловие к: *Schams E. Gesammelte Aufsätze*. Munich: Philosophia Verlag. Пер. д-ра Греты Хейнц.

и немногословным человеком, который выделялся на фоне более непринужденных молодых участников не только своей прямой военной осанкой и элегантностью, но и наличием иных интересов, о которых мы знали очень мало. Это была замечательная личность. Его уважали в Экономическом обществе² и, если я верно помню, на семинарах профессора Мизеса за познания не только в области экономической теории, но и в философии и истории.

Насколько мне известно, он никогда не предпринимал больших научных проектов. Его статьи — небольшие, тщательно ограненные бриллианты, бывшие результатом чрезвычайно добросовестной работы и затрагивающие прежде всего современные ему публикации³. Когда позднее Шамс благодаря Рокфеллеровской стипендии получил возможность подольше поработать в Париже и, кажется, в Италии, он стал страстным и очень разборчивым собирателем книг, и в центре его интересов все больше оказывалась история экономической мысли. Случилось так, что в начале его пребывания в Париже я смог познакомить его с антикварами, специализировавшимися в этой области. Лишь после его смерти я узнал, насколько эффективно он использовал эти знакомства. Я смог приобрести у его вдовы небольшое, но превосходное собрание французских экономических работ XVIII в., и сейчас оно хранится в университете Зальцбургской школы юриспруденции и политических наук как часть моей личной библиотеки.

Главной причиной интереса Шамса к истории экономической мысли был интерес к методологии экономической науки⁴.

---

² Имеется в виду «Nationalökonomische Gesellschaft».

³ Примерами могут служить: эссе о Густаве Касселе (*Schams E. Die Casselschen Gleichungen und die mathematische Wirtschaftstheorie // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 3rd series. Vol. 72, 1927*); работа по историографии экономической мысли «Die Anfänge lehrsgeschichtlicher Betrachtungsweise in der Nationalökonomie» (*Zeitschrift für Nationalökonomie. Vol. 3, 1931*), а также «Eine Bibliographie der allgemeinen Lehrgeschichten der Nationalökonomie» (*Ibid. Vol. 5, 1933*); последняя работа в соавторстве с Оскаром Моргенштерном.

⁴ См. работы Шамса: *Die Zweite Nationalökonomie // Archiv für Sozialpolitik. Vol. 64, 1930*; и «Wirtschaftslogik» в журнале Шмоллера *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. Vol. 58, 1934*.

Его сила в этой области заключалась не столько в понимании философских сторон вопроса, сколько в знакомстве с различными теоретическими школами, в первую очередь с немецко- и франкоязычными авторами. Конечно, он был знаком и с английскими трудами, но прежде всего его занимали разработки на континенте. После эмиграции большинства коллег⁵ он, по-видимому, оказался в изоляции. Между публикацией статей в конце 20-х — начале 30-х годов и публикацией большого эссе 1950 г., которое, быть может, было написано много раньше, зияет провал. Неизвестно, сколь долго он активно занимался экономической теорией. Его вдова сообщила мне, что других рукописей он не оставил. Те из нас, кто покинул Вену, не встречались с ним после войны. Но перечитывание его прежних работ убедило меня, что мы еще многому можем у него научиться.

Рихард фон Штригль⁶

Из Вены пришло сообщение о смерти Рихарда фон Штригля, последнего из группы молодого поколения австрийских экономистов, оставшихся в городе, где зародилась эта школа. Ко времени смерти ему было немногим больше 50 лет, и он был, пожалуй, моложе всех участников знаменитого семинара Бём-Баверка; для молодежи, которая появилась в университете после последней войны⁷, он олицетворял тесную связь с этой влиятельной традицией. Хотя в течение многих лет он был весьма успешным преподавателем, как и многие другие коллеги, он посвящал труду в университете свободное от основной работы время — он занимал высокую должность в Венском Комитете страхования по безработице. Большинство молодых экономистов, получивших образование в Вене перед нынешней войной, обязаны ему больше, чем любому другому учителю; причиной было то, что он гораздо больше времени посвящал преподаванию в Высшей школе международной торговли

---

⁵ Об этой эмиграции см.: *Craver E. The Emigration of the Austrian Economists*. Op. cit. P. 1—32; а также пролог к части I наст. изд.

⁶ Впервые опубликовано под названием: *Richard von Strigl // Economic Journal*. Vol. 54. June—September 1944. P. 284—286.

⁷ Первая мировая война.

(*Hochschule für Welthandel*), а не в университете, и именно последняя в тот период сделалась более важным центром преподавания экономики.

Широкую известность автору принесла первая из его книг «Экономические категории и организация хозяйства»⁸, опубликованная в 1923 г., — пронизательное исследование методологических вопросов. За ней последовала менее известная, но в своем роде не менее ценная книга «Прикладная теория заработной платы»⁹, наметившая развитие в новом направлении. Опубликованная за ряд лет серия теоретических статей подготовила появление книги «Капитал и производство»¹⁰, примечательной, главным образом, простотой и ясностью изложения чрезвычайно сложных вопросов. За ней последовало «Введение в основы экономической теории»¹¹, которая была, пожалуй, лучшим из доступных на немецком языке современных введений в экономическую теорию, хотя Штригль отказался от использования новейших инструментов теоретического анализа. Насколько известно, это была последняя его книга.

Для тех, кто видел Штригль до войны и после нее о нем ничего не слышал, известие о его смерти стало ударом. Это большая потеря для его друзей и коллег, которые ценили его интеллектуальные способности и прекрасный характер и надеялись, что его лучшая работа еще впереди, когда ему наконец удастся освободиться от официальных обязанностей. Но сильнее всего почувствовали утрату его ученики. Один из них, д-р Й. Штейндль, ныне работающий в Оксфордском институте статистики, пишет: «Взращенный в либеральной традиции, которая пропитывала все, чему он учил, он, находясь в самом центре реакционного влияния австрийской академической жизни, притяги-

---

⁸ *Strigl R. von.* Die ökonomischen Kategorien und die Organisation der Wirtschaft. Jena: Gustav Fischer, 1923.

⁹ *Strigl R. von.* Angewandte Lohntheorie: Untersuchungen über die wirtschaftlichen Grundlagen der Sozialpolitik // Wiener Staatwissenschaftliche Studien. Leipzig and Vienna: Franz Deuticke. Vol. 9. 1926. См. приложение к наст. главе.

¹⁰ *Strigl R. von.* Kapital und Production. Vienna: Julius Springer, 1934. Переведено: *Philosophia Verlag* (Munich, 1982); английский перевод сделан Маргарет Рюдлик Хоппе и Гансом-Германом Хоппе и находится в распоряжении Института Людвиг фон Мизеса.

¹¹ *Strigl R. von.* Einführung in die Grundlagen der Nationalökonomie. Vienna: J. Springer, 1937.

вал всех тех, кому был отвратителен мистицизм и истерический национализм тех лет. Даже тем, кого не полностью убеждали его аргументы, было ясно превосходство представляемой им традиции над идеологией, околдовавшей «Великую Германию». Влияние личности этого гуманистически настроенного и культурного человека — прекрасного педагога и друга своих учеников, умевшего отстаивать нетленные ценности от заблуждений своего времени, было огромно. В кругу его общения, состоявшего из его учеников и посещавших Вену иностранных экономистов, мало кто был способен не любить его. После захвата Австрии он затаился, и мы не знаем о каких-либо его дальнейших публикациях. Это не удивляет знавших его и объясняется, скорее всего, не только болезнью, поразившей его в 1939 г. Его не могло не оттолкнуть зрелище того, как многие в одну ночь отказались от прежних взглядов — сам-то он в профессиональной жизни никогда не проявлял талантов карьериста».

Штригль не был избалован публичным признанием заслуг. Статус приват-доцента Венского университета, полученный им в 1923 г., вскоре был дополнен званием профессора. В 1936 г. университет Утрехта присвоил ему степень почетного доктора, которую он очень ценил. Но, будучи скромным и спокойным человеком, он был мало известен за пределами круга коллег по профессии. С его смертью исчезла личность, с которой были в большой степени связаны надежды на сохранение традиций Вены как центра экономической мысли и на будущее возрождение австрийской школы.

Приложение:

*Теория заработной платы Штригля*¹²

Книга Штригля относится к работам того типа, которые хотелось бы встречать чаще. В ней исследователь, владеющий всеми тонкостями теории, демонстрирует ценность простых фундаментальных экономических постулатов. Избегая полемических

---

¹² Рецензия на *Strigl R. von. Angewandte Lohntheorie: Untersuchungen über die wirtschaftlichen Grundlagen der Sozialpolitik*. Op. cit., была опубликована в *Zeitschrift für Nationalökonomie*. Vol. 1., May 1929. P. 175—177. Для английского издания перевод был выполнен д-ром Гретой Хайнц при любезной помощи профессора Ральфа Райко.

аргументов, он применяет теоретические положения для объяснения многогранного эмпирического предмета, прекрасно ему знакомого из широкого профессионального опыта. В одной из предыдущих книг¹³ Штригль сконцентрировался на логических основаниях экономической теории. Здесь он использует опыт секретаря комиссии Венского промышленного округа, где у него была возможность в качестве нейтрального наблюдателя присутствовать при переговорах об уровне заработной платы почти во всех отраслях хозяйства и таким образом подтвердить и расширить теоретические представления об установлении ставок заработной платы. Служебное положение облегчило ему переход от абстрактной теории к многообразию жизненных реалий, что обычно трудно дается теоретикам. Такое положение оказалось удобным, чтобы успешно опровергнуть обычные возражения практиков против теоретического анализа. В силу этого данная работа по теории заработной платы будет полезна для практиков, в том числе для предпринимателей и руководителей профсоюзов. Заслуга автора в том, что он применил теоретический анализ факторов, оказывающих влияние на установление заработной платы, к отдельным явлениям, которые ему удалось объяснить исчерпывающим, наилучшим образом. Благодаря этому даже те, кто не получил хорошей подготовки по экономической теории, извлекут пользу из применения рекомендаций данной книги к конкретным ситуациям.

Особая ценность книги Штригля заключается отнюдь не в популяризации теории, а в том, что теоретические допущения, на которых основана общая теория заработной платы, распространены в ней на явления, которые до сих не рассматривались в силу слишком неспецифического характера этих допущений. Особенно интересно проводимое Штриглем разграничение между монопольным положением в строгом значении этого слова и положением профсоюзов, а также предпринимательских ассоциаций на переговорах по заработной плате. Положение представителей этих ассоциаций не является положением монополиста до тех пор, пока за ними не стоит однородное экономическое образование и пока изменение цен и продаваемых количеств затрагивает немногих. Это должно иметь решающее значение для позиции представителей сторо-

---

¹³ *Strigl R. von Die ökonomischen Kategorien und die Organisation der Wirtschaft. Op. cit.*

ны трудящихся, которые не понимают, что увеличение заработной платы одних работников компенсируется потерей работы другими работниками. Дав критику попыток применить теорию монопольного ценообразования к ситуации установления уровня заработной платы на коллективных переговорах, Штригль переходит к подробному исследованию основных факторов, воздействующих на спрос и предложение для обеих договаривающихся сторон. Здесь он четко выявляет экономическую значимость обстоятельств, обычно обозначаемых как «отношения власти». Недостаток места не позволяет нам обсудить все проанализированные Штриглем возможные результаты, порождаемые отклонением договорного уровня заработной платы от ее «естественного» уровня. Штригль предпринимает интересную попытку доказать, что производство может без ущерба справиться с искусственным уровнем заработной платы и что ее повышение не обязательно влечет за собой устойчивую безработицу, если производственный аппарат может приспособиться к новому уровню заработной платы. Однако ему не удалось доказать этот тезис, потому что в конце концов он приходит к выводу, что такое возможно лишь когда увеличение капитального оборудования в определенной отрасли поднимает предельную производительность труда до уровня, соответствующего искусственно завышенной заработной плате.

Плодотворность исследований Штригля в значительной степени коренится в том, что он учел явления рыночного трения, которыми пренебрегают базовые теоретические схемы, и возникающие поэтому отклонения от закономерностей, ожидаемых на основании чисто теоретических посылок, — т.е. в том, чем и должна заниматься прикладная наука. Особенно интересным примером явления, возникающего из-за сопротивления рыночного трения, является калькулирование традиционной предпринимательской прибыли как «фиктивного» фактора издержек, существование которого может быть поставлено под угрозу требованиями рабочих о росте заработной платы, причем никаких изменений в экономике в целом не возникает. Здесь даже в статических условиях уровень заработной платы может быть результатом отношений власти, — нет сомнений, что такая ситуация порой возникает в современной хозяйственной жизни...

Отметим же особенно удачные разделы, посвященные безработице и социальным издержкам. Эти разделы — образец

применения теоретических идей к анализу реальных явлений и вопросов социальной политики. У экономической теории нет более надежного способа приобретения новых сторонников, чем ее успешное применение к разрешению практических вопросов, и рецензируемая работа Штригля служит тому примером.

Глава 7

ЭРНСТ МАХ(1838–1916) и ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В ВЕНЕ¹

Моя задача состоит в том, чтобы вкратце засвидетельствовать абсолютный авторитет в Вене Эрнста Маха даже до того, как в 1922 г. вокруг Морица Шлика сформировался «Венский кружок». Случилось так, что три года, с 1918 по 1921-й, я учился в университете моей родной Вены, и в это время идеи Маха находились в центре философских дискуссий. Вена в целом уже была исключительно благорасположена к восприятию философии, ориентированной на естественные науки; помимо Генриха Гомперца, в Вене преподавал Адольф Штор, который мыслил в том же направлении, а также Роберт Рейнингер, который по меньшей мере симпатизировал такому истолкованию философии. Не помню точно, каким образом я наткнулся на Маха почти сразу после возвращения с фронта в ноябре 1918 г. К сожалению, я начал вести записи о прочитанном только с весны 1919 г., и здесь вскоре появляется запись: «Теперь еще и „Erkenntnis und Irrtum“»², — что указывает на то, что за четыре месяца после начала занятий я уже познакомился с другими философскими сочинениями Маха. Помню, что был сильно захвачен работами Маха «Popular-wissenschaftliche Vorlesungen» («Популярно-научные очерки»), «Die Mechanik in Ihrer Entwicklung» («Механика. Историко-критический очерк ее развития»), а в особенности его «Analyse der Empfindungen» («Анализ ощущений»)». В результате те три года, когда

¹ Опубликовано впервые под названием «Diskussionsbemerkingen über Ernst Mach und das sozialwissenschaftliche Denken in Wien» (Symposium aus Anlass des 50. Todestages von Ernst Mach. Freiburg: Ernst Mach Institut, 1967). Пер. на англ. язык д-ра Греты Хайнц.

² *Mach E. Erkenntnis und Irrtum: Skizzen zur Psychologie der Forschung.* Leipzig: J. A. Barth, 1905.

³ *Mach E. Popular-wissenschaftliche Vorlesungen.* Leipzig: Barth, 1896. (Издано в США под названием: *Popular Scientific Lectures.* Chicago: Open Court, 1985.) *Die Mechanik in ihrer Entwicklung.* Leipzig:

я официально был студентом факультета права, я почти поровну делил свое время между экономической теорией и философией, а правом занимался лишь в промежутках.

Трудно сказать, что было прямой причиной нашей поглощенности философией Маха. Вероятно, что-то похожее происходило и перед войной. В этом отношении показательно то, что идеи Маха оказывали на Шумпетера столь очевидное влияние, когда в 1908 г. он писал свою первую книгу⁴, и что Фридрих фон Визер посвятил почти все книжное обозрение⁵ вопросу о применимости идей Маха к социальным наукам. А еще мне известно, что в те же годы Махом был поглощен мой дальний родственник философ Людвиг Витгенштейн⁶.

Сразу после [первой мировой] Войны, когда я пришел в университет, существовала причина интереса общественных наук к Маху. В. И. Ленин выступил с критикой философии Маха, а Фридрих Адлер, в то время одна из самых заметных политических фигур в Австрии, отбывая срок за убийство министра Штюрга⁷, как мне помнится, написал книгу в защиту Маха. В результате в левых социалистических кругах об этих проблемах возникла оживленная дискуссия между истинными коммунистами и левыми социалистами. Она затронула и нас, не бывших социалистами. А когда преемником Визера в Венском университете был назначен экономист-метафизик Отмар Шпанн, вопрос стал по-настоящему существенным⁸. В то время мы подыскива-

---

F. A. Brockhaus, 1883. *Die Analyse der Empfindungen und das Verhältniß des Physischen zum Psychischen*. Jena: Gustav Fischer.

⁴ См.: *Schumpeter J.* *Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*. Duncker & Humblot, 1908.

⁵ В журнале Шмоллера *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*. Vol. 35. No. 2. 1911.

⁶ Витгенштейну (1889—1951) посвящена следующая глава.

⁷ *Adler F.* *Ernst Machs Überwindung des mechanischen Materialismus*. Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1918. Фридрих Адлер (1879—1960) был сыном Виктора Адлера, главы австрийской социал-демократической партии; во время войны Штюрг возглавлял австрийское правительство, которое социал-демократы считали абсолютистским. Приговор Адлеру был пересмотрен в 1917 г., менее чем через год после убийства, а в следующем году он был уже освобожден из тюрьмы. Об этом эпизоде см.: *Blum M. E.* *The Austrian Marxists*. Op. cit. P. 203—204.

⁸ О Шпанне см. пролог к части I; на самом деле Шпанн был коллегой Визера, а преемником последнего в университете стал Ганс Майер.

ли антиметафизические аргументы и находили их у Маха, хотя нам было нелегко принять на веру позитивизм Маха целиком. Другим камнем преткновения было то, что эти идеи слишком открыто использовались для поддержки чуждого нам социалистического подхода, особенно Отто Нейратом, который впоследствии стал одним из основателей Венского кружка⁹. Нейрат рассчитывал, грубо говоря, превратить позитивизм Маха в физикализм или, как он порой это называл, в сциентизм. С другой стороны, Мах был практически единственным источником аргументов против метафизических и туманных установок, так что все эти годы мы стремились овладеть позитивизмом, в котором явно было много истинного, и выделить из него то, что в известной степени было применимо к общественным и гуманитарным наукам и что содержало ядро истины.

Меня лично работы Маха подтолкнули к изучению психологии и физиологии органов восприятия, и в то время я даже написал по этим вопросам статью, которая через тридцать лет вылилась в книгу¹⁰. К написанию этой работы меня подтолкнуло, в конечном счете, сомнение в Маховой концепции феноменализма, в которой чистые, простые ощущения являются элементами всего восприятия органами чувств. Озарение пришло ко мне так же, как, по описанию самого Маха, оно пришло к нему, когда он однажды вдруг осознал, что в философии Канта концепция «вещи-в-себе» не нужна и ее можно отбросить. Меня же осенило, что в психологии чувственного восприятия Маха концепция «простых и чистых ощущений» не имела смысла. Поскольку Мах обозначил как «отношения» так много связей между ощущениями, в конце концов я был вынужден заключить, что вся структура чувственного мира имеет источником «отношения», а значит, можно вообще отбросить концепцию простых и чистых ощущений, которая имеет такое большое значение у Маха. Это лишь пример того, какую большую роль для нашего мышления в те годы играл Мах.

Можно сказать, что для молодого человека, интересующегося философскими вопросами, который пришел в Венский университет сразу после войны, т.е. в 1918—1919 гг., и которого

⁹ О Нейрате см. пролог к части I.

¹⁰ *Hayek F. A. The Sensory Order: An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology.* London: Routledge & Kegan Paul; and Chicago: University of Chicago Press, 1952.

не привлекала ортодоксальная философия, Мах представлял единственную возможную альтернативу. Мы пытались обратиться к Авенариусу, но быстро отказались от этой затеи, сам не знаю почему; во всяком случае, мы нашли Авенариуса совершенно невразумительным. От Маха наиболее вероятный путь вел к Гельмгольцу, Пуанкаре и другим мыслителям того же толка, а тех, кто, подобно моему другу Карлу Попперу, занимался этими вопросами систематически, этот путь привел ко всем современным ученым — естественникам и философам.

Вот более или менее все, что я хотел сказать. Я лишь хотел намекнуть, что Эрнст Мах сыграл особенно значительную роль не только в узкой сфере естественных наук, но и в тех дисциплинах, в которых методологический или научный характер теории куда ненадежнее, чем в естественных науках, и где поэтому существовала еще более сильная потребность прояснить, чем же на самом деле является наука. Это никак не связано с тем фактом, что Мах стал своего рода политическим символом; я должен сказать, что «общество Эрнста Маха», уже существовавшее в 1929 г., когда я покинул Вену, по чисто случайным причинам обрело некую политическую окраску. Входили в него большей частью социалисты, из чего не следует, что оно было политически активно, хотя именно по этой причине при Дольфусе оно попало под удар.

Кода¹¹

Воспоминания о моем кузене

*Людвиге Витгенштейне (1889—1951)*¹²

Между железнодорожными путями и вокзалом в Бад-Ишле прежде был пустырь, на котором шестьдесят лет назад перед отходом ночного поезда в Вену в сезон устраивались гулянья.

Думаю, был последний день августа 1918 г., когда в шумной толпе молодых офицеров, возвращавшихся на фронт после

---

¹¹ Кода, муз. термин (лат. *Cauda* — хвост) — дополнительный заключительный раздел музыкальной композиции, иногда развивающий заключительный каданс. Кода способствует завершению сочинения; в некоторых случаях в ней достигается его главная кульминация. — *Прим. ред. русск. изд.*

¹² См.: Encounter. August 1977. P. 20—22.

отпуска, проведенного со своими семьями в Зальцкаммергуте, два артиллерийских лейтенанта смутно припомнили, что они, должно быть, знакомы. Не знаю, в чем дело — то ли в фамильном сходстве, то ли мы в самом деле встречались прежде¹³, — но что-то заставило нас обоих спросить: «Вы не Витгенштейн?» (а может быть, «вы не Хайек?»). Во всяком случае, всю ночь мы вместе ехали в Вену и даже смогли немного поговорить, хотя большую часть ночи мы пытались поспать.

Некоторые части этого разговора произвели на меня сильное впечатление. Он был не только сильно раздражен возбужденностью наполнявших вагон шумных и, скорее всего, полупьяных офицеров и не думал даже скрывать своего презрения к человечеству в целом, но при этом был совершенно уверен, что любой его родственник, сколь угодно дальний, должен придерживаться тех же стандартов, что и он сам. И он был не так уж неправ! В то время я был очень молод и неопытен, мне едва исполнилось 19, и я был продуктом воспитания, которое сейчас назвали бы пуританским: ледяная ванна, в которую погружался по утрам мой отец, считалась прекрасным (хоть и редко применяемым) средством для тренировки тела и ума. А ведь Людвиг Витгенштейн был всего на десять лет старше меня.

В этом разговоре меня больше всего поразила радикальная страсть к правдивости во всем (только в последующие университетские годы я узнал в этом стремлении характерный стиль молодых венских интеллектуалов предыдущего поколения). Эта правдивость стала чуть ли не модой в той смешанной группе чисто еврейских и чисто гойских интеллигентов, с которыми я позднее так много общался. Это означало куда больше, чем просто не врать. Следовало «жить не по лжи» и не терпеть никакого притворства ни в себе, ни в других. Иногда это приводило к открытой грубости и, разумеется, неприветливости. Всякая условность подвергалась анализу

---

¹³ Позже Хайек пришел к выводу, что встречал Витгенштейна и раньше. «Очень может быть, что Витгенштейн был одним из тех статных и элегантных молодых мужчин, которых я видел в 1910 г., когда мои дедушка и бабушка снимали на весну и лето швейцарский коттедж рядом с парком Витгенштейнов в пригороде Нейвальдег. Витгенштейны часто приглашали на свою куда более внушительную виллу молоденьких сестер моей матери для игры в теннис, так что, вероятно, именно я первым узнал его в 1918 г., а не наоборот». Из беседы с У. У. Бартли III.

и обличалась как фальшь. Витгенштейн просто пошел дальше в применении этих принципов к самому себе. Порой я чувствовал в нем некое извращенное удовольствие от того, как он вскрывал обманчивость своих собственных чувств и как постоянно пытался очистить себя от всякой фальши.

Нет сомнения, что уже в то время он был сильно перенапряжен. Дальние родственники (вряд ли знавшие его лично) считали его самым безумным из членов очень необычной семьи, где все отличались высокой одаренностью и всегда были готовы (и имели для этого возможности) заниматься только тем, что им нравилось. До 1914 г. я много слышал (хотя сам по молодости лет и не бывал там) о знаменитых музыкальных вечерах во «дворце Витгенштейнов», который после 1914 г. перестал быть центром светской жизни. Многие годы для меня это имя означало главным образом ласковую пожилую даму, которая в шесть лет взяла меня на первую в моей жизни автомобильную прогулку вокруг Рингштрассе в открытом электромобиле.

Не считая еще более раннего воспоминания о том, как меня привезли в роскошные апартаменты очень старой дамы, которая, как мне сказали, была сестрой моего прадедушки с материнской стороны (теперь я знаю, что это была прабабушка Людвиг Витгенштейна с материнской стороны), у меня нет личных воспоминаний о семье Витгенштейнов того времени, когда они принадлежали к высшему обществу Вены. Трагический конец трех старших сыновей, покончивших жизнь самоубийством, ослабил эту семью даже сильнее, чем смерть ее главы, крупного промышленника. Боюсь, что самые ранние воспоминания о Витгенштейнах связаны с шокирующей репликой моей незамужней двоюродной бабушки из Штирина, исполненной, конечно же, зависти, а не злобы, что их дед «продал свою дочь богатому еврейскому банкиру...» Речь шла о той самой доброй старой даме, которую я все еще помню.

После этого я не встречал Людвиг Витгенштейна еще десять лет, но время от времени слышал о нем через его старшую сестру, которая была троюродной сестрой, ровесницей и близким другом моей матери. Благодаря регулярным визитам «тетушки Миннинг» (что было сокращением от Гермины) я к ней призывал, а она была частым гостем. Ее явно занимали проблемы младшего брата, и хотя она обрывала все разговоры о *sonderling* (чудаке) и защищала его при возникновении случайных и,

конечно же, зачастую сильно преувеличенных слухов о его поступках, мы быстро узнавали обо всем. Общественное мнение его не замечало, а вот его брат Пауль Витгенштейн однорукий пианист, стал известной личностью¹⁴.

Но благодаря этим связям я оказался, вероятно, одним из первых читателей «Трактата», вышедшего в 1922 году¹⁵. Подобно большинству людей моего поколения, интересовавшихся философией, я находился, как и сам Витгенштейн, под влиянием Эрнста Маха, и потому трактат произвел на меня сильное впечатление.

В следующий раз я встретил Людвиг Витгенштейна весной 1928 г., когда экономист Деннис Робертсон, пригласивший меня на прогулку по Феллоус-Гарденс Тринити-колледжа в Кембридже, вдруг решил изменить маршрут, потому что углядел на небольшом пригорке силуэт философа, развалившегося в шезлонге. Он стоял перед ним с чувством явного трепета, страхась побеспокоить его. Я, естественно, подошел и был приветствован с неожиданным дружелюбием, и мы начали любезный, но малоинтересный разговор (по-немецки) о доме, о семье, и Робертсон вскоре оставил нас. Через короткое время интерес Витгенштейна начал угасать, и стало ясно, что он не понимает, что делать со мной дальше, так что вскоре я также ушел.

Прошло, должно быть, около двенадцати лет, прежде чем состоялась первая из наших настоящих встреч. В 1939 г. я приехал в Кембридж, в Лондонскую школу экономики, и вскоре выяснил, что он в отъезде и работает в каком-то военном госпитале. Но год или два спустя я совершенно неожиданно столкнулся с ним. Джон Мейнард Кейнс заказал для меня комнаты в Кингс-колледже в корпусе Гиббса, а вскоре Ричард Брайтвейт пригласил меня участвовать в заседаниях Клуба моральных наук (кажется, так он назывался), которые устраивались в его комнатах этажом ниже моих.

---

¹⁴ Пауль Витгенштейн потерял руку на фронте. Несмотря на это, он продолжал исполнять написанные по заказу работы, вроде Концорта для левой руки М. Равеля.

¹⁵ На самом деле в 1923 г., хотя книга была написана, видимо, в 1918 г. *Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus*. London: Routledge, 1923; Routledge & Kegan Paul, 1961. *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат*. М.: Наука, 1958.

Фигура Витгенштейна возникла совершенно неожиданно и очень эффектно как раз в конце одного из таких заседаний. Речь шла о статье, которая была мне не слишком интересна, и ее тема стерлась из моей памяти. Витгенштейн вдруг вскочил с кочергой в руке, крайне возмущенный, и, сильно жестикулируя, начал объяснять, насколько прост и ясен вопрос. Зрелище безумца, размахивающего кочергой посреди комнаты, пугало и вызывало желание спрятаться в дальний угол. Откровенно говоря, у меня возникло впечатление, что он сошел с ума!¹⁶

Спустя некоторое время, через год или два я услышал, что он в Кембридже, и набрался мужества навестить его. В тот раз он снимал комнаты (думаю, как и всегда), в здании вне тер-

---

¹⁶ Это воспоминание Хайека было оспорено в письме Перси Ле-нинга из Амстердама к редактору «Encounter» (November 1977. P. 93—94, «Hayek's Wittgenstein & Popper»), где делался вывод, что Хайек, вероятно, присутствовал 26 октября 1946 г. на знаменитой «дуэли на кочергах» между Витгенштейном и Карлом Поппером, которая описана в автобиографии последнего «Unended Quest» (London: Fontana, 1976. P. 122—123). Значит, либо Хайек неверно датирует происшествие, либо «в Клубе моральных наук Витгенштейн по крайней мере в двух случаях агрессивно хватался за кочергу». На это письмо Хайек ответил (тот же номер журнала, с. 94): «Могу лишь заключить, что Витгенштейн имел привычку подкреплять свои мысли кочергой. Я слышал очень похожий рассказ, который явно относился ко времени до 1946 г. Уверен, что никогда не слушал лекций Карла Поппера в Кембридже, а его автобиографию прочел уже после публикации этого отрывка». См. обсуждение нескольких версий спора между Поппером и Витгенштейном: *Bartley W. W. III. Facts and Fictions // Encounter. January 1986. P. 77—78.* Профессор Бартли готовил биографию Поппера и в связи с этим случаем пишет следующее: «Собирая материалы для биографии Поппера я смог выяснить, что его рассказ об этом инциденте точен во всем, кроме одной детали. В «Unended Quest» Поппер завершает рассказ фразой: «В конце концов разъяренный Витгенштейн отшвырнул кочергу и вылетел из комнаты, грохнув за собой дверь». Профессор Питер Мунц из университета Виктории в Веллингтоне, Новая Зеландия, ученик Витгенштейна, который участвовал в этом заседании, заверил меня, что у Витгенштейна хлопанье дверьми не имеет никакого отношения к ярости, «потому что Витгенштейн хлопал дверьми всегда, в любом настроении». См. также: *Munz P. Our Knowledge of the Growth of Knowledge: Popper or Wittgenstein. London: Routledge & Kegan Paul, 1985.*

ритории колледжа. Пустая комната с чугунной печкой, куда ему пришлось принести для меня кресло из спальни, описана неоднократно. Мы приятно побеседовали на самые разные темы, не касаясь философии и политики (мы знали, что расходимся в политических взглядах), и казалось, что ему, в отличие от других чудаковатых фигур, которые я встречал в Кембридже, нравится, что я избегаю «деловых разговоров». Но, хотя эти визиты были очень приятны и он явно желал их повторения, они были малоинтересны, так что я навестил его всего два или три раза.

По окончании войны, когда я уже вернулся в Лондон и появилась возможность сначала посылать продовольственные посылки, а затем и навестить наших родственников в Вене, у нас возникла переписка. Предстояло множество сложных контактов с бюрократическими организациями, и, как он верно предположил, я узнал все необходимые детали раньше него. При этом он выказал забавное сочетание непрактичности со скрупулезным вниманием к деталям, и, должно быть, ведение повседневных дел совершенно выбивало его из колеи. Несмотря на это, он сумел попасть в Вену вскоре после меня (первый раз я попал туда в 1946 г.) и, насколько мне известно, был там еще раз или два.

Кажется, в последний раз мы виделись, когда он возвращался после последнего визита домой. Он вновь навестил свою умиравшую сестру Мини и сам был уже смертельно болен (хотя тогда я и не знал об этом)¹⁷. Я прервал свое традиционное железнодорожное путешествие из Вены через Швейцарию и Францию, сделав остановку в Базеле, и на следующий день сел в спальный вагон. Раздевшись в полутьме, поскольку мой сосед по купе уже спал, я уже собирался лезть на верхнюю полку, когда с подушки внизу приподнялась взъерошенная голова и почти крикнула мне: «Вы профессор Хайек!» Прежде чем я сумел сообразить, что это Витгенштейн, и как-то ответить, он опять отвернулся к стене.

Когда я проснулся утром, он исчез — вероятно, ушел в вагон-ресторан. Когда я вернулся в купе, он был погружен в детективный роман и явно не желал разговаривать. Так продолжалось, пока он не дочитал свою книжку. Затем он втянул

---

¹⁷ Это, вероятно, было в 1949 г.; см.: *Bartley W. W. III. Wittgenstein. 2nd ed. La Salle: Open Court, 1985. P. 155.*

меня в высшей степени оживленный разговор, который начал со своих впечатлений о русских в Вене, и было видно, что этот опыт потряс его до глубины души, разрушив издавна лелеяемые иллюзии. Постепенно мы перешли к более общим вопросам моральной философии, но к тому времени, когда разговор стал по настоящему интересен, мы прибыли в порт (кажется, Булонь). Витгенштейну очень хотелось продолжить разговор, и он даже заявил, что мы к нему вернемся на борту.

Но я просто не сумел его найти. То ли он пожалел, что так сильно увлекся беседой, то ли убедился, что, в конце концов, я самый обычный филистер, — не знаю. Как бы то ни было, больше я его никогда не видел.

Часть II

СУДЬБЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

Пролог

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ СВОБОДЫ: ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ¹

С огромной радостью я получил ваше приглашение обсудить мои воспоминания о новом открытии свободы в Германии. Вообще-то я не склонен погружаться в воспоминания, поскольку еще не настолько стар и в то же время слишком занят, чтобы предаваться этому занятию. Поэтому я оказался в некотором затруднении, задумавшись о том, чем же занять ваше внимание в течение получаса. Правда, одна отправная точка у меня имеется, поскольку мне случилось поработать с более ранним поколением участников Ассоциации немецких машиностроительных предприятий (*Verein Deutscher Maschinenbau-Anstalten*).

В сегодняшнем разговоре я в общем и целом ограничусь положением дел Германии, хотя немного забавно, что об эволюции свободы в Германии будет рассуждать иностранец. Надо признать, что печальное развитие событий придает моим воспоминаниям определенную ценность, заключающуюся в редкости подобных воспоминаний. На долю попыток немцев защитить идеал свободы в целом и экономической свободы в частности выпала злая судьба, а в результате я сегодня почти единственный живой представитель того поколения, которое сразу после окончания Первой мировой войны посвятило всю свою энергию сохранению цивилизованного общества, поколения, поставившего себе задачу создать условия для построения лучшего общества и научиться понимать, а до известной степени и защищать, традицию, которая сделала мир цивилизованным. Этой задаче

---

¹ Опубликовано под названием: Die Wiederentdeckung der Freiheit-Personliche Erinnerungen // Verein Deutscher Maschinenbaum-Anstalten (VDMA) und Institut der Deutschen Wirtschaft (IW). Eds. Productivitat, Eigenverantwortung, Beschäftigung: Für eine wirtschaftspolitische Vorwärtsstrategie. Cologne: Deutscher Institut-Verlag, 1983. Впервые это эссе было прочитано как лекция на симпозиуме, организованном совместно VDMA и IW 1 и 2 февраля 1983 года в Бонне и Бад-Годесберге, в Германии.

посвятила себя в послевоенные годы наша очень узкая группа, получившая первичный импульс от Людвиг фон Мизеса. Атмосфера в общественных науках в те годы нам далеко не благоприятствовала, поскольку в то время безраздельно господствовали идеи интервенционизма, особенно сильно укоренившиеся в Германии после 1870-х годов. В итоге после окончания Первой мировой войны экономистов-теоретиков в Германии практически не осталось².

Я отнюдь не преувеличиваю и в доказательство приведу лишь один факт. После демобилизации я встретил в Венском университете везучих девушек, которым выпала привилегия слушать лекции Макса Вебера летом 1918 г., когда мы еще были на фронте. В течение одного семестра Вебер был профессором экономической теории в Вене, и в одной из лекций заметил, что не чувствует себя достаточно компетентным, поскольку первой лекцией по экономической теории, которую ему удалось прослушать, была его собственная. В то время в Германии было почти невозможно стать теоретиком в области общественных наук. Каждый, кто, подобно мне, изучал инфляцию на живом примере Австрии, а затем Германии под едкие комментарии своего наставника Людвиг фон Мизеса, не устававшего отмечать все нелепости, в огромном количестве изливавшиеся из уст немецких экономистов, вроде утверждения г-на Хавенштейна, что избежать следует не инфляции, а дефицита денег³, который следует смягчать, или смехотворнейших суждений о денежной политике одного из видных авторов популярного учебника о финансовых институтах Гельфериха⁴, — не мог не прийти к выводу, что в Германии экономическая теория как наука вымерла.

Мизес, бывший в этом отношении кем угодно, только не добряком, всегда делал исключение для трех-четырёх человек. Адольф Вебер, говорил он, вполне разумный человек, так же как и Пассов, который по крайней мере защищал капитализм. Дитцель проявлял некоторое понимание [предмета], а Поле также

² О состоянии экономической теории в Германии см. главу 4.

³ Rudolf Havenstein (1857—1923) — президент Рейхсбанка, центрального банка Германии, с 1908 по 1923 г. По поводу его высказываний на эту тему см.: *Ringer F. K. Ed. The German Inflation of 1923. New York: Oxford University Press, 1969. P. 96.*

⁴ Karl Helfferich (1872—1924) — директор берлинского «Дойче банка» и автор книги «Des Geld» (Leipzig: Hirschfeld, 1903, 2nd ed., 1923).

был бы достоин уважения, сумеет он в конце концов что-нибудь опубликовать и сделать хоть чуть больше, чем просто пропагандировать в Германии работы Густава Касселя. Мизес полагал, что, за исключением этих четверых, экономистов в Германии больше не было. И он не был так уж неправ.

В 1920-е годы теоретический подход наконец возник, но он совершенно не принимал во внимание свободу. Что знаменательно, о значимости экономической теории догадался Бернхард Хармс, тогдашний честолюбивый директор Кильского института. Сам он не был сведущ в экономической теории, но по советам других окружил себя группой социалистических теоретиков, которые, по-видимому, были лучшими из имевшихся. К несчастью для немецкой теории, Беккер, самый влиятельный советник Прусского министерства образования, выбрал для вакантной тогда кафедры экономики Берлинского университета не Йозефа Шумпетера, а Эмиля Ледерера. Разочарованный Шумпетер уехал в США, а Ледерер, который тоже участвовал в семинаре Бём-Баверка, но был слабейшим из участников, был назначен профессором в Берлине⁵.

Помимо этой группы, в которой все были не только социалистами, но и евреями и, конечно же, были вынуждены уехать из Германии в 1933 г., существовали всего две группы теоретиков, одна из которых трудилась в академической среде, а другая — в неакадемической.

Последняя состояла из группы джентльменов, которые собрались, как ни странно, под крышей Ассоциации немецких машиностроителей (VDMA) и назвали себя «рикардианцами», чтобы отделить себя от господствующей школы экономической теории. В их числе были Александр Рюстов, Ганс Гестрих и Отто Вайт. Членом этого кружка был и Лаутенбах, весьма одаренный теоретик, умерший совсем молодым, который состоял на государственной службе, а не в VDMA. Другими членами кружка были д-р Илау, Фридрих Лутц и Теодор Эшенбург, с которым я познакомился позднее.

Эта группа из VDMA была фактически единственным влиятельным и деятельным кружком теоретиков в Германии, которые честно, но безуспешно стремились к установлению свободной экономики. Этот кружок продолжал существовать

---

⁵ Это случилось в 1931 г. Шумпетер ответил согласием на приглашение в Гарвардский университет в следующем году.

даже в нацистский период, но большая часть его членов умерли молодыми.

Я живо помню один свой приезд в Берлин в тот период. Обычно я избегал Германии, и во время частых поездок из Лондона в Вену пересекал только ее юго-западный угол, где регулярно навещал Вальтера Ойкена, о чем расскажу чуть позже. Однажды мне случилось читать лекцию в Варшаве, и, возвращаясь в Лондон, я попал в Берлин, где сделал остановку. Здесь я встретился с кружком «рикардианцев», и мы проговорили в доме одного из них целый вечер. Кажется, это был дом Гестриха. Хорошо помню, что, когда мы перешли от чисто теоретических вопросов к более рискованным предметам, кто-то — вероятно, один из гостей — вскочил и прикрыл телефон чайной грелкой, чтобы, избави бог, никто из посторонних не смог услышать наш разговор. Эта группа, тесно связанная с VDMA, одна из немногих пережила нацистский период, не отказываясь от либеральной традиции.

Но вернемся ближе к моей главной теме. Очень давно, не помню точной даты, может быть, в 1926 году в Вене на собрании Союза социальной политики (*Verein für Sozialpolitik*⁶), я познакомился с Вильгельмом Рёпке⁷. Несколько лет мы тесно общались и именно через него я познакомился с группой «рикардианцев». В дальнейшем на собраниях Союза социальной политики (в Цюрихе в 1928 г. и в Кёнигсберге в 1930 г.) он единственный скрашивал для меня атмосферу этих встреч, на которых доминировали такие государственные служащие, как Зомбарт и его ученики. Все они были очень почтенными господами, но при этом настолько же чуждыми экономической теории, насколько враждебными свободе.

Через Рёпке я познакомился во Фрайбурге и с Вальтером Ойкеном. В то время он был не сильно известен, зато очень влиятелен в кругу ближайших коллег. Он, по-видимому, был самым серьезным мыслителем в области социальной философии из всех, которых породила Германия за последние сто лет. К тому времени Ойкен опубликовал лишь ряд небольших работ. Как ни странно, его главная работа⁸ нашла меня в Лондоне во

---

⁶ Об Ассоциации см. главу 4.

⁷ О Рёпке см. два первые приложения к настоящей главе.

⁸ *Eucken W. Die Grundlagen der Nationalökonomie*. Jena: Gustav Fusher, 1940. Пер. на англ. язык Т. У. Хатчинсона: *The Founda-*

время войны. Я так и не понял, каким образом эта книга, которую Рёпке прислал из Цюриха, дошла до меня — то ли из-за небрежности британских чиновников, то ли потому, что за мной следили и давали возможность основательно себя скомпрометировать. Как бы то ни было, эта книга, увидевшая свет в 1940 г., попала ко мне во время войны. Именно она помогла мне понять, насколько крупной фигурой является Ойкен и в какой степени он и его коллеги воплотили великую либеральную традицию Германии, которая, к великому сожалению, пресеклась.

Говоря о том, что в последние полстолетия смерть собрала преждевременную жатву в среде немецких последователей идеала свободы, я имел в виду прежде всего кружок Ойкена, вторую из двух групп теоретиков, о которых говорил выше. Я не могу перечислить их всех, но, чтобы вы могли представить тяжесть понесенных Германией потерь, отмечу по крайней мере Микша и Лампе, двух наиболее перспективных сотрудников Ойкена, а также его ближайшего друга и сотрудника в области философии права Франца Бёма.

Возможно, в Германии могла возникнуть и собственная либеральная традиция. Эти возможности проявились в издании ежегодника «Ordo»⁹ и в деятельности кружка «Ordo», хотя следует сказать, что этот либерализм был несколько ограниченным. Однако кружок «Ordo» так и не развернулся в широкое движение. Ему не хватало вдохновенного лидера, которым мог бы стать Ойкен.

Я очень дорожил дружбой с Вальтером Ойкеном. В конце 1930-х годов, перед началом войны, когда у меня появился первый автомобиль и начались мои поездки из Лондона в Австрию, я регулярно останавливался во Фрайбурге, чтобы навестить Ойкена. Хотя у него не было времени для участия в наших попытках отстоять либерализм, наши встречи имели важные последствия. Моя книга «Дорога к рабству» вскоре после выхода в свет была переведена на немецкий язык г-жой Рёпке¹⁰. Немецкое издание вышло в Швейцарии, но — что я понял

---

tions of Economics: History and Theory in the Analysis of Economic Reality. London: W. Hodge, 1950.

⁹ *Ordo: Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*, ежегодник, выпускаемый с 1948 г. Редакторами были Ойкен и Бём.

¹⁰ *Hayek F. A. Der Weg zur Knechtschaft*. Trans. Eva Röpke. Erlenbach-Zurich: Eugen Rentsch, 1945.

не сразу — в течение трех лет ее ввоз в Германию был запрещен, так что она была доступна только в виде машинописных копий. Между оккупационными властями действовало соглашение не допускать распространения книг, враждебных одной из них. Хотя эта книга была написана в период, когда русские были нашими союзниками, и направлена не столько против коммунизма, сколько против фашизма, русские инстинктивно почувствовали, что книга направлена против них. Поэтому они настояли, чтобы оккупационные власти запретили ввоз книги в Германию. Раз уж мы заговорили об этом, позвольте мне досказать эту историю. Когда я в 1946 г. посетил наконец Германию, а ввоз книги в страну был еще запрещен, случилась следующая трогательная история. Хотя запрет на ввоз действовал и только несколько экземпляров были подпольно доставлены из Швейцарии, книга приобрела широкую известность не только в виде краткого изложения, вышедшего в «Reader's Digest»¹¹, но и в виде несокращенных копий.

Мне тогда удалось достать машинописную копию, которую я начал читать в вагоне. Неожиданно обнаружилось, что в ней есть незнакомые мне отрывки. Я сразу же понял, что моя книга стала жертвой тех же превратностей, что и многие средневековые тексты, когда копии изготовлялись с копии копий и в результате чьи-то заметки на полях переносились в следующую копию, так что частью текста, попавшего мне в руки, стал чей-то безымянный вклад. Впрочем, мы слишком отклонились от основной темы.

Я хотел рассказать о роли Вальтера Ойкена в организации международного движения, которое было бы слишком претенциозно называть движением за свободу, это было скорее движение, способствовавшее выяснению предпосылок свободы. Ведь настоящую проблему представляет распространенная иллюзия, будто свобода может быть предоставлена сверху, тогда как сверху можно лишь создать условия, которые позволили бы людям творить собственную судьбу.

После выхода «Дороги к рабству» меня начали приглашать для чтения лекций. Путешествуя по Европе и США, почти везде я встречал людей, говоривших о своем полном согласии со мной и одновременно о своей полной изолированности в силу этих

---

¹¹ *Hayek F. A. The Road to Serfdom // The Reader's Digest. April 1945. P. 1—20.*

взглядов, о том, что не с кем даже обсудить эти темы. У меня возникла мысль собрать этих очень одиноких людей вместе. И по счастливой случайности я смог добыть денег, чтобы осуществить этот план.

История эта слишком поразительна, чтобы не рассказать о ней. Один швейцарский джентльмен раздобыл денег, чтобы Рёпке мог издавать свой журнал¹². Но, всякий кто догадается о ком идет речь, тут же поймет, что этот человек намеревался держать бразды правления журналом в своих руках. Рёпке не согласился с таким условием, и они расстались. Моей первой задачей было помирить Рёпке с этим очень талантливым сборщиком пожертвований и уговорить Рёпке отдать часть денег, собранных специально для его журнала, на организацию учредительного собрания либералов в Швейцарии. Он согласился, что позволило в 1947 г. организовать первую встречу общества Мон-Пелерен на одноименной горе близ Веве. Из примерно 60 приглашенных мною на встрече присутствовало 37 человек. Это были встреченные мною одинокие души, которым не с кем было обсудить свои проблемы¹³.

Я предложил принять в число участников двух немцев. Одним из них был, конечно, Вальтер Ойкен. Вторым, кого я имел в виду, был историк Франц Шнабель. Моей целью было — и остается до сих пор, хотя она осуществилась не полностью — иметь в группе не только чистых экономистов, но и социальных философов, юристов и особенно историков. К сожалению, я не смог вытащить в Швейцарию Франца Шнабеля, но Ойкен приехал. Подобно большинству немцев его поколения, он страдал незнанием иностранных языков; впрочем, его английский был достаточно хорош, чтобы понимать других участников дискуссии. Он говорил только по-немецки, и для меня было немалым удовольствием быть его переводчиком на этой конференции и заслужить похвалу за то, что мне удалось выразить его идеи на английском значительно лучше, чем они были сформулированы на немецком.

Я рассказываю обо всем этом потому, что на этой конференции Ойкен имел огромный успех. И мне представляется, что успех Ойкена в 1947 г. — единственного немца, участ-

¹² Швейцарским джентльменом был Альберт Гунольд (1899—1981).

¹³ Речь Хайека на открытии конференции перепечатывается в главе 12. Список участников см. в первом примечании к указанной главе.

вовавшего в международной научной конференции, — внес небольшой вклад, если позволительно использовать это слово, в реабилитацию немецких ученых на международной арене. До этого все, а особенно мои американские друзья, спрашивали: «Ты действительно осмелишься пригласить и немцев?» Сегодня такой вопрос невообразим. Я действительно намеревался сделать это, и мне посчастливилось найти человека, который стал звездой конференции.

В какой-то мере первая учредительная конференция общества Мон-Пелерен (которое было моей личной идеей — я считаю себя вправе так говорить, хотя в его организации мне помогали многие, в первую очередь Рёпке и Мизес) представляла собой возрождение либерального движения в Европе¹⁴. Американцы оказали мне честь, когда сочли решающим днем этого возрождения дату выхода моей книги «Путь к рабству» (1944), но я убежден, что по-настоящему серьезное движение интеллектуалов за восстановление идеи личной свободы, особенно в сфере экономической деятельности, началось с основания в 1947 г. общества Мон-Пелерен.

Почти одновременно с основанием общества Мон-Пелерен — возможно, годом или двумя позднее — произошло и второе событие той же направленности. Молодой английский летчик, вернувшийся с войны и сумевший за несколько лет разбогатеть на ниве предпринимательства, пришел ко мне и спросил, что он может сделать, чтобы пресечь злое расползание социализма. Мне пришлось потратить немало сил, чтобы убедить его, что массовая пропаганда бесполезна и что нужно переубедить интеллектуалов. Для этого нужно разработать легко понятное экономическое истолкование предпосылок свободы, что потребует создания организаций, нацеленных на тот сегмент среднего класса, который я тогда с горькой иронией называл «торговцами подержанными идеями», и которые представляют собой чрезвычайно важную группу, поскольку именно от них зависит мышление масс. Я убедил этого человека по имени Энтони Фишер в том, что такие организации нужны, и результатом стало создание Института экономи-

---

¹⁴ Хайек здесь намекает на спор с Рёпке и Гунольдом в начале 1960-х годов относительно истоков и направленности общества Мон-Пелерен. Подробности этого эпизода пока не стали достоянием гласности.

ческих дел в Лондоне. Вначале он развивался очень медленно, но сегодня это не только чрезвычайно влиятельная организация, но она еще и служит моделью для целого ряда подобных организаций по всему западному миру, из которых исходят здоровые идеи¹⁵.

Рассказывать о дальнейших событиях можно долго, но здесь я не буду останавливаться на этом. Мне бы хотелось вернуться к одному моменту, который был особенно важен, и в частности для Германии. Германия с благодарностью отреагировала на валютную стабилизацию 1949 г. Я должен сказать, что Германии чрезвычайно повезло, что в нужное время и в нужном месте оказался человек, одаренный от природы. Я знал многих экономистов, куда более искушенных по части теории и более проникательных, но никогда не встречал человека с таким же инстинктивным чутьем на правильные решения, как у Людвиг Эрхарда. Людвиг Эрхард, который тоже с самого начала был членом общества Мон-Пелерен, заслуживает гораздо больших почестей за восстановление свободного общества в Германии, чем это обычно признают внутри страны или за ее пределами. После того, как двое моих фрайбургских друзей из института Ойкена написали подробную историю событий 1949 года, я узнал множество интересных подробностей. И эта публикация подтвердила мои прежние интуитивные оценки. Следует признать, однако, что Эрхарду никогда не удалось бы достичь цели, будь он связан бюрократическими или демократическими ограничениями. Сложился удачный момент, когда правильный человек на правильном месте был свободен делать то, что считал правильным, хотя он никого не сумел бы убедить в том, что делать нужно именно это. Он сам с ликованием рассказывал мне, как в воскресенье перед публикацией знаменитого декрета об освобождении цен и введении новой немецкой марки командующий американскими войсками в Германии генерал Клэй позвонил ему и сказал: «Профессор Эрхард, мои советники утверждают, что вы совершаете

---

¹⁵ Institute of Economic Affairs. Был основан в 1955 г. и продолжает публиковать книги, статьи и журнал «Economic Affairs». Из числа бывших директоров института двое, Артур Селдон и лорд Харрис (барон Хай Кросс) — многолетние сотрудники Хайека. Список других «подобных организаций» см. во введении к наст. изд.

грандиозную ошибку», — на что Эрхард, по его собственным словам, ответил: «Мои советники говорят то же самое». Освобождение цен прошло невероятно успешно. В последующие годы в Германии осуществлялись куда более целенаправленные и сознательные усилия по поддержанию экономики свободного рынка, чем в любой другой стране.

Позвольте мне повторить здесь то, что я высказал четыре года назад к изумлению большинства слушателей и к удовлетворению посвященных, когда мне выпало удовольствие вручить премию Эрхарда профессору Шиллеру. Насколько я знаю, Карл Шиллер — второй после Эрхарда человек, заслуживающий наивысшего признания за упрочение и поддержание рыночной экономики в Германии. Ведь даже социал-демократическая партия внесла свой вклад в поддержание рыночной экономики.

Хотя я по-прежнему верю в перспективы восстановления рыночной экономики во всем мире, я уже не столь уверен в будущем развитии Германии. Некоторое время у меня складывалось впечатление, что Германия может — почти гротескным образом — стать лучшим образцом классического либерализма для всего мира. Боюсь, что теперь эта перспектива много туманней. В то время как по всему миру молодые люди заново открывают для себя либерализм — прошу простить мне использование этого слова, столь скомпрометированного в США: я имею в виду либерализм в понимании Джефферсона — и я восхищен направлением развития молодых людей в Англии, во Франции и в Италии, но моя вера в то, что Германия внесет свой вклад в это движение, падает. Насколько я могу судить, народ в Германии вовсе не убежден, что он всем обязан возврату к экономике свободного рынка. Вновь пробуждаются старые привязанности к анти-свободной торговле, к анти-конкуренции и анти-интернационализму. Я уже не вполне уверен в том, что либерализм в Германии достаточно укоренен. Чрезвычайно важно, в том числе и для всего мира, чтобы Германия сохранила свой либеральный курс. Я надеюсь, что вы будете помнить об этом. Эту тревогу должны разделить все. Прежде всего нельзя предполагать, что во время кризиса допустим отход от принципов. Нынешняя депрессия ответит на вопрос, сохранит ли мир движение к либерализму. Каждый из вас может внести решающий вклад в положительный ответ.

Приложение
*Дань уважения Рёнке*¹⁶

В течение более тридцати, а фактически почти сорока лет мы двигались почти параллельным курсом, сражались за одни и те же идеалы и боролись за осуществление одних и тех же задач и решение одинаковых проблем, каждый в соответствии со своими возможностями и склонностями, и теперь мне нелегко очертить во всей полноте и богатстве фигуру моего соратника и сверстника. Когда друг и соратник находит ответ и правильную реакцию на проблемы, которые ты сам безуспешно пытался решить, ты бессознательно впитываешь то, что соответствует данной стадии твоего мышления! Как часто Вильгельм Рёнке находил яркое выражение тому, что для всех нас было еще смутной теорией, или когда мы еще не знали, как на основе общего принципа найти правильное решение актуальной проблемы!

Те, кто моложе Рёнке, однажды поймут, сколь многому они научились у него, насколько велико было его влияние на мышление нового поколения и какие дарования лежали в основе его интеллектуального лидерства. Для современника он олицетворяет прежде всего общую судьбу и общую задачу — то развитие, в ходе которого формировалось наше представление о мире, так что, оглянувшись назад, невозможно сказать, что именно внес каждый из нас в это развитие.

Поколение, начавшее изучать экономическую науку и общество в конце Первой мировой войны, стремилось прежде всего к подлинному экономическому знанию. Как и следует ожидать от людей, стремящихся к основательному знанию, главной заботой для нас были технические проблемы экономической теории, а главной задачей — продвижение науки вперед. Тогда и на самом деле было жизненно важно получить признание своей способности к теоретическому мышлению, а еще важнее было участвовать в возведении более надежных методических лесов. В Германии в то время экономическая теория

---

¹⁶ Опубликовано вместе с поздравительными адресами от друзей и коллег по случаю 75-летия Рёнке в его журнале «Gegen die Brandung: Zeugnisse eines Gelehrtenlebens unserer Zeit», составление и редактирование: Albert Hunold. Erlenbach-Zurich: Eugen Rentsch, 1959. P. 25—28.

была практически открыта заново, и энтузиазм по отношению к вновь обретенной области знания может служить объяснением веры молодых ученых в то, что нет лучшего способа внести вклад в излечение недугов человечества, чем дать людям лучшее понимание экономической теории. Это знание незаменимо при любом ответственном обсуждении глубинных проблем социальной организации.

Имя Рёпке впервые привлекло мое внимание в Вене как имя одного из немногих молодых немецких экономистов, всерьез интересующихся вопросами теории. Когда вскоре после этого мы познакомились лично, основой для сближения стало, в первую очередь, его понимание абстрактных вопросов денежной теории, которой занимались мы в Вене. Но Рёпке очень рано — может быть, раньше остальных современников — осознал, что экономист, который является всего лишь экономистом, не может быть хорошим экономистом. Здесь уместно отметить влияние на всех нас представителя предыдущего поколения, который в то время, когда мы стали студентами, был молодым профессором, и ключевая работа которого была опубликована, как раз когда мы завершили учебу. В опубликованном в 1922 г. трактате «Социализм» Людвиг фон Мизес продемонстрировал, как экономическая мысль может служить основой всеобъемлющей философии общества и дать ответы на насущные проблемы современности. Независимо от того, насколько быстро мы восприняли его уроки, эта работа оказала решающее влияние на общее развитие нашего поколения, даже на тех из нас, кто обратился к общим вопросам гораздо позднее.

Как мала была горстка людей, готовых в 1920-е годы сделать свою веру в свободу главным принципом жизни; как мало было число тех, кто понимал, что научная объективность совместима с беспредельной преданностью идеалу и что, более того, все знания в социальных вопросах могут быть плодотворными только при мужественной верности собственным убеждениям! Страстная вовлеченность Рёпке в происшедшее вокруг сделала его ярким примером для других в опасные времена, и она же заставила его одним из первых взвалить на себя бремя изгнания за верность убеждениям¹⁷. Каким бы

---

¹⁷ Рёпке состоял профессором экономической теории в Марбургском университете и в 1933 г. был смещен с должности за оппозицию национал-социализму. В этом же году Хайек покинул

лишениям ни подвергались те наши сверстники, которым выпало быть разбросанными по всему миру, они не обязательно чувствовали себя лишенными корней. Если сейчас в западном мире опять существует нечто вроде идеала свободы — либо если такой идеал формируется, — эти вынужденные скитания были одной из важнейших предпосылок его возрождения.

Здесь не место обсуждать достоинства современника, находящегося в расцвете творческих сил, когда его достижения признает мир. Роль Рёпке в интеллектуальном развитии нашего времени можно будет оценить лишь позднее. Но позвольте мне по крайней мере подчеркнуть особый дар, который в особенности восхищает нас, его коллег, — может быть в силу его редкости в среде ученых: его отвагу и моральное мужество. Я имею в виду не столько его способность сознательно подвергнуть себя опасности, хотя Рёпке и от этого не уклонялся. Я имею в виду прежде всего мужественную готовность противостоять пространственным предрассудкам, разделяемым в наше время благонамеренными, прогрессивными, патриотическими или идеалистическими личностями. Мало существует менее приятных задач, чем противостоять движениям, воодушевляемым волнами энтузиазма, и представлять паникером, указывающим на опасности в то время, когда энтузиасты не видят ничего, кроме блестящих перспектив. Для независимо мыслящего социального философа, вероятно, нет качества более ценного, чем моральное мужество, позволяющее в одиночестве сохранять верность убеждениям, подвергая себя не только нападкам, но также подозрениям и поношениям. Такого рода мужество Рёпке проявлял еще в молодости, когда его репутация и положение еще не упрочились. Эту же отвагу он продолжает демонстрировать, когда без колебаний разрушает иллюзии своих последователей и поклонников, когда разрушает иллюзии шестого десятилетия нашего века с той же свободой, с какой он это делал в 20-е годы. Пожалуй, именно за это он заслуживает наивысшего уважения.

Вену и перебрался в Лондонскую школу экономики. Рёпке преподавал сначала в университете Стамбула (1933—1936), а затем в Женеве, в Институте высших международных исследований (1937—1966 гг.). К 1935 г. все современники Мизеса и Хайека, Фриц Махлуп, Готфрид Хаберлер и Пауль Розештейн-Родан, покинули Австрию.

Немногим ученым повезло обрести влияние, подобное влиянию Рёнке, вне пределов узкого круга коллег. Поскольку такое влияние слишком часто достигается ценой недостойного упрощения, следует подчеркнуть, что он никогда не избегал интеллектуальных сложностей. Его сочинения, даже рассчитанные на широкую аудиторию¹⁸, оставались интересными и для профессионалов. Подобно многим другим в нашем поколении, он не всегда и не во всем был вполне «научным» (как это понималось в каждый данный момент), но это другой вопрос. Зачастую в общественных науках быть более реалистичным удается тому, кто не ограничивает себя количественными и измеряемыми явлениями. Кроме того, между «чистой» теорией и вопросами практической политики существует размытая область, в которой систематическое рассмотрение столь же полезно, как и в чистой теории. Мы не станем касаться вопроса о том, требует ли «политическая экономия», как принято обозначать эту область, даже большей одаренности, чем чистая теория. Ясно одно: Вильгельм Рёнке необычайно одарен соответствующими особыми способностями, и благодаря этому дару он снискал необычайный успех в утверждении идеала, к которому стремится.

Приложение

*Теория капиталообразования Рёнке*¹⁹

В рецензируемой книжке, вышедшей в известной серии, опубликована лекция, прочитанная Вильгельмом Рёнке в венском «Экономическом обществе» (*Nationalökonomischen Gesellschaft*) и принятая публикой с большим интересом. С обычными для него ясностью и простотой изложения автор

---

¹⁸ Например, его работа «Jenseits von Angebot und Nachfrage» (Erlenbach-Zürich: Eugen Rentch, 1958). Перевод на английский язык: *Humane Economy: The Social Framework of the Free Market*. Chicago: Henry Regnery, 1960.

¹⁹ Рецензия на памфлет Рёнке «Die Theorie der Kapitalbildung», опубликованный в серии *Recht und Staat: Geschichte und Gegenwart: Eine Sammlung von Vorträge und Schriften aus dem Gebiet der gesamten Staatswissenschaften*. Vol. 63. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1929. Рецензия была опубликована в *Zeitschrift für Nationalökonomie*. Vol. 1. No. 3. 1929. P. 474—475.

дает отличный обзор важнейших для этой области (т.е. капиталообразования) вопросов, подчеркивая, что при всей их важности эти вопросы прежде игнорировались. Во введении он обосновывает необходимость различать формы капиталообразования по источникам капитала в реальном или денежном хозяйстве, которые могут быть разделены на сбережения, образование венчурного капитала («самофинансирование») и два источника «принудительного накопления капитала» — через меры фискальной политики и через денежную политику.

Исследование различных источников капиталообразования приводит Рёпке к выводу, к которому сегодня следует прислушаться: сбережения в узком смысле слова по-прежнему представляют собой не только главный, но и единственно беспорядочный источник накопления капитала. Мне представляется, что Рёпке излишне снисходителен к принудительному накоплению капитала посредством денежной политики, которое он, как мне представляется, также неверно считает эффективным только в тех случаях, когда создание кредита ведет к росту цен, хотя очевидно, что каждое вливание новых кредитов ради увеличения производства временно повышает спрос на производственные блага относительно спроса на потребительские блага, а значит, влечет за собой увеличение капитала.

Очень поучителен проделанный Рёпке анализ отдельных причин, оказывающих влияние на величину сбережений. При этом он проводит различие между желанием сберегать и возможностью сберегать, избегая часто встречающейся путаницы. (Представленный им график, иллюстрирующий взаимоотношения между этими двумя факторами, мог бы быть куда яснее, введи он третье измерение.) Особенно удачным следует признать его четкие объяснения взаимоотношений между общественной собственностью, доходом и разделением собственности и накоплением сбережений — здесь придется ограничиться перечислением, не пытаясь воспроизвести содержание.

В последней главе Рёпке вновь затрагивает многократно обсужденный вопрос о том, могут ли сбережения быть чрезмерными. Можно безоговорочно согласиться с тем, что он говорит здесь об опасных последствиях образования капитала методами денежной политики. Более сомнительно, однако, утверждение автора о том, что даже добровольное капиталообразование может привести к перекапитализации и в конце концов к кризису. Впрочем, помимо всяких теоретических

соображений следует помнить, как признает и сам Рёпке, что сбережения могут быть чрезмерными в том смысле, что экономика в целом «обменивает более высокую предельную полезность в настоящем на более низкую в будущем». Поскольку межличностное сравнение полезностей невозможно в принципе, такое суждение может иметь смысл только на основе определенной цели экономической политики, и никогда — вне связи с такой целью.

Исследование богато идеями о важных современных проблемах, прежде всего таких как международные займы и связи между образованием капитала и налогообложением, и в том числе по этой причине заслуживает того, чтобы с ним познакомились не только в узкопрофессиональных кругах.

Приложение

*Холлоуэлл об упадке либерализма
как идеологии*²⁰

В истории идей немного более интересных и поучительных тем, чем по-настоящему хорошее исследование упадка либерализма в Германии. Упадок этот начался прежде, чем либерализм сумел укорениться за пределами теории, и был тесно связан с тем, что либерализм пришел в Германию одновременно с национализмом и социализмом. Такого рода исследование было бы чрезвычайно важным, но за него не следовало бы браться без поистине основательного знания германской истории и германских идей. Далекое не очевидно, что автор данного краткого исследования обладает многими из требуемых качеств, чего, впрочем, трудно ожидать от докторской диссертации. Он ограничивается, главным образом, юридическими аспектами проблемы, развитием и трансформацией концепции «*Rechtstaat*» (правового государства. — *Ред.*), и в этом вопросе спорить с ним нет оснований; тема сама по себе достаточно обширна, чтобы по-настоящему эрудированный автор, знания которого не ограничены этой узкой

---

²⁰ Рецензия на *John H. Hallowell. The Decline of Liberalism as an Ideology. With Particular Reference to German Politico-Legal Thought.* Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1943. Опубликовано в *Economica*. N. S. Vol. 11. August 1944. P. 159.

областью, мог написать очень ценную монографию. Но, хотя наш автор видит некоторые проблемы, еще больше признаков того, что он не изучал первоисточники, а просто прочел ряд книг таких второстепенных авторов как Е. Трельч, Г. Геллер и несколько статей в «Encyclopedia of Social Sciences». Даже таких авторов, как Фихте или Маззини, он нередко цитирует по вторичным источникам, и поэтому неудивительно, что он, например, защищает Фихте, который вначале придерживался либеральных взглядов, от «несправедливого» отнесения к предтечам национал-социализма (читал ли автор хоть раз его «Geschlossene Handelsstaat». [Замкнутое торговое государство. — *Ред.*]?)²¹) В результате мы получили не более чем пересказ учебника, в котором, правда, зафиксированы некоторые важные тенденции, но при этом мы не узнаем ничего такого, чего не знали бы прежде.

Как в исторической, так и в концептуальной части есть много признаков того, что автор затрагивает важные проблемы, проявляя при этом хорошую интуицию и полную неадекватность средств, и так и не прояснив смысл используемых им терминов. Хорошей иллюстрацией служит рассмотрение двух центральных проблем исследования — влияние позитивизма и результат формализации права. Вывод, что «упадок либерализма шел параллельно с обращением либеральных авторов к позитивизму» верен и важен, хотя и не оригинален. Но все рассуждение подрывается неопределенностью использования термина «позитивизм», который применяется здесь к очень разным и не всегда взаимосвязанным интеллектуальным позициям. Концепция «формального» права еще менее отчетлива; термин используется для описания двух явно различных, а временами даже взаимно противоречивых аспектов права; с одной стороны, у нас есть правило, принятое в результате надлежащей конституционной процедуры, а с другой — действительно общее правило, выработанное для применения к неизвестным людям в ситуациях, которые невозможно детально предвидеть, и в этом отношении отличающееся от любых законодательных мер, выработанных для достижения определенных целей.

²¹ *Fichte J. G. Der geschlossene Handelstaat: ein philosophischer Entwurf als Anhang zur Rechtslehre, und Probe einer künftigen zu liefern den Politik. Tübingen: J. G. Gotta, 1800).*

Едва ли можно сказать, что в этом исследовании достигнута намеченная в предисловии честолюбивая цель «выявить, *когда и как* либерализм как идеология начал клониться к упадку». Однако оно может привлечь внимание к неким ограниченным аспектам большой проблемы, которая, несомненно, заслуживает рассмотрения, но по которой уже проделано большое число неизвестных нашему автору детальных исследований, и предстоит сделать много больше, прежде чем станет возможной попытка всестороннего исследования, подобного этому, но с лучшими шансами на успех²².

---

²² Позднее Хайек был чуть снисходительнее к работе Холлоуэлла, которая с тех пор стала классическим исследованием по современной истории мысли в Германии. «Холлоуэлл наглядно показывает, как ведущие либеральные теоретики права в Германии в конце XIX в., приняв логику правового позитивизма, который рассматривал все законы как обдуманное творение законодателя и интересовался только конституционностью законодательного процесса, но не характером принимаемых законов, лишили себя всякой возможности сопротивляться вытеснению «материального» простым «формальным» *Rechtstaat* и одновременно дискредитировали либерализм той связью с принципиально несовместимым с ним позитивизмом» (Law, Legislation and Liberty. Vol. 2: The Mirage of Social Justice. Chicago and London: University of Chicago Press, 1976. P. 167. No. 27). [Рус. пер.: Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 554 сн. 54.]

Глава 8

ИСТОРИКИ И БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ¹

Сможем ли мы после этой войны отстроить заново нечто вроде общей европейской цивилизации, будет зависеть, главным образом, от того, как повернутся события в первые годы после окончания войны. Возможно, события, которыми будет сопровождаться крушение Германии, породят такую разруху, что вся Центральная Европа выйдет из орбиты европейской цивилизации на целые поколения, а может и навсегда. Если это случится, то дело едва ли ограничится Центральной Европой; а если Европе суждено впасть в варварство, то и Германия вряд ли останется в стороне от последствий, даже если в будущем возникнет новая цивилизация. Будущее Англии связано с будущим Европы; и нравится нам это или нет, будущее Европы будет определяться тем, что станет с Германией. По крайней мере, наши усилия должны быть направлены на то, чтобы вернуть Германию к ценностям, на которых была построена европейская цивилизация. Только эти ценности могут создать основу, от которой мы сможем двинуться к реализации направляющих нас идеалов.

Прежде чем обсудить, что мы можем для этого сделать, попытаемся очертить реалистическую картину той интеллектуальной и моральной ситуации, которая, по всей видимости, сложится в побежденной Германии. По-настоящему бесспорно лишь то, что даже после победы не в нашей власти будет заставить побежденных мыслить так, как нам хотелось бы; мы сможем лишь содействовать желательному развитию, и любые бестактные попытки обращения в свою веру вполне могут вызвать результаты, обратные желаемым. До сих пор приходится стал-

---

¹ Доклад на заседании Политического общества в Королевском колледже Кембриджского университета, 28 февраля 1944 г. Председательствовал сэр Джон Клэпхем. Впервые опубликовано в *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. London: Routledge & Kegan Paul; Chicago, University of Chicago Press; Toronto: University of Toronto Press, 1967. P. 135—147.

киваться с двумя крайними мнениями, в равной степени наивными и вводящими в заблуждение: с одной стороны, утверждается, что все немцы в равной степени развращены и изменить их может поголовное воспитание и просвещение нового поколения, руководимое извне; с другой стороны, что массы немцев, как только их освободят от нынешних хозяев, быстро и с готовностью примут политические и моральные взгляды, схожие с нашими собственными. Ситуация, конечно же, будет куда сложнее, чем предполагают оба эти мнения. Почти наверняка мы обнаружим моральную и интеллектуальную пустыню, изобилующую оазисами, в том числе и весьма изысканными, но почти совершенно изолированными друг от друга. Господствующей чертой будет отсутствие какой-либо общей традиции, если не считать оппозицию нацизму, а может быть, и коммунизму, отсутствие каких-либо общих убеждений, а также огромное разочарование во всем, что достижимо с помощью политических действий. По крайней мере вначале добрая воля будет в избытке, но во всем будет проступать бессилие благих намерений, лишенных объединяющей первоосновы общих моральных и политических традиций, которые мы восприняем как данность, но которые дотла разрушил полный отрыв Германии от мира на 12 лет, разрушил так основательно, как мало кто в нашей стране может представить.

С другой стороны, мы должны быть готовы не только к встрече с необычайно высоким интеллектуальным уровнем в некоторых сохранившихся оазисах, но и к тому, что многие немцы познали нечто, чего мы еще не понимаем, что некоторые наши концепции покажутся их отточенному опыту разуму чрезмерно наивными и *simpliste* (упрощенными. — *Ред.*). Нацистский режим стеснил дискуссии, но не искоренил их полностью: на примере нескольких немецких работ военного времени я понял (и это подтвердил полученный мною недавно полный перечень книг, опубликованных в Германии), что в военное время академический уровень обсуждения социальных и политических проблем был по крайней мере не ниже, чем в нашей стране, — возможно, потому что лучшие немцы были исключены или сами исключили себя из непосредственного участия в военных действиях.

Мы должны надеяться на немцев, которые так поступали и которых, вообще говоря, немало (в сравнении не с численностью населения, а с числом независимо мыслящих людей

в любой стране), и именно им мы должны оказать всю возможную поддержку. Самой трудной и деликатной задачей будет их найти и оказывать им помощь, при этом не дискредитируя их в глазах остальных. Чтобы эти люди смогли сделать свои взгляды доминирующими, им потребуется некая моральная и материальная помощь извне. Но почти в той же мере им потребуется защита от благонамеренных, но непродуманных попыток использовать их в целях государственной машины, которую создадут победители. При том что эти немцы, скорее всего, будут стремиться восстановить прежние связи и добиваться доброжелательности со стороны тех лиц в других странах, с которыми их объединяют общие идеалы, они совершенно обоснованно не захотят становиться инструментом государственного аппарата победителей. Пока не будут созданы условия для того, чтобы лица, разделяющие некоторые основные идеалы, могли встретиться как равные, надежд на восстановление такого рода контактов мало. Но такие возможности еще долго будут возникать только по нашей инициативе. И мне представляется бесспорным, что эти усилия смогут стать плодотворными только в том случае, если они будут исходить от частных лиц, а не от государственных учреждений.

Международные контакты между отдельными лицами и группами по многим направлениям могут быть восстановлены сознательно и дать положительный эффект. Возможно, легче и быстрее всего они восстановятся между левыми политическими группами. Но такие контакты явно не должны ограничиваться партийными группами, и если на первых порах будут лидировать левые политические группы, это окажется большой неудачей со всех точек зрения. Если в Германии космополитическое мировоззрение, как и прежде, окажется прерогативой левых, это может стать причиной очередного сдвига к национализму больших групп с центристскими установками. Еще более трудной, но в некотором смысле более важной задачей является помощь в восстановлении контактов между теми группами, коммуникация между которыми в настоящее время невозможна ввиду разных взглядов на проблемы внутренней политики. Кроме того, существуют задачи, успешному решению которых помешает любая группировка по партиям, хотя, конечно же, для любого сотрудничества некоторый минимум согласия по поводу политических идеалов имеет важное значение.

Сегодня вечером я хотел бы более конкретно поговорить о роли, которую в этой связи могут сыграть историки, а под историками я подразумеваю всех исследователей общества, существующего или прошлого. Историкам, несомненно, предстоит сыграть ключевую роль в том, что называют «переучиванием немецкого народа», так же как это было при создании идей, господствующих в Германии сегодня. Я знаю, что англичанам трудно представить, насколько в Германии велико и непосредственно влияние подобных академических трудов и насколько серьезно немцы относятся к своим профессорам — почти так же серьезно, как немецкие профессора воспринимают самих себя. Роль немецких политических историков XIX в. в создании той атмосферы поклонения идеям государственной мощи и экспансионизма, которая породила современную Германию, невозможно преувеличить. Именно этот «гарнизон выдающихся историков, — как писал лорд Актон² в 1886 г., — подготовил превосходство Пруссии и свое собственное, а теперь засел в Берлине как в крепости»; это они создали идеи, «с помощью которых грубая сила, сосредоточенная в регионе более плодородном, чем Лациум, была использована, чтобы поглотить и ужесточить расплывчатый, сентиментальный и странно-аполитичный характер прилежных немцев»³. «Возможно, — утверждал все тот же лорд Актон, — никогда не существовало другой значимой группы, которая столь мало гармонировала бы с нашим подходом к изучению истории, как та чьими, главными представителями были Зибель, Дройзен и Трейчке, а Моммзен и Гнейст, Бернард и Дункер составляли ее фланги», и которая столь много отдала утверждению «принципов, которые потом мир отверг такой ценой»⁴. И далеко не случайно, что именно Актон-историк, несмотря на его восхищение столь многими сторонами жизни в Германии, пятьдесят лет назад предвидел, что гигантская власть, обретенная весьма одаренными умами, главным образом в Берлине, была «величайшей опасностью, с которой еще предстоит столкнуться англосаксонской расе».

² Об Актоне см. главу 9.

³ German Schools of History [1886] // Essays in the Study and Writing of History. См. Также: Selected Writings of Lord Acton. Vol. 2. Fears J. R. ed. Indianapolis, Ind.: Liberty Classics, 1985—1988. P. 325—364, esp. p. 352.

⁴ Acton. German Schools of History. Op. cit. P. 355—356.

Хоть я и не могу проследить во всех деталях то, как учения историков помогли породить доктрины, господствующие сегодня в Германии, вы, вероятно, согласитесь со мной в том, что это влияние было огромным. Даже некоторые из самых омерзительных черт нацистской идеологии восходят к немецким историкам, которых Гитлер, возможно, никогда и не читал, но чьи идеи господствовали в атмосфере, в которой он воспитывался. Это особенно верно относительно всех расовых доктрин, которые разрабатывались главным образом в Германии, несмотря на то что, как я считаю, немецкие историки изначально позаимствовали их у французов. Если бы у меня было время, я бы мог показать, что такие заслуженные во всех остальных отношениях ученые, обладающие, как Вернер Зомбарт, всемирной славой, поколение назад учили тому, что по своим намерениям и задачам тождественно позднейшим нацистским доктринам. А чтобы не взваливать вину исключительно на историков, могу добавить, что и мои коллеги-экономисты добровольно стали служителями крайних националистических притязаний, так что, например, когда 40—50 лет назад адмирал Тирпиц обнаружил, что крупные промышленники весьма прохладно принимают его военно-морскую политику, он смог опереться на поддержку экономистов, чтобы убедить капиталистов в выгодах своих империалистических амбиций⁵.

Однако не приходится сомневаться, что влияние собственно историков было наиболее важным; и немало причин полагать, что в будущем влияние историков — благотворное или дурное — станет сильнее, чем в прошлом. Вероятно, сам по себе полный разрыв большинства традиций породит обращение к истории в поисках основ будущего развития. Будет написано много исторических работ о том, с чего начались все беды. Эти вопросы привлекут страстное внимание публики и почти непременно станут предметом политических диспутов.

⁵ В своих воспоминаниях Тирпиц сообщает, как один из офицеров департамента связи адмиралтейства был послан «по университетам, где все политэкономы, включая Брентано, проявили готовность оказать полную поддержку. Шмоллер, Вагнер, Зеринг, Шумахер и многие другие заявили, что расходы на флот будут производительными вложениями», и т.д., и т.п. (*Tirpitz A. von. My Memoirs. New York: Dodd, Mead, 1919. P. 143*).

С нашей точки зрения есть и дополнительная причина, по которой настоятельно необходимо помочь немцам заново изучить новейшую историю и осознать некоторые факты, которые пока неизвестны большинству их них. Не только массам немецкого народа, но почти каждому в Великобритании придется начать изучение недавней истории с изучения воздействия нацистской пропаганды, преодолеть которое будет труднее всего. Очень важно помнить, что многие факты, которые оказали решающее влияние на наше представление об ответственности немцев и о немецком характере, окажутся либо вовсе не известными большинству немцев, либо плохо сохранившимися в их памяти оттого, что они не уделяют им внимания. Вначале многие немцы будут готовы признать, что у союзников есть причины не доверять им и настаивать на далеко идущих предосторожностях против еще одной германской агрессии. Но даже наиболее разумные немцы вскоре почувствуют отчуждение из-за мер, которые покажутся им чрезмерными ограничениями, если не дать им осознать в полной мере, какие беды они принесли Европе. После предыдущей войны так и не преодолена пропасть, разделившая соответствующие взгляды двух воевавших сторон на факты, которые они ставили в вину друг другу. В результате достойной восхищения готовности забыть обо всем, продемонстрированной по крайней мере англичанами, вскоре после последней войны почти все, что не отвечало немецким представлениям о войне, было отвергнуто как «истории о зверствах». Мы, может статься, обнаружим, что не все достигавшие нас во время войны сообщения о немцах были правдой. Но это просто еще одна причина вновь тщательно исследовать все факты для отделения надежных сведений от слухов. Если последовать естественной склонности оставлять мертвым считать своих мертвецов и не собирать воедино всю грязь нацистского периода, то последствия для перспектив реального взаимопонимания с немцами будут фатальными. Нельзя допустить, чтобы самые неприятные факты недавней истории Германии были забыты, прежде чем немцы признаются в этом сами себе. Вид оскорбленной невинности, который принимали большинство немцев из-за мер урегулирования после предыдущей войны, имел главной причиной действительное незнание того, в чем их считали тогда виновными почти все в странах-победительницах.

Все это придется обсудить, и, разумеется, все это будут обсуждать плохо осведомленные политики в виде взаимных обвинений. Но если мы не хотим посеять новые семена будущих конфликтов, а желаем обрести нечто вроде общего понимания, нельзя оставлять решение этих вопросов исключительно партийным дискуссиям и националистическим страстям; необходимо позаботиться, чтобы все это рассматривали максимально бесстрастно люди, которые прежде всего стремились бы к истине. Что станет результатом этих дискуссий, особенно в Германии: новые политические мифы или нечто вроде истины, — будет в большой степени зависеть от тех историков, которых выслушает народ. Лично я не сомневаюсь, что труд историка, который определит будущее убеждение Германии, появится не извне, а изнутри страны. Нередкая ныне рекомендация победителям создавать учебники, по которым будут учиться новые поколения немцев, представляется мне огорчительно глупой. Такая попытка непременно породит результаты, обратные желаемым. Никакая вера не может быть установлена сверху; никакая история, сочиненная по заказу новой власти взамен написанной в интересах прежних правителей, как это часто бывало в истории Германии, а еще менее по заказу иностранных правительств (или написанная эмигрантами), не будет авторитетна для немецкого народа и не окажет на него влияния. Лучшим, на что можно надеяться и чему мы можем способствовать извне, будет история, которой предстоит повлиять на изменение мнений в Германии, написанная в результате искренних усилий найти истину, не подчиненная интересам власти, нации, расы или класса. И прежде всего история должна перестать быть инструментом национальной политики.

Среди всего, что предстоит пересоздать в Германии, самым трудным будет восстановление веры в объективную истину, в возможность истории, написанной не для обслуживания заинтересованных групп. Я убежден, что именно здесь международное сотрудничество может быть чрезвычайно ценным, если это будет сотрудничество свободных людей. Оно продемонстрирует возможность согласия, независимого от национальной принадлежности. Оно станет особенно действенным, если историки более удачливых стран подадут пример того, как без колебаний критиковать собственные правительства, когда они того заслуживают. Самой надежной гарантией

против развращения историков национальными переживаниями, вероятно, может служить стремление к признанию и похвале со стороны коллег из других стран, и чем теснее международные контакты, тем меньше эта опасность, а изоляция почти наверняка даст обратный эффект. Я слишком хорошо помню, как после предыдущей войны изгнание всех немцев из определенных научных обществ, исключение их из некоторых международных научных конгрессов оказалось одним из сильнейших рычагов, приведших многих немецких ученых в лагерь национализма.

Восстановление контактов с историками других стран будет ценным даже с позиций верховенства истины в историческом образовании будущих поколений немцев, и полезную роль в этом сыграют любые благоприятные условия, которые мы только сможем создать. Но как бы ни важна была строгая приверженность истине, ее одной, я убежден, недостаточно, чтобы предотвратить искажение исторической правды в процессе преподавания. Необходимо различать собственно исторические исследования и историографию, изложение истории для широких масс⁶. Я подхожу сейчас к очень деликатному и спорному вопросу, и меня, возможно, обвинят в противоречии многому из сказанного прежде. Я убежден, тем не менее, что никакая историческая концепция не может быть действенной, если не содержит скрытых или явных суждений, а ее действенность в огромной степени зависит от заложенных в ней моральных критериев. Даже если академический историк пытался сохранить «чистоту» и строгую «научность» своего труда, для широкой публики будет написана другая история, изобилующая суждениями и оценками, а потому гораздо более влиятельная. Я убежден, что именно из-за крайней этической нейтральности тех немецких историков, которые ставили истину превыше всего, из-за их склонности все «объяснять» (а значит — оправдывать) «обстоятельствами времени», из-за страха назвать черное — черным, а белое — белым, они, эти историки, были куда менее влиятельны, чем их более полити-

---

⁶ Здесь Хайек использует термин «историография» не в общепринятом значении, т.е. не как обозначение исследований методов и практики историков. Он проводит здесь различие между собственно историческими исследованиями и популярными историческими работами.

зированные коллеги. И даже при этом слабое влияние этих сторонников морального нейтралитета действовало в направлении не столь уж отличном от направления их политизированных собратьев. Именно историки — сторонники научной истины в той же степени, что их политизированные коллеги, привили немцам убеждение, что политические действия не могут оцениваться по нравственным критериям, и даже внушили им, что цель оправдывает средства. Я не в силах понять, каким образом наивысшая преданность истине может оказаться несоместимой с применением самых жестких моральных критериев в наших суждениях об исторических событиях, и мне представляется, что немцы больше всего нуждаются сейчас и нуждались прежде в сильной дозе того, что сейчас принято называть «историей в стиле виггов», т.е. в той истории, последним великим представителем которой был лорд Актон. Будущий историк должен иметь мужество осудить Гитлера за его деяния, либо все усилия историка «объяснить» эту фигуру послужат только прославлению его преступлений.

Вполне вероятно, что сотрудничество поверх границ может немало способствовать культивированию общих моральных стандартов, особенно когда мы имеем дело с такой страной, как Германия, где традиции были разрушены, а моральные стандарты в последние годы были так низки. Еще важнее, однако, что это сотрудничество будет возможным только с теми, кто готов присягнуть определенным нравственным ценностям и кто привержен им в своей работе. Должны быть определенные общие ценности и помимо приверженности истине: следует договориться, по крайней мере, что к политической деятельности должны применяться обычные моральные правила благопристойности, а помимо этого необходимо и некое минимальное согласие о самых общих политических идеалах. В последнем случае, по-видимому, не нужно ничего, кроме общей веры в ценность индивидуальной свободы и положительного отношения к демократии, но без какого-либо суеверного почитания всевозможных догматических норм, и, наконец, равная оппозиция всем формам левого или правого тоталитаризма, без попустительства практике подавления не только большинства, но и в еще большей степени — меньшинства.

Но хотя и ясно, что никакое сотрудничество невозможно без согласия по поводу общих ценностей, без своего рода согласованной программы, сомнительно, что достижению этой цели

послужит какая-либо специально составленная программа. Тот набор идеалов, который живет в моей голове, не сможет удовлетворительно выразить никакой сколь угодно искусный документ, и мало шансов, что он сможет объединить достаточное число ученых. По-видимому, гораздо действенной любой составленной по случаю программы будет некая великая фигура, в высокой степени воплощающая ценности и идеалы, которым должно служить такое сообщество ученых и чье имя послужит знаменем, объединяющим согласных с ним людей.

Я убежден, есть великое имя, подходящее к задаче столь идеально, как если бы этот человек был специально сотворен для нее. Я имею в виду лорда Актона. Рекомендация, которую я хочу вам предложить, состоит в том, что «общество Актона» может оказаться наилучшим способом помочь в осуществлении очерченных мною задач историкам нашей страны и Германии, а может, и историкам других стран. В личности лорда Актона соединяются многие черты, делающие его почти единственно пригодным для роли такого символа. По своему образованию он был, конечно, наполовину немец, а в своей исторической подготовке он был немцем в еще большей степени, и по этой причине немцы воспринимают его почти как своего. В то же время он, как, быть может, ни одна другая фигура недавнего прошлого, объединяет великую английскую либеральную традицию с лучшим, что есть в континентальной либеральной традиции, всегда используя слово «либерал» в его истинном и всеобъемлющем смысле — по выражению самого лорда Актона, для обозначения не «защитников второстепенных свобод», а тех, для кого свобода человека была высшей ценностью, а «не средством достижения более высокой политической цели»⁷.

Если нам порой представляется заблуждением та крайняя суровость лорда Актона, с которой он применял универсальные моральные критерии ко всем временам и условиям, то хорошо если критерием отбора станет согласие с его общим подходом. Я не знаю другой личности, относительно которой можно с равной уверенностью сказать, что если после войны мы обнаружим немецкого ученого, искренне согласного с его идеалами, это будет именно такой немец, с которым ни одному анг-

⁷ Cp.: *Acton. The History of Freedom in Antiquity [1877] // Selected Writings of Lord Acton. Vol. 1: Essays in the History of Liberty. Op. cit. P. 5—28, esp. p. 22.*

личанину не зазорно обменяться рукопожатием. Я полагаю, что, несмотря на все, что он вынес из Германии, он не только был более, чем большинство чистопородных англичан, свободен от всего, что мы ненавидим в немцах, но и, кроме всего прочего, раньше и яснее других распознал опасные стороны развития Германии.

Прежде, чем говорить дальше о политической философии Актона, позвольте отметить два других положительных качества, из-за которых его имя хорошо сочетается с нашей целью. Во-первых, Актон был католиком, и даже набожным католиком, но в политических вопросах всегда сохранял полную независимость от Рима и, не колеблясь, применял свои жесткие моральные критерии в суждениях об истории самого дорогого для него института — Римской католической церкви. Мне это представляется очень важным не только потому, что ради приобщения к либерализму широких масс людей, не относящихся ни к «правым», ни к «левым», следует избегать свойственной континентальному либерализму враждебности к религии, каковая враждебность в большой степени ответственна за то, что множество достойных людей оказались в оппозиции к либерализму. Еще важнее то, что католики в Германии сыграли такую большую роль в реальном противостоянии Гитлеру, что никакая организация за пределами римской католической церкви, которая не обеспечит религиозным католикам условий для сотрудничества, не сможет надеяться обрести влияние в тех широких группах людей, от которых в огромной степени будет зависеть успех их усилий. Из того немногого, что можно понять из немецкой литературы военного времени, представляется почти несомненным, что если дух либерализма и можно обнаружить в Германии, то только среди католиков. Что касается историков, то почти заведомо верно, что по крайней мере некоторые из католических историков остались куда свободнее от яда национализма и преклонения перед властью государства, чем большинство других немецких историков (я имею в виду в первую очередь Франца Шнабеля и его «Историю Германии в XIX в.»).

Другая причина того, что политическая философия лорда Актона может показаться привлекательной для многих немцев в том состоянии ума, в каком они окажутся после войны, заключается в удивительной популярности, которой, по всем признакам, пользуются в сегодняшней Германии работы

Якоба Буркхардта. Буркхардта отличал от Актона глубокий пессимизм, но объединяло, прежде всего, постоянное подчеркивание того, что власть есть сверхзло, а также противостояние централизму и симпатия к небольшому многонациональному государству. Может оказаться желательным соединить в программе общества имена Актона, Буркхардта, а также великого французского историка Токвиля, у которого так много общего с ними обоими. Вместе эти три имени, даже лучше, чем одно имя Актона, указывают на те фундаментальные политические идеалы, под влиянием которых история может стать источником политического переобучения будущей Европы, в чем она нуждается более всего, потому что эти трое лучше других продолжают традицию великого политического философа Эдмунда Бёрка, который, по словам Актона, «своими лучшими чертами являл лучшие черты Англии».

Если бы мне пришлось обосновывать выбор лорда Актона в качестве главного символа для подобной попытки, мне пришлось бы изложить его исторические принципы и политическую философию. Это достойная задача (и знаменательно, что недавно один немецкий ученый сделал соответствующую попытку⁸), но ее не выполнить за несколько минут. Я могу лишь зачитать вам из моей частной антологии Актона несколько отрывков, кратко выражающих несколько характерных для него убеждений — хотя, конечно, любая такая выборка создает одностороннее, а значит, чрезмерно «политизированное» впечатление.

Представления Актона об истории можно изложить очень кратко. «Я представляю историю, — писал он, — как нечто одинаковое для всех людей, не допускающее толкования со специальной или исключительной точки зрения». Здесь, конечно, имеется в виду не только единство истины, но и вера Актона в универсальную значимость нравственных стандартов. В связи с этим я напомним вам знаменитый отрывок из Кембриджской инаугурационной лекции, где он говорит, что «я сейчас возвышаю голос против господствующих представлений, когда призываю вас ни при каких обстоятельствах не допускать девальвации нравственности, снижения понятий о моральных

---

⁸ Вероятно, Хайек имеет в виду Ульриха Ноака, который в конце 1930-х — начале 1940-х годов написал несколько работ об Актоне.

устоях, наоборот, всегда оценивать других исходя из принципа, управляющего вашей собственной жизнью, и не допускать, чтобы человек или дело ускользнули от бессмертного приговора, который история имеет силу произнести над заблуждениями и преступлениями»⁹.

Этот аргумент Актон более подробно развивает в письме к коллеге-историку, которое мне хотелось бы процитировать полностью, но я могу зачитать лишь одну-две фразы. Здесь он выступает против посылки, что великие исторические фигуры следует судить «не так, как других, но с благосклонным допущением, что они не совершали зла. Если здесь и возможно допущение, оно направлено против обладателей власти, и это допущение растет вместе с ростом властных полномочий. Историческая ответственность должна восполнить потребность в правовой ответственности. Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Великие люди почти всегда порочны, даже когда они правят с помощью убеждения, а не принуждения, и они тем порочнее, чем более развращены властью. Нет худшей ереси, чем идея о том, что должность оправдывает ее обладателя. Именно в этой точке встречаются и торжествуют отрицание католицизма и отрицание либерализма»¹⁰.

И он заключает: «На мой взгляд, именно в негибкой целостности морального кодекса заключается секрет власти, достоинства и пользы истории»¹¹.

Выбранные мною цитаты, иллюстрирующие политическую философию Актона, должны быть еще менее систематическими и более отрывочными, поскольку я выбирал подходящее к нынешней ситуации и к уже сказанному мною. Приведу без комментариев несколько цитат не столь затасканных, как приведенные выше. Может быть, недавние события облегчат оценку значимости некоторых утверждений, вроде следующего

⁹ *Acton. The Study of History [1895] // Acton. Essays in the Study and Writing of History. Op. cit. P. 504—552, esp. p. 546. Рус. пер.: Актон Дж. Об изучении истории // Актон Дж. Очерки становления свободы. Лондон, 1992.*

¹⁰ Письмо епископу Манделлу Крейгону. April 4, 1887. *Ibid.* P. 409—433, esp. p. 424.

¹¹ *Ibid.*, p. 384. Рус. пер.: Актон Дж. Принцип национального самоопределения // Актон Дж. Очерки становления свободы. Лондон, 1992. С. 40.

размышления о том, что мы теперь называем «тоталитаризмом»: «Едва только какая-либо вполне определенная вещь провозглашается высшей целью государства, будь то классовые преимущества, безопасность или могущество страны, наибольшее благоденствие наиболее многочисленной группы населения или борьба за утверждение какой-либо спекулятивной идеи, тотчас и с неизбежностью государство получает в свои руки абсолютную власть. Одна лишь только свобода, или, лучше — вольность, требует для своего осуществления ограничения общественной власти, ибо вольность есть единственная вещь, которая всем благоприятствует в равной мере и не навлекает на себя ничьей искренней оппозиции»¹².

Или возьмите следующее: «Истинно демократический принцип, что никто не должен властвовать над народом, обычно понимается так, что никто не должен иметь возможности ограничивать его власть или избавиться от нее. Истинно демократический принцип, согласно которому народ не следует принуждать к тому, чего он не желает, понимается так, что никогда не следует от него требовать смиряться с тем, что ему не по нраву. Истинно демократический принцип, согласно которому свободная воля каждого должна быть по возможности свободна, понимается так, что свободная воля коллектива не должна быть стеснена ничем»¹³.

Или: «Теория, отождествляющая свободу с единственным правом, правом делать все, что ты в состоянии сделать, и теория, которая ограждает свободу некими нерушимыми правами и основывает их на истине, не людьми сформулированной и кою они не в силах опровергнуть, не могут одновременно быть образующими принципами одной и той же конституции. Не могут сосуществовать абсолютная власть и ограничения власти. Это всего лишь новая форма старого спора между духом истинной свободы и ловко замаскировавшимся деспотизмом».

И, наконец: «Свобода зависит от разделения власти. Демократия тяготеет к единству власти. Чтобы не допустить слия-

---

¹² *Acton. Nationality [1862] // Essays in the History of Liberty. Op. cit. P. 409—433, esp. p. 424. Актон Дж. Принцип национального самоопределения // Актон Дж. Очерки становления свободы. Лондон, 1992.*

¹³ *Acton. Sir Erskine May's 'Democracy in Europe' // ibid. P. 54—85, esp. p. 80.*

ния действующих сил власти, следует разделить источники; это значит, что нужно создать независимые административные системы или поддерживать их существование. В видах увеличения демократии можно обратиться к ограниченному федерализму для предохранения от концентрации и централизации [власти]»¹⁴.

Пожалуй, важнейший аргумент Актон сформулировал в эссе о национальности, где он мужественно противопоставляет господствующей доктрине (выраженной Дж. С. Миллем: «Необходимое условие свободных институтов, вообще говоря, состоит в том, чтобы границы, в которых правомочны правительства, в основном совпадали с границами национальными»¹⁵) противоположное воззрение, согласно которому «сосуществование нескольких наций в одном государстве является одновременно и свидетельством, и гарантией его свободы. Оно, кроме того, есть один из важнейших рычагов цивилизации и в качестве такового находится в согласии с естественным и провиденциальным порядком, указывая нам государство более совершенное, чем государство национального единства, выдвинутое в качестве идеальной модели современным либерализмом»¹⁶. Никто из знающих Центральную Европу не станет отрицать ни того, что здесь нельзя рассчитывать на устойчивый мир и продвижение цивилизации до тех пор, пока эти идеи не одержат верх, ни того, что наиболее практичным решением проблем этой части мира является федерализм того типа, который отстаивал Актон.

И не говорите, что эти идеалы — утопия и, следовательно, не стоят того, чтобы за них бороться. Именно *потому*, что эти идеалы могут быть реализованы только в более или менее отдаленном будущем, историк может руководствоваться ими без риска быть вовлеченным в партийные страсти. Как учитель —

¹⁴ Письмо Марии Гладстон от 20 февраля 1882 г. в: Letters of Lord Acton to Mary, Daughter of the Right Hon. W. E. Gladstone. Ed. Herbert Paul. London: Macmillan, 1913. P. 98.

¹⁵ Mill J. S. Considerations on Representative Government [1861] // Essays on Politics and Society. Vol. 19 of the Collected Works of John Stuart Mill. Toronto: University of Toronto Press; London: Routledge & Kegan Paul, 1965. P. 371—577, esp. p. 548. [Рус. изд.: Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении. М.: Социум. 2006.]

¹⁶ Актон Дж. Принцип национального самоопределения. Op. cit.

а историк не может не быть политическим учителем будущих поколений, — он не должен подчиняться соображениям о быстро достижимом; руководствоваться нужно тем, что считают желательным достойные люди, но что выглядит нереализуемым при существующем состоянии общественного мнения. Историк, желает он того или нет, формирует политические идеалы будущего, и именно поэтому сам должен руководствоваться высочайшими идеалами и сохранять независимость от текущих политических дискуссий. Чем выше его политические идеалы и чем менее он связан с текущими политическими движениями, тем больше у него оснований надеяться, что в долгосрочной перспективе он сделает осуществимым то, к чему мир сегодня еще не готов. Я даже подозреваю, что ориентация на отдаленные цели обеспечивает такому историку большее влияние на современников, чем модному сейчас типу «грубого реалиста».

У меня почти не возникает сомнений, что значительная группа историков или, лучше сказать, исследователей общества, приверженных идеалам, воплощенным в трудах лорда Актона, может стать источником великого блага. Вы спросите — но что может сделать для этой цели формальная организация вроде предлагаемого мною общества Актона? На это отвечаю, что я не стал бы ожидать слишком многого от деятельности самой организации, но рассчитывал бы на то, что она в ближайшем будущем послужит орудием восстановления многочисленных контактов между отдельными людьми, живущими в разных странах. Нет нужды еще раз подчеркивать, почему я считаю столь важным, чтобы наши возможные помощь или сотрудничество не концентрировались главным образом в правительственных или официальных каналах. Но отдельному человеку еще очень долгое время будет трудно добиться чего-либо в изоляции. Чисто технические трудности поиска по другую сторону границы того, с кем хотелось бы сотрудничать, будут еще более значительными. Такое общество (а может быть, это должен быть своего рода клуб с ограниченным членством) оказывало бы большую помощь во всем этом.

Но, хотя самой важной задачей я считаю облегчение контактов между людьми и хотя едва ли возможно обрисовать в подробностях, каковы могут быть коллективные действия общества, я убежден, что их возможности далеко не ничтожны, и в первую очередь в издательской сфере. Можно сделать многое

для воскрешения и популяризации работ тех немецких авторов, которые в прошлом представляли политическую философию, согласующуюся с нашими идеалами более, чем та, которая правила бал в последние 70 лет. Может оказаться полезным даже издание журнала, посвященного обсуждению проблем новейшей истории, поскольку он мог бы направить дискуссии на выяснение более перспективных вопросов, чем распространенные после предыдущей войны перебранки о «виновниках войны». Возможно, что и в этой стране и в Германии журнал, посвященный не собственно результатам исторических исследований, а ориентированный на широкую публику, может оказаться и успешным, и эффективным, если его возглавят ответственные историки. Разумеется, нельзя и предположить, что общество как таковое сможет разрешить какие-либо противоречивые вопросы, но, предоставив форум для обсуждения и возможности для сотрудничества между историками разных стран, оно сослужит весьма полезную службу.

Однако мне не следует углубляться в обсуждение подробностей. Моей задачей было не завоевать поддержку конкретного проекта, а вынести предварительное предложение на ваше критическое рассмотрение. Чем больше я размышляю о том, какую пользу могло бы принести такое общество, тем больше меня привлекает эта идея, поэтому нет смысла и дальше предаваться этому занятию, а надо испытать идею на других. Так что если вы сообщите мне, имеет ли, по вашему мнению, смысл сделать некоторую попытку в этом направлении и представляется ли вам имя лорда Актона подходящим символом для создания такой ассоциации, вы тем самым поможете мне решить, стоит ли и дальше работать над этой идеей или следует отказаться от нее¹⁷.

---

¹⁷ Хайек, конечно же, не отказался от этой идеи. Он подготовил конференцию в Швейцарии, на которой образовалось общество Мон-Пелерен. См. его выступление на открытии конференции в главе 12.

Глава 9

ВОЗРОЖДЕНИЕ: О ЛОРДЕ АКТОНЕ (1834–1902)¹

Инстинктивно понимая источник силы своих противников, покойный профессор Гарольд Ласки однажды написал, что «примером неоспоримой силы... является воззрение, что [Токвиль] и лорд Актон были главными либералами XIX в.»² Теперь все чаще признается, что это так — по крайней мере отчасти. Традиция вигов, которую они представляют, т.е. британский элемент в той немислимой смеси, которую являл собою европейский либерализм, постепенно отделяется от элементов французской интеллектуалистской демократии, заглушавшей многие ценнейшие ее черты. По мере того как тоталитарные свойства французской традиции проявляются все отчетливее³, становится все более важным обнаружить источники великой традиции, которую имел в виду лорд Актон, когда писал: «Лучшие черты Бёрка являют лучшие черты Англии». Похоже, что спустя сто с лишним лет наконец признана фундаментальная истина, которую так блистательно выразил великий американец Френсис Либер в своем эссе «Англичанин и галльская свобода»⁴. Лорд Актон приобрел такое значение сегодня именно как последний представитель традиции английских вигов и важнейшего из ее порождений — американской революции.

---

¹ Опубликовано под названием «The Actonian Revival» (*The Freeman*, March 23, 1953. P. 461–462), рецензия на книги: *Himmelfarb G.* Lord Acton: A Study on Conscience and Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1952 и *Fasnacht G. E.* Acton's Political Philosophy: An Analysis. New York: Viking, 1953.

² *Lasky H. J.* Alexis de Tocqueville and Democracy // The Social and Political Ideas of Some Representative Thinkers of the Victorian Age. Hearnshaw F. J. C. Ed. London: George C. Harap, 1933. P. 100.

³ См.: *Talmon J. L.* The origins of Totalitarian Democracy. London: Secker and Warburg, 1952.

⁴ *Lieber F.* Civil Liberty and Self-Government [1849], 3rd ed. Woolsey T. D. London: J. B. Lippincott, 1881. P. 51–55. P. 279–296.

Он сам превосходно осознавал свою интеллектуальную родословную, и большая часть характерных его высказываний легко возводится к источникам XVII—XVIII столетий (ср., например, опасения Мильтона, что «длительное пребывание у власти может испортить наичестнейшего человека»⁵). Хотя сам Актон так и не удосужился изложить свои взгляды систематически, собрание его исторических эссе и лекций является, пожалуй, наиболее полной суммой того истинного либерализма, который по-прежнему представляется мне лучшей совокупностью ценностей, рожденных западной цивилизацией и столь отличен от того радикализма, что привел к социализму. Не счесть страданий, от которых был бы избавлен европейский континент, если бы возобладали эта традиция, а не интеллектуалистская версия либерализма, которая своей яростью и религиозной нетерпимостью безнадежно разделила Европу на два лагеря.

Широкое возрождение интереса к трудам лорда Актона — и Токвиля — является, таким образом, долгожданным и многообещающим знаком. В последние несколько лет помимо статей в научных журналах появились исследования епископа Мэтью о юности Актона, ценное эссе о нем профессора Герберта Баттерфилда и подготовленный мисс Химмельфарб сборник статей Актона, изданный в 1948 г. под названием «Свобода и власть»⁶. Было объявлено издание полного собрания сочинений Актона⁷, и одновременно с двумя рецензируемыми книгами⁸ появилось долгожданное издание его «Эссе о церкви и государстве», подготовленное м-ром Дугласом Вудраффом⁹.

⁵ The Readie and Easie Way to Establish a Free Commonwealth [1660] // The Complete Prose Works of John Milton. Ed. Harold Kollmeir. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1980. Vol. 7. P. 434.

⁶ *Mathew D.* Acton, the Formative Years. London: Eyre & Spottiswoode, 1946; *Butterfield H.* Lord Acton // Pamphlets of the English Historical Association. Vol. 69. London: G. Philip, 1948; Acton. Essays on Freedom and Power. Selected and with introduction by Gertrude Himmelfarb. Boston: Beacon Press, 1948.

⁷ Но до сих пор не опубликовано. Можно использовать издание: Fears J. R. Ed. Selected Writings of Lord Acton. Op. cit.

⁸ См. выше, прим. 1.

⁹ *Woodruff D., ed.* Essays on Church and State. London: Hollis & Carter, 1952.

Тем не менее две рецензируемые книги — мисс Химмельфарб «*Lord Acton: A Study on Conscience and Politics*» и Д. Е. Фаснахта «*Actones Political Philosophy: An Analysis*» — первые образцы удовлетворительного изложения его идей в целом. Более того, они не конкурируют между собой, а дополняют друг друга. Мисс Химмельфарб подготовила очень толковый обзор эволюции идей лорда Актона, а м-р Фаснахт принял систематический, тема за темой, обзор этих идей. Оба автора основательно поработали над хранящимся в библиотеке Кембриджского университета огромным собранием рукописей Актона, и в итоге пролит новый свет на многие идеи Актона, которые в случайных публикациях выражались лишь афористически. Сам долго будучи последователем и поклонником Актона, я должен с признательностью отметить, что многие внешние противоречия в его высказываниях разрешились только благодаря сочувственному описанию мисс Химмельфарб процесса медленного роста и постепенного изменения его взглядов. Кроме того, на основании имеющихся документов она реконструирует наиболее критические эпизоды жизни Актона, его реакцию на провозглашение Ватиканским собором в 1870 г. принципа непогрешимости папы, о которой до сих пор не было известно из-за сокрытия соответствующих писем этого периода¹⁰. Эта книга, несомненно, представляет собой наилучшее введение в идеи Актона, даже несмотря на то что автор, по-видимому, несколько преувеличивает степень отхода Актона от характерной для вигов позиции раннего Бёрка; может быть, именно поэтому ее привел в недоумение тот факт, что Актон, который всецело и неизменно одобрял американскую революцию, остался весьма критичен к французской.

Подготовленный вводной книгой м-с Химмельфарб читатель с пользой для себя обратится к не столь легкой для чтения, но не менее тщательно и научно составленной книге м-ра Фаснахта, посвященной зрелому периоду мышления Актона. Здесь читатель встретит прямое изложение мыслей Актона, зачастую его же собственными словами. Хотя м-р Фаснахт хорошо представляет себе динамику развития идей Актона, он взялся продемонстрировать, что они представляют собой внутренне согласованную систему, и для этого приводит как можно

¹⁰ См.: *Lord Acton on Papal Power*. Compiled by H. A. MacDougal. London: Sheed & Ward, 1973.

больше материала, так что появляется возможность устранить провалы, возникающие из-за фрагментарности высказываний самого Актона. Результатом стал восхитительный источник для исследования. Сюда вошли многие записи из сотен картотечных ящиков, в которых Актон накапливал материалы для своей «Истории свободы», этой «величайшей из ненаписанных книг». Здесь материал не только для множества докторских диссертаций, но и для нескольких хороших книг, которые, я надеюсь, будут со временем написаны. Вдумчивый читатель найдет здесь много возможностей поупражнять собственную проницательность на труднейших проблемах политической философии.

Глава 10

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ГЕРМАНСКАЯ НАЦИЯ?¹

Обычному человеку трудно поверить, что все слышанное им о немцах может быть правдой, и почти невозможно поверить в это тем, кто непосредственно знаком с определенными сторонами жизни Германии. Тем, кто имеет достоверное представление о преступлениях, совершенных десятками тысяч немцев во время [Второй мировой] войны, трудно поверить, что в этом не проявилась общая природа немецкого народа, и они нередко пытаются забыть все иное, что им было известно о Германии. С другой стороны, те, кто был близко знаком с лучшими сторонами немецкой жизни, несмотря ни на что пытаются уверить себя, что все, что мы слышим сейчас, есть плод жуткого преувеличения и деяния сравнительно немногих. И всё же все подобные попытки замалчивать факты ради непротиворечивого представления пагубны для понимания проблемы Германии. Любое истинное изображение этого народа должно начинаться с осознания того, что оно включает крайние противоположности.

Громадное достоинство нового обзора немецкой истории, предпринятого профессором Вермейлем², — отсутствие искажений, создаваемых стремлением к ложно понимаемой последовательности. Его книга, представляющая собой последний и наиболее зрелый плод великой сорбоннской школы германистики, замечательна во многих отношениях. Она замечательна своим духом, всеобъемлюща по своему интересу, в ней проявлена почти невероятная осведомленность о мельчайших

---

¹ Рецензия на книгу *Vermeil E. Germany's Three Reichs*. London: A. Dakers, 1944. Опубликовано в: *Time and Tide*. March 24, 1945. P. 249—250. Хайек отмечает, что «при цитировании я везде опускал курсив, изобилие которого является единственным серьезным недостатком этой во всех остальных отношениях замечательной работы».

² См. предыдущее примечание.

событиях немецкой истории и литературы, и она изумительна способностью проявлять сочувствие к весьма странным явлениям. В очень сжатом виде автор рассматривает огромный материал, а изобилие кратких напоминаний о малоизвестных фигурах и событиях есть дань образованности французского читателя, для которого книга и написана. Такого рода путеводитель по лесной чаще, который то и дело останавливает нас, чтобы, двигаясь быстро, мы все-таки могли заметить характерные детали, не может быть легким чтением. Временами прочитанное представляется частью сложной мозаики, слишком большой, чтобы ее охватить всю одним взглядом. И все же при всех видимых недостатках эта книга рисует наиболее правдивую картину, хотя, возможно, и не полную.

О чисто исторической части книги сказать нечего, за исключением того, что здесь собраны все основные ингредиенты, которые пошли на созидание современной Германии: от «великолепного, но короткого расцвета городов» в XIV—XV вв. до форсированного развития экономики при Бисмарке, который несуществующую буржуазию подменил классом нуворишей, «отчаянно пытавшихся обрести отсутствовавшие традиции»; интеллектуальное развитие от великой эпохи Лейбница и Баха или Гёте и Бетховена до позднейших работ Ницше и Х. С. Чемберлена; и религиозное развитие от лютеранства до религиозного безразличия, которое «направило обманутый и разочарованный религиозный инстинкт на науку, искусство, литературу или, наконец, на нацию, понятую как имперская общность». Даже когда утверждения автора поначалу ставят в тупик, как, например, замечание о послушном большинстве, на которое Бисмарк рассчитывал, но которого он никогда не имел, или о Гитлере, как о «человеке компромисса, который в этом отношении, быть может, явился преемником Бисмарка», — по некотором размышлении они оказываются одновременно и верными и поучительными.

История Германии, однако, представляет собой лишь рамку, которая нужна профессору Вермейлю для достижения главной цели — «объяснить принципиальную агрессивность» третьего Рейха. Он не облегчает себе задачу и определенно не слеп к возвышенным и привлекательным чертам истории Германии. Он даже подчеркивает, что «гуманистическая Германия существовала всегда и продолжает существовать за фасадом гитлеровской империи» и что «войну превозносит меньшин-

ство немцев, а большинство ее ненавидит, но принимает и участвует в ней». Однако все это лишь часть аргумента, объясняющего, почему «как организованная нация, немцы делаются невыносимы». Некоторые отвергнут книгу именно из-за той строгой справедливости, с которой профессор Вермейль признает и даже подчеркивает все положительные качества немцев. Но для меня подлинная картина того, как смесь, избыливающая такими хорошими основами, породила нацистский ужас, является и более поучительной и более страшной, чем если бы была нарисована одной только черной краской.

Заключительная часть книги под названием «Психологический контур и проекция в будущее» с описанием характерных различий между германскими племенами и весьма глубоким сравнением Германии и России представляет собой маленький шедевр, который следовало бы прочесть даже тем, кому не хватит времени на объемистую книгу. Но самые глубокие размышления появляются в тексте по мере постепенного продвижения к выводам. Одним из самых плодотворных является короткое рассуждение, в котором профессор Вермейль исправляет знакомое немцам противопоставление цивилизации и культуры, заменяя его истинной оппозицией цивилизации и политики. Мне бы хотелось процитировать множество других высказываний, столь же кратких и емких, но придется ограничиться лишь еще одним. По-видимому, я верно толкую профессора Вермейля, когда выделяю в качестве главного вывода книги довольно рано встретившееся заключение, где он утверждает, что «Германия никогда не могла быть, не была, а в силу обстоятельств заведомо никогда не будет по-настоящему национальным государством».

Может, я лучше проиллюстрирую значение этого вывода указанием на факт, пониманием которым я косвенно обязан профессору Вермейлю, прояснившему для меня то, что я прежде лишь смутно сознавал. Речь идет о фундаментальном различии между национальными чувствами немцев и большинства других народов, — по крайней мере всех более старых народов. Если англичанин, француз или американец по какой-либо причине захочет быть в большей степени англичанином, французом или американцем, он посмотрит на окружающих и постарается быть похожим на них. С немцем все иначе: он придумывает теорию о том, каким должен быть немец, а затем пытается соответствовать (или не соответствовать)

своему идеалу, сколь бы это ни отличало его от его соотечественников. Звучит абсурдно, но вопрос ведь стоит так: а что еще он может сделать? Все было бы просто, попытайся он быть баварцем, швабом или пруссаком. Но что представляют или представляли собой характерные черты, общие для большинства немцев? Бесспорно, за последние семьдесят лет многие качества, которые принято было считать специфически прусскими, стали весьма распространенными во всей Германии. Но в целом это не сделало их популярными или желательными даже в Германии, и распространились они лишь в силу отчаянного стремления к выработке общего национального характера, которое даже тех немцев, которые не одобряли в программе Гитлера ничего, позднее привело к тому, что в нацистском движении они увидели «нечто полезное».

Именно это отсутствие общих свойств и объясняет, почему вряд ли найдется такая добродетель, которую немцы не объявили бы чертой национального характера, и вряд ли найдется такой порок, который они не посчитали бы своим собственным, если он, по их мнению, придаст им нечто общее.

Это страстное стремление стать нацией представляется единственной общей чертой современных немцев. Ужасно, что Гитлер в самом деле впервые в истории создал единую нацию немцев. Но в том, что этого исхода уже не изменить, беды нет, и очарованность новым объединителем вовсе не представляет перманентной опасности. Конечно, навязать Германии бессрочное расчленение означает почти наверняка привести ее к новой вспышке жажды объединения. Но ведь есть и лучшие методы помешать Германии возникнуть вновь как объединенной нации в такой форме, которая неприемлема. Если какое-нибудь центральное правительство, которое сохранится в Германии после поражения, надолго останется под контролем союзников и развитие глубокой автономии ее земель сделается единственным путем к независимости и если перспектива принятия этих земель в западное сообщество наций будет зависеть от их успехов в создании устойчивых представительских институтов, то вполне можно надеяться, что они в конце концов удовлетворятся слабыми федеральными узлами и без каких-либо формальных запретов на воссоединение. Но это будет в значительной мере зависеть от схемы организации, которую предложит Западная Европа, т.е. от того, в какой степени европейцы сумеют за это время привести в порядок свой общий дом.

Глава 11

ПЛАН БУДУЩЕГО ГЕРМАНИИ¹

Ни буква закона, ни ложный гуманизм не должны помешать совершить акт возмездия в отношении виновных немцев. Смерти заслуживают тысячи, а может, десятки тысяч, и никогда в истории поиск виновных не был столь легким. Положение в нацистской иерархии почти заведомо свидетельствует об уровне виновности. Союзникам следует лишь решить, сколько человек они готовы казнить. Если они начнут с нацистских главарей, то почти наверняка число хладнокровно расстрелянных будет куда меньше числа тех, кто заслужил смерть. Но с точки зрения будущего Германии, да и всего мира, опасность в том, что мы можем дрогнуть перед этой задачей и, не удовлетворенные местью, позволим желанию возмездия оказывать влияние на нашу долгосрочную политику, тогда как значение будет иметь только ее эффективность. Немцы ведь так и останутся многочисленным народом, живущим в сердце Европы, и если мы не сможем завоевать их для западной цивилизации, в долгосрочной перспективе война окажется проигранной. Если Германия останется тоталитарной, за ней последует весь европейский континент.

Долгосрочная политика возвращения немцев в лоно западной цивилизации имеет три основных аспекта: политический, экономический и образовательный, или психологический. Последний, по-видимому, является самым важным. И если я все-таки начинаю с обсуждения желательного политического и экономического устройства, то лишь потому, что убежден, что к проблеме переобучения нужно подходить по большей части опосредованно. Но, прежде чем мы сможем приступить к этому, необходимо открыто отбросить некоторые бытующие заблуждения, в силу которых многие популярные дискуссии тяготеют к крайним решениям, равным образом неверным.

---

¹ Опубликовано с подзаголовком «Decentralisation Offers Some Basis for Independence» в The Saturday Review of Literature. June 23, 1945. P. 7—9, 39—40.

Неверно и то, что испорченность немецкого ума затрагивает только нацистское меньшинство или что она есть порождение тенденций, действовавших после предыдущей войны. Точно так же неверно, что немцы всегда были такими. Существующее состояние умов было создано длительным и постепенным процессом, который для большинства немцев начался с того, что 75 лет назад Бисмарк создал Рейх. Трудно отрицать, что сто лет назад большая часть Германии все еще была составной частью западной цивилизации, по сути неотличимой от других. Но следует отдавать себе отчет в том факте, что сейчас большинство немцев окажутся в той или иной степени заражены нацистскими идеалами, в том числе большая часть тех, кто уверен, что уж они-то сделали все, чтобы не попасть под влияние нацистской пропаганды.

Не приходится сомневаться, что в Германии мы почти везде будем находить моральную и интеллектуальную пустыню. В ней обнаружатся изолированные оазисы, небольшие группы прямых и отважных людей, которые в основном разделяют наши мнения, и при этом их убежденность подверглась таким испытаниям, которые неведомы нам. Но эти немногочисленные немцы окажутся почти полностью изолированы друг от друга. Для остальной части народа проблемой будут, скорее всего, не конкретные убеждения, которых они придерживаются, а отсутствие любых убеждений, глубокий скептицизм и цинизм по отношению к любым политическим идеалам, а также потрясающее неведение о том, что произошло в действительности. По крайней мере вначале будут изобиловать добрая воля и готовность начать все заново. Заметнее всего окажется бессилие благих намерений, лишенных объединяющего элемента тех общих моральных и политических традиций, которые мы воспринимаем как данность и которые в последние двенадцать лет были в Германии разрушены до основания.

Это трудное, но не безнадежное положение. Оно было бы безнадежным, не будь в Германии людей, по-прежнему приверженных тем взглядам, которым мы желаем новой победы. Но, если только не все они были убиты в последние два года, есть основания полагать, что в Германии таких людей мы найдем, и будет их, конечно, немного, но и не мало в сравнении с числом независимо мыслящих людей в любой нации. На них должна основываться наша надежда, и для них мы должны создать возможности и предоставить шансы на возвращение

их народа в лоно того, что некогда было общей европейской цивилизацией.

Политическая проблема заключается главным образом в том, чтобы отвратить честолюбие немцев от идеала крайне централизованного германского Рейха, от идеала нации, объединенной для общего действия, — ведь уже до 1914 г. немцы были объединены как никакая другая цивилизованная нация. Нет сомнений, что мы должны предотвратить новое возникновение такого сверхцентрализованного германского Рейха, поскольку централизованная и сверхинтегрированная Германия всегда будет представлять опасность для мира.

Но здесь мы сталкиваемся с серьезной дилеммой. В долгосрочной перспективе программа непосредственного расчленения Германии и запрета на ее объединение почти непременно обречена на провал. Это был бы надежнейший способ вновь возбудить самый свирепый национализм и превратить воссоединение и централизацию Германии в главную цель всех немцев. Некоторое время мы сможем сдерживать этот натиск. Но в конечном счете любые меры, не опирающиеся на согласие немцев, обречены на провал; все наши решения должны быть подчинены одному главному правилу: любое успешное решение должно сохраниться и тогда, когда мы не сможем больше поддерживать его силой.

Представляется, что существует только одно решение этой проблемы: заявить немцам, что любое их центральное правительство в течение неопределенного времени будет находиться под контролем союзников, что постепенно освободиться от этого контроля они смогут, развивая институты представительной демократии на более низком уровне в странах, составляющих Рейх, что в ближайшем будущем это их единственный путь к независимости и что только от них зависит, когда они смогут достичь независимости.

Эти разъединенные германские государства должны, конечно, включать как те, которые давно поглощены Пруссией, так и те, которые сохраняли некоторую автономию до 1933 года. Против расчленения Пруссии и возрождения таких государств, как Ганновер, Вестфалия или Рейнланд не только нет никаких возражений, но это расчленение также является существенным залогом успеха любого плана. Не следует бояться, что оно породит националистическую реакцию того же рода, что и непосредственное расчленение самого Рейха. Большая часть

граждан этих государств будет приветствовать расчленение, так как традиции независимости там вовсе не умерли.

Для разных государств Германии сроки обретения независимости от прямого контроля со стороны союзников будут, скорее всего, очень различны. Государства, расположенные на западе и юго-западе вроде Бадена и Вюртемберга, а также старые ганзейские города вроде Гамбурга и Бремена еще хранят много следов демократических традиций и, скорее всего, достигнут успеха за несколько лет. Другим понадобится куда больше времени, а некоторым, вроде старой Пруссии, у которой практически нет таких традиций, потребуются очень долгий срок. Крайне важна сама постепенность процесса, разрыв между сроками обретения независимости различными государствами.

Процесс освобождения должен быть направлен к такому состоянию дел, при котором контроль союзников все больше будет сводиться к роли правительства федерации или даже конфедерации. Важность этого постепенного процесса передачи власти отъединенным государствам в том, что в противном случае контроль со стороны союзников просто поможет подготовить другую крайне централизованную систему управления, которую в итоге передадут в руки немцев. Контролируемому союзниками центральному правительству недолго придется полагаться на большую оккупационную армию. Все, что ему понадобится — правда, понадобится до тех пор, пока оно будет существовать, — сравнительно небольшие и эффективные ударные силы для приведения в повиновение непокорных государств.

Нет нужды объявлять запрещение объединения впоследствии германских государств. То, что они будут созревать для освобождения от контроля союзников в разные сроки и что большинству из них придется создавать новый порядок самостоятельно, когда немалая часть остальных немецких территорий все еще будет под контролем союзников, само по себе работает в нужном направлении. Можно надеяться, что к тому времени, как первое из разъединенных государств созреет для освобождения из-под союзного контроля, ему уже будет не обязательно становиться полностью независимым государством. Вполне удовлетворительного решения можно было бы достичь путем создания к тому времени некой федерации европейских государств, готовой принять такие государства в свой

состав. Снятие союзного контроля означало бы просто переход из квазифедерации, в которой администрация союзников надзирала бы за осуществлением «федеральной» власти, в федеративный союз с негерманскими государствами, равноправными членами которого стали бы и германские государства. Таким образом западные германские государства могли бы постепенно перейти в федерацию, состоящую, скажем, из Бельгии, Голландии и скандинавских стран. Некоторым другим германским государствам можно было бы для начала позволить вступить в схожие отношения с Чехословакией, Австрией и, быть может, Швейцарией. Со временем, по мере достижения соответствующего статуса все большим числом германских государств, для сохранения баланса понадобится гораздо более всеобъемлющая европейская федерация с участием Франции и Италии.

Но даже если эти надежды окажутся утопией, есть веские причины ожидать, что после периода раздельного существования разъединенные германские государства будут далеки от стремления еще раз растворить свои индивидуальности в чрезвычайно централизованном Рейхе. На это можно рассчитывать уже при том условии, что политика союзников, особенно их экономическая политика в переходный период, преуспеет в вовлечении отдельных немецких государств в как можно более тесный союз с их негерманскими соседями.

Но здесь встает очень важный вопрос экономической политики и экономического регулирования. Тут, похоже, снова есть всего один вид эффективного регулирования, осуществимого в долгосрочной перспективе: навязать всей Германии режим свободной торговли. Это важнейшая часть всего плана, без которого он не сработает, и она решает многие проблемы, которые иначе не разрешимы.

Когда я уподобил власть подчиненного союзникам центрального правительства федеральному правительству, это, естественно, означало, что оно будет управлять и торговой политикой. Дать разъединенным государствам возможность определять условия внешней торговли означало бы предоставление им слишком большой власти над своими экономическими системами. С другой стороны, сохранить систему таможенных тарифов, общую для всей немецкой экономики, означало бы воссоздание централизованной и самодостаточной системы, т.е. того, что мы должны предотвратить. Мы хотели бы достичь

того, чтобы Германия специализировалась в тех областях, где она сможет внести наибольший вклад в процветание всего мира, и при этом ее экономика должна переплестись с хозяйственными системами других стран таким образом, чтобы она могла процветать лишь посредством непрерывного обмена товарами с внешним миром.

Именно это обеспечивает режим свободной торговли — и обеспечивает с помощью одной-единственной системы регулирования, причем такой, которую невозможно обойти. Тем самым Германия получит возможность вновь добиться процветания, при этом не становясь опасной. Она станет в огромной степени зависеть от импорта продовольствия, за которое придется расплачиваться экспортом продуктов обрабатывающей промышленности. Даже если есть некоторая вероятность того, что в отдельных отраслях обрабатывающей промышленности германское правительство станет с помощью тайных субсидий подрывать воздействие режима свободной торговли, эту политику невозможно проводить в отношении всех важнейших пищевых и сырьевых материалов, которые в условиях свободной торговли производить внутри страны не удастся. А единственная сфера регулирования, где невозможно действовать тайно, — регулирование импорта, осуществляется ли оно с помощью пошлин или других ограничений, поскольку страны, экспорт которых будет подорван, неизбежно сразу это заметят.

Несмотря на то что крайне важно создать условия, поощряющие развитие Германии в желательном направлении, это решит, разумеется, лишь часть проблем. Есть еще и реальная задача переобучения, задача чрезвычайно трудная и деликатная, и именно в этой сфере проекты, о которых говорят громче всего, наиболее вероятно породят результаты, противоположные желаемым. Представление, что можно заставить немцев мыслить так, как этого хотелось бы союзникам, и что этого можно достичь, предоставив подходящие учебники для обучения будущих поколений немцев и навязав новый официальный символ веры взамен прежнего, — не только впадение в ошибку тоталитаризма, но и ребячески глупая идея, способная лишь дискредитировать саму идею, которую все мы хотим распространить. Нет, если и добиваться устойчивого изменения господствующих в Германии нравственных и политических доктрин, то лишь посредством идущего внутри страны постепенного процесса, направлять который должны те немцы, которые

поняли природу порчи, поразившей их страну. Даже если таких людей окажется много меньше, чем я предполагаю, они наша единственная надежда. Нам следует стремиться не к распространению новых учений, а к возрождению веры в то, что истина и объективные моральные критерии возможны и необходимы не только в частной жизни, но и в политике. Нужно возродить готовность принимать и исследовать новые идеи, а этого не достичь, вбивая людям в голову готовые наборы принципов. Этот процесс, как и всегда бывает с распространением идеалов, должен быть постепенным, нисходящим по интеллектуальной лестнице от людей, научившихся мыслить критически, к ушам тех, кто просто принимает устное или печатное слово. Проблема будет в том, чтобы найти граждан Германии, способных начать этот процесс, и помочь им, стараясь при этом не дискредитировать их в глазах собственного народа, что неизбежно случится, если они окажутся орудиями союзных правительств. Но, прежде чем рассматривать практические меры, нужно сказать несколько слов о главных целях, на которые все эти усилия должны быть направлены.

Необходимо усвоить уроки того процесса, через который моральные и политические стандарты Германии постепенно отошли от общей западной традиции, и того, каким образом были сформированы представления и идеалы современной Германии. Процесс, который последние семьдесят лет все дальше отбрасывал политические и общественные нравы Германии от того, что мы считаем нормой цивилизованной жизни, восходит к событиям и борьбе, сопровождавшим объединение Германии. Достижения Бисмарка настолько ослепили даже западных историков, не сумевших увидеть его ответственность за начало движения, окончившегося нацизмом, что стоит напомнить ряд характерных событий того периода, тем более что нам прежде всего необходимо установить, в какой степени результаты, достигнутые Бисмарком, следует считать неизменными, либо насколько далеко нужно вернуться назад.

Последняя и лучшая из опубликованных биографий Бисмарка ясно показывает, в какой степени его крайняя неразборчивость в средствах повлияла на нравственные стандарты Германии². Особенно поучительна история 1865—1871 гг.,

² *Eyck E.* Bismarck. 3 vols. Erlenbach-Zurich: Eugen Rentsch, 1941—1944. [Сокращенное английское издание Bismarck and the German

когда Бисмарк достиг наивысших успехов и обратил своих самых суровых критиков в восторженнейших поклонников. До 1865 г. большинство просвещенных людей как в Германии, так и в других странах считали, что он не лучше беспринципного авантюриста. Его успех в деле объединения Германии полностью изменил общественное мнение. Позднее, когда в нем начали видеть основного гаранта мира в Европе, все — не только самые откровенные критики в Германии, но и большинство иностранных наблюдателей — забыли о подлости его ранней политики настолько, что даже сейчас такая характеристика его политики может показаться преувеличением.

И все же, пока успех еще не стал оправданием его методов, многие немцы, ставшие позднее его самыми преданными поклонниками, пользовались не менее сильными выражениями. Это было, когда парламент Пруссии вел с Бисмарком одну из самых ожесточенных в немецкой истории схваток по поводу законодательства и Бисмарк обыграл закон с помощью армии, которая разгромила Австрию и Францию. Если в то время лишь подозревали, что его политика совершенно двулична, сегодня в этом не может быть сомнений. Читая перехваченный отчет одного из одураченных им иностранных послов, в котором последний сообщал об официальных заверениях, полученных им только что от самого Бисмарка, этот человек был способен написать на полях: «Он в это действительно поверил!» — этот мастер подкупа, на многие десятилетия вперед развративший германскую прессу с помощью тайных фондов, заслуживает всего, что о нем говорилось. Сейчас практически забыто, что Бисмарк чуть ли не превзошел нацистов, когда пригрозил расстрелом невинных заложников в Богемии. Забыт дикий инцидент с демократическим Франкфуртом, когда он, угрожая бомбардировкой, осадой и грабежом принудил к уплате грандиозной контрибуции немецкий город, никогда не бравшийся за оружие. И лишь недавно полностью прояснена история конфликта с Францией, спровоцирован-

---

Empire (London: Allen & Unwin, 1950). Хайек отрецензировал немецкое издание в статье «The Historian's Responsibility» для журнала «Time and Tide» (January 13, 1945. P. 27–28), откуда и заимствовано нижеследующее рассуждение о Бисмарке. Не вошедшие в текст части рецензии даны в виде примечаний к настоящей главе.

ного им ради того, чтобы заставить Южную Германию забыть о своем отвращении к прусской военной диктатуре.

Поначалу поступки Бисмарка вызвали в Германии широко распространенное и искреннее отвращение, которое открыто высказывали даже некоторые прусские консерваторы. Историк Зибель, позднее ставший одним из главных панегиристов Бисмарка, отзывался о нем как о «поверхностно-беспринципном», Густав Фрейтаг — как о «жалком и постыдно бесчестном», а юрист Иеринг говорил о его «отвратительном бесстыдстве» и «чудовищном легкомыслии». Всего через несколько лет большинство тех же людей присоединилось к хору безмерной хвалы, а один из них публично признал, что за такого человека действия готов отдать сотню людей, обладающих бессильной честностью³.

Но, хотя иностранные наблюдатели оказались лишь немногим менее уязвимы перед развращающим влиянием успеха, их ошибки были временными и не породили в их странах такой же деградации нравственных критериев, как в Германии. Здесь стоял вопрос об объединении в одну нацию; была достигнута цель, к которой стремились поколения, и цель эта оказалась неразрывно связана с методами ее достижения. Эти методы невозможно оправдать без грубого искажения фактов либо без узаконения измены и лжи, подкупа и жестокого террора. Пришлось выбирать между истиной или моральной правотой и тем, что считалось патриотическим долгом, и патриотизм оказался

---

³ Слова Иеринга цитирует Эйк: *Eyck. Op. cit. Vol. 2. P. 318*. В рецензии на книгу Эйка (см. выше, прим. 2) Хайек добавляет: «Все это, к несчастью, просто человеческое, а вовсе не типично немецкая низость, что показали сходные реакции в других странах. Не знаю, была ли написана история репутации Бисмарка. Это был бы самый поучительный урок о методах, какими сформировались критерии, по которым мы судим государственную деятельность. Но примеры известных британских реакций поражают едва ли менее германских. «Spectator», к примеру, будучи весьма жестким в своих комментариях, уже в 1866 году соглашается, что даже англичанам трудно не признать, что они были несправедливы к графу Бисмарку. Политика этого человека внушает отвращение, но у него великие цели, точные планы, а его способности поразительны. И сэр Уильям Рассел, великий корреспондент «Times», с которым Бисмарк сыграл одну из самых грязных шуток, позволил себе сказать о нем: «Будь я пруссаком, за его труды я бы ему поклонялся и почитал его».

сильнее. Утвердилось убеждение, что цель оправдывает средства, а действия государства нельзя поверять нравственными критериями; их якобы следует оценивать только по пригодности для достижения поставленных целей⁴.

Здесь я не могу вникать в основную часть истории Бисмарка: как после объединения Рейха он мастерски использовал приманку экономических выгод, чтобы впрячь и труд и капитал во всегерманскую экономическую организацию по прусскому образцу, как при нем начались целенаправленные усилия, чтобы сплотить немцев не только политически, но и общими убеждениями. Но следует сказать несколько слов о процессе, в результате которого взгляды Бисмарка на политические и моральные вопросы постепенно завладели умами немцев.

Особо я хочу подчеркнуть один момент, столь выпукло проявившийся в истории всего этого периода: стремление немецких историков оправдать и защитить Бисмарка и ключевую роль этих усилий в распространении идеи преклонения перед государственной властью и государственным экспансионизмом, столь присущие современной Германии. Яснее всех об этом сказал великий английский историк лорд Актон, знавший Германию не хуже своей собственной страны. Уже в 1886 г. он говорил о «гарнизоне выдающихся историков, который подготовил господство Пруссии и самих себя, и теперь засел в Берлине как в крепости», о группе, которая «почти безраз-

---

⁴ В рецензии на книгу Эйка Хайек добавляет: «И все же потребуются немало времени, прежде чем весь народ научится смотреть на государственные дела иными глазами, и с точки зрения будущего переобучения немцев стоит уделить внимание тому, как распространялись принципы бисмарковской *Realpolitik*. Сам Бисмарк действовал, конечно, не только личным примером, но и через свои мемуары (*Gedanken und Erinnerungen*. New York and Stuttgart: Cotta, 1898), ставшие первым политическим бестселлером в Германии и единственной книгой, которую по распространенности и влиянию можно сравнить с «*Mein Kampf*» (за исключением, быть может, появившейся годом позже книги Х. С. Чемберлена «*Foundations of the Nineteenth Century*»). Но главная ответственность лежит все же не на народе. Массы принимают свои мнения в готовом виде, а критерии оценки крупных исторических событий устанавливаются в первую очередь историки, особенно в Германии с ее культом учености. Прежняя роль историков в этом деле указывает на очень важную задачу, которую им предстоит выполнить в будущем».

дельно предана заветам, отход от которых стоил миру невероятных усилий»⁵. Именно лорд Актон при всей своей любви ко многим сторонам немецкой жизни пятьдесят лет назад сумел предсказать, что могущественная власть, созданная в Берлине усилиями очень способных умов, представляет собой «величайшую опасность, с которой еще предстоит столкнуться англосаксонской расе»⁶.

Эти исторические экскурсы необходимы, когда мы оцениваем задачу особой важности, которая в деле переобучения немцев ложится на плечи историков и учителей истории. Конечно, не им одним придется потрудиться для достижения этой цели, но их положение настолько важно, что было бы оправданно в практических проблемах называть историками всех тех исследователей и авторов в сфере гуманитарного знания, которые формулируют идеи, определяющие долгосрочные перспективы развития общества.

Проблема в том, как организовать действенную помощь тем немцам, с влиянием которых связаны наши надежды на лучшее будущее Германии. А им вполне определенно потребуется материальная, а еще больше моральная помощь. Этим изолированным людям прежде всего будет нужна уверенность в том, что они не нравственные изгои, что они стремятся к тем же целям, что и множество людей по всему миру. Есть множество немецких ученых, с которыми нам не следует иметь никаких дел, но было бы пагубной ошибкой распространить этот ostracism на всех, и в том числе на тех, кому мы хотели бы помочь. Но, когда приходится подозревать всех, за исключением тех немногих, кого знаешь лично, то если не предпринять созна-

⁵ *Acton J. German Schools of History. Op. cit. P. 352. P. 355—356.*

⁶ Здесь Хайек добавляет: «Влияние историков далеко не ограничивается толкованием событий, наиболее тесно связанных с судьбой страны. Лучшей иллюстрацией тому является любопытное изменение отношения немецких историков к знаменитому эпизоду борьбы Филиппа Македонского с греками. В их глазах Филипп стал своего рода Бисмарком классической эпохи, трудившимся над объединением греческого народа, а позиция Демосфена, отстаивавшего независимость Афин, была представлена как близорукий и достойный порицания сепаратизм, объяснимый исключительно низменными мотивами. Вот так даже классическое образование было превращено в средство приучения молодежи к новым критериям политической нравственности».

тельных усилий по содействию контактам, трудность в установлении репутации людей может привести к аналогичному результату — сомнениям во всем и вся. Если эти люди вновь должны стать активными представителями западной цивилизации, следует предоставить им возможность обмениваться мнениями, получать книги и периодические издания и даже путешествовать, что еще долго для большинства немцев будет невозможным.

Трудность не только в том, чтобы найти этих людей. Еще труднее организовать помощь так, чтобы она не дискредитировала их в глазах остального народа. В первую очередь явно необходимо собрать ту информацию об отдельных немецких ученых, которой располагают их коллеги в странах-победительницах. Во-вторых, следует принять во внимание главное: нельзя ожидать, что эти люди согласятся стать орудиями союзных властей и нельзя склонять их к этому. Чтобы сохранить хоть какие-то шансы на успех, нельзя давать ни малейших оснований подозревать их в том, что они просто служат другой власти, чем их оппоненты, и не должно быть ни малейших сомнений, что они привержены одной только истине. Скорее всего, им понадобится не только положительная помощь, но и защита от благонамеренных, но неосторожных попыток поставить их на службу государственному аппарату союзников.

Единственным практическим решением этой проблемы представляется создание независимыми учеными международной академии или общества с избираемым членством, где ученые западных стран, проявляющие активный интерес к этим проблемам, объединились бы с отдельными немцами, которых сочтут достойными поддержки⁷. Такое общество могло бы объединить ученых обеих сторон, готовых служить двум великим идеалам — исторической истине и сохранению моральных стандартов в политике — и заслуживают доверия своим прошлым поведением.

Эти общие идеи придется, конечно, определить более точно, поскольку цель этого общества предполагает согласие его членов по общим фундаментальным принципам западного либерализма, к сохранению которого мы и стремимся. Едва ли есть смысл в особом манифесте с выражением этих принципов. После долгих размышлений о разных вариантах я счи-

---

⁷ См. главу 12.

таю, что лучше всего было бы использовать имена одного - двух великих людей, являвшихся выдающимися представителями этой философии. И мне представляется, что нет имен, более выпукло символизирующих эти идеалы и выражающих задачи такого общества лучше, чем английский историк лорд Актон и его французский коллега Алексис де Токвиль. И тот и другой олицетворяли лучшие черты либеральной философии и соединяли страсть к истине с глубоким уважением к нравственным силам исторического развития. И если англичанин лорд Актон знал положительные и отрицательные стороны немцев не хуже, чем своих соотечественников, то француз Токвиль был, бесспорно, одним из величайших исследователей и поклонников американской демократии. Наиболее ясно выразить политические идеалы такой международной академии можно, назвав ее обществом Актона—Токвиля. Это название способно привлечь тех людей, которые знают, что значат эти имена, и готовы бороться за идеалы этих двух людей.

На этой стадии нет нужды в детальном описании функций такого общества. Я не утверждаю, что такая организация будет непременно наилучшей. Но я убежден, что существуют крупные проблемы, нуждающиеся в тщательном осмыслении, над которыми сейчас не задумываются должным образом просто потому, что их невозможно разрешить в рамках функционирования государственной власти. Инициативу должны взять на себя независимые ученые и мыслители; и следует помнить, что нельзя терять времени, если мы не хотим упустить открывшиеся великие возможности.

Приложение *Будущее Австрии*⁸

Сегодня, когда русские армии стоят у ворот Вены, насущной проблемой стало будущее Австрии. О множестве факторов, которые определяют судьбу страны, известно сейчас так мало, что скудость и неопределенность официальных высказываний вовсе не удивительны. Но эта неопределенность не распространяется на вопрос, который казался первоочередным еще совсем недавно. То, что Австрия будет навсегда отделена от Германии,

---

⁸ Опубликовано в: *Spectator*. London, April 6, 1945. P. 306—307.

не только результат решения союзников: можно с уверенностью утверждать, что таково желание австрийского народа, и оно не изменится, если не будут совершены серьезнейшие ошибки. Важно понимать, что движение за присоединение к Германии в гораздо меньшей степени основывалось на националистических сентиментах, чем на чисто рациональном расчете: это была надежда бедной и слабой страны на выигрыш от присоединения к процветающему соседу. Вряд ли идея присоединения к Германии через некоторое время вновь станет привлекательной с чисто экономической точки зрения. Никто из тех, кто хоть сколько-нибудь знаком с Австрией периода оккупации, не усомнится в том, что эмоциональная основа такого желания изменит свое направление на противоположное.

Но это только начало проблемы. То, что Австрия не способна прокормить свое население, неправда, но правда в том, что она в сложившихся между двумя войнами условиях могла делать это на очень низком уровне. Неразрешимой дилеммой этого периода было то, что как раз когда Австрия сильно обеднела, ее трудящиеся классы впервые приобрели громадную силу и использовали ее для существенного повышения уровня своей жизни. Вначале они им удалось, принудив работодателей проесть накопленный капитал, результатом чего стал развал финансовой системы Австрии и скупка ее промышленных активов Германией. Но если даже австрийцам известно, что какое-то время после этой войны им придется довольствоваться весьма скромным уровнем жизни, то не приходится ожидать, что масса весьма образованного промышленного населения, которое до 1934 г. было организовано лучше всех в Европе (а лидеры его принадлежали к числу самых радикальных), удовлетворится такими перспективами надолго. Эта проблема, перед войной затрагивавшая главным образом саму Вену и ее ближайшие окрестности, сильно обострилась в результате недавнего развития событий. Вдоль восточной границы Австрии нацисты создали новые промышленные районы (в том числе вокруг вновь открытых нефтяных полей), где работают главным образом иностранные рабочие, не все из которых пожелают вернуться в свои страны. Стабильность Австрии будет в конечном счете зависеть от экономических перспектив этих промышленных районов (крупнейших в Центральной Европе). Здесь возникнет множество разнообразных проблем, в том числе проблемы собственности

и управления этими предприятиями в стране, где и всегда — то незначительную старую буржуазию большей частью изгнали или дискредитировали. Здесь мы можем рассмотреть только более широкие политические проблемы.

Противодействие России мешает единственному разумному решению этой и многих других проблем Центральной Европы: созданию широкой федерации, включающей не только территорию бывшей Австро-Венгрии, но также Югославию, Румынию и, быть может, Болгарию (желательно при включении в нее таких спорных территорий, как Трансильвания, Хорватия или Словакия, в качестве отдельных государств-участников). Что касается другого, хотя и менее выигрышного решения — объединения Австрии и Чехословакии, которые могли бы составить ядро будущей более широкой федерации, то далеко идущая ориентация Чехословакии на Россию может оттолкнуть как австрийских социал-демократов, так и католиков. Так что Австрия вполне может оказаться снова не только зависимой, но и оттесненной от внешних ресурсов, а ее сравнительно большое промышленное население лишится перспектив.

Изменение границ делу не поможет. Единственное, что можно и непременно нужно сделать — вернуть Австрии Южный Тироль (то есть немецкоязычный округ Боцен, но ни в коем случае не италияязычный Тичино). Это важно по экономическим причинам, а еще больше потому, что народ Австрии всегда был привязан к своей малой родине, конкретной *земле (Land)*. Отделение сердца старого Тироля оставило тирольцев без естественного центра притяжения, запустив центробежные силы. (По тем же причинам столь же роковой ошибкой было бы удовлетворение новых югославских притязаний на те части Каринтии, которые 26 лет назад на референдуме подавляющим большинством высказались за присоединение к Австрии). Пожалуй, следует серьезно рассмотреть недавнее предложение о передаче Австрии выступа Берхтесгаден, поскольку это не только существенно укоротит основные линии внутренних коммуникаций, но и помешает превращению Берхтесгадена в святыню. Доступ к морским портам — совершенно иная проблема. Передача Триеста Австрии была бы в интересах обеих сторон, но нежелательна и неосуществима. Зато было бы разумно превратить Триест в вольный город под международным контролем вроде Данцига с гарантированным доступом Австрии и Чехословакии к льготам порто-франко.

Однако ни одно из этих возможных изменений не внесет существенных перемен в экономические проблемы Австрии. Но есть и иной выход, если Вена, как часто предлагается, станет местом размещения новой Лиги Наций, или как там будет называться соответствующая организация. С учетом возникающих очертаний новой Европы Вена вполне может оказаться самой удобной нейтральной территорией на границе между тем, что, скорее всего, станет западной и русской сферами влияния. Это само по себе разрешит многие специфические проблемы Вены. Но можно сделать еще один шаг и превратить Вену с прилегающими промышленными районами в настоящую нейтральную зону, располагающую полной внутренней автономией, но с международным контролем над ее международными связями. Это сделает возможным превращение ее в подлинную зону свободной торговли, от чего промышленная Вена только выиграет и что сделает ее центром торговли в соответствии с имеющейся инфраструктурой, но чего она не смогла бы достичь, оставаясь частью небольшой сельскохозяйственной страны. В остальной части Австрии останется достаточно промышленности, чтобы она не превратилась в чисто сельскохозяйственную страну. Зато эта чрезмерно развитая городская и промышленная агломерация, которой тесно в рамках маленькой страны, получит достаточное пространство для развития, и при этом никому не придется опасаться, что экономический подъем этой территории приведет к возрождению ее политического влияния.

Многие читатели спросят, заслуживает ли Австрия уделенного ей здесь большого внимания. Недавно с легкой руки м-ра Идена распространился тезис о том, что австрийцам еще следует заслужить, чтобы с ними обращались иначе, чем с немцами. Предположение, что австрийцы в силах поднять восстание, выдает неверное понимание расклада сил в стране, которую немцам позволили захватить за 18 месяцев до начала войны. У австрийцев не больше, а гораздо меньше способностей организовать сколько-нибудь действенное сопротивление, чем, скажем, у чехов или норвежцев. Помимо того, что большая часть австрийской молодежи находилась далеко от дома, будучи призвана в армию в то время, когда не было перспектив на иностранную помощь, и рассеяна среди немецких частей, есть еще один фактор, делающий положение особенно трудным. Не приходится сомневаться, что в любой окку-

пированной стране число квислингов было бы в разы больше, имей они возможность рядиться в тогу националистов, как это было в Австрии. А ведь рост числа потенциальных предателей от, скажем, одного на пятьсот человек до одного на пятьдесят представляет собой уже не количественное, а качественное различие. В таких условиях тайная организация сопротивления из рискованного поступка превращается в чистое самоубийство. Молодежь, которая могла бы решиться на самопожертвование, находится далеко, а пожилые люди, быть может, правы, решив, что важнее выжить, чтобы помочь в строительстве новой Австрии, а не погибнуть в бессмысленной демонстрации. И число таких людей велико.

Сколь бы ни был оправдан сам вопрос, решающим соображением должно быть то, что отношение к Австрии как к партнеру Германии и есть, пожалуй, лучший способ заставить ее вести себя как партнер Германии. Это особенно важно для вопроса о репарациях. В Австрии обнаружится немецкая ответственность, на которую союзники вполне правомерно заявят права, но требование больших репараций привело бы к роковому ослаблению страны, в которой политическая нестабильность всегда имела причиной ее экономическую слабость. Грубо говоря, в Австрии, как, вероятно, и в любой другой стране, не скрепленной узами языкового или исторического единства, независимость, чтобы быть устойчивой, должна представлять собой некую экономическую ценность.

Глава 12

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА КОНФЕРЕНЦИИ В МОН-ПЕЛЕРЕН¹

Должен признаться, что сейчас, когда настал этот долгожданный момент, мою глубокую признательность подавляет изум-

¹ Выступление состоялось 1 апреля 1947 г. в Мон-Перлерен, около Вева, в Швейцарии, опубликовано в: *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Op. cit. P. 148—159. Участниками конференции были:

<i>Maurice Allais</i> (Париж);	<i>Bertrand de Jouvenel</i> (Шексбре, Во);	<i>Henry Hazlitt</i> (Нью-Йорк);
<i>Carlo Antoni</i> (Рим);	<i>Frank H. Knight</i> (Чикаго);	<i>T. J. B. Hoff</i> (Осло);
<i>Hans Barth</i> (Цюрих);	<i>H. de Lovinfosse</i> (Ваасмюнстер, Бельгия);	<i>Albert Hunold</i> (Цюрих);
<i>Karl Brandt</i> (Стэнфорд, Калифорния);	<i>Fritz Machlup</i> (Буффало, Нью-Йорк);	<i>Carl Iversen</i> (Копенгаген);
<i>John Davenport</i> (Нью-Йорк);	<i>L. V. Miller</i> (Детройт, Мичиган);	<i>John Jewkes</i> (Манчестер);
<i>Stanley R. Dennison</i> (Кембридж);	<i>Ludwig von Mises</i> (Нью-Йорк);	<i>George J. Stigler</i> (Провиданс, Род-Айленд);
<i>Aaron Director</i> (Чикаго);	<i>Felix Morley</i> (Вашингтон, округ Колумбия);	<i>Herbert Tingsten</i> (Стокгольм);
<i>Walter Eucken</i> (Фрайбург);	<i>Michael Polanyi</i> (Манчестер);	<i>Francois Trevouix</i> (Лион);
<i>Erich Eyck</i> (Оксфорд);	<i>Karl R. Popper</i> (Лондон);	<i>V. O. Watts</i> (Ирвингтон-оң- Хадсон, Нью-Йорк);
<i>Milton Friedman</i> (Чикаго);	<i>William E. Rappard</i> (Женева);	<i>C. V. Wedgwood</i> (Лондон);
<i>Harry D. Gideonse</i> (Бруклин, Нью-Йорк);	<i>Leonard E. Read</i> (Ирвингтон-оң- Хадсон, Нью-Йорк);	<i>F. A. Harper</i> (Ирвингтон-оң- Хадсон, Нью-Йорк);
<i>Frank D. Graham</i> (Принстон, Нью-Джерси);	<i>Lionel Robbins</i> (Лондон);	<i>Wilhelm Röhrke</i> (Женева)

— Прим. Ф. Х.

ление собственной смелостью, с какой я привел в движение это предприятие, и тревога из-за ответственности, которую я взял на себя, попросив вас отдать так много времени и энергии тому, что вы вполне могли счесть безумным экспериментом. Однако я ограничусь здесь простым и глубоко искренним «спасибо».

Но прежде чем я уступлю это место, занятое мною столь нескромно, и с радостью вручу вам дело, положить начало которому мне позволили счастливые обстоятельства, я обязан несколько подробнее описать те цели, ради которых затеял эту встречу и составил программу нашей работы. Постараюсь не слишком испытывать ваше терпение, но даже самые краткие объяснения потребуют некоторого времени. Основное убеждение, направлявшее мои усилия, состояло в том, что идеи, которые, я уверен, объединяют нас и для которых, несмотря на многочисленные злоупотребления этим термином, нет имени лучше, чем «либеральные», должны иметь шанс на возрождение, а для этого нужно разрешить довольно сложные интеллектуальные задачи. Мы должны не только очистить традиционную либеральную теорию от случайных наносов, которые со временем налипли на нее, но и решить некие реальные проблемы, от которых увиливал упрощенный либерализм или которые проявились лишь после того, как либерализм превратился в нечто вроде застывшего и косного суеверия.

Я окончательно убедился в этом, наблюдая за тем, как в разных областях знания и в различных уголках мира люди, воспитанные в различных убеждениях, но одинаково безразличные к партийному либерализму, заново открывали для себя основные принципы либерализма и пытались воссоздать либеральную философию в таком виде, чтобы она могла ответить на возражения, уничтожившие в глазах большинства наших современников перспективы, предложенные ранним либерализмом.

В последние два года мне посчастливилось посетить различные части Европы и Америки, и меня поразило количество одиноких людей, которые повсюду работали над одними и теми же проблемами и двигались в очень похожем направлении. Работая в изоляции или в очень маленьких группах, они были принуждены постоянно отстаивать основные элементы своих убеждений и редко могли обмениваться мнениями о более конкретных проблемах, поскольку такая возможность появляется лишь тогда, когда есть общая основа убеждений и идеалов.

Мне представляется, что эффективные попытки разработки общих принципов либерального порядка осуществимы только внутри группы людей, которые сходятся в основных принципах и которым не приходится на каждом шагу защищать базовые концепции. Но в наше время число тех, кто в каждой отдельной стране соглашается с базовыми принципами либерализма, не только крайне мало, но и стоящие перед нами задачи чрезвычайно велики, и есть огромная нужда опереться на возможно более разнообразный опыт.

Для меня оказалось чрезвычайно поучительным наблюдение, что чем дальше на запад, где либеральные институты пока сравнительно прочны и где сравнительно многие исповедуют либеральные убеждения, тем менее люди готовы пересмотреть собственные убеждения и тем более они склонны к компромиссу и к принятию в качестве первичного эталона исторически случайную форму либерального общества. Тем не менее я обнаружил, что в странах, непосредственно переживших тоталитарный режим, либо приблизившихся к нему, отдельные люди извлекли из своего опыта куда более отчетливое представление об условиях и ценностях свободного общества. Чем больше я обсуждал эти проблемы с людьми в разных странах, тем сильнее склонялся к убеждению, что мы не единственные обладатели истины и что наблюдение за действительным распадом цивилизации преподало ряду независимых европейских мыслителей уроки, которые придется усвоить и в Англии, и в Америке, если эти страны не хотят повторить этот опыт.

Выгоды и преимущества от обмена мнениями и от соединения сил поверх национальных границ могут получить не только экономисты и политологи, которые много делают для продвижения общего дела. Я был поражен и тем, насколько более плодотворно обсуждение крупных современных проблем с участием, скажем, экономиста и историка или правоведа и политического философа, разделяющих некоторые общие предпосылки, чем дискуссия среди коллег, которые расходятся по вопросу о базовых ценностях. Конечно, политическая философия не может основываться исключительно на экономической теории, и ее нельзя сформулировать исключительно в экономических терминах. Представляется, что угрожающие нам опасности — результат интеллектуального движения, которое проявилось во всех аспектах человеческой деятельности и задало соответствующие установки. Но если в своей

собственной профессиональной области каждый из нас умеет распознавать убеждения, являющиеся неотъемлемой частью движения, ведущего к тоталитаризму, то нельзя быть уверенным в том, что, будучи, например, экономистами, мы под влиянием общей атмосферы нашего времени не примем столь же некритично, как и все остальные, те самые тоталитарные идеи в области философии или истории, этики или права, которым мы научились противостоять в собственной области науки.

Потребность в международной встрече представителей всех этих разнообразных областей науки мне кажется особенно настоятельной из-за войны, которая не только разрушила многие обычные связи, но даже в лучших из нас неизбежно пробудила эгоцентризм и национализм, которые плохо согласуются с истинно либеральным подходом к нашим проблемам. Хуже всего, что война и ее последствия создали новые препятствия для восстановления международных контактов, которые для людей, живущих в относительно бедных странах, по-прежнему непреодолимы без внешней помощи и достаточно серьезны для всех остальных. Явно существует потребность в некоей организации, которая поможет заново наладить связи между людьми с общими убеждениями. Пока не будут созданы соответствующие частные организации, сохранится серьезная опасность все большей монополизации международных связей теми, кто так или иначе был связан с существующими правительственными или политическими механизмами и обслуживал господствующие идеологии.

С самого начала было очевидно, что постоянно действующую организацию такого рода нельзя создать без созыва экспериментальной встречи, на которой можно протестировать полезность этой идеи. Но поскольку в нынешних обстоятельствах такое предприятие едва ли возможно без значительных средств, я всего лишь рассказывал об этом плане каждому, кто соглашался слушать, пока к моему большому удивлению счастливый случай не сделал его возможным. Один из наших швейцарских друзей, д-р Гунольд, собрал средства для весьма похожего, но несколько иного проекта, от которого по некоторым причинам пришлось отказаться, и сумел убедить жертвователей направить собранные средства на новую цель.

Лишь когда представилась эта уникальная возможность, я осознал, какая ответственность легла на меня и что теперь я должен не упустить случай и обеспечить созыв конферен-

ции, а также, что хуже всего, составить список приглашенных. Вероятно, вы хорошо понимаете всю сложность этой задачи, и мне не придется приносить пространные извинения за то, как я ее исполнил.

В этой связи я должен объяснить только один момент: в соответствии с моим пониманием нашей задачи недостаточно, чтобы члены нашей организации обладали тем, что принято называть здравыми взглядами. Старый либерал, приверженный традиционным воззрениям просто по традиции, при всей привлекательности его убеждений едва ли годится для наших целей. Нам нужны люди, сталкивавшиеся с аргументами другой стороны, сражавшиеся с ними и завоевавшие позиции, пригодные как для критического анализа враждебных взглядов, так и для защиты собственных. Таких людей на свете еще меньше, чем хороших либералов в старом смысле, а сейчас и последних весьма немного. Но когда дело дошло до составления списка, я к своему приятному удивлению обнаружил, что число людей, которых я считаю достойными включения в этот список, намного больше, чем я ожидал и чем нужно для созыва конференции. Поэтому окончательный отбор участников неизбежно оказался в большой степени произвольным.

Остается только сожалеть, что из-за моих несовершенств состав этой конференции несколько несбалансирован. Историки и политические философы оказались в сравнительном меньшинстве среди экономистов, представляющих большинство. Причина отчасти в том, что мои личные контакты в этой группе ограничены, да и из приглашенных на конференцию не смогло прибыть особенно много неэкономистов. Кроме того, представляется, что в нынешней ситуации экономисты в целом лучше осознают природу непосредственной опасности и настоятельности интеллектуальных проблем, которые следует разрешить, если мы хотим получить шанс на то, чтобы направить развитие в более желательном направлении. Подобной же несбалансированностью отличается и национальный состав участников конференции, и я особенно сожалею об отсутствии представителей Бельгии и Голландии. Не сомневаюсь, что помимо осознаваемых мною недостатков есть и другие, быть может, более серьезные, допущенные мною невольно, и единственное, что мне остается, — просить вас о снисхождении и помощи, чтобы в будущем у нас был полный список всех тех, на чью сочувственную и деятельную поддержку мы можем рассчитывать.

Мне придает смелости то, что все, кому я послал приглашение, выразили сочувствие целям конференции и желание при возможности в ней участвовать. И если многие при всем этом не приехали, то только в силу тех или иных объективных трудностей. Возможно, вы захотите узнать имена тех, кто был бы рад при возможности участвовать в нашей конференции и выразил свое сочувствие ее целям².

Упомянув тех, кто по разным обстоятельствам не смог быть с нами, я должен также упомянуть тех, на чью поддержку я особенно рассчитывал, но кого уже нет с нами. Те двое, с которыми я особенно подробно обсуждал план этой встречи, не дожили до нее. Впервые я набросал план три года назад перед небольшой группой в Кембридже [см. главу 8], где председательствовал сэр Джон Клэпхем, который проявил большой интерес, но год назад скоропостижно скончался. А менее года назад я обсуждал все подробности плана с другим человеком, вся жизнь которого была посвящена нашим идеалам и проблемам, — с Генри

² Затем я зачитал следующий список:

<i>Constantino Bresciani-Turroni</i> (Рим);	<i>W. A. Orton</i> (Нортхемтон, Массачусетс);
<i>William H. Chamberlin</i> (Нью-Йорк);	<i>Arnold Plant</i> (Лондон);
<i>René Courtin</i> (Париж);	<i>Charles Rist</i> (Париж);
<i>Max Eastmen</i> (Нью-Йорк);	<i>Michael Roberts</i> (Лондон);
<i>Luigi Einaudi</i> (Рим);	<i>Jacques Rueff</i> (Париж);
<i>Howard Ellis</i> (Беркли, Калифорния);	<i>Alexander Rüstow</i> (Стамбул);
<i>A. G. B. Fisher</i> (Лондон);	<i>Franz Schnabel</i> (Гейдельберг);
<i>Eli Heckscher</i> (Стокгольм);	<i>W. J. H. Sprott</i> (Ноттингем);
<i>Hans Kohn</i> (Нортхемптон, Массачусетс);	<i>Roger Truptil</i> (Париж);
<i>Walter Lippmann</i> (Нью-Йорк);	<i>D. Villey</i> (Пуатье);
<i>Friedrich Lutz</i> (Принстон);	<i>E. L. Woodward</i> (Оксфорд);
<i>Salvador de Madariaga</i> (Оксфорд);	<i>H. M. Wriston</i> (Провиденс, Род-Айленд);
<i>Charles Morgan</i> (Лондон);	<i>G. M. Young</i> (Лондон).

Хотя они и не присутствовали на встрече в Мон-Пелерен, все поименованные позднее согласились присоединиться к обществу в качестве членов-основателей. — *Прим. Ф. Х.*

Саймонсом из Чикаго³. Несколько недель спустя его не стало. Если наряду с ними я упомяну гораздо более молодого человека, который также очень заинтересовался моими планами и которого, останься он в живых, я надеялся увидеть в роли нашего постоянного секретаря, для чего Этьен Манту был идеально подготовлен, вы поймете, сколь тяжелые потери понесла наша группа уже перед первой встречей.

Если бы не эти трагические смерти, мне не пришлось бы открывать эту конференцию в одиночестве. Признаюсь, что в некий момент эти удары совершенно пошатнули мою готовность к дальнейшему осуществлению плана. Но, когда появились возможности, я почувствовал, что обязан сделать то, что в моих силах.

Следует кратко отметить еще один момент, связанный с участием в конференции. Здесь присутствует ряд постоянных авторов периодических изданий — не для того, чтобы опубликовать репортаж о встрече, а потому что они располагают наилучшими возможностями для распространения идей, которыми мы все преданы. Чтобы устранить возможные сомнения, должен заметить, что, если только и до тех пор, пока вы не решите иначе, наше мероприятие следует рассматривать как частное собрание и все произнесенное в ходе дискуссий будет «не для записи».

Из вопросов, предложенных мной для систематического обсуждения на этой конференции и, как представляется, одобренных большинством участников, первым является отношение между тем, что называется частным предпринимательством, и настоящей конкурентной системой. На мой взгляд, это самая большая и важная проблема, и я надеюсь, что ее исследованию будет посвящена значительная часть наших дискуссий. Для нас важнее всего достичь ясности и прийти к согласию относительно такой программы экономической политики в этой области, которую мы желали бы видеть принятой повсеместно. Мне кажется, что именно этой совокупностью проблем активно интересуются большинство присутствующих, и прежде всего здесь требуется соединение результатов независимых параллельных исследований в различных концах мира.

---

³ Оценку Саймонса в связи с этим см.: *De Long J. B. In Defense of Henry Simons's Standing as a Classical Liberal // Cato Journal. Vol. 9. No. 3. Winter 1990. P. 601—618.*

Число проблем здесь практически бесконечно, поскольку адекватная их трактовка и представляет собой законченную программу либеральной экономической политики. Вполне вероятно, что после обсуждения общих проблем в этой области вы предпочтете обсуждать более частные вопросы по секциям. Быть может, таким образом мы сумеем дополнительно обсудить ряд тем, о которых я упоминал в одной из сопроводительных записок, либо проблему инфляционной перегретой экономики, которая, как справедливо отмечали некоторые из присутствующих, является в данный момент в большинстве стран основным инструментом насаждения коллективизма. Может, будет лучше посвятить одно или два заседания общим вопросам, а в конце выделить полчаса для определения дальнейшего плана работы. Предлагаю посвятить сегодня вторую половину дня и весь вечер рассмотрению общих вопросов, и, быть может, вы позволите мне сегодня после полудня сказать об этом еще несколько слов. Я взял на себя смелость попросить профессора Аарона Директора из Чикаго, профессора Вальтера Ойкена из Фрайбурга и профессора Мориса Алле из Парижа выступить со вступительными докладами и уверен, что после этого у нас будет предостаточно пищи для дискуссий.

При всей огромнейшей важности принципов экономической организации общества, по ряду причин я надеюсь, что еще в первой части конференции мы найдем время для обсуждения ряда других вопросов. Наверное, все согласятся, что корни угрожающих нам политических и социальных опасностей не являются чисто экономическими и что, если мы действительно хотим сохранить свободное общество, необходимо пересмотреть также и неэкономические концепции, господствовавшие в нашем поколении. Я уверен, что если в самом начале конференции мы охватим более широкий круг вопросов и посмотрим на наши проблемы с разных точек зрения, прежде чем перейдем к более конкретным или частным вопросам, мы сможем быстрее вникнуть в суть проблем.

Возможно, вы согласитесь, что на протяжении последних двух поколений интерпретация истории и ее преподавание служили одним из главных инструментов распространения преимущественно антилиберального понимания человеческих дел: широко распространенный фатализм, рассматривающий все происшедшее как неизбежное следствие великих законов необходимого исторического развития; исторический релятивизм,

отрицающий любые нравственные критерии, за исключением результата — успеха или неудачи; акцентирование массовых движений, противопоставляемых индивидуальным достижениям; подчеркивание того, что будущее определяется не властью идей, а материальной необходимостью, — все это различные грани проблемы не менее важной и почти столь же безбрежной, как проблема экономики. В качестве отдельного предмета для дискуссий я предложил только один аспект из этой обширной области — соотношение между историографией и политическим образованием, но отсюда идет переход к более широкой проблеме. Я счастлив, что мисс Веджвуд и профессор Энтони согласились открыть дискуссию по этой теме.

Мне представляется очень важным, чтобы мы полностью осознали: многие элементы распространенных либеральных убеждений (на континенте и в Америке в большей степени, чем в Англии), с одной стороны, напрямую уводили своих последователей в тенета социализма или национализма, а с другой — отпугивали многих из тех, кто разделял основные ценности индивидуальной свободы, но кого отталкивал агрессивный рационализм, не признающий никаких ценностей, если их полезность (относительно конечной цели, никогда не формулируемой явным образом) не может быть удостоверена индивидуальным разумом, и предполагающий, что наука может говорить нам не только о сущем, но и о должном. Лично я убежден, что этот ложный рационализм, приобретший влияние в годы Французской революции, а в последнее столетие воздействовавший на умы главным образом через родственные движения позитивизма и гегельянства, порожден интеллектуальным высокомерием, противостоящим тому интеллектуальному смирению, которое и является сущностью истинного либерализма, благоговейно вззирающего на те стихийные социальные силы, через которые индивидуум творит вещи, недоступные его пониманию. Именно этот нетерпимый и неистовый либерализм является той основной силой, которая, особенно на континенте, нередко выталкивала религиозных людей в не очень-то подходящий им лагерь реакции, где им было столь же неудобно. Я убежден, что пока не затянется разрыв между истинно либеральными и религиозными убеждениями, нет надежды на возрождение сил либерализма. В Европе имеется много признаков того, что такое примирение сегодня достижимей, чем когда-либо прежде, и многие

люди связывают с ним надежду на сохранение идеалов западной цивилизации. Именно по этой причине я специально позаботился о том, чтобы вопрос об отношении между либерализмом и христианством стал отдельной темой наших дискуссий; и хотя не приходится рассчитывать, что в этот раз мы сумеем далеко продвинуться в этом вопросе, важно четко поставить перед собой эту проблему.

Еще две темы, предложенные мною для дискуссии. Это вопросы практического применения наших принципов к проблемам современности (в отличие от вопросов о самих принципах). Насущность проблемы будущего Германии и вопроса о возможности и перспективах европейской федерации таковы, что обойти их не может никакая международная группа исследователей политики, даже если мы в результате обмена мнениями всего лишь несколько прочистим наши собственные мозги. В обоих этих вопросах, больше чем в любых других, современное общественное мнение является главной помехой любому разумному обсуждению, и наш долг не уклониться от их рассмотрения. Признаком чрезвычайной сложности этих проблем является то, что лишь с величайшим трудом мне удалось найти желающих открыть дискуссию по этим двум вопросам.

Есть еще одна тема, которую я считал бы нужным обсудить, поскольку она представляется центральной для нашей проблемы — что такое верховенство права (*rule of law*) и каких условий оно требует. Я оставил ее в стороне, потому что для ее адекватного обсуждения пришлось бы пополнить круг приглашенных юристами. Этому опять-таки помешала моя недостаточная осведомленность, и сейчас я упомянул эту проблему только чтобы показать, сколь широко нам следует раскинуть сети, чтобы постоянно действующая организация могла достаточно компетентно подходить ко всем возможным аспектам задачи. Похоже, что предложенная программа уже достаточно для одной конференции, и теперь я хочу кратко затронуть еще пару вопросов.

Что касается формальной организации конференции, я не думаю, что нам нужно обременять себя громоздким аппаратом. Для председательствования на первой встрече нельзя и пожелать более квалифицированного человека, чем профессор Раппар, и я уверен, что вы позволите мне от вашего имени поблагодарить его за согласие. Но не следует взваливать бремя постоянного председательства на него или на кого-либо дру-

гого. Лучшим выходом была бы ротация, и, если вы согласны, на первом заседании мы выберем председательствующих на несколько последующих заседаний. Если вы согласны с программой первой части конференции, то до обсуждения программы второй части, т.е. до специального вечернего заседания в понедельник, у нас почти не будет организационных проблем. Вероятно, имеет смысл на этом заседании выбрать небольшой оргкомитет из пяти-шести человек, который детализировал бы согласованную нами программу и, смотря по обстоятельствам, вносил в нее необходимые изменения. Может быть, желательно назначить секретаря конференции или, что еще лучше, двух секретарей, чтобы один следил за соблюдением программы, а другой отвечал за общие организационные вопросы. Полагаю, на данной стадии этого было бы вполне достаточно.

Есть еще один организационный момент, о котором, пожалуй, стоит упомянуть сейчас. Я, естественно, понимаю, что сейчас отнимаю время у деловой части дискуссии. Но ведь ничего не было подготовлено для получения стенограммы обсуждений. Да и выглядело это неуместным. Помимо технических трудностей, это нарушило бы частный и неформальный характер наших дискуссий. Я надеюсь, что участники сами кратко зафиксируют свои выступления, так что если конференция решит в какой-либо форме опубликовать основные результаты обсуждений, им будет несложно изложить на бумаге суть своих высказываний.

Есть также вопрос о языке. В предварительной переписке я неявно предполагал, что все знают английский, а раз для большинства это так и есть, нашу работу сильно облегчит использование английского как основного языка. Мы не так богаты, как официальные международные организации, которые располагают штатами переводчиков. Мне кажется разумным, чтобы каждый участник использовал тот язык, на котором он будет лучше понят остальными.

Непосредственной целью этой конференции является, разумеется, помощь сравнительно небольшой группе тех, кого в разных концах мира привлекают одинаковые идеалы, в установлении личных контактов, в обмене опытом и, быть может, во взаимном ободрении. Я уверен, что если через десять дней мы достигнем хотя бы этого, то вы, наверное, согласитесь со мной в том, что встречу стоило организовать хотя бы ради

этого. Но еще больше я надеюсь на то, что этот опыт сотрудничества окажется настолько успешным, что мы захотим продолжить его в той или иной форме.

Сколь бы малым ни было число людей, разделяющих наши взгляды, среди них гораздо больше компетентных в названных мною проблемах ученых, чем находится в этом зале. Я и сам мог бы составить список в два-три раза длиннее, а исходя из уже полученных предложений видно, что вместе мы можем без труда перечислить несколько сотен живущих в разных странах людей, которые разделяют наши убеждения и хотели бы работать ради них. Я надеюсь, что мы, тщательно отбирая имена, составим такой список и придумаем, как облегчить их общение друг с другом. Начало такого списка я кладу на стол и надеюсь, что вы добавите сюда столько имен, сколько сочтете нужным, а также обозначите своею подписью, какие из предложенных другими кандидатур вы хотели бы поддержать и, вероятно, сообщите мне в частном порядке, кого из включенных в список вы считаете неподходящим участником постоянной организации. Пожалуй, мы будем включать имена только тех, кого поддерживают двое или трое из участников сегодняшнего заседания, в дальнейшем может оказаться желательным создать небольшой отборочный комитет, который подготовит окончательный список. Я предполагаю, что в этот список будут включены все приглашенные, но не сумевшие прибыть на конференцию.

Есть множество форм организации такого рода регулярных контактов. Воспользовавшись в одной из моих записок несколько высокопарным выражением «международная академия политической философии», я намеревался с помощью слова «академия» подчеркнуть аспект, представляющийся мне существенным для достижения целей такой постоянной организации: она должна оставаться закрытым обществом, открытым только для тех, кто разделяет наши общие убеждения. Для этого нужно, чтобы новые члены принимались только в результате выборов и чтобы мы воспринимали принадлежность к нашему кругу столь же серьезно, как это свойственно великим научным академиям. Я не предлагаю вам назвать нас академией. Если вы решите образовать общество, то вам и выбирать для него имя. Меня привлекала идея назвать его Обществом Актона—Токвиля, а кто-то предложил добавить имя Якоба Буркхардта как третьего святого покровителя. Но на данной стадии этот вопрос можно не обсуждать.

Однозначного мнения по поводу такой организации у меня нет, кроме того, что наше общество должно быть закрытым, и это представляется мне важным. Есть основания настаивать, чтобы, по крайней мере вначале, организационно она была максимально неформальной — пожалуй, что-то вроде общества по переписке, в котором членский список служит лишь облегчению прямых контактов друг с другом. Если бы было возможно — хотя, боюсь, что нет — устроить так, чтобы каждый участник обеспечивал всех других репринтами или мимеокопиями собственных работ, это во многих отношениях было бы полезнее всего. С одной стороны, мы избежали бы сопутствующей всякому специализированному журналу опасности адресоваться лишь к уже обращенным, а с другой — мы узнавали бы о параллельной или дополняющей деятельности всех остальных. Но следует каким-то образом заполнить два пробела: плоды нашей деятельности должны доходить до широкой публики и не ограничиваться лишь теми, кто уже с нами, и в то же время члены группы должны быть полностью в курсе достижений друг друга. Это значит, что нам нужно по крайней мере рассмотреть возможность того, что рано или поздно мы будем издавать журнал.

Может прийти время, когда мы не в силах будем достичь большего, чем предложенная мною неформальная организация, поскольку на большее мы просто не соберем денег. При наличии больших средств можно было бы сделать многое. Но при всей желательности этого, если для большего придется как-либо ограничить нашу независимость, я буду удовлетворен и таким скромным началом.

Сама эта конференция показывает, насколько достижение нашей цели зависит от доступности финансовых средств, и мы не можем рассчитывать на постоянную удачу в добывании денег, как в этот раз, когда деньги безо всяких условий или ограничений поступили из швейцарских, главным образом, и американских — в виде оплаты транспортных расходов американских участников — источников. Я хотел при первой же возможности недвусмысленно уведомить вас об этом и одновременно выразить нашу величайшую признательность за эту помощь д-ру Гунольду, который собирал деньги в Швейцарии, и м-ру У. Г. Луноу из благотворительного фонда Уильяма Волкера в Канзасе, сделавшему возможным участие наших американских друзей. Мы еще в большем долгу у д-ра Гунольда

за хлопоты по подготовке нашей встречи: его усилиям и прозорливости мы обязаны тем, что наслаждаемся всеми удовольствиями и комфортом.

Мне кажется, что лучше не начинать обсуждение упомянутых мною практических задач, пока мы не познакомимся друг с другом получше и не приобретем больше опыта сотрудничества. Я надеюсь, что в ближайшие дни эти вопросы будут обсуждены в частных беседах и в ходе этих бесед постепенно выкристаллизуются наши идеи. Когда после трех дней работы и еще трех дней менее формального общения мы возобновим рабочие заседания, одно из них, быть может, мы посвятим систематическому обсуждению этих возможностей. До этого момента я откладываю попытки убедить вас в преимуществах названия, предложенного мною для названия общества, а также любые обсуждения принципов и целей, которым должна подчиняться наша деятельность.

А в данное время мы просто конференция Мон-Пелерен, которой вы должны дать свои законы и чья процедура и судьба полностью в ваших руках.

Глава 13

ТРАГЕДИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ДЕ ЖУВЕНЕЛЬ О ВЛАСТИ¹

Мы начинаем расплачиваться за одно из самых пагубных заблуждений в политической истории, хотя пока это мало кто понимает. Около ста лет назад политическая мудрость, воспитанная веками горького опыта, научилась ценить важность многочисленных сдержек и противовесов, препятствующих расширению власти. Но когда показалось, что власть попала в руки народных масс, возникла неожиданная мысль, что ограничения власти больше не нужны. Возникла иллюзия, которую лорд Актон описал фразой не менее глубокой, но не столь популярной, как повсеместно цитируемая: «Благодаря представлению о народе как источнике власти абсолютная власть может стать столь же легитимной, как и конституционная свобода»². Но власти свойственно неотъемлемое стремление расширяться, и без действенных ограничений она будет разрастаться безгранично, осуществляется ли она именем народа или именем немногих. На деле есть основания опасаться, что неограниченная власть в руках народа разрастется сильнее и будет более пагубной, чем власть, осуществляемая немногими.

Такова трагическая тема большой книги, написанной месье де Жувенелем. Эта тема всегда занимала умы самых глубоких политических мыслителей и на протяжении нескольких последних десятилетий виднейшие из них посвятили ее исследованию зрелую мудрость преклонных лет. Немногим более двадцати

---

¹ Рецензия на книгу *Jouvenel B. de. Power: The Natural History of its Growth.* London and New York: Hutchinson, 1948. Опубликовано под названием «The Tragedy of Organised Humanity» в журнале «Time and Tide» (November 6, 1949. P. 119).

² Аллюзия на знаменитую фразу Актона «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Об Актоне см. главы 8 и 9.

лет назад экономист Фридрих фон Визер завершил свою выдающуюся карьеру трактатом «Право власти» («Das Gesetz der Macht»)³, который до сих пор так и не нашел своего читателя, готового к обсуждению проблемы. Примерно десять лет спустя историк Гульельмо Ферреро точно так же посвятил одну из последних своих работ короткому и плодотворному исследованию «Власть» («Pouvoir»)⁴. Еще позднее подарил нам содержательную книгу о власти («Power: A New Social Analysis»)⁵ Бертран Рассел. То, что значительно более молодой автор представил монументальное исследование того же предмета, которое сдержанной страстью и очевидной соотнесенностью с текущими событиями производит более сильное впечатление, чем плоды зрелой мудрости, может быть как признаком растущей насущности проблемы, так и свидетельством исключительной одаренности автора. Видимо, в силу обстоятельств времени, каждый последующий из наших авторов не был знаком с работами своих предшественников. Но абсолютная непохожесть книг, скорее всего, результат бесконечного разнообразия предмета, все аспекты которого невозможно рассмотреть в одной отдельной работе.

Однако работа месье де Жувенеля, удивительно близка к такой идеальной полноте. Он достигает этого не созданием теоретической системы, а выстраиванием картины с помощью огромного множества фактов. Он пытается привести нас к пониманию феномена власти не посредством строгих теоретических построений, а через кумулятивное воздействие примеров множества граней власти. Это совершенно сознательный прием. Автор не без оснований считает, что в такой попытке «абстрактные идеи должны быть размыты, иначе они не позволят передать дальнейшие подробности». Созданная им картина одной из величайших исторических сил — произведение искусства не в меньшей, если не в большей степени, чем научный труд. Возможно, чрезмерная проработка деталей приве-

³ Wieser F. von. Das Gesetz der Macht. Vienna: J. Springer, 1926. О Визере, учителе Хайека в Венском университете, см. гл. 3.

⁴ Книга Г. Ферреро «Pouvoir» впервые была опубликована в английском переводе под названием: The Principles of Power. New York: G. Putnam's Sons, 1942. Она была написана несколькими годами раньше.

⁵ Russell B. Power: A New Social Analysis. London: Allen & Unwin, 1938.

ла к известной размытости контуров. Пожалуй, он не вполне избежал опасности отвлечения внимания множеством частных деталей от главной цели работы. Рецензенту трудно удержаться от соблазна усилить это впечатление с помощью подборки наиболее поразительных *obiter dicta**. Но это создало бы неверное впечатление о книге.

Метод г-на де Жувенеля не только выбран сознательно, но к тому же выражает более фундаментальную установку — его недоверие к поверхностному рационализму, предпочитающему втискивать сложные факты в простую схему, которую сможет полностью постичь наш ограниченный разум, нежели признать, что сам разум свидетельствует о пределах своей власти. И он вполне оправданно возлагает немалую долю ответственности за трагический поворот истории на эту предубежденность интеллектуалов: «До тех пор пока интеллектуал воображает [возможность] простого порядка вещей, он служит росту Власти. Ведь существующий порядок — здесь и повсюду — сложен и покоится на множестве самых разнообразных видов опор, полномочий, чувств и установлений. Если работу столь многих пружин решено возложить на одну-единственную пружину, до чего велика должна быть упругость ее витков; или если одна колонна отныне должна поддерживать то, что прежде опиралось на множество колонн, то какова же должна быть ее прочность! Только Власть может быть такой пружинкой или такой колонной — и что же это должна быть за Власть! Просто потому, что спекулятивное мышление склонно пренебрегать полезностью множества вторичных факторов, участвующих в создании порядка, оно с неизбежностью ведет к усилению центральной Власти, и именно так происходит в тех случаях, когда оно подрывает все виды Власти, в том числе центральной; ведь какая-то Власть должна существовать, и когда она возникает вновь, то с необходимостью принимает форму максимально концентрированной Власти... Вот так доверчивое племя философам работает на пользу Власти, превознося ее достоинства до тех пор, пока не наступает отрезвление; правда, порой они срываются в проклятия, но и это на пользу Власти в целом, поскольку они возлагают все свои надежды на радикальное и систематическое приложение собственных принципов, а ведь это может обеспечить только очень обширная Власть».

---

* Сказанное мимоходом (лат.). — Прим. перев.

Через последовательность таких мгновенных зарисовок звеньев процесса, созидающего власть, Жувенель создает мастерскую и пугающую картину безличного механизма экспансии власти, норовящей поглотить все общество. Мало кто из прочитавших эту книгу сможет забыть нарисованную автором картину, напоминать которую текущие события будут слишком часто. Автор добился успеха и при этом избежал всех интеллектуальных ловушек, сопутствующих такого рода попыткам. Хотя язык книги отчасти персонифицирует власть, она не антропоморфна, но всегда выражается через то, чем и является: безличная сила, возникающая из проблем сотрудничества между людьми, из их индивидуальных потребностей, желаний и верований, зачастую вполне невинных и почти всегда свойственных большинству людей. Хотя язык книги порой достигает почти поэтических высот, основной ее характеристикой остается жесткий реализм, почти пугающая свобода от иллюзий и трезвое описание социальных процессов во всей их первоначальной наготе.

Почти невозможно выделить какую-либо часть книги как более значительную или важную по сравнению с другими. Но для тех, кто хотел бы ознакомиться с книгой до перехода к систематическому изучению, я особенно рекомендую блистательную тринадцатую главу «*Imperium et Democratie*» (этот заголовок представляет собой один из немногих случаев, когда опытный переводчик не смог найти адекватное выражение для французского оборота), и особенно чрезвычайно интересное обсуждение Руссо и принципа верховенства права — отчасти неожиданное, но поучительное истолкование Руссо, которое автор уже после этого развил в предисловии к превосходному изданию «Общественного договора»⁶. Оно убедило меня, что Руссо понимал смысл принципа верховенства права лучше, чем любой другой известный мне автор.

Одним из результатов реакции г-на де Жувенеля на сверхрационализм, господствовавший в последние два столетия, стало то, что он сосредоточился почти исключительно на внешних механизмах власти и склонен недооценивать роль мнения. Исключением можно счесть очень немногие высказы-

---

⁶ *Rousseau J.-J. Du contrat social, précédé d'un essai sur la politique de Rousseau. Par Bertrand de Jouvene. Geneva: Éditions du Chevalailé, 1947.*

вания, если не считать такого рода замечаний: «Извращение доктрин, сколь бы непостижимым это ни казалось идеологам, наблюдателю социального механизма представляется весьма естественным». То что на абстрактном уровне представляется, возможно, не более чем легким изменением акцентов, чревато серьезнейшими последствиями. Если я не ошибаюсь, именно в силу этого различия можно от очень близких исходных позиций перейти либо к относительно оптимистическому либерализму в старинном смысле слова, либо к консервативным и весьма пессимистическим установкам. И мне представляется, что именно скептическое отношение к роли мнения в конце концов приводит месье де Жувенеля к более консервативной позиции, чем этого требует его пылкая любовь к свободе, и в силу того же скепсиса он считает неизбежными гораздо большее число политических бедствий, чем это представляется оправданным. Но следует признать, что я не знаю ни одного исследователя власти, который не приходил бы к сходным пессимистическим заключениям.

Глава 14

БРУНО ЛЕОНИ (1913–1967) и ЛЕОНАРД РИД (1898–1983)

Бруно Леони¹

Даже спустя три месяца после трагического события трудно поверить, что Бруно Леони больше нет с нами. Привлекательный и энергичный, он жил так ярко, что, казалось, воплощал саму жизнь. Жестокий рок отнял его у нас в расцвете сил, когда его огромные достижения оправдывали ожидание еще больших свершений. Он был натурой столь щедро одаренной, что даже после многих лет дружбы открывались новые и неожиданные грани большой личности того типа, который порой заставляет нас завидовать прошлым векам и так редко встречается в наше время. Вероятно, Италия счастлива по-прежнему порождать такие фигуры, которые напоминают нам о Ренессансе. Среди граждан мира, одним из которых он являлся и среди которых я в основном его и встречал, он был уникален.

Хотя этот лекционный зал будит живые воспоминания о том, как менее четырех лет назад мне выпала удача выступить здесь на заседании под председательством Бруно Леони — и наслаждаться их с г-жой Леони гостеприимством в их доме в Турине, — большей частью мы с ним встречались в отдаленных уголках мира: в США и Японии, а также в различных городах Европы². Поэтому мне нечего сказать о большей части его жизни в Павии, Турине и на Сардинии, о чем вы знаете гораздо больше меня. Мне придется ограничиться рассказом о Бруно Леони как об ученом и личности международного масштаба, о человеке,

---

¹ Опубликовано: Bruno Leoni, the Scholar // Il Politico. University of Pavia. Vol. 33, 1968. P. 21–25. Недавняя оценка работ Леони см.: Aranson P. H. Bruno Leoni in Retrospect // Harvard Journal of Law and Public Policy. Vol. 11, Summer 1988. P. 661–711; также см.: Liggio L. P., Palmer T. G. Freedom and the Law: A Comment on Professor Aranson's Article // Ibid. P. 713–725.

² На встречах общества Мон-Пелерен.

который вызывал уважение и привязанность, где бы он ни был, и я горжусь возможностью говорить о нем как от имени наших общих друзей во всем мире, так и от своего собственного.

Мы все быстро обнаружили, что в этом человеке, которого мы знали главным образом как выдающегося ученого, стойкого приверженца свободы, неутомимого и изобретательного организатора, много других дарований.

Мы рано заметили проблески глубокого понимания искусств и музыки, особенно восточных искусств и восточной философии — и не в последнюю очередь искусства жизни; мы обнаружили энергию и умение наслаждаться всем утонченным и прекрасным, что только предлагает мир. Однако о множестве этих граней личности Бруно Леони, которые делали его общество столь привлекательным, я знаю не слишком много, чтобы говорить о них подробно. Ниже мне придется ограничиться тремя аспектами его работы, в которой последние 10—12 лет наши усилия шли параллельными курсами, и в которой я узнал его довольно хорошо. Первый — его усилия преодолеть раздробленность общественных наук, и в особенности попытки навести мост через пропасть, отделяющую исследования в области права от теоретических общественных наук. Второй — его усилия создать удовлетворительные интеллектуальные основы для защиты индивидуальной свободы, в которую он так сильно верил. Третьим будут выдвинутые в его трудах важные предложения, указывающие, как мне кажется, путь разрешения неких центральных интеллектуальных трудностей политической теории, — предложения, полностью разработать которые Бруно Леони не хватило времени и которые останутся на долю тех, кто захочет почтить его память, продолжив работу с того места, где он нас покинул.

Но, прежде чем обратиться к моей главной задаче, я должен сказать несколько слов о характере наших с ним отношений. Честь, оказанная мне вашим почтенным университетом, предложившим мне выступить по этому печальному поводу, требует объяснить, насколько ограничены мои права на исполнение такой задачи. Впервые я встретил Бруно Леони 14 лет назад в Чикагском университете, где в то время преподавал³,

---

³ С 1950 по 1962 г. Хайек входил в Комитет по социальной философии Чикагского университета, где вел регулярный семинар по разным проблемам социальных наук.

а он приехал в Чикаго, полагаю, главным образом за углубленными знаниями об англо-американском праве и политических институтах. Мы вскоре обнаружили, что наши интересы и идеалы во многом сходятся, и вскоре это привело его в нашу международную организацию ученых и публицистов, изучающую условия сохранения индивидуальной свободы, в общество Мон-Пелерен, которое я организовал за несколько лет до этого и которому он впоследствии посвятил так много времени и энергии. Лет десять назад мы еще раз столкнулись в Калифорнии, в колледже Клермонт, на семинаре по проблемам свободы, где он читал курс лекций «Свобода и право», о котором потом расскажу подробнее⁴. Именно тогда я впервые увидел способность Бруно Леони вдохновлять аудиторию, его неустанную готовность в любой час дня и ночи обсуждать интеллектуальные проблемы и страстный интерес к жизни, который заставлял его ловить миг, чтобы воспользоваться любыми возможностями для учебы и наслаждения. В связи с этим позволю себе припомнить небольшой эпизод. Мы, преподаватели семинара, были сильно заняты и ценили те три часа послепуденного обеденного времени, когда у нас не было конкретных обязанностей. Когда Бруно Леони стал регулярно исчезать в эти часы, мы сделали естественный вывод. Но как мы были неправы! Он нашел возможность брать уроки пилотирования на соседнем аэродроме и использовал часы отдыха для управления самолетом!

Вскоре после этого я опять пересекся в США с Бруно Леони, не лично, а идя по его следам и наблюдая оставленное им глубокое впечатление: в 1961 г. я сменил его в качестве почетного внештатного профессора в Центре исследований политической экономики им. Томаса Джеферсона Виргинского университета и ощутил оказанное им огромное влияние.

Но еще прежде мы близко сошлись благодаря бесценным услугам, оказанным им в кризисный период международному обществу, о котором я уже упоминал и для которого он тем самым стал и до самой смерти оставался движущей силой.

---

⁴ Это был семинар Института свободы и конкурентного предпринимательства в июне 1958 г. Лекции были изданы: *Freedom and the Law*. Princeton, N. J.: D. Van Nostrand, 1961. Reprinted: Los Angeles: Nash, 1972. [Рус. изд.: *Леони Б. Свобода и закон*. М.: ИРИСЭН, 2007.]

Поскольку Бруно Леони не имел отношения к началу конфликта, я не буду здесь говорить о сути этого кризиса, который возник, что может случиться в любой группе, из-за некоторого несходства темпераментов, но одно время угрожал разрушением общества⁵.

Избранный секретарем в разгар конфликта и некоторое время после отставки президента отвечавший за ведение дел, он твердой рукой провел Общество сквозь бурные воды в тихую гавань и в новый период активной деятельности. Организованные им ежегодные собрания в Турине, в Кнокке-сюр-Мер в Бельгии, в Земмеринге в Австрии, в Стреза, в Токио и в Виши были самыми успешными в истории общества. Всего шесть месяцев назад на последней встрече в Виши он был под общие приветственные возгласы избран президентом, став преемником Фридриха Лутца, Джона Джейкеса, Вильгельма Рёнке и меня. Каким ценным приобретением он был для общества, мы начинаем понимать только теперь, когда вдруг столь трагичным образом столкнулись с задачей по поиску его преемника.

Теперь я должен обратиться к его научной и литературной деятельности, из которых я хорошо знаю только опубликованное на английском и немного на итальянском языках.

Бруно Леони был одним из тех людей, которых становится все меньше и меньше, которые обладают мужеством выйти за профессиональные границы и пытаются увидеть проблемы общества в целом. Он, с его поразительной энергией и быстротой восприятия, сумел избежать опасности дилетантизма, в который так легко впасть, пытаясь охватить различные области науки. Конечно, в первую очередь он был юристом, и, насколько я понимаю, был очень успешен в юридической практике. Но даже в области права он был философом, социологом и историком права не в меньшей степени, чем мастером действующего права. То, что он был, кроме того, видным исследователем политики, пожалуй, только естественно для преподавателя конституционного права, интересующегося историей идей так, как интересовался он. Он, кроме того, внес вклад в развитие политической науки в Италии и за рубежом, основав журнал «*Il politico*», редактором которого был многие годы. Но это никоим образом не исчерпывает широту его любознательности; я могу свидетельствовать, что он был силь-

---

⁵ См. выше, прим. 29 на с. 228.

ным теоретиком-экономистом и продемонстрировал глубокое понимание некоторых методологических трудностей, возникших в этой области в последнее время. Это, конечно, тесно связано с другим его главным занятием, которое я оставил напоследок — с общей философией науки. Если не ошибаюсь, он был одним из основных организаторов и одним из активнейших деятелей *Centro di Studi Metodologici*, и работа здесь привела его к фундаментальным проблемам общей философии. Список публикаций показывает, насколько широки были его интересы. В лежащем передо мной списке больше восьмидесяти публикаций, из которых более семидесяти относятся к последним двадцати годам его жизни. Большая их часть вряд ли доступна иностранцу, и я с ними незнаком. Надеюсь, что кто-нибудь соберет наиболее важные публикации в один том, чтобы почтить его память⁶. Особенно жаль, что он не нашел времени подготовить к публикации оригинальный и многообещающий первый том «Лекций по философии права» («*Lezioni di Filosofia del Diritto*»), изданный им на мимеографе в 1949 г. для своих студентов и посвященный истории мысли в классической античности. Особенно интересным и заслуживающим дальнейшего развития мне представляется его трактатка отношения между «*physis*» и «*nomos*» в мышлении древних греков. Даже мне, с моим неполным знанием его работ, представляется, однако, что наиболее важной была та, которая пока что опубликована только на английском и испанском языках⁷, которая то открыто, то исподволь определяет будущее развитие, поднимая вопросы, на которые теперь придется отвечать нам, его друзьям и поклонникам. В этой главной книге так много неординарного и даже прямо противоположного общепринятому, и есть некоторая опасность, что она не будет принята с той серьезностью, которой заслуживает, или будет вовсе отвергнута как прихотливые размышления человека, который был не в ладу со своим временем.

⁶ Сборник работ Леони был подготовлен Паскуале Скарамоццино (Pasquale Scaramozzino) и опубликован в Италии: Omaggio a Bruno Leoni. Milan: A. Giuffrè, 1969.

⁷ Имеется в виду «Freedom and the Law»; испанское издание: La Libertad y la Ley. Buenos Aires: Centro de Estudios Sobre la Libertad, 1961. Английское издание 1972 г. с предисловием Артура Кемпа содержит некоторые дополнительные биографические материалы о Леони.

Утверждение, что изобретение законодательства было ошибкой и что миру следовало бы отказаться от законодательства и полагаться исключительно на право, вырабатываемое судьями и юристами, как, собственно, и развивалось право в Древнем Риме и прецедентное право в Англии, искажает смелый посыл его главного тезиса. Но, хотя ряд отдельных высказываний и тяготеет к такой интерпретации, Бруно Леони недвусмысленно ее отвергает. Как мне представляется, он пытался высказать чрезвычайно важную мысль, что право, возникающее в ходе судебных разбирательств и в результате деятельности юристов, по необходимости обладает некоторыми свойствами, в которых может нуждаться продукт законодательной работы, но которые в нем не всегда наличествуют при всей их существенности для сохранения индивидуальной свободы. В явном виде он выделил только некоторые из свойств, которыми непременно обладает право, порождаемое судами, и которые в обществе свободных людей должны быть принадлежностью всех законов. Он убедительно доказывает и убедил в этом меня, что, хотя кодификация права и была предпринята ради большей определенности законов, она в лучшем случае увеличила определенность законов на короткий срок (а я теперь не уверен, что и этого удалось добиться), но при этом привычка изменять закон с помощью механизмов законодательства явным образом уменьшила определенность законов в долгосрочной перспективе. Далее он показал, что характеристикой правил справедливого поведения, возникавших в ходе стихийного процесса созидания права, было то, что эти правила были в сущности негативны, они очерчивали защищенное пространство каждого индивидуума и как таковые были эффективной гарантией индивидуальной свободы. Как и многие другие глубокие мыслители, он видел задачу права не столько в утверждении справедливости, сколько в предотвращении несправедливости. Он считал, что золотое правило этики «не делай другим того, чего бы ты не хотел себе» — правило, общее и для конфуцианства, и для христианства, на что он с удовольствием указывал, — должно бы служить негативным тестом для оценки справедливости правил поведения, и последовательное применение этого правила смогло бы приблизить нас к справедливости.

Возможно, что богатство этой книги откроется полностью только тем, кто уже работает в сходном направлении. Бруно Леони последним стал бы отрицать, что он просто указал путь

и что впереди еще много трудов, прежде чем семена новых идей зацветут. Внезапный обрыв этой богатой жизни тем трагичнее, что мы видим, сколь многим он еще мог бы одарить нас.

Я счел своей главной задачей сегодня рассказать о Бруно Леони как об ученом не только потому, что я лучше всего знал его именно с этой стороны, но и потому, что раз его работа осталась незавершенной, есть некоторая опасность, что она не будет воспринята должным образом. Но для тех, кто был ему близок, этот труд покажется лишь малой частью Бруно Леони — человека. Мир без него станет беднее даже для тех, кто знал его главным образом по профессиональным контактам. Могу представить, что эта потеря должна значить для его учеников, которым он уделял так много своей преданности и энергии. Но наше глубочайшее сочувствие должно быть отдано тем, для кого он был центром жизни, для кого он не только создал красивый и гармоничный дом, но и отдал всю доброту своего благородного сердца, и где он оставляет невосполнимую пустоту. Мы знаем, что он был много больше, чем ученый, но надеемся, что дань нашей памяти о Бруно Леони как об ученом хотя бы отчасти утешит тех, кого он оставил.

Леонард Рид⁸

Институт, созданный Леонардом Ридом и позволяющий ему оказывать столь широкое влияние, носит скромное и прозаическое имя — Фонд экономического образования⁹. Я уверен, что он со своим безошибочным чутьем выбрал имя, наиболее способствующее успеху. При этом я намерен утверждать, что это имя обрисовывает цели организации — и работы Леонарда Рида — слишком узко и что на самом деле он ставил перед собой

---

⁸ Опубликовано в: *What's Past is Prologue: A Commemorative Evening to the Foundation for Economic Education on the Occasion of Leonard Read's Seventieth Birthday*. Irvington-on-Hudson, N.Y.: The Foundation for Economic Education, 1968. P. 37—43. Это эссе основано на речи, произнесенной 4 октября 1968 г. в отеле «Волдорф Астория» в Нью-Йорке. После смерти Рида в 1983 г. ФЭЕ опубликовала сборник «In Memoriam, Leonard E. Read, 1898—1893».

⁹ Foundation for Economic Education, Irvington-on-Hudson, New York. ФЭЕ продолжает образовательную работу и публикует ежемесячный журнал «Freeman».

куда более высокие цели. Мне представляется, что при такого рода оказии мы должны попытаться объяснить более полно и точно, что представляет собой то, что является главным предметом его заботы и, полагаю, предметом заботы всех вас, собравшихся здесь сегодня. Мне не справиться с этой задачей в нескольких словах, но я постараюсь занять меньше времени, чем мне отведено. Впрочем, я попытаюсь выразить основную идею в восьми (по-английски; по-русски в шести словах. — *Ред.*) словах. Сначала кратко сформулирую идею, а затем прокомментирую ее по частям. Я убежден, что Фонд экономического образования и Леонард Рид как его глава, так же как все его соратники и друзья, привержены не более и не менее как *защите нашей цивилизации от ошибок разума*.

Это не просто высокопарная фраза, которую приписают для такого рода случаев. Я сказал то, что сказал, и считаю это лучшим определением нашей общей задачи. Я тщательно выбрал каждое из этих слов и теперь попробую объяснить, что имею в виду.

Во-первых, я хотел подчеркнуть, что существующие политические тенденции угрожают не просто экономическому процветанию, не только лишь нашему комфорту или темпам экономического роста. Под угрозой нечто гораздо большее. Вот почему здесь сказано «наша цивилизация». Современный человек гордится тем, что он построил эту цивилизацию, как если бы он при этом осуществил некий заранее задуманный им план. Факты же, разумеется, таковы, что если бы когда-то в прошлом человек создал план будущего на базе существовавших тогда знаний, а потом осуществил его, мы были бы не там, где находимся сейчас. Мы были бы не только куда беднее, не только куда менее разумны, но мы еще были бы также менее незлобивы и менее нравственны: на самом деле мы до сих пор жестоко воевали друг с другом просто за свои жизни. Не только ростом наших знаний, но и совершенствованием наших нравов — а я полагаю, что они все же улучшились, особенно выросла забота о наших ближних, — мы обязаны не тому, что кто-то запланировал такое развитие событий, а тому, что в по сути свободном обществе определенные тенденции возобладали потому, что они вели к мирному, упорядоченному и развивающемуся обществу.

Этот процесс роста, которому мы обязаны возникновением того, что больше всего ценим, включая распространение цен-

ностей, которых придерживаемся, сегодня нередко изображается как нечто недостойное разумных существ, потому что он не направляется четким замыслом человеческих устремлений. Но наша цивилизация и есть в основном непредвиденный и непреднамеренный результат нашей приверженности определенным моральным и правовым нормам, которые никогда и никем не были «изобретены» для достижения этого результата, а возникли потому, что общества, которые шаг за шагом развивали эти нормы, на каждом шагу оказывались сильнее других групп, где действовали иные правила, менее благоприятные для развития цивилизации. Рационалистический конструктивизм, столь присущий нашему времени, восстает именно против этого факта, которому мы обязаны большинством наших достижений. Со времен так называемого Века разума все возрастающему числу людей кажется, что разумному существу недостойно подчиняться в своей деятельности моральным и правовым нормам, которые он не вполне понимает; звучали предложения не считать обязательными любые правила, за исключением тех, что ясно и различимо служат достижению определенных, предвидимых целей.

Бесспорно, мы лишь медленно и постепенно начинаем понимать, каким образом правила, которым мы повинujemyся по традиции, формируют социальный порядок, в котором возникла цивилизация. Но к настоящему времени безрассудная критика всего, что представляется не «рациональным», причинила такой вред, что порой кажется, будто то, что я склонен назвать *разрушением ценностей в силу научной ошибки*, было великой трагедией нашего времени. Ошибки этого рода почти неизбежны, если исходить из концепции, что человек сознательно создал или по крайней мере должен был создать свою цивилизацию. Тем не менее это и есть те интеллектуальные ошибки, которые сулят разрушение ценностей, являющихся неотъемлемыми основами нашей цивилизации, — ценностей, назначение которых нам так и не удалось постичь.

Это приводит нас ко второй части моего определения нашей задачи. Подчеркнув, что мы должны бороться именно против искренней интеллектуальной ошибки, я высказал следующий тезис: мы не должны забывать, что наши оппоненты зачастую являются возвышенными идеалистами, чьи пагубные учения вдохновлены самыми благородными идеалами. Мне представляется, что худшая ошибка, которую может совершить борец

за наши идеалы — это приписать нашим оппонентам бесчестные или аморальные цели. Я знаю, что иногда трудно не раздражаться из-за ощущения, что в большинстве своем это просто сброд безответственных демагогов, которым следовало бы быть поразумнее.

Но, хотя многие из последователей тех, кого мы считаем лжепророками, либо явные глупцы, либо вредные смутьяны, следует осознавать, что свои концепции они заимствовали у серьезных мыслителей, конечные идеалы которых не так уж отличаются от наших собственных и разнятся не столько ценностными ориентациями, сколько средствами их реализации. Я и в самом деле глубоко убежден, что различие между нами и нашими оппонентами относительно подлежащих реализации конечных ценностей не столь велико, как принято думать, и что наши расхождения лежат главным образом в интеллектуальной сфере. Мы по крайней мере убеждены в понимании сил, сформировавших цивилизацию, чего нет у наших оппонентов. Но если нам еще не удалось убедить их, то причина может заключаться в том, что наши аргументы недостаточно хороши и что мы еще не смогли четко выразить основания, на которых покоятся наши выводы. А значит, нашей главной задачей по-прежнему должно быть совершенствование аргументов, на которых покоится наша приверженность свободному обществу.

Впрочем, мое выступление не должно превращаться в лекцию. Я затронул эти чисто интеллектуальные проблемы просто чтобы сказать, что хотя среди нас есть некоторое число тех, кто посвятил себя исключительно этим интеллектуальным проблемам и часто выражает результаты в форме, понятной только коллегам-специалистам, и хотя есть немало практических деятелей, которые хорошо понимают, что с господствующими ныне убеждениями не все в порядке, вряд ли найдется тот, кто рассматривает главные проблемы нашего времени как проблемы интеллектуальные и одновременно настолько знаком с мышлением людей практики, чтобы суметь изложить решающие аргументы на языке, внятном мирянам.

Положение Леонарда Рида уникально, пожалуй, как раз потому, что он обладает обоими этими свойствами. Охотно признаюсь, что я обнаружил это только постепенно и далеко не сразу. Когда 21 год назад ряд друзей помог мне организовать эти встречи на Мон-Пелерен в Швейцарии, некоторые

из них сказали, что в США есть человек, поразительно искусный в изложении либертарианских идей для широкой публики. А поскольку целью этой группы с самого начала было не ограничивать свой круг одними теоретиками, но включить и тех, кто сможет истолковать их выводы для широкой публики, Леонард Рид показался мне идеальным кандидатом в наше общество. Он, безусловно, выполнил все, чего от него ожидали, но, начав смотреть на него под этим углом зрения, я еще некоторое время продолжал видеть в нем исключительно истолкователя, а не подлинного мыслителя — в конце концов, тот, кто способен изложить вещи простыми словами, найдется всегда. Я хочу использовать этот случай для публичного признания, что мое представление о Леонарде Риде было ошибочным и что за прошедшие двадцать с лишним лет мое мнение о нем постоянно менялось. Я обнаружил, что он не только знал о мнениях, управляющих текущей политикой куда больше большинства остальных, а значит, гораздо лучше обнаруживал заблуждения общественного мнения — я-то лишь стремился к этому, но не знал, как этого достичь. Но я обнаружил также, что он был глубоким и оригинальным мыслителем, который скрывал глубину своих выводов, облакая их в слова домашнего, повседневного языка, а те из нас, кто временами не без снисходительности, рассматривал его главным образом как популяризатора, обнаружили, что они много чему могут у него научиться.

В нашем обществе, где люди, не принадлежащие к академическим кругам, все еще в меньшинстве, Леонард Рид стал не только одним из любимых, но и одним из самых уважаемых членов, которому доверяли не только распространение благой вести, но и участие в развитии идей. Поэтому ничто не доставляет мне большего удовольствия, чем возможность присоединиться к чествованию его достижений. И будучи младше его всего лишь на несколько месяцев, могу позволить себе личное замечание: особенно радостно, что от его будущих достижений все еще можно ожидать большего, чем от прошлых.

Содержание

в хронологическом порядке

Год	Оригинальное название, глава в настоящем издании
1	2
1926	«Friedrich Freiherr von Wieser», глава 3
1929	Review, Strigl's «Angewandte Lohntheorie», глава 6, приложение
1929	Review, Röpke's «Die Theorie der Kapitalbildung», пролог к части II, приложение
1934/1965	«Carl Menger», глава 2
1939	Review «John Bates Clark: A Memorial», пролог к части I, приложение
1941	Review, Mises's «Nationalökonomie», глава 4
1944	«Historians and the Future of Europe», глава 8
1944	«Richard von Strigl», глава 6
1944	Review, Hallowell's «The Decline of Liberalism as an Ideology», пролог к части II, приложение
1945	«Is There a German Nation?», глава 10
1945	«The Future of Austria», глава 11, приложение
1945	«A Plan for the Future of Germany», глава 11
1947	«Opening Address to a Conference at Mont Pelerin», глава 12
1948	«Wesley Clair Mitchell, 1874—1948», пролог к части I, приложение
1948	«The Tragedy of Organised Humanity» [Review of de Jouvenell's «Power»], глава 13
1953	«The Actonian Revival», глава 9
1954	Review, Schumpeter's «History of Economic Analysis», глава 5

1	2
1956	«Tribute to Ludwig von Mises», глава 4
1959	«On Röpke» [in Röpke's «Gegen die Brandung»], пролог к части 11, приложение
1963	«The Economics of the 1920s as Seen from Vienna», пролог к части 1
1964	Review, Mises's «Epistemological Problems of Economics», глава 4
1967	«Diskussionsbemerkungen über Ernst Mach und das sozialwissenschaftliche Denken in Wien», глава 7
1968	«Economic Thought: The Austrian School», глава 1
1968	«Bruno Leoni, the Scholar», глава 14
1968	«Leonard Read», глава 14
1973	«Tribute to von Mises, Vienna Years», глава 4
1973	«The Place of Menger's „Grundsätze“ in the His- tory of Economic Thought», глава 2, приложение
1976	Preface to 1976 edition, Mises's «Interventionism», глава 4
1977	Einleitung, Mises's «Erinnerungen», глава 4
1978	Foreword to 1981 Edition, Mises's «Socialism», глава 4
1980	Preface, Schams's «Gesammelte Aufsätze», глава 6
1980	Preface, Schumpeter's «Methodological Individ- ualism», глава 5
c.1982	Excerpt, Draft for the «New Palgrave», глава I, приложение
1983	«Die Wiederentdeckung der Freiheit — Persönliche Erinnerungen», пролог к части II

Предметно-именной указатель

А

- Австрийская экономическая школа 10, 11, 13, 14, 17, 55, 160, 201, 203, 206. См. также главу 1
– и Венский университет 61
– и Кларк 43
– первое и второе поколения 32, 33, 148, 201
– современная 15, 18, 23, 70, 133, 191
– третье поколение 160, 177, 191, 201
– четвертое поколение 10, 18, 67, 68
- Австрийский институт исследований делового цикла 42
- Адлер Виктор 210
- Адлер Карл 115
- Адлер С. 162
- Адлер Фридрих 210
- Аксельрод Роберт 16
- Актон 242, 247, 248, 249, 251, 252, 254, 257, 258, 259, 260, 274, 275, 277, 297. См. также главу 9
- Алле Морис 283, 290
- Аллен Р. Г. Д. 69
- Альтернативные издержки 63, 92, 139, 142
- Арансон Питер 303
- Арендт Ханна 14
- Аристотель 56
- Аушниц Рудольф 35, 62, 73
- Ауэрсберг Адольф 95
- Б
- Бартли У. У. 21, 22, 175, 213, 216, 217
- Бастиа Фредерик 50
- Баттерфилд Герберт 258
- Бауэр Отто 67, 170
- Бах Иоганн Себастьян 262
- Беккер Карл Генрих 223
- Бём Франц 225
- Бём-Баверк Ойген фон 32, 33, 39, 40, 44, 45, 61, 89, 91, 92, 93, 94, 101, 102, 105, 107, 138, 139, 140, 141, 150, 170, 190, 199, 201
– и Альфред Маршалл 44
– и Визер 150
– и Карл Менгер 59, 61, 63, 80, 138, 139, 141
– и Людвиг фон Мизес 159
– о Георгеску-Рогене 92
– о капитале 106, 138
– о либерализме 39, 157
– о проценте 183
– о теории цен 140
– об издержках 139
– семинар 45, 66, 160, 170, 177, 201, 223
– Шумпетер о Бём-Баверке 149, 199
- Бенсон Брюс Л. 16
- Бергсон Абрам 20
- Берк Л. В. 139
- Бёрк Эдмунд 250, 257, 259
- Бернарди Теодор фон 242
- Бернс Артур Фрэнк 53
- Беттельхейм Бруно 14
- Бисмарк Отто фон 262, 266, 271, 272, 273, 274, 275
- Блок Морис 103
- Блум Марк 67 210
- Бозе Франц 97, 178
- Боланд Лоренс А. 65
- Бонар Джеймс 104
- Борн Карл Эрих 169
- Бостаф Сэмюэл 65
- Брайтвейт Ричард 215
- Брандт Карл 283
- Браун Марта Стефания 188
- Брентано Луйо 96, 177, 243
- Брешиани-Туррони Константино 288
- Бунге Марио А. 71
- Буркхардт Якоб 249, 294
- Бьюкенен Джеймс 70
- Бюхер Карл 96

В

- Вагнер Адольф 243
 Вайнер Джейкоб 14
 Вайт Отто 223
 Вальрас Антуан Огюст 58
 Вальрас Леон 18, 59, 68, 83, 84, 94, 96, 120, 121, 128
   – и Висксель 62
   – и Кассель 44
   – о проблеме предельной полезности 55, 56, 57, 81, 83
   – теория равновесия 89
   – Шумпетер о Вальрасе 199
 Вебер Адольф 190, 222
 Вебер Макс 32, 43, 187, 190, 222
   – о Мизесе 168
   – о понимании (Verstehen) 127
   – отношение к Визеру 148
 Веблен Торстейн 47, 52
 Веджвуд С. В. 283, 291
 Вейсс Франц 66, 147, 190
 Вейцман Мартин 15
 Венская торговая палата 155, 160, 162, 176
 Венский кружок 40, 209, 211
 Венский университет 12, 30, 195, 223
   – до Менгера 59
   – подъем научного уровня 30, 59, 60
 Вермейль Эдмунд 263
 Визе Леопольд фон 176
 Визер Леопольд 136
 Визер Фридрих фон 11, 32, 37, 63, 66, 67, 87, 89, 92, 125, 130, 188, 201. См. также главу 3
   – Георгеску-Роген о Визере 92
   – и Бём-Баверк 44
   – и Вебер 148
   – и либерализм 39
   – и Маршалл 44
   – и Менгер 60, 80, 94, 101, 141
   – и Хайек 19, 163
   – и Шумпетер 148
   – о методе 143, 144
   – о теории денег 147, 148, 151

- Висксель Кнут 13, 37, 43, 62, 94, 131
   – и деловые циклы 49
 Вилле Д. 288
 Витгенштейн Людвиг 11, 210, 212
 Витгенштейн Пауль 215
 Вменение 37, 63, 91, 139, 142
   – Визер о вменении 145
 Вольтер 187
 Вудвард Э. А. 288
 Вудрафф Дуглас 258
 Вулси Теодор 257

Г

- Галиани Фердинандо 57
 Ганс Барт 283
 Гарр Макс 115
 Гаррисон Р. У. 21, 63, 106
 Геллер Вальтер 237
 Гельд Адольф 96
 Гельмгольц Герман фон 212
 Гельферих Карл 222
 Георгеску-Роген Николас 58, 92
 Герман Шварцвальд 115
 Гермманн Фридрих Б. В. 58, 83, 90, 95, 177, 190
 Гестрих Ганс 223, 224
 Гёте 154, 262
 Гидинс Гарри Д. 283
 Гильдебранд Бруно 94, 138
 Гильфердинг Рудольф 67
 Гитлер 243, 247, 262, 264
 Гладстон Мария 253
 Гнейст Генрих Рудольф 242
 Гомперц Генрих 209
 Гордон Дэвид 194
 Госсен Герман Генрих 58, 83, 84, 103, 120, 122, 190
 Государственные финансы 102, 116
 Грац Виктор 115
 Грациани Аугусто 103
 Грегори Теодор 13
 Грей Джон 21
 Гривс Беттина 194
 Гривс Перси 194
 Гросс Густав 96, 102
 Грубер-Меннингер И. фон 115

Грэм Фрэнк Д. 283
 Грюнберг Карл 33
 Гунольд Альберт 227, 228, 231,
 283, 286, 295
 Гуссерль, Эдмунд 43
 Гэлбрейт Джон Кеннет 24, 25

Д

Давенпорт Герберт Джозеф 43, 62
 Давенпорт Джон 283
 Дайамонд Питер 15
 Де Лонг Дж. Брайфорд 289
 Деловые циклы 47, 48, 49, 53
 Демосфен 275
 Денежная школа 13
 Деннисон Стенли Р. 283
 Деньги
 – Визер о теории денег 147, 151
 – Менгер о деньгах 110, 111
 – проблема ценности денег 110
 – Рёпке о деньгах 232
 – стабилизация уровня цен 47
 Джаффе Уильям 56, 84
 Джевонс Уильям Стэнли 57, 63, 121
 – влияние его трудов 130
 – о предельной полезности 55,
 59, 68, 81, 93
 – теория равновесия 89
 Джейкес Джон 283, 306
 Дженкс Джереми 46
 Джефферсон Томас 230
 Джон Эндрю 15
 Директор Аарон 290
 Дитцель, Генрих 190, 222
 Долан Эдвин 14, 197
 Дольфус Энгельберт 212
 Дройзен Иоганн Густав 242
 Дуб Мориц 115
 Дюпюи Жюль, 58, 84, 120

Ж

Жувенель Бертран 283. См. главу 13

З

Зайдлер Эрнст 152
 Закон Визера 139

Законы Госсена 125, 145
 Зандель Матильда фон 136

Зибель, Генрих фон 242, 273
 Зигхарт Рудольф 115

Знание

– непредсказуемые последствия
 22
 – передача 21

Золотой стандарт 108
 Зомбарт Вернер 224, 243

И

Иден Энтони 280
 Иеринг Рудольф фон 273
 Издержки производства
 – Менгер 92
 Илау Ганс 223
 Илли Лео (Лео Шёнфельд), 41,
 42, 74, 75, 201
 Институт высших международных
 исследований, 70, 165, 178,
 192, 233
 Институт экономических дел 229
 Институциональная школа 47, 52,
 97
 Истмен Макс 288
 Историзм 98
 Историческая школа экономиче-
 ской науки 52, 66, 82, 98, 100,
 104, 121, 141, 176, 190
 – старая 97, 98
 Итуэлл Джон 55

К

Кант Иммануил 211
 Кантильон Ричард 199
 Капитал 49
 – Бём-Баверк о капитале 101,
 105, 138
 – Менгер о капитале 63, 93,
 105
 – Рёпке о капитале 7, 234
 Карвер Томас Никсон 43, 46, 62
 Кассель, Густав 38, 43, 190, 202,
 223
 Катчингс Уодделл 48, 49

- Каудер Эмиль, 52, 67, 84, 118, 123, 124
 Кауфман Феликс 38, 42, 43, 68, 189
 Кахане Жак 173
 Кейнс Джон Мейнард 26, 45, 48, 131, 161, 183, 200
 Кельзен Ганс 43, 157
 Кембриджский университет 10, 12, 104, 215, 216, 250, 259
 Кеннан Эдвин 40
 Кирцнер Израэл 14, 20, 21, 55, 70
 – об экономическом расчете при социализме 20
 Кларк Джон Бейтс 43, 46, 50, 51
 Клэпхем Джон 239, 288
 Кнапп Г. Ф. 96
 Книс Карл 95, 136, 139, 141
 Колдуэлл Брюс 17, 22, 39, 62
 Количественная теория денег.
 См.: Деньги
 Коллмайр Хэролд 258
 Кон Ганс 288
 Кондильяк Этьен Бонно 57
 Конструктивизм 23, 311
 Координация экономической деятельности 9, 15, 16
 Коса Луиджи 103
 Красни А. 115
 Крейвер Ирлен 36, 38, 42, 66, 157, 203
 Крейтон Манделл 251
 Кружок *Ordo*, 225
 Кудлер Йозеф 118, 123
 Кунвальд Г. 115
 Купер Расселл 15
 Курно Антуан Огюстен 84, 103, 118, 120, 199
 Куртен Рене 288
 Кэрнс Джон Эллиот 109
- Л
- Лавой Дон 15, 20
 Ламмаш Генрих 152
 Лампе Адольф 225
 Ланге Оскар 10, 20
 Ларднер Дионайзиус 84
 Лафлин Д. А. 52
 Лахманн Людвиг 24, 70, 106
 Ледерер Эмиль, 223
 Лейбниц Готфрид Вильгельм фон 262
 Ленин Владимир Ильич 210
 Ленинг Перси 216
 Леони Бруно 7, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 311, 313
 Лернер Абба 13
 Либен Рихард 35, 62, 73, 85, 103
 Либер Френсис 257
 Либерализм 25, 40, 252, 257, 258, 277, 285, 286, 287
 – в Германии 225, 236, 238
 – в его классическом значении 11, 175
 – и капитализм 9
 – и национальность, 253
 – и рационализм 23, 174
 – и религия 249
 – континентальный и английский, 22, 248, 249
 – манчестерский, 169
 – Менгер о либерализме 39
 – Мизес о либерализме 38, 185
 – победа либерализма в XIX веке 30
 – ранняя австрийская школа о либерализме 38
 – Шумпетер о либерализме 199
 Лиджи Леонард 303
 Лизер Хелен 188
 Линдаль Эрик 63
 Липпикотт Бенджамин 257
 Липпманн Уолтер 288
 Ллойд Уильям Форстер 120
 Ловинфосс Х. 283
 Логический позитивизм 31, 43, 60
 Лозаннская экономическая школа 18, 67, 201
 Локк Джон 122
 Лондонская школа экономики 13, 31, 69, 79, 86, 102, 173, 215
 Луноу У. Х. 295
 Лутц Фридрих 223, 306

М

- Маар Александр 67
 Мадариага Сальвадор де 288
 Майер Ганс 37, 66, 112, 153, 191, 210
 Майер Роберт 61, 96, 102
 Маколей Томас Баббингтон 39, 137
 Макроэкономика 15, 132
 Мангольдт 190
 Мандевиль Бернар 65
 Манту Этьен 289
 Маржиналистская революция 18, 55, 130, 131
 Маркс Карл 199
 Марксизм 31, 40, 61, 170
 Маршалл Альфред 68, 84, 95, 104, 120, 126, 130
 – и Визер 44
 – о Менгере 130
 – Шумпетер о Маршалле 199
 Маршалл Мэри Пейли 44
 Магайя Виктор 102, 107
 Мах Эрнст 11, 215. См. также главу 7
 – и Бём-Баверк 195
 – и Визер 11
 Махлуп Фриц 14, 42, 67, 68, 158, 188, 201, 233, 283
 Маццола Дж. 103
 Менар Клод 67
 Менгер Антон (брат Карла Менгера), 87, 114, 115
 Менгер Антон (отец Карла Менгера), 86
 Менгер Карл 10, 18, 21, 32, 33, 59, 66, 68, 72, 160, 169, 190, 201. См. также главу 2
 – и Бём-Баверк 63, 149, 191
 – и Визер 140, 149, 191
 – и знание 21, 71, 72
 – и спор о методах 64, 65, 66
 – и Хайек 17
 – и Шумпетер 148, 195
 – лекции и семинары 116
 – о деньгах 110, 111
 – о капитале 105
 – о либерализме 39
 – о математике 84, 85
 – о методе 38, 39, 65, 79, 126, 143
 – о предельной полезности 55, 56
 – о стихийном порядке 22, 39
 – о субъективной ценности 141
 – об издержках производства 92
 Менгер Карл младший, 85, 88, 112
 Менгер Макс 87, 115
 Методологический индивидуализм 98, 127
 Менгер о методологическом индивидуализме 65, 79, 127
 Шумпетер о методологическом индивидуализме 195, 196
 Мизес Людвиг фон 10, 33, 67, 79, 201, 222. См. также главу 4
 – и антисемитизм 157
 – и Бём-Баверк 106
 – и деловые циклы 49
 – и спор о методах 64
 – и Хайек 19, 22, 23, 24, 72, 174, 228
 – о конкуренции 184
 – о либерализме 38, 39, 40, 41, 156, 157
 – о социализме 170, 171
 – о теории денег 110, 147
 – о теории процента 182, 183
 – об экономическом расчете при социализме 10, 12.
 – частный семинар 37, 38, 40, 157, 163, 171, 172, 187, 188, 202
 – эмиграция 70, 232
 Мизес Маргит фон 19, 159, 166, 182
 Микш Леонхард 225
 Милгейт Мюррей, 55
 Миллер Л. Б. 283
 Мильд Джон Стюарт 81, 119, 120, 121, 163, 187, 253
 Мильтон Джон 258
 Митчелл Уэсли Клар 6, 47, 49, 52, 53, 54, 137, 187
 Мишлер Петер 85
 Моммзен Теодор 242

- Монтескье 163
 Морган Чарлз 288
 Моргенштерн Оскар 14, 42, 43, 67, 68, 188, 201, 202
 Морли Феликс 283
 Мэтью Дэвид 258
- Н**
- Найт Фрэнк 14, 69, 74, 283
 – об австрийской теории капитала 13
 Налогообложение
 – и образование капитала 236
 Нейманн Джон фон 42
 Нейрат Отто 40, 171, 211
 Нельсон Ричард 16
 Непреднамеренные последствия 98. См. также: Стихийный порядок; Эволюция общественных институтов
 Ньюмен Питер 55
- О**
- О’Дрисколл Джералд П. 15
 «Общая теория занятости процента и денег» Кейнса 13, 26, 131, 200
 Общество Мон-Пелерен 11, 24, 227, 228, 229, 255, 303, 305.
 См. также главу 12
 Ойкен Вальтер 25, 176, 224, 225, 226, 227, 229
 Ортон У. А. 288
 Освальт Г. 67
 «Основания политической экономии» Карла Менгера 10, 24, 32, 60, 63, 65, 74, 79, 80, 83, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 138, 169
 – второе издание 106, 112
 – оказанный книге прием 94
- П**
- Палмер Том 303
 Панталеони Маффео 103
- Парето Вильфредо 41, 67
 – о точном вычислении цен 128
 Пассов Рихард 176, 222
 Паттен Саймон 103
 Пигу Артур Сесил 95
 Пирсон Николас Джерард 62, 103
 Планирование
 – во время войны 24
 Плант Арнольд 13, 288
 Позитивизм 71, 97, 211
 – и либерализм 237, 291
 Полани Майкл 283
 Поле Людвиг 176, 190, 222
 Полезность, 58, 59. См. также:
 Предельная полезность
 – и издержки 63
 – и ценность, 83, 90, 91, 120, 121
 – измеримость, 69
 – количественное или порядковое значение 91, 92
 – межличностное сравнение 71, 236
 – Менгер о полезности 140
 Понимание 127
 Поппер Карл 212
 – и Витгенштейн 216
 – и Мизес 181
 – и Хайек 17, 22
 – об историцизме 98
 Порядок благ 89, 126. См. также: Вменение
 Правовой позитивизм 43
 Предельная полезность, 13, 31, 37, 57, 60, 62, 63, 81, 83, 90, 93, 102, 103, 110, 119, 120, 125, 129, 142, 151, 191
 – и государственные финансы 102
 – и прогрессивное налогообложение доходов 191
 – и сбережения 236
 – и совокупная полезность, 142
 – и теория денег 110
 – популяризация теории Бём-Баверком 102
 – предшественники теории 124
 Предсказания изменений сложных структур 127

- Процент
 – Бём-Баверк о проценте 183
 – Мизес о проценте 183, 184
- Пуанкаре Анри 212
- Р
- Равель Морис 215
 Райко Ральф 135, 177, 205
 Раппар Уильям 283
 Расселл Бертран 298
 Расселл Уильям 273
 Расчет. См.: Экономический расчет при социализме
 Рау Карл Генрих 120, 124
 Рационализм 291
 – и Мизес 23, 174
 Рейнинггер Роберт 209
 Рейсх Рихард 96
 Ректенвальд Г. 79
 Религия
 – и либерализм 249
 Рёнке Вильгельм 163, 167, 224, 227, 228, 231, 306
 – теория капиталообразования 234
 Рёнке Ева 225
 Реппинг Леонард 17
 Рид Леонард 167, 283, 309, 310, 311, 312, 313
 Рикардо Давид 63, 94, 119, 120, 131, 199
 Риккерт Генрих 98
 Рингер Фриц 222
 Рист Шарль, 62, 288
 Ристон Х. М. 288
 Риццо Марио 106
 Роббинс Лайонел 13, 20, 69, 163, 167, 173, 198, 283
 – в споре об экономическом расчете при социализме 20
 – и австрийская школа 69
 Робертс Майкл 288
 Робертсон Деннис 13, 215
 Розенберг Вильгельм 115
 Розенштейн-Родан Пауль, 14, 37, 42, 67, 68, 201, 233
 Ротбард Мюррей, 14, 70, 197
 Рошер Вильгельм 83, 94, 138
- Рувер Раймонд 56, 196
 Рудольф, кронпринц Австрии 95, 115
 Рузвельт Франклин Делано 53
 Руссо Жан-Жак 300
 Рюэфф Жак 288
 Рюстов Александер 223, 288
- С
- Савиньи Фридрих Карл фон 97
 Саймонс Генри 289
 Сакс Эмиль 61, 102
 Салерно Джозеф 20, 162
 Самуэльсон Пол 14
 Сбережения
 – и накопление капитала 235
 – и предельная полезность, 236
 Секретан Шарль 103, 105
 Селджин Джордж 15
 Селдон Артур 229
 Селигмен Э. Р. А. 46
 Сениор Нассо У. 199
 Сеннхольц Ганс 170, 175, 186
 Сеннхольц Мэри 70
 Сигер Генри Роджерс 46, 116
 Силс Дэвид 79
 Скитовски Тибор 58
 Сложные явления 71, 72
 Смит Адам 51, 72, 83, 95, 105, 114, 119, 163, 169, 187, 196, 199
 Совет управляющих Федерального резерва 47
 Сорман Дэвид 15
 Соуэлл Томас 71
 Социализм 167, 258. См. также: Экономический расчет при социализме; Теория общественного хозяйства
 – и конструктивизм 23
 – и либерализм 291
 – и Мах 211
 – Мизес о социализме 156, 171, 180
 – саморазрушение 9
 – трактат Людвига фон Мизеса 12, 23, 36, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 188

- фабианский, 40, 156, 169, 177, 191
- Социалисты кафедры 96, 169
- Союз социальной политики 96, 147, 178, 224
- Спадаро Луис 15
- Спайгел Генри Уильям 80, 135
- Спенсер Герберт 137
- Спор о методах 79, 101, 104, 143.
См. также: Историческая школа экономики
- Спор о социалистическом расчете.
См.: Экономический расчет при социализме
- Спротт У. Дж. 288
- Сраффа Пьеро 13
- Стагфляция 132
- Статистика 48, 53, 131, 196
– и Визер 146
- Стиглер Джордж 14, 45, 123, 283
- Стихийный порядок 16, 24, 174
- Субъективная ценность, 42, 56, 57, 90, 92, 139, 140
– и проблема покупательной способности денег 147
– Менгер о теории субъективной ценности 142
– обсуждение проблемы на семинарах Мизеса 189
- Суизи Пол 73
- Схоластическая экономическая мысль, 56
- Сэй Жан-Батист 58
- Сэй Луи-Огюст 58
- Т
- Тагвелл Рексфорд Гай 47
- Талмон Й. Л. 257
- Тауссиг Фрэнк Уильям 46
- Тейлор Фред 10, 172
- Теория заработной платы 41
– Штригль о теории заработной платы 205
- Теория игр 42
- Теория недопотребления 48
- «Теория общественного хозяйства» Фридриха фон Визера 64, 89, 144, 148, 149, 150, 151
- Теория предельной производительности 50, 92
- Тингстен Герберт 283
- Тирпиц Альфред фон 243
- Токвиль Алексис де 187, 250, 257, 258, 277, 294
- Толстой Лев 137
- Торренс Роберт 199
- Треву Франсуа 283
- Трельч Е. 237
- Трудовая теория ценности 58, 82, 121
- Трупиль Роже 288
- Турнвальд Рихард 112
- Тюнен Иоганн Генрих фон 84, 120
- У
- Уайт Лоренс 15
- Уивер Уоррен 128
- Уикстид Филипп 68, 69
- Уиллис Генри Паркер 46
- Улин Бертиль 163
- Уоттс У. О. 283
- Утилитаризм
– англо-американский, 71
– Бентама 59
– Мизес об утилитаризме 71
- Ф
- Фаснахт Г. Э. 257, 259
- Феноменология 43
- Ферреро Гильельмо 298
- Фертиг Лоуренс 70
- Феттер Франк 43
- Физические науки 56
- Филиппович фон Филиппс-берг Ойген 32, 62, 66
– как либерал 39
- Фихте Иоганн Готтлиб 237
- Фишер А. Г. Б. 288
- Фишер Ирвинг 43, 46, 69
- Фишер Энтони 228
- Флегельс Вильгельм 67
- Фогелин Эрик 68
- Фойгхт Андреас 176

Фонд экономического образования 167, 309

Фостер Уильям Труфант 48

Франц-Иосиф I, 95

Фрейд Зигмунд 35

Фрейтаг Густав 273

Фридмен Милтон 14, 283

Фридьюнг Генрих 137

Фройлих Вальтер 42

Фюрт Й. Х. 42

Х

Хаберлер Готфрид фон 14, 36, 42, 67, 68, 157, 158

– о внешней торговле 50

Хавенштайн Рудольф 222

Хайек Ф. А. 29, 31, 32, 39, 41,

42, 47, 49, 52, 55, 58, 59,

60, 62, 64, 65, 66, 70, 72,

79, 80, 86, 87, 95, 97, 113,

117, 145, 148, 155, 157, 159,

165, 174, 178, 179, 186, 188,

191, 213, 216, 228, 238, 246,

250, 255, 261, 272, 273, 274,

275, 304

Хайнц Грете 135, 205, 209

Хак Вильгельм 94

Хан Альберт 192

Хансен Реджинальд 79, 123

Хармс Бернхард 223

Харпер Ф. А. 283

Харрис Ральф 229

Хатчинсон Т. У. 17, 21, 25, 39, 181, 224, 297

Хауи Ричард С. 123

Хаусвирт Эрнст 136, 137

Хейлброннер Роберт 9

Хендерсон Леон 24

Хеннингс Клаус 59, 67

Херкнер Генрих 177

Херн Уильям Эдвард 82

Хикс Джон Р. 13

Химмельфарб Гертруда 258, 259

Хирншоу Ф. Дж. К. 257

Холлоуэлл Джон Х. 7, 236, 237

Хоппе Ганс-Герман 186, 204

Хоппе Маргарет Рюдлих 204

Хоутри Ральф Джордж 50

Хофф Т. Й. Б. 283

Хэзлитт Генри 283

Ц

Ценность, 55, 60, 63. См. также:

Предельная полезность

– Визер о ценности 138, 139,

140, 141, 143

– ее измеримость, 91

– и ее соотношение с издерж-

ками 138, 139

– и полезность 120, 138, 139,

140

– классическая теория 81

– Мизес о ценности 161

– Милье о ценности 119

Цены

– Бём-Баверк о теории цен

139

– Визер о ценах 151

– и предельная полезность, 57,

92

– Менгер о ценах 91

– Парето о ценах 128

– теория цен до Менгера 120

– факторов производства 120

Цлабингер Альберт 112

Цукеркандль Роберт 51, 61, 96,

102, 113

Ч

Чафуэн Алехандро 56

«Человеческая деятельность»

Людвига фон Мизеса 158, 165,

171, 179, 182

Чемберлен Уильям Х. 288

Чемберлен Хаустон Стюарт 274

Чикагский университет 13, 29, 31,

52, 70, 283, 304, 305

Чистая логика выбора 21, 72, 126

Ш

Шамс Эвальд 41, 67, 201

Шаффле Альберт 59

Швидланд Э. 115, 183

Шёнберг Густав 104

- Шёнфельд Лео. См.: Илли Лео
 Шлезингер Карл 35
 Шлик Мориц 43, 209
 Шмоллер Густав 66, 96, 100, 101, 104, 144, 177, 243
 Шмутцер Ф. 113
 Шнабель, Франц 227, 249, 288
 Шонненфельс Йозеф фон 123
 Шпанн Отмар 33, 210
 – влияние Эрнста Маха 12
 Шпрангер Эдвард 154
 Штейн Лоренц фон 137
 Штейндль 204
 Штрайсслер Эрик 56, 62, 83, 84, 95, 110, 114
 Штригль Рихард фон 11, 41, 67, 75, 189, 201, 203, 204, 205, 207
 Шуллерн цу Шраттенхофен Германн фон 61, 96, 103
 Шумпетер Йозеф 11, 41, 44, 170, 177, 191, 201, 223. См. также главу 5
 – в споре об экономическом расчете при социализме 20
 – и австрийская школа 66, 195
 – и Эвальд Шамс 195
 – и Эрнст Мах 210
 – как первый участник программы обмена 43
 – о Визере 139, 148
 – о движении Sozialpolitik, 169
 – о либерализме 175
 – о методологическом индивидуализме 98, 195
 Шэкл Дж. Л. С. 24, 70
 Шюллер Рихард 61, 79, 96
 Шюц Альфред 38, 42, 43, 68, 189
- Э
- Эволюция общественных институтов. См. также: Стихийный порядок
 – Менгер об эволюции общественных институтов 65
 Эджуорт Френсис Исидро 69
 Эйк Эрих 273, 274
 Эйнаути Луиджи 288
- Эжелунд Роберт 15, 17
 Экономическая наука
 – австрийская школа. См.: Австрийская экономическая школа
 – кейнсианство 16, 18, 71
 – Лозаннская школа. См.: Лозаннская экономическая школа
 – Менгер 131
 – неоклассическая 15, 16, 17
 – в дебатах об экономическом расчете 10
 – о методологическом индивидуализме 65
 Экономическая теория
 – в Англии 83
 – в Вене 31
 – в Германии 59, 65, 97, 98, 99, 100, 101, 130, 221, 231
 – сравнение с другими дисциплинами 14, 16, 17
 Экономическая теория благосостояния 23
 Экономический прогноз 48
 Экономический расчет при социализме 10, 15, 19, 20, 37, 157, 162
 Экономический цикл. См.: Деловой цикл
 Эли Ричард 103
 Эллис Ховард 288
 Энгель-Яноши Фридрих 42, 79, 189
 Эндрес А. М. 63
 Энтони Карло 283, 291
 Эрхард Людвиг 25, 229, 230
 Эттингер Маркус 115
- Ю
- Юм Давид 66, 98
- Я
- Янг Г. М. 288

Предметно-именной указатель

A

Allais Maurice 283

Allen R.G.D. 69

Arrow Kenneth 58

N

Nationalökonomie Людвиг фон
Мизеса 158, 171, 178, 179,
182, 183, 184, 185, 186, 192

Nationalökonomische Gesellschaft
(Национальная экономическая
ассоциация) 7, 36, 202, 234

O

Ordo 225

Ц

Österreichische Konjunkturforschungsinstitut. См.: Австрийский институт исследований делового цикла 160

S

Sozialpolitik 82, 169

Именной указатель

- Авенариус Рихард (Richard Avenarius, 1843—1896) — швейцарский философ, профессор Цюрихского университета с 1877 по 1896 г.; Авенариус стал известен благодаря критике со стороны Ленина и Гуссерля.
- Актон Джон, лорд (John Emerich Edward Dalberg-Acton, 1832—1902) — английский историк и политический деятель.
- Альфред Маршалл (Alfred Marshall, 1842—1924) — английский экономист, профессор политической экономии в Кембриджском университете, основатель «Кембриджской школы», включавшей его самого, А. С. Пигу и Джона Мейнарда Кейнса. Учебник Маршалла «Principles of Economics» между 1890 и 1920 гг. выдержал восемь изданий. [Рус. пер. с 8-го изд.: *Маршалл А. Основы экономической науки*. М.: Эксмо, 2007.]
- Бауэр Отто (Otto Bauer, 1882—1938) — идеолог австромарксизма, один из лидеров австрийской социал-демократии и Второго Интернационала. По его рекомендации в 1919 г. Шумпетер был приглашен на пост министра финансов в коалиционном правительстве католиков и социал-демократов.
- Беккер Карл (Carl Heinrich Becker, 1876—1933) — немецкий исламовед.
- Бём Франц (Franz Böhm, 1895—1977) — немецкий правовед.
- Бернгарди Теодор (Theodor von Bernhardi, 1803—1887) — немецкий историк, экономист и дипломат.
- Бёрнс Артур (Arthur Frank Burns, 1904—1987) — американский экономист, председатель Совета управляющих Федерального резерва в 1970—1978 гг.
- Брентано Луио (Lujo Brentano, 1844—1931) — немецкий экономист исторической школы, катедер-социалист, профессор ряда университетов Германии и Австрии, основатель «Verein für Sozialpolitik». Его братом был влиятельный философ Франц Брентано.
- Бруно Гильдебранд (Bruno Hildebrand, 1812—1878) — немецкий экономист, преподавал в Йенском университете.
- Буркхардт Якоб (Jakob Christoph Burkhardt, 1818—1897) — швейцарский историк.
- Вальрас Леон (Léon Walras 1834—1910) — швейцарский экономист, один из авторов маржиналистской революции, пионер развития тематической экономики в Лозаннском университете, Швейцария.
- Вебер Адольф (Adolf Weber, 1876—1963) — немецкий экономист, профессор Франкфуртского университета.
- Вебер Макс (Max Weber, 1864—1920) — немецкий социолог, автор сочинения «Протестантская этика и дух капитализма». Впервые книга опубликована в 1904—1905 гг. на немецком языке. [Рус. изд. в кн.: *Вебер М. Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 61—272.]
- Веблен Торстейн (Thorstein Veblen, 1857—1929) — американский экономист-институционалист.
- Вейт Отто (Otto Veit, 1898—1984) — банкир и профессор Франкфуртского университета.

- Визе Леопольд фон (Leopold von Wiese, 1876—1969) — немецкий социолог, преподавал социологию в Кёльнском университете торгового и делового администрирования, где редактировал несколько журналов и восстановил после Второй мировой войны Германскую социологическую ассоциацию.
- Виксель Кнут (Knut Wicksell 1851—1926) — шведский экономист, известен как пионер в развитии теории капитала и процента, а также в разработке денежной теории делового цикла. Считается, что он ввел столь важное для австрийского учения о колебании предпринимательской активности различие между «естественными» и «банковскими» ставками процента.
- Гавенштейн Рудольф (Rudolf Havenstein, 1857—1923) — президент Рейхсбанка, центрального банка Германии, с 1908 по 1923 г.
- Гельмгольц Герман фон (Hermann Ludwig Ferdinand von Helmholtz, 1821—1894) — немецкий врач и физиолог, сформулировал принцип сохранения энергии.
- Гельферих Карл (Karl Helfferich, 1872—1924) — директор берлинского «Дойче Банка» и автор книги «Das Geld» (Leipzig: Hirschfeld, 1903, 2nd ed., 1923).
- Германн Фридрих Б. В. фон (Friedrich B. W. von Hermann, 1795—1868) возглавлял кафедру в Мюнхенском университете, где он написал влиятельную работу: Friedrich B. W. von Hermann, *Staatswirtschaftliche Untersuchungen* (Münich: A. Weber, 1832).
- Гестрих Ханс (Hans Gestrich, 1893—1945) — немецкий экономист, преподавал в Берлинском университете.
- Гнейст Генрих Рудольф фон (Heinrich Rudolf von Gneist, 1816—1895) — немецкий правовед и политический деятель.
- Гомперц Генрих (Heinrich Gomperz, 1873—1942).
- Грегори Теодор (Theodore Emanuel Gugenheim Gregory, 1890—1970) — лектор и профессор Лондонской школы экономики с 1913 по 1937 г.
- Грюнберг Карл (Carl Grünberg, 1861—1940) — немецкий экономист, первый директор марксистского института социальных исследований во Франкфурте.
- Давенпорт Герберт Джозеф (Herbert Joseph Davenport, 1861—1931) — американский экономист, профессор университетов Чикаго, Миссури и Корнэльского университета.
- Дитцель Генрих (Heinrich Dietzel, 1857—1935) — немецкий экономист, преподавал экономику и философию в ряде немецких университетов. Его книга «Theoretische Sozialökonomie» (Leipzig: Winter, 1895), посвященная теоретическому сравнению капитализма и социализма, явилась исходной для работ Вальтера Ойкена (1891—1950) и для развития либеральной Фрайбургской школы.
- Дольфус Энгельберт (Englebert Dollfuss, 1892—1934) — канцлер Австрии в 1932—1934 гг.
- Дройзен Иоганн (Johann Gustav Droysen, 1808—1884) — немецкий историк, профессор университетов Кия, Берлина и Йены, автор «Geschichte der preussischen Politik» (Berlin: Veit, 1855—1886).
- Дункер Теодор (Theodor Julius Duncker, 1811—1886) — немецкий историк.
- Зибель Генрих фон (Heinrich von Sybel, 1817—1895) — немецкий ис-

- торик и политический деятель, профессор Марбургского и Боннского университетов, позднее директор Прусских архивов.
- Зомбарт Вернер (Werner Zombart, 1863—1941) — немецкий экономист, представитель исторической школы, преподавал в университетах Бреслау и Берлина. О нем говорили, что как член молодой исторической школы он «перешмоллерил самого Шмоллера» в попытке совместить экономический и исторический анализы (*Schumpeter J. History of Economic Analysis*. Op. cit. P. 817).
- Иеринг Рудольф фон (Rudolf von Ihering, (1818—1892) — немецкий правовед, профессор права в Гёттингенском университете.
- Илау Ганс (Hans Pau, 1901—?) — немецкий экономист, работал в Дрезденском банке, а также в Дармштадтском и Национальном банке, главный редактор газеты «Frankfurter Zeitung».
- Или Лео (Leo Ily [Leo Schönfeld], 1888—1952) — австрийский экономист.
- Кантильон Ричард (Richard Cantillon, ок. 1680—1734) — ирландский банкир. Работа «Essai sur la nature du commerce en général» появилась посмертно в 1755 г. Эссе Хайека о Кантильоне см. в: *Hayek F. A. The Trend of Economic Thinking*. Op. cit. О Кантильоне как «протоавстрийце» см.: *Hébert R. F. Was Richard Cantillon an Austrian Economist? // Journal of Libertarian Studies*. Vol. 7. Vol. 2, Fall 1985, а также другие статьи в этом номере журнала.
- Карвер Томас Никсон (Thomas Nixon Carver, 1865—1961) — американский экономист, профессор политической экономии в Гарвардском университете.
- Карл Книс (Karl Knies, 1821—1898) — немецкий экономист, преподавал в Гейдельбергском университете с 1865 по 1896 г.
- Кассель Густав (Gustav Cassel, 1866—1944) — шведский экономист, многие годы преподавал в Стокгольмском университете, где среди его студентов были будущие нобелевские лауреаты по экономике Бергиль Улин и Гуннар Мюрдаль (с которым Хайек разделил нобелевскую премию в 1974 г.). Важнейшие из его теоретических работ: *Grundriß einer elementaren Preislehre // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaften*. Vol. 55. 1899; *The Nature and Necessity of Interest*. London: Macmillan, 1903; *Theoretische Sozialökonomie [1918]*, перевод на английский язык: *Theory of Social Economy*. London: T. F. Unwin, 1923; revised edition, London: E. Benn, 1932.
- Кауфман Феликс (Felix Kaufmann, 1895—1949) — австрийский философ, ученик философа Ганса Кельзена, преподавал в Венском университете и в Новой школе социальных исследований, автор книги «*Methodology of the Social Sciences*» (London and New York: Oxford University Press, 1944. См. некролог, написанный Альфредом Шюцем: *Social Research*. Vol. 17, March 1950. P. 1—7.
- Кеннан Эдвин (Edwin Cannan 1861—1935) — профессор Лондонской школы экономики и политических наук с 1907 по 1925 г. О Кеннани см. некролог, написанный Хайеком: *Edwin Cannan // Zeitschrift für Nationalökonomie*. Vol. 6. 1935. P. 246—250.
- Кенэ Франсуа (Francois Quesnay, 1694—1774) — французский юрист и врач, автор «Экономической таблицы» (1758), который уподо-

- бил циркуляцию богатства в государстве потоку крови в живом теле. Шумпетеровская «Теория экономического развития» начинается с «кругооборота хозяйственной жизни».
- Кирцнер Израэл (Israel M. Kirzner, род. 1930) — американский экономист, защитил докторскую диссертацию у Мизеса в Нью-Йоркском университете, где долгое время работал профессором экономической теории и руководил программой по изучению австрийской доктрины.
- Кларк Джон Бейтс (John Bates Clark, 1847—1938) — американский экономист, профессор Колумбийского университета и автор маржиналистской теории распределения.
- Курно Антуан Огюстен (Antoine Augustin Cournot, 1800—1877) — профессор анализа и механики Лионского университета.
- Ламмаш Генрих (Heinrich Lammasch, 1853—1920) — премьер-министр Австро-Венгрии в октябре и ноябре 1918 г.
- Лампе Адольф (Adolf Lampe, 1897—1948) — немецкий экономист, представитель ордолиберализма.
- Ласки Гарольд (Гарольд Ласки, 1893—1950) — профессор политических наук в Лондонской школе экономики с 1920 по 1950 г., председатель лейбористской партии Великобритании.
- Лаутенбах Вильгельм (Wilhelm Lautenbach, 1891—1948) — немецкий экономист.
- Лахманн Людвиг (Ludwig M. Lachmann, 1906—1991) — английский экономист, работал с Шэклом и Хайеком в Лондонской школе экономики в 1930-х годах. Позднее преподавал в университете Витватерсранда (Йоханнесбург, ЮАР) и в Нью-Йоркском университете. Его взгляды подытожены в книгах: *Lachmann L. M. Capital, Expectations and the Market Process*. Kansas City: Sheed Andrews & Mcmeel, 1977; *Lachmann L. M. The Market as an Economic Process*. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
- Ледерер Эмиль (Emil Lederer, 1882—1939) — австрийский экономист, писал по разным вопросам экономики труда и промышленности. В 1933 г. эмигрировал в Нью-Йорк и стал первым деканом факультета Политических и социальных наук в Новой школе социальных исследований.
- Лонгфилд Маунтифорд (Mountiford Longfield, 1802—1884) — ирландский юрист и экономист, который в своих «Лекциях по политической экономии» (Mountiford Longfield, *Lectures on Political Economy* [Dublin: R. Milliken, 1833]) придавал особое значение рыночным детерминантам стоимости, а не рикардианским (классическим) «реальным» или базовым издержкам.
- Луц Фридрих (Friedrich August Lutz, 1901—1975) — немецкий экономист, преподавал в университетах Фрайбурга, Принстона и Цюриха, специализировался на теории капитала и процента. Его жена Вера Смит Луц работала помощницей Хайека в период обучения в Лондонской школе экономики.
- Майер Ганс (Hans Mayer, 1879—1955) — австрийский экономист.
- Маколей Томас Баббингтон (Thomas Babbington Macauley, 1800—1859), позднее лорд Маколей — английский историк и критик.

- Мангольдт Ганс Карл Эмиль (Hans Karl Emil von Mangoldt, 1824—1868) преподавал в университетах Гёттингена и Фрайбурга. Наиболее известна книга «Grundris der Volkswirtschaftslehre» (Stuttgart: J. Maier, 1863).
- Марта Стефани Браун (Marta Stephanie Braun, позднее Browne) — американский экономист, преподавала в Бруклинском колледже и Нью-Йоркском университете.
- Махлуп Фриц (Fritz Machlup, 1902—1983) — австрийский экономист, перед Второй мировой войной эмигрировал в США, преподавал в университетах Буффало и Принстона, избирался президентом Американской экономической ассоциации.
- Менгер Карл (Carl Menger, 1840—1921) — австрийский экономист, основатель австрийской школы экономической школы.
- Менгер-младший Карл (Carl Menger, 1902—1985) — математик и профессор Венского университета; позднее он преподавал в университете Нотр-Дам и Иллинойском технологическом институте в Чикаго. Его статью об «Австрийском маржинализме и математической экономике» см.: *Carl Menger and the Austrian School of Economics*, op. cit.
- Микш Леонард (Leonard Miksch, 1901—1950) — немецкий экономист, представитель ордолиберализма.
- Митчелл Уэсли (Wesley Clair Mitchell, 1874—1948) — американский экономист, профессор Колумбийского университета и директор Новой школы социальных исследований.
- Моммзен Теодор (Theodor Mommsen, 1817—1903) — немецкий историк, профессор Берлинского университета с 1858 по 1903 г., специалист по истории Рима.
- Моргенштерн Оскар (Oscar Morgenstern, 1902—1977) — австрийский экономист, один из основателей теории игр.
- Нейрат Отто (Otto Neurath 1882—1945) — марксистский философ и социолог, принадлежал к «Венскому кружку», куда входили также Мориц Шлик и Рудольф Карнап. Нейрата помнят, главным образом, как изобретателя изотипов — пиктографических символов, используемых в процессе обучения, и как разработчика плана «Международной энциклопедии единой науки» («International Encyclopedia of Unified Science»).
- Ойкен Вальтер (Walter Eucken, 1891—1950) — немецкий экономист, профессор экономической теории во Фрайбургском университете.
- Парето Вильфредо (Vilfredo Pareto, 1848—1923) — швейцарский экономист, один пионеров развития математической экономики в Лозанском университете, Швейцария, вслед за Вальрасом занимал кафедру политической экономии в Лозанском университете.
- Пассов Рихард (Richard Passow, 1881—1949) — немецкий экономист, профессор экономической теории в Гёттингенском университете в Пруссии.
- Поле Людвиг (Ludwig Pohle, 1869—1926) — немецкий экономист, преподавал в университетах Франкфурта и Лейпцига, был главным редактором «Zeitschrift für Sozialwissenschaft».
- Пуанкаре Анри (Henri Poincare, 1854—1912) — французский математик и философ науки.

- Рёпке Вильгельм (Wilhelm Röpke, 1899—1966) — немецкий экономист, в 1920-х годах преподавал в университетах Йены, Граца и Марбурга. После 1933 г., бежав из Германии, работал в Стамбульском университете, затем в Институте высших международных исследований в Женеве; после Второй мировой войны был советником министра Людвига Эрхарда.
- Рикардо Давид (1772—1823) — английский экономист, финансист и протеже Джеймса Милля, автор работы «On the Principles of Political Economy and Taxation» (1817), которая вошла в полное собрание сочинений в качестве первого тома издания: *The Works and Correspondence of David Ricardo*. Cambridge: Cambridge University Press, for the Royal Economic Society, 1951—1955.
- Роббинс Лайонел (Lionel Robbins, 1898—1984), позднее лорд Роббинс — британский экономист, профессор экономической теории в Лондонской школе экономики, на протяжении многих лет один из ближайших друзей и коллег Хайека.
- Роберт Рейнингер (Robert Reininger, 1869—1955).
- Розенштейн-Родан Пауль (Paul N. Rosenstein-Rodan, 1902—1985) — австрийский экономист, позднее преподавал в Университетском колледже, Лондон, и в Массачусетском технологическом институте.
- Ротбард Мюррей (Murray N. Rothbard, 1926—1995) — американский экономист, учился в Колумбийском университете, а затем у Мизеса в Нью-Йоркском университете, был профессором экономической теории в Бруклинском политехническом институте, затем заслуженным профессором экономической теории в Университете Невады (шт. Лас-Вегас).
- Рошер Вильгельм Генрих Фридрих (Wilhelm Heinrich Roscher, 1817—1894) — профессор Лейпцигского университета и основатель старой немецкой исторической школы. «Grundsätze» Менгера посвящены Рошеру.
- Рюстов Александр (Alexander Rustow, 1885—1963) — профессор экономической географии и экономической истории в университете Стамбула, автор «Ortsbestimmung der Gegenwart» (3 vols. Erlenbach-Zurich and Stuttgart: Eugen Rentsch, 1950—1957). Сокращенный перевод на английский язык: *Freedom and Domination*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1980.
- Селигмен Эдвин (Edwin Robert Anderson Seligman, 1861—1939) — американский экономист, профессор Колумбийского университета с 1885 по 1931 г.
- Сениор Нассау (Nassau William Senior, 1790—1864) — английский экономист, профессор политической экономии Оксфордского университета. Его представления о методе экономической науки весьма похожи на те, которые позднее развивал Мизес; см. об этом: *Rothbard M. N. In Defense of 'Extreme Apriorism' // Southern Economic Journal*. Vol. 23, January 1957. P. 314—320, особенно прим. 2.
- Сигер Генри (Henry Rogers Seager, 1870—1930) — американский экономист, профессор Колумбийского университета.
- Соуэлл Томас (Thomas Sowell, род. 1936) — американский экономист, старший исследователь в Гуверовском институте Стенфордского уни-

- верситета. См. рецензию Хайека на его книгу «Knowledge and Decisions» (New York: Basic Books, 1980) в журнале *Reason* (December 1981. P. 47—49).
- Тауссиг Фрэнк (Frank William Taussig, 1859—1940) — американский экономист, профессор Гарвардского университета с 1885 по 1935 г.
- Токвиль Алексис де (Alexis de Tocqueville, 1805—1859) — автор «Democracy in America» (London: Saunders & Otley, 1835). *Токвиль А. де. Демократия в Америке*. М.: Прогресс, 1992.
- Торренс Роберт (Robert Torrens, 1780—1864) — английский экономист, лидер английской денежной школы. См. эссе Хайека: *The Dispute Between the Currency School and the Banking School, 1821—1848 // Hayek F. A. Trend of Economic Thinking*. Op. cit.
- Трейчке Генрих фон (Heinrich von Treitschke, 1834—1896) — немецкий историк, профессор университетов Фрайбурга, Гейдельберга и Берлина.
- Тюнен Иоганн Генрих фон (Johann Heinrich von Thünen, 1783—1850) — первопроходец в теории сельского хозяйства и теории распределения с точки зрения предельной производительности и один из основателей математической экономики. См.: Johann Heinrich von Thünen, *Der Isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie* [1826—1863]; в переводе на английский: Johann Heinrich von Thünen, *The Isolated State* (Oxford and New York: Pergamon Press, 1966).
- Уикстид Филип (Philip Henry Wicksteed, 1844 — 1927) — унитарийский проповедник, писатель и лектор в Англии, автор книги: *Wicksteed P. G. The Common Sense of Political Economy*. London: Macmillan, 1910; second edition, edited by Lionel Robbins, London: Routledge & Kegan Paul, 1933.
- Уиллис Генри (Henry Parker Willis, 1874—1937) — американский экономист, в описываемый период являлся консультантом Совета управляющих Федерального резерва.
- Улин Бертиль (Bertil Gotthard Ohlin, 1899—1979) — шведский экономист, профессор Стокгольмской школы делового администрирования, депутат шведского парламента с 1938 по 1970 г., лидер либеральной партии Швеции. В 1977 г. получил нобелевскую премию по экономике за работы по теории международной торговли.
- Фердинандо Галиани (Ferdinando Galiani, 1728—1787) — итальянский экономист, философ, государственный деятель. Автор «Трактата о монете» (1750), в которой он выдвинул свою концепцию ценности, и «Беседы о торговле зерном» (1770), посвященных практическим и теоретическим вопросам международной торговли.
- Феттер Фрэнк Альберт (Frank Albert Fetter, 1863—1949) — американский экономист, преподавал в Корнелльском и Принстонском университетах; иногда его путают с его сыном, историком экономики Фрэнком Уитсоном Феттером. О влиянии Фрэнка А. Феттера на австрийских экономистов см. «Введение» к *Fetter F. A. Capital, Interest and Rent*. Kansas City, Mo.: Sheed, Andrews & Mcmeel, 1977. P. 1—24.
- Филиппович Ойген фон Филиппсберг (Eugen Philippovich von Philippsberg, 1858—1917) — австрийский экономист.

- Фишер Ирвинг (Irving Fisher, 1867—1947) — американский экономист, преподавал в Йельском университете и автор плодотворных работ по теории процента и покупательной способности денег.
- Фойхт Андреас (Andreas Heinrich Voigt, 1860—1940) — немецкий экономист.
- Фойхтенег Эрнст фон (Ernest Seidler von Feuchtenegg, 1862—1931) — премьер-министр Австро-Венгрии с июня 1917 г. по июнь 1918 г.
- Фредерик Бастиа (Frédéric Bastia, 1801—1850) — французский экономист и публицист. О Бастиа см. главу 15 в: *Hayek F. A. The Trend of Economic Thinking // Hayek F. A. The Collected Works of F. A. Hayek. Vol. 4.*
- Фрейтаг Густав (Gustav Freytag, 1816—1895) — романист и историк.
- Фридьонг Генрих (Heinrich Friedjung, 1851—1920) — австрийский историк.
- Хаберлер Готфрид (Gottfried von Haberler, 1900—1995) — австрийский экономист, профессор экономики в Гарвардском университете, затем постоянный сотрудник Американского института предпринимательства, избирался президентом Американской экономической ассоциации.
- Хармс Бернгард (Bernhard Harms, 1876—1939) — немецкий экономист, возглавлял Институт мировой экономики (Institut für Weltwirtschaft) при Кильском университете. Шумпетер называет его «одним из самых эффективных организаторов исследований» (*Schumpeter. History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press, 1954. P. 1155*).
- Хаусвирт Эрнст (Ernst Hauswirth, 1818—1901) — профессор религии и истории в венской Шотландской гимназии с 1848 по 1878 г.
- Хекнер Генрих (Heinrich Herkner, 1863—1932) — ученик Луйо Брентано, профессор университетов Цюриха и Берлина.
- Херн Уильям Эдвард (William Edward Hearn, 1826—1888) — автор «Плутологии, или Теории попыток удовлетворить человеческие потребности» (*William Edward Hearn, Plutology: or the Theory of the Efforts to Satisfy Human Wants [London: Macmillan, 1864]*), трактата, развивающего идеи Бастиа и Герберта Спенсера.
- Холландер Джейкоб (Jacob Harry Hollander 1871—1940) — английский экономист, открыл и опубликовал письма Д. Рикардо и его работу «Notes on Malthus».
- Хоутри Ральф (Ralph George Hawtrey, 1879—1975) — работал экономистом в Британском казначействе, автор книг «Currency and Credit» (London: Longmans, 1919) и «Trade and Credit» (London: Longmans, 1928).
- Чемберлен Хаустон (Houston Stewart Chamberlain, 1855—1927) — английский писатель, социолог, философ, предтеча нацистской идеологии, автор «Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts» (Munich: F. Bruckmann, 1899). Пер. на англ.: *Foundations of the Nineteenth Century. London and New York: John Lane, 1910.*
- Шамс Эвальд (Ewald Schams, 1899—1945) — австрийский экономист.
- Шиллер Карл (Karl Schiller, 1911—1994) — немецкий экономист и политик, до того как стать депутатом Бундесрата (верхняя палата

- законодательного собрания ФРГ) в 1949—1953 гг. преподавал экономическую теорию в университетах Киля и Гамбурга. Позднее стал экономическим советником социал-демократической партии.
- Шлик Мориц (Moritz Schlick, 1882—1936) — профессор философии в Венском университете и лидер группы «логических позитивистов», куда входили Отто Нейрат, Рудольф Карнап, Фридрих Вайсманн, Ганс Канн, Курт Гёдель и Герберт Фейгль.
- Шнабель Франц (Franz Schnabel, 1887—1966) — немецкий историк, профессор истории в Мюнхенском университете, автор четырехтомной «Истории Германии в XIX в.» («Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert»). Freiburg: Herder, 1929—1937).
- Шпанн Отмар (Othmar Spann, 1878—1950) — немецкий экономист, основатель «универсалистской» школы, которая противопоставляла «атомизированному» индивидуализму классической школы социальную «целостность». См.: *Salin E. Economics: Romantic and Universalist // Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 5. New York: Macmillan, 1957. P. 385—387; а также: Craver E. The Emigration of the Austrian Economists. History of Political Economy, vol. 18, no. 1, 1986. P. 1—32, esp. p. 5—7; p. 9—11.*
- Штейн Лоренц фон (Lorenz von Stein, 1815—1890) — немецкий экономист, социолог и теоретик государственного управления. Работал советником правительства Японии в период Мейдзи. Его консервативные взгляды оказали влияние на формулировки Конституции Японской империи.
- Штёр Адольф (Adolf Stöhr, 1855—1921).
- Штригль Рихард фон (Richard von Strigl, 1891—1942) — австрийский экономист.
- Шумпетер Йозеф (Joseph A. Schumpeter, 1883—1950) — профессор университетов Граца и Бонна, а позднее Гарварда, автор книг: *Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Allen & Unwin, 1942; а также History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press, 1954.* [Рус. изд.: *Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.*]
- Шэкл Джордж (George L. S. Shackle 1903—1992) — английский экономист, профессор Ливерпульского университета, автор ряда работ по теории ожиданий.
- Шюц Альфред (Alfred Schütz, 1899—1959) — австрийский философ, в 1939 г. переехал из Вены в Нью-Йорк, где вместе с Кауфманом преподавал в Новой школе. Наиболее известна его работа «Der Sinnhafte Aufbau der sozialen Welt» (Vienna: J. Springer, 1932); англ. пер.: *The Phenomenology of the Social World. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1967.* [Рус. пер.: *Шюц А. Смысловое строение социального мира // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 685—1006.*]
- Энгель-Яноши Фридрих (Friedrich Engel-Janosi, 1893—1978) — австрийский историк.
- Энтони Иден (Anthony Iden, 1897—1977), позднее лорд Эвон — министр иностранных дел Британии с 1931 по 1938 г., сменил Уинстона

Черчилля на посту премьер-министра в 1955 г., ушел в отставку после Суэцкого кризиса в 1957 г.

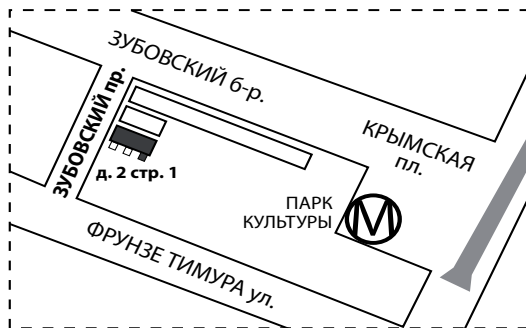
Эрхард Людвиг (Ludwig Erhard, 1897—1977) — немецкий политик, архитектор послевоенного немецкого экономического чуда, министр экономики Западной Германии с 1949 по 1963 г., после чего стал преемником Конрада Аденауэра на посту канцлера Федеративной Республики. Ойкен и Рёпке были в числе его главных советников.

Эшенбург Теодор (Theodor Eschenburg, 1904—1999) — немецкий историк и политолог, профессор политических наук в Тюбингенском университете.

В Москве все книги издательства ИРИСЭН
всегда можно купить в магазине «Гнозис»:

11⁰⁰–18⁰⁰ Пн–Пт
м. Парк Культуры
Зубовский пр., д. 2, стр. 1
Тел. (499) 246-05-48

Фридрих ХАЙЕК

СУДЬБЫ ЛИБЕРАЛИЗМА В XX ВЕКЕ

Редактор *Т. Данилова*
Корректоры *Т. Железняк*
Дизайнер *Е. Тулунова*
Верстка *С. Фонченко*

Подписано в печать 14.11.2008. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 21 печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № .

АНО «Институт распространения информации
по социальными экономическим наукам»
Москва, Бизнес-парк «Румянцево»
тел. (495) 211-77-21

ВЫШЛИ В СВЕТ

Бринк Линдси

Глобализация: повторение пройденного

Серия «Экономика»

Автор предлагает новый взгляд на проблему глобализации, идущий вразрез с расхожими штампами. Экономическая глобализация последних 15—20 лет не является ни уникальной, ни необратимой. Нынешняя волна вызвана не развитием технологий и мифической политикой «рыночного фундаментализма», а всеобщим разочарованием в практике всеобъемлющего государственного регулирования. Проводившаяся с конца 70-х гг. XX в. правительствами разных стран прагматическая политика дерегулирования дала неожиданный эффект в виде бурного развития международной торговли и финансовых рынков. Но дальнейшее движение в этом направлении вовсе не гарантировано. Поступательное развитие мировой экономики и повышение благосостояния широких масс требует более фундаментальных политических и идеологических изменений.

Фридрих фон Хайек

Право, законодательство и свобода

Серия «Политическая наука»

Книга является наиболее развернутым изложением идей автора, лауреата Нобелевской премии по экономике 1974 г., относительно эволюции социальных норм и институтов. Существующие правила и обычаи, институты собственности и контракта, а также такие ценности, как честность и мир, укоренились в обществе в силу своей целесообразности. Но мы не вполне понимаем, как они работают; они установились сами, а не благодаря сознательным усилиям людей. Именно потому, что связь между индивидуальным поведением и всеобъемлющим порядком так трудно поддается предсказанию, не следует думать, что, заставляя людей действовать определенным образом, можно создать действительно жизнеспособное общество. На социально-политической концепции автора основывается его доктрина конституционализма, весьма оригинальная и при этом критическая по отношению к существующим институтам либерально-демократического государства.

Роберт Нисбет

Прогресс: история идеи

Серия «Социология»

Идея прогресса в значительной степени определила облик западной цивилизации. Человечество развивается, «движется вперед», причем это движение понимается в двух аспектах — как накопление знания и как наращивание материального богатства. Рождение идеи прогресса — результат взаимодействия христианства с античными представлениями.

Первоначально она была вариацией на тему линейного представления об истории, свойственного иудео-христианской религиозной традиции. В период с 1750 примерно до 1900 г. происходит отделение идеи прогресса от религиозных корней и «срастание» понятий прогресса и науки. Этот процесс сопровождался угрожающими явлениями: если первоначально прогресс трактовался как расширение человеческой свободы, то примерно со второй половины XIX в. он все более стал пониматься как расширение «управляемости» — попросту говоря, власти абстрактного государства над человеком и природой.

Мартин ван Кревельд
Расцвет и упадок государства
Серия «Политическая наука»

Институт государства (state), как он существует в наше время, обладает целым рядом свойств, которые мы считаем само собой разумеющимися. Государство является корпорацией в исконном смысле этого слова — обладает собственным юридическим лицом, отличным от личности правителей; включает в себя правительственный аппарат и совокупность граждан (подданных), но не совпадает ни с тем, ни с другим; имеет четко определенные границы и существует только при условии признания другими государствами и т.д. Но институт такого рода — довольно позднее явление в истории человечества, и нет никаких оснований считать его вечным. Мартин ван Кревельд, известный израильский историк и военный теоретик, описывает процесс зарождения, вызревания и расцвета государства-корпорации. Значительная часть книги посвящена кризису этого института, происходящему на наших глазах. Причина — в потере государством легитимности ввиду его неспособности исполнять взятые на себя обязательства по поддержанию правопорядка, защите от внешних угроз и обеспечению населения «социальными благами». Упадок государства может в обозримом будущем привести к радикальной трансформации всего современного мира.

Вернон Смит
Экспериментальная экономика
Серия «Экономика»

Американский экономист Вернон Смит получил в 2002 г. Нобелевскую премию по экономике за «лабораторные эксперименты как средство в эмпирическом экономическом анализе, в особенности в анализе альтернативных рыночных механизмов». Фактически он стал отцом-основателем «экспериментальной экономики» — научной дисциплины, находящейся на стыке экономической науки и экспериментальной психологии.

В книге публикуются основные работы Вернона Смита. Некоторые из них посвящены общим вопросам экономической науки и методологии. В других исследуются проблемы прикладного характера, относящиеся к тем или иным конкретным рынкам и рыночным структурам, таким как монопольные рынки и монополистическое поведение, аукционы, финансовые рынки, рынки в сфере электроэнергетики и др.

Роберт Нозик
Анархия, государство и утопия
Серия «Политическая наука»

Работа современного американского политического философа Роберта Нозика посвящена обоснованию неизбежности и справедливости существования «мини-мального государства». В качестве отправной точки автор рассматривает «естественное состояние» общества, в котором еще нет государства, и действуют базовые этические нормы — право человека распоряжаться самим собой, присваивать никому не принадлежащие материальные объекты и добровольно обмениваться с другими людьми своим имуществом. Нозик доказывает, что государство, т.е. организация, обладающая монополией на насилие, может возникнуть из «естественного состояния» путем добровольного делегирования ими первичных прав. Это государство будет иметь своей функцией исключительно защиту жизни и собственности граждан от насильственных посягательств. Всякое расширение его функций (в том числе создание институтов «социального государства») будет означать нарушение базовых прав и вести к отрицательным последствиям для общества. Все необходимые общественные функции, кроме защитной, должны осуществляться на основе добровольного сотрудничества.

Том Бетелл
Собственность и процветание
Серия «История»

Книга в популярной форме рассказывает об истории частной собственности со времен Древнего Рима и до наших дней. Эта тема рассматривается сразу с двух точек зрения: истории института и истории идеи. Показана фундаментальная роль института частной собственности в общественном развитии. В то же время в книге собрана богатая коллекция исторических примеров того, как ослабление этого института вело к распаду и гибели сообществ или к увековечению низкого уровня жизни: судьба первых североамериканских колоний в Джеймстауне и Плимуте, история коммуны Роберта Оуэна, картофельный голод в Ирландии, социалистические эксперименты в СССР и Китае, проблемы арабского мира, земельные реформы в развивающихся странах и т.д. Автор анализирует экономическую логику стимулов и демонстрирует пагубность общего пользования ресурсами. Особое внимание уделено взаимосвязям между институтом собственности и состоянием окружающей среды, а также проблемам интеллектуальной собственности. В своем исследовании истории идеи частной собственности автор опирается на философские и юридические основы этого института. Если политический философ или экономист когда-либо написал что-то важное о связи прав собственности и процветания, то изложение его идей обязательно найдется в этой книге, где представлены взгляды Адама Смита, Иеремии Бентама, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Кеннета Эрроу, Милтона Фридмена и многих других мыслителей. Особое внимание уделено возрождению интереса к правам собственности в экономической теории в 1950—1960-е годы (А. Алчиан, Г. Демсец, Р. Коуз).

Бруно Леони
Свобода и закон
Серия «Право»

«Свобода и закон» — главное сочинение выдающегося итальянского юриста Бруно Леони, увидевшее свет в 1961 г. В этой книге автор утверждает, что главным препятствием для реализации принципа верховенства права является избыточное законодательство. На основе обзора римского права автор показывает, что, по мнению древних римлян, право представляло собой процесс открытия, а не набор официально принятых приказов. То есть исторически и традиционно «право» рассматривалось как нечто, открываемое судьями и юристами, а не отождествлялось с тем, что создают и за что голосуют группы законодателей. Это то, что использовали частные стороны судебного процесса для урегулирования разногласий и конфликтов друг с другом, а не воля государства или некоторых групп людей, силой навязываемая остальной части общества. Широко распространенное сегодня смешение права и законодательства совпадает по времени с эпохой постепенного укрепления позиций социализма, в которой довелось жить нам. Автор демонстрирует близкие параллели между рынком и обычным правом, с одной стороны, и социализмом и законодательством, с другой.

Вторая книга, входящая в этот том, называется «Закон и политика» и состоит из нескольких лекций, прочитанных автором в 1960-х годах. В них он анализирует идеи только что появившейся в то время школы общественного выбора, представленной Дунканом Влеком, Джеймсом Бьюкененом и Гордоном Таллоком.

Энтони де Ясаи
Государство
Серия «Политическая наука»

Энтони де Ясаи — один из самых оригинальных политических философов современной Европы. В данной книге развивается теория политической динамики государства. В отличие от большинства распространенных политико-философских концепций, де Ясаи рассматривает государство не как пассивный инструмент, служащий интересам общества в целом, класса или социальной группы и т.д., а как активно действующий субъект, преследующий собственные интересы. Такая трактовка аналогична подходу экономистов к изучению производственной фирмы, однако в отличие от последней, государство стремится максимизировать не прибыль, а объем властных полномочий и использовать последние для достижения собственных конечных целей, каковы бы они ни были. Главным инструментом государства при этом является, завоевание поддержки тех или иных групп подданных путем перераспределения в их пользу богатства, отбираемого у других. Внутренняя логика развития государства со временем неизбежно приводит к тому, что оно приобретает тоталитарные черты, причем, независимо от субъективных качеств и намерений конкретных правителей.

Хесус Уэрта де Сото
*Социализм, экономический расчет
и предпринимательская функция*
Серия «Экономика»

Крушение социализма застало врасплох большинство экономистов. Оказавшись не в состоянии своевременно предсказать и верно оценить развитие событий, они впоследствии сделали вид, что ничего особенного не произошло, и как ни в чем не бывало занялись текущими проблемами. Однако автор данной книги, профессор кафедры экономической политики Университета короля Хуана Карлоса в Мадриде Х. Уэрта де Сото глубоко убежден в фундаментальной необходимости произвести критическую переоценку проводившихся до сих пор исследований социализма и использовавшегося в них теоретического инструментария.

В своей работе Х. Уэрта де Сото опирается на теорию невозможности экономического расчета при социализме, разработанную в 1920-х годах Людвигом фон Мизесом и Борисом Бруцкусом, концепцию неявного и неартикулируемого знания Майкла Полани, теорию предпринимательства Мизеса-Кирцнера, концепцию стихийного порядка Хайека и идеи последнего о роли знания в экономике. В книге также подробно излагается ход полемики о невозможности экономического расчета при социализме, разгоревшейся среди экономистов в 1930-е годы.

Стивен Уильямс
*Либеральные реформы при нелиберальном режиме:
создание частной собственности в России,
1906—1915 гг.*
Серия «История»

В книге американского юриста Стивена Ф. Уильямса рассказывается о том, как, начиная с 1906 г., накануне мировой войны и катастрофической революции, русское правительство предприняло, вероятно, самую массовую «приватизацию» в истории, радикально изменив режим собственности, в условиях которого жили 90 миллионов крестьян. Предпринятое автором исследование реформ в сфере собственности раскрывает преимущества и слабости радикальных преобразований, направленных к созданию либеральной демократии и проводимых правительством, которое никак нельзя охарактеризовать ни как либеральное, ни как демократическое.

С. Уильямс ищет ответ на вопросы: может ли истинно либеральная реформа успешно быть внедрена «сверху» или она должна осуществляться через «низовую» активность путем формирования общественных групп, которые вырывают у государства? Или же либеральная демократия является продуктом исключительных исторических обстоятельств и не может быть создана нигде, кроме небольшого числа стран?

Мартин ван Кревельд
Трансформация войны
Серия «Военная мысль»

В книге предпринят пересмотр всей парадигмы военно-теоретической мысли, господствующей со времен Клаузевица. Автор предлагает новое видение войны как культурно обусловленного вида человеческой деятельности, в рамках которого организованное насилие ограничено правилами, и тем самым отличающегося от неорганизованного насилия. Современная ситуация связана с фундаментальными сдвигами в социо-культурных характеристиках вооруженных конфликтов. Этими изменениями в первую очередь объясняется неспособность традиционных армий вести успешную борьбу с иррегулярными формированиями в локальных конфликтах. Отсутствие адаптации к этим изменениям может дорого стоить современным государствам и угрожать им полной дезинтеграцией.

Томас Шеллинг
Стратегия конфликта
Серия «Международные отношения»

Книга посвящена исследованию общей логики поведения участников конфликтных ситуаций — теории игр. Впервые вышедшая в 1960 г., она стала фундаментальным вкладом в эту науку, заложив основы теории стратегического поведения. Автор обходится без сложного математического аппарата и посвящает значительную часть объема книги практическим приложениям теории, в первую очередь — к сфере международной политики. Предметом рассмотрения являются неантагонистические конфликтные ситуации, когда интересы сторон, хотя и противоречат друг другу, не являются в точности противоположными и требуют определенной кооперации. К числу таких ситуаций относятся, например, военные действия, переговоры о контроле над вооружениями, политика взаимных угроз и т. д.

Лон А. Фуллер
Мораль права
Серия «Право»

Известный американский правовед Лон Фуллер (1902 – 1978) является одним из крупнейших современных представителей естественноправового направления в теории права. Данная книга, ставшая классикой, представляет собой систематическое изложение концепции права, основанной на специфических моральных требованиях к праву как таковому. Автор показывает, что к числу этих требований относятся такие, как непротиворечивость, общий характер норм, ясные и понятные нормы, общеизвестность, отсутствие ретроактивных норм, отсутствие неисполнимых требований, стабильность, соответствие административных и судебных действий закону. Эти требования соответствуют самой природе права и являются внешними по отношению к правоустанавливающим институтам. Данная концепция представляет собой разработанную альтернативу распространенной в наше время позитивистской концепции права.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Джеффри Бест
Право и война после 1945 года

Серия: «Международные отношения»

Человеческая цивилизация всегда стремилась ограничить вооруженное насилие и ужасные последствия войн. Работа британского историка Джеффри Беста посвящена усилиям, предпринимавшимся последние десятилетия в этой сфере. В ней показано, что Вторая мировая война привела к серьезным изменениям в международном праве и определила его дальнейшее развитие.

Автор анализирует с этой точки зрения разнообразные типы современных вооруженных конфликтов — высокотехнологичных межгосударственных, национально-освободительных, революционных и гражданских войн — и пытается ответить на вопрос, где, когда и почему институтам международного гуманитарного права удавалось или, наоборот, не удалось уменьшить ущерб, наносимый военными конфликтами.

Книга содержит большой фактический материал по развитию современного международного гуманитарного права. При этом изложение не перегружено юридическими деталями и доступно для неспециалистов.

Книга Дж. Беста будет незаменимым пособием для всех, изучающих международное право. Она будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся современными международными отношениями и проблемами войны и мира.

Пол Готфрид
*Странная смерть марксизма:
европейские левые в новом тысячелетии*

Серия «Политическая наука»

Американский политолог, профессор Пол Готфрид посвящает свою работу анализу новой разновидности левой идеологии, пришедшей на смену «старому» марксизму, который с крушением СССР по большей части остался в прошлом. В отличие от исторического марксизма, который был сосредоточен на истории как развертывающемся диалектическом процессе и на борьбе класса пролетариата с классом буржуазии, современное «политкорректное» левое движение обратило свои надежды к культурной элите как двигателю революции.

Автор анализирует историю, природу и причины успеха политической идеологии мультикультурализма, господствующей ныне в Европе и в Северной Америке. Он доказывает, что многие из идей, ставших популярными в современном левом движении, — такие, как отстаивание «альтернативных образов жизни», феминизм, нападки на семью как «репрессивный» институт и т.д. — не являются европейскими по своему происхождению, а заимствованы из США. П. Готфрид раскрывает механизмы становления современного «терапевтического государства» на Западе.